

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **3** *2019*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2019

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам РАН»

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научный редактор: д-р филос. наук, заслуженный деятель науки РФ *А.Ю. Мельвил*

Литературный редактор: *А.Н. Кокарева*

Выпускающий редактор: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

ISSN 1998-1775

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2019.03.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2019

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2019

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

ISSN 1998-1775

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.),
Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia);

Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher of the Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow (CNRS), (CERI) (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

ISSN 1998-1775

**ТЕМА НОМЕРА:
ВЛАСТЬ, МОЩЬ И ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВ
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер..... 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>В.Г. Ледяев.</i> Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции	14
<i>М. Хаугаард.</i> Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей	30
<i>С.В. Санников.</i> Методологические аспекты типологии лексических репрезентантов концепта «власть» и измерения их семантического пространства.....	63

РАКУРСЫ

<i>С.А. Жеглов, Ю.А. Полунин.</i> О «тектонических сдвигах» (или их отсутствии?) драйверов международной мощи и влияния: Опыт дискриминантного анализа.....	76
<i>А.С. Ахременко, А.Л. Мячин.</i> Паттерн-анализ и кластеризация в исследовании государственной состоятельности: «Адаптивная оптика» для политической науки	112

КОНТЕКСТ

<i>И.Е. Горельский, М.Г. МIRONЮК.</i> Взбираясь по «статусной лестнице»: Опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности.....	140
---	-----

<i>А. Крикович.</i> Статус и международные изменения: Российские уроки.....	175
--	-----

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>А.Б. Сорбалэ.</i> Власть и авторитет в Европейском союзе: «Цари горы» и «большие коалиции»	200
<i>С.А. Мясников.</i> Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений.....	222
<i>Д.С. Шевский.</i> Причины украинского кризиса 2013–2014 гг. Макросоциологическая интерпретация	236
<i>Е.И. Гавриленкова.</i> Государства в сетях: Сетевой подход в международных исследованиях. (Обзор)	264

ИНТЕРВЬЮ

Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике: Интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.).....	279
---	-----

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>К.В. Фокин.</i> Серая зона, или Измеряя неизмеримое?	285
<i>Т.А. Халилов.</i> Концептологическое измерение гражданского общества на постсоветском пространстве	303

ОБСУЖДЕНИЯ

Страны БРИКС: Государственная состоятельность, уязвимость, статус глобальных игроков (Из материалов дискуссии группы ситуационного анализа ИНИОН РАН).....	308
К сведению авторов	320

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Ledyayev V.G.</i> Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends	14
<i>Haugaard M.</i> Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment	30
<i>Sannikov S.V.</i> Methodological aspects of typology of the lexical representants of the concept of «power» and measurement of its semantic space	63

PROSPECTS

<i>Zheglov S.A., Polunin Yu.A.</i> About «Tectonic Shifts» (or Their Absence?) of the Drivers of International Power and Influence: The Experience of Discriminant Analysis	76
<i>Akhremenko A.S., Myachin A.L.</i> Pattern Analysis and Clustering in the Study of State Capacity: «Adaptive Optics» for Political Science	112

CONTEXT

<i>Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G.</i> Climbing the Status Ladder: An Experiment in Empirical Research of Relation between Status of a State in the System of International Relations and State Capacity	140
---	-----

<i>Krickovic A.</i> How Can Russia Contribute to our Understanding of Change in World Politics?	175
--	-----

FIRST DEGREE

<i>Sorbale A.B.</i> Power and authority in the European Union: «Kings of the hill» and «grand coalitions»	200
<i>Myasnikov S.A.</i> Legitimation and justification of policy: Analysis of conceptual distinctions.....	222
<i>Shevsky D.S.</i> The causes of the Ukrainian crisis 2013–2014. Macrosociological interpretation	236
<i>Gavrilenkova I.E.</i> States in Networks: Network Approach in International Studies. (Review)	264

INTERVIEW

Network analysis approach to research of states and their interrelations in global politics: The interview of professor of HSE Mikhail Ilyin with professor Fuad T. Aleskerov (Moscow, April 15, 2019).....	279
--	-----

FROM THE BOOKSHELF

<i>Fokin C.V.</i> The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable? (Review).....	285
<i>Khalilov T.A.</i> Civil society on the post-soviet space: The conceptological dimension. (Review).....	303

DISCUSSIONS

BRICS countries: Stateness, vulnerability, global players status (from the event content of SWOT analysis group, INION RAS	308
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Этот номер журнала «Политическая наука» посвящен проблематике власти и влияния государств в мировой политике. Из чего и как складывается могущество и международное влияние современного государства? Каковы источники власти в отношениях между государствами? Какова роль традиционных (военная и экономическая сила, территория и население, природные ресурсы и др.) и новых («мягкая сила», инновации и технологии и др.) компонентов могущества и влияния? Как динамика международного влияния и государственной состоятельности отражается на статусе государств в мировой системе? Какова роль сетей и сетевых взаимодействий в мировой политике? Что значит быть влиятельным в сетевых взаимосвязях государств в современном глобальном мире? Как измерить государственную мощь и международное влияние?

Эти и многие другие вопросы сегодня находятся в центре интенсивных научных дискуссий и имеют весьма немалое прикладное значение, в том числе для выработки стратегических решений, а также внутри- и внешнеполитического курса государства на мировой арене. Важно подчеркнуть, что многие из этих проблем имеют многодисциплинарный (и междисциплинарный) характер – они сейчас находятся в фокусе внимания представителей политической науки, специалистов в области международных отношений, социологии, коммуникативистики, математики и др. В различных подходах к их решению сочетаются как разнообразные качественные, так и количественные методы, в том числе традиционные и новые приемы многомерного статистического анализа, сетевой анализ, паттерн-анализ и др.

Данная проблематика находится в центре масштабного научно-исследовательского проекта, который в настоящее время

реализует группа специалистов НИУ ВШЭ при поддержке Российского научного фонда «Новые подходы к анализу могущества и влияния современных государств в условиях меняющегося мирового порядка»¹ (№ 17-18-01651). В конечном счете наша амбиция – постараться с использованием различного инструментария политической науки и других дисциплин хотя бы отчасти понять, как устроен современный мир, какова общая структура, «ячейки» и «узлы» нынешнего меняющегося миропорядка, какова их динамика, их взаимосвязи и взаимовлияния. В ряде отношений этот проект связан с нашим другим исследовательским проектом «Политический атлас современности», который был реализован в 2005–2007 гг. в МГИМО-Университете МИД РФ при поддержке Института общественного проектирования и журнала «Эксперт»². Вместе с тем наш нынешний проект – это не просто условно «десять лет спустя». Мы значительно расширили и сфокусировали исследовательскую проблематику, ставим и пытаемся решать новые проблемы, применяем новые методологические подходы. Полученные нами научные продукты уже частично опубликованы в отечественных и зарубежных изданиях, многие другие находятся в работе и ждут своего часа.

Что касается статей и обзоров, собранных в этом номере «Политической науки», то они отражают лишь некоторые из полученных нами результатов. Кроме того, мы включили в номер важные материалы, выходящие за рамки нашего проекта, но тематически связанные с его проблематикой.

В разделе «Состояние дисциплины» читатель может познакомиться со статьей *В.Г. Ледяева*, признанного отечественного

¹ Среди участников этого проекта: А.Ю. Мельвиль (руководитель), Ф.Т. Алескеров, А.С. Ахременко, М.В. Ильин, И.М. Локшин, М.Г. Миронюк, А.Л. Мячин, Ю.А. Полуниин, С.В. Швыдун, В.И. Якуба, а также молодые начинающие исследователи В.В. Бабаян, И.Е. Гавриленкова, Н.Е. Горельский, С.А. Жеглов, А.М. Мальцев, К.А. Толокнев и др.

² См.: Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с. Расширенная и переработанная версия была опубликована на английском языке: Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States / A. Melville, Y. Polunin, M. Ilyin et al. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – 256 p.

исследователя различных аспектов проблематики власти. Статья имеет ярко выраженный концептуальный характер и, помимо выделения основных этапов в концептуальном анализе власти, сфокусирована на таких ключевых проблемах, как типы власти (потенциальная и актуальная), власть структур и агентов, интенциональность власти и др. Кроме того, в статье раскрыты наиболее актуальные и перспективные направления в концептуальном анализе власти.

Статья известного ирландского исследователя *М. Хаугарда* посвящена поискам теоретического синтеза четырех распространенных в литературе подходов к пониманию власти (и ее измерений, или «ликов»): (1) власть как доминирование («власть над»); (2) власть как расширение возможностей («власть для»); (3) власть в контексте практического знания; (4) власть, кроющаяся в процессах субъективизации. О результатах предложенного синтеза предстоит судить читателям.

С.В. Санников в своей статье рассматривает различные подходы к трактовке семантического измерения концепта власти. Показано, что одна традиция относит его к «сущностно оспариваемым» концептам, тогда как другая трактует его как принадлежащего к группе концептов, обладающих чертами «семейного сходства». Рассмотрены варианты лексических репрезентантов концепта власти. Автор приводит также аргументы в пользу использования фреймового анализа и применения методов социальной семиотики в исследованиях политической власти и ее разновидностей.

В разделе «Ракурс» представлены два материала, непосредственно связанные с обозначенным выше исследовательским проектом, реализуемым в НИУ ВШЭ при поддержке РФФИ. Во-первых, это статья *С.А. Жеглова* и *Ю.А. Полунина*, в которой исследуется динамика индикаторов национальной мощи и потенциала международного влияния государств на протяжении периода с 2005 по 2015 г. с использованием методологии дискриминантного анализа, который был одним из центральных в проекте «Политический атлас современности». В этом, в частности, проявляется методологическая и содержательная связь между этими двумя масштабными исследованиями. Проведенный авторами анализ убедительно демонстрирует примечательную устойчивость результатов дискриминантного анализа на протяжении двух рассматриваемых десятилетий и позволяет составить соответствующие рейтинги стран.

Во-вторых, это преимущественно методологическая (но основанная также на фокусированном эмпирическом анализе) статья *С.А. Ахременко* и *А.Л. Мячина*, посвященная вопросам применения паттерн-анализа и кластеризации в анализе проблем государственной состоятельности (state capacity). В ходе проведенного исследования с использованием двух различных методов многомерного статистического анализа убедительно выявлены единые содержательные структуры в многомерных массивах данных. Эти эвристически важные результаты получены на конкретной эмпирической основе, относящейся к проблематике и индикаторам государственной состоятельности, однако они имеют и существенное общеметодологическое значение.

Следующий раздел номера – «Контекст» – посвящен различным аспектам проблематики статуса и статусности государств в мировой политике, которая является в достаточной степени новой в политологических и международных исследованиях. В статье *И.Е. Горельского* и *М.Г. Миронюка* представлены существенные результаты проведенного эмпирического исследования взаимосвязи международного статуса и государственной состоятельности. Осуществленная в предшествующих теоретических и методологических разработках в рамках проекта НИУ ВШЭ концептуализация государственной состоятельности позволила развить операционализацию исследуемых категорий и явлений и провести их эмпирический анализ. По результатам иерархического кластерного анализа международного статуса и государственной состоятельности были определены устойчивые группы стран по сочетанию рассматриваемых переменных. Результаты проведенного исследования получили визуализацию в формате так называемых «лепестковых диаграмм».

В статье *А. Криковича* на конкретном материале динамики российской внешней политики за последние десятилетия подняты важные теоретические и методологические вопросы, относящиеся к роли международного статуса и статусных ожиданий в мировой политике. Автор показывает значение мотивов, связанных с международным статусом во внешнеполитической динамике и трансформационными процессами на мировой арене.

В разделе «Первая степень» можно ознакомиться с некоторыми предварительными результатами исследований молодых ученых, так или иначе связанных с рассматриваемой в этом номере

«Политической науки» проблематикой. *А.Б. Сорбалэ* предлагает вариант концептуализации государственной состоятельности на материале политики Европейского союза. *С.А. Мясников* рассматривает аспекты концептуализации легитимности как важного измерения власти и влияния. *Д.С. Шевский* представляет макро-социологическую версию анализа причин украинского кризиса 2013–2014 гг. *И.Г. Гавриленкова* дает обзор основных теоретико-методологических подходов к изучению сетевых взаимодействий государств в современной мировой системе.

В разделе «Интервью» представлены ответы признанного отечественного и международного авторитета в области сетевого анализа *Ф.Т. Алескерова* на вопросы, заданные *М.В. Ильным*. Интервью раскрывает важные методологические стороны сетевого подхода к анализу роли государств и их взаимосвязей в меняющейся системе современной мировой политики.

Наконец, раздел «С книжной полки» представлен содержательными рецензиями *К.В. Фокина* и *Т.А. Халилова* на ряд новых и важных для политической науки публикаций, относящихся к проблематике мощи и влияния государств в мировой системе и к концептуализации фактора гражданского общества на материале постсоветского пространства.

Желаю вам интересного и полезного чтения!

А.Ю. Мельвиль

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В.Г. ЛЕДЯЕВ*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные темы в концептуальном анализе власти: этапы (ранний, классический, современный), проблематика (актуальная vs потенциальная власть, власть структур vs власть агентов, «власть для» vs «власть над», интенциональность власти, асимметричная vs сбалансированная власть, конфликт и «нулевая сумма») и приоритетные решения концептуальных проблем, современные тенденции в концептуальном анализе власти (многомерное видение власти, синтез разных подходов, расширение объема понятия; стирание граней между властью и невластью) и их практические последствия.

Ключевые слова: власть; определение власти; концептуальный анализ.

Для цитирования: Ледаев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 14–29. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01>

Анализ понятий политического дискурса уже не одно десятилетие является одним из важнейших направлений исследования в политической науке и философии. Хотя интенсивность концеп-

* **Ледаев Валерий Георгиевич**, PhD (Manchester, Government), профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: valeri_ledyaev@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 19-01-13) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

туальных дискуссий в разное время существенно варьировалась, ключевые категории – власть, авторитет, демократия, свобода, равенство, справедливость и др. – всегда оставались в центре внимания, и поскольку они отражают наиболее существенные аспекты политического бытия, и в связи с необходимостью постоянного совершенствования теоретико-методологического инструментария в условиях растущей динамики социальных изменений.

В процессе своей эволюции концептуальный анализ власти претерпел значительные изменения. Эти изменения коснулись как основных тем (проблем) в объяснении власти, так и характера рассуждений и их общей направленности.

В настоящей статье предпринимается попытка обозначить основные тенденции и проблематику в концептуальном анализе власти, их динамику и современное состояние.

Основные этапы в концептуальном анализе власти

В истории концептуального анализа власти довольно отчетливо прослеживается несколько основных этапов. Власть в ее многообразных проявлениях всегда привлекала внимание исследователей. Уже у Платона и Аристотеля мы находим интересные суждения о власти [Ледяев, 1996]. Однако собственно концептуальный анализ власти – объяснение содержания понятия власти – начался значительно позднее¹, когда Т. Гоббс предложил первую дефиницию власти вместе с ее кратким пояснением². На этом этапе были сформулированы концепции власти целым рядом известных мыслителей (М. Вебер, Б. Рассел, Б. Жувенель, Ч. Мерриам). Однако концептуальный анализ власти (как и других ключевых политических понятий) еще не стал систематическим, а в силу ограниченного набора текстов не было и дискуссий о том, что есть «власть» и чем она отличается от других понятий.

¹ Античные мыслители, в отличие от современных исследователей, не фокусировались на анализе понятия, полагая, что значения слов «власть», «влияние», «правление», «авторитет» понятны для здравомыслящих людей.

² Власть человека «есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего блага» [Гоббс, 1991, с. 63]. Власть является разновидностью причинной связи: причина относится к уже произведенному следствию, к прошлому, в то время как власть есть способность производить что-то в будущем.

Второй этап начался с середины XX в.: на порядок увеличилось число работ, специально посвященных понятию власти; «власть» стала объектом интенсивных дискуссий, в которых приняли участие ученые с мировым именем – Г. Лассуэлл, Р. Даль, Т. Парсонс, Х. Арендт, С. Лукс, П. Блау, Э. Гидденс и др.¹ Резко возросший интерес к концептуальной проблематике был обусловлен и «лингвистическим поворотом» в политической философии, и фокусом на изучении политического поведения под влиянием бихевиорализма, и началом активного эмпирического исследования власти, прежде всего на уровне локальных сообществ [Ледяев, 2010; Ледяев, 2012]. В дискуссиях вокруг понятия предлагались различные модели объяснения власти и использовался, как будет показано далее, широкий набор аргументов для разрешения сложившегося набора основных тем и проблем в концептуальном анализе власти. Эти дискуссии были, пожалуй, наиболее интенсивными по сравнению с другими этапами. Отдельными вехами в рамках данного этапа стали дискуссии о «лицах власти» [Bachrach, Baratz, 1970; Лукс, 2010; Ледяев, 1998; Naugaard, 2012], а также тексты М. Фуко и реакция на них в научной литературе [Foucault, 1979; Foucault, 1994; Digeser, 1992; Hindess, 1996].

В этот период обозначились две основные традиции в понимании власти. В мейнстримной традиции, обозначенной еще Т. Гоббсом и продолженной в трудах М. Вебера, Х. Лассуэлла, Р. Даля, С. Лукса и др., власть рассматривалась как «власть над», доминирование одних субъектов над другими, «отношение нулевой суммы», в котором возрастание потенциала влияния и выгод одних индивидов или групп означает уменьшение возможностей других. Эта традиция по-прежнему остается наиболее популярной – и в научной литературе, и в обыденном дискурсе, и в современных учебниках.

Альтернативная традиция (Т. Парсонс, Х. Арендт, Б. Барнс и др.) отвергает идею нулевой суммы, рассматривая власть как инструмент достижения блага («власть для») и противопоставляя власть насилию. Подчеркивается социетальная природа власти, ее при-

¹ Пионерная роль здесь отводится книге Г. Лассуэлла и А. Каплана «Власть и общество» [Lasswell, Kaplan, 1950], ставшей «водоразделом между старыми, еще интуитивными и двусмысленными трактовками власти и четкостью и ясностью более поздних дискуссий» [Baldwin, 1989].

надлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом [Scott, 1994; Ледяев, 2001]¹. Разумеется, не все подходы вписываются в эти рамки². Многие авторы стремятся отойти от традиционных воззрений, заимствуя идеи у «противоположной стороны», а некоторые современные подходы, как мы увидим далее, изначально ориентированы на их синтез и максимально широкие трактовки власти.

Третий (современный) этап в концептуальном анализе власти обозначился в последние два десятилетия. На его содержание и характер существенное влияние оказала концепция «сущностной оспариваемости» (essential contestability) понятий политического дискурса [Ледяев, 2003]³. В результате признания «власти» сущностно оспариваемым понятием естественным образом потерял актуальность поиск его оптимального определения и объяснения: поскольку диспуты по поводу понятий нормативны, а выражение определенной ценности есть неотъемлемая часть самого понятия, исчезает возможность выбора его правильной («правильной») интерпретации. Во многом поэтому на современном этапе исследователи не столько спорят по поводу содержания понятия, сколько соревнуются в поиске разных вариантов «власти» и возможностей вписывания их в общую концептуальную схему. Как мы

¹ Несколько позднее появилась ставшая сегодня достаточно популярной концепция «власти вместе» («power with»), в рамках которой власть рассматривается как способность людей к совместному действию для достижения коллективных целей [Allen, 1998; Allen, 1999].

² Например, классический марксизм, который рассматривает власть в капиталистическом обществе в терминах классового господства, т.е. в духе первой традиции, но при этом доказывает, что в будущем коммунистическом обществе оно будет преодолено.

³ Идея сущностной оспариваемости политических понятий впервые была высказана профессором У. Галли в лекции, прочитанной в Аристотелевском обществе в 1955 г. [Gallie, 1955]. Галли использовал ее для объяснения различий в понимании «справедливости», «свободы», «демократии», «политики» и других понятий, являющихся предметом острых дискуссий. Суть ее состоит в том, что критерии «правильного» определения данных понятий являются комплексными, многомерными, ценностными; они не имеют приоритета друг перед другом, а эмпирическим путем определить адекватность того или другого определения понятия невозможно. Каждая точка зрения может быть теоретически обоснована, и поэтому спор между ними на уровне рациональных аргументов неразрешим в принципе.

увидим далее, обозначившаяся на втором этапе тенденция к многомерным объяснениям власти начинает преобладать.

Основные проблемы в концептуальном анализе власти

О чем конкретно идет спор вокруг понятия власти? Впервые основной набор дискуссионных проблем в концептуальном анализе власти был обозначен и проанализирован Д. Ронгом [Wrong, 2002]¹. Более поздние классификации включали в себя приблизительно тот же набор проблем, хотя их интерпретации и фокус анализа могли несколько различаться. Например, Дж. Херн обозначил следующие основные проблемы («пары терминов, определяющие дискуссии о власти»): 1) физическая vs социальная власть; 2) «власть для» vs «власть над»; 3) асимметричная vs сбалансированная власть; 4) власть структур vs власть агентов; 5) актуальная vs потенциальная власть [Hearn, 2012, p. 3–17].

Способы разрешения этих и некоторых других концептуальных проблем в итоге и обуславливают различия – как между традициями, так и внутри них. Основные расхождения между мейнстримной и альтернативной традициями в наибольшей степени связаны с двумя проблемами, фактически обозначающими эти традиции: 1) «власть над» vs «власть для» и 2) структурная власть vs власть агентов. В мейнстримной традиции власть – это «власть над»; как правило (особенно на втором этапе), она ассоциируется с определенными агентами (актерами), между которыми возникают властные отношения. В альтернативной традиции власть – это «власть для»; она обычно привязывается к социальным структурам. Концептуальные решения других проблем не обязательно строго соотносятся с определенными традициями, хотя с какой-то из них они могут быть более конгруэнтными².

¹ Ронг выделил пять основных проблем в концептуальном анализе власти: 1) интенциональность власти; 2) эффективность власти; 3) латентность власти или проблема актуального и потенциального; 4) асимметрия и баланс во властных отношениях; 5) природа эффектов, произведенных властью [Wrong, 2002, p. 1–14].

² Например, в альтернативной традиции (с ее фокусом на структурном характере власти) власть естественнее рассматривать как потенциал, заложенный в социальных структурах, а не как определенное действие.

Каковы современная практика понятийного анализа власти и особенности разрешения концептуальных проблем? Не вдаваясь в детали концептуальных дискуссий по указанным проблемам¹, обозначим общую тенденцию. *Концептуальные решения становятся более гибкими*: вместо выбора той или иной концептуальной опции исследователи предпочитают отказ от дихотомии в разрешении концептуальных проблем. В результате заложенные в изначальных проблемных формулировках альтернативы трансформируются, а анализ фокусируется на соотношении ранее противопоставлявшихся субстанциальных признаков. Тем самым фактически допускаются более широкие толкования власти и объем понятия естественным образом расширяется. Это наблюдается в решении практически всех понятийных проблем.

Актуальная vs потенциальная власть. Практически не принимаются попытки жестко противопоставить «диспозиционную» и «эпизодическую» (термины Д. Ронга) концепции власти, как это имело место в середине прошлого века². Как правило, власть определяется как способность (возможность), которая существует как в потенциале, так и реализуется в действии; при этом деятельность субъекта власти по реализации его властного потенциала также рассматривается как форма (проявление) власти.

Власть структур vs власть агентов. И в прошлом веке, и сегодня подавляющее большинство аналитиков подчеркивают, что власть так или иначе связана и со структурной детерминацией, и с деятельностью конкретных акторов. «Хотя дихотомия [структура vs действие. – В. Л.] полезна... но для лучшего понимания реальности нам нужно уйти от простого дуализма структуры против агентов» [Hearn, 2012, p. 12]. Однако если ранее альтернативные традиции явно тяготели к одной из сторон континуума «структура / действие», а представители мейнстримной традиции обычно отвергали чисто структурные формы власти, то с появлением многомерных (в том числе четырехмерных) концепций власти это ограничение фактически было снято. «Четвертое лицо власти», по сути, задается

¹ Это уже было сделано нами ранее [Ледяев, 2001].

² Наиболее ярко это проявилось в полемике П. Морриса [Morriss, 2002], настаивавшего на том, что власть является исключительно диспозиционной категорией (свою позицию Моррис воспроизвел и во втором издании своей книги, вышедшем уже в нынешнем веке), с Н. Полсби [Polsby, 1980], не признававшим наличия власти без ее манифестации в той или иной деятельности.

социальным контекстом и осуществляется без его осознания субъектом и объектом.

В аналогичном ключе решается и проблема «*власть для*» vs «*власть над*». Если ранее проponentы двух, как им казалось, совершенно разных интерпретаций власти спорили друг с другом, не признавая правомерности альтернативных объяснений и выводя описываемый оппонентами феномен за пределы власти («власти»), то сегодня общим местом стало понимание «власти над» и «власти для» в качестве форм, «лиц» или измерений (dimensions) власти. При этом само понимание власти, прежде всего «власти над», и его коннотации несколько модифицируются. Например, М. Хаугаард пытается «реабилитировать» концепцию «власти над» путем включения в свою схему идеи Х. Арендт о «власти действовать вместе» (concerted power). «Власть над» и «власть для» всегда было принято противопоставлять в нормативном плане: первая обычно ассоциировалась с насилием, тогда как вторая считалась «освобождающей». Однако, по мнению Хаугаарда, «власть над» имеет дуальную природу. Если она опирается на структуры и институты, поддерживающие демократические практики, то ее неправомерно отождествлять с господством и «игрой с нулевой суммой», поскольку воспроизводство демократических норм сохраняет за подчиняющимся актором возможность реализовать свои интересы. Тем самым данная форма власти принципиально отличается от тех версий «власти над», в которых объект властных отношений выступает инструментом достижения целей субъекта [Haugaard, 2012].

Тенденция к многомерному видению власти модифицирует и решение других концептуальных проблем. *Интенциональность власти* еще более ставится под сомнение¹ и фактически отвергается теми, кто признает третье и, особенно, четвертое «лица власти».

Аналогичная ситуация складывается в отношении *конфликта* и *нулевой суммы*, считавшихся (в мейнстримной традиции) обязательными признаками власти, отличающими ее от добровольных (невынужденных) и / или взаимовыгодных форм деятельности. Попытки отказаться от этих признаков предпринимались и ранее (Д. Ронг, Д. Болдуин, Э. Гидденс [см.: Ледяев, 1996]). Инкорпори-

¹ Тем не менее некоторые исследователи, например Дж. Херн [Hearn, 2012, p. 16] и автор этих строк, по-прежнему включают интенциональность в свои дефиниции.

вание «власти для» в семантическое поле «власти» фактически завершило этот процесс и привело к признанию наличия властных отношений, осуществляющихся в интересах объекта.

Менее заметными оказались изменения в решении проблемы «*асимметричная vs сбалансированная власть*». И ранее, например в текстах Д. Ронга, и сегодня исследователи подчеркивают, что «власть никогда не бывает ни полностью асимметричной, ни полностью сбалансированной» [Hearn, 2012, p. 16]¹, отмечая, что использование данных терминов помогает прояснению процессов властвования в их эмпирическом многообразии.

Не все обозначенные выше концептуальные проблемы представляются в полной мере актуальными. Например, проблема «*физическая vs социальная власть*» оказалась наименее дискутируемой по сравнению с другими в силу того, что подавляющее большинство исследователей предпочитают рассматривать власть как социальный феномен. Не вызвала широкого резонанса (особенно в отечественной литературе) концепция «*власти вместе*» («power with»), которая не только выглядит не вполне естественной для российского читателя, но и очевидно может быть легко (и, на мой взгляд, более естественно) представлена с помощью других терминов (например, через «способность к коллективному действию»)².

Современные тенденции в концептуальном анализе власти

До сих пор речь шла об основных проблемах в концептуальном анализе власти и способах их разрешения на современном этапе. Теперь попробуем выделить некоторые тенденции в понимании власти и очертить общие контуры концепции. Фактически речь пойдет

¹ Под сбалансированной властью имеется в виду отсутствие монопольной власти субъекта во всех сферах его взаимодействия с объектом. Д. Ронг предпочитал термин «интеркурсивная власть» (intercursive power), обозначая им ситуации, в которых власть акторов в одних сферах уравнивается властью других акторов в других сферах [Wgong, 2002, p. 11].

² Данный аргумент вполне применим и к некоторым другим понятийным новациям, например к популярной концепции «мягкой силы» (soft power). Однако сегодня подобного рода аргументы отнюдь не всегда воспринимаются исследователями.

об одном общем тренде, проявлявшемся в нескольких тесно взаимосвязанных ракурсах: 1) многомерное видение власти; 2) синтез разных подходов; 3) расширение объема понятия; 4) стирание граней между властью и не-властью.

Этот многоликий тренд стал одновременно и реакцией на естественное усложнение социальной жизни, растущее многообразие форм, механизмов и практик взаимодействия социальных акторов, и результатом эволюции теоретико-методологических оснований их изучения. Начиная с 1960-х годов в фокусе исследователей все чаще оказывались «скрытые формы власти» (термин С. Лукса). Тексты П. Бахраха и М. Баратца, С. Лукса и М. Фуко, как уже отмечалось, стали предметом интенсивной полемики [Ледяев, Ледяева, 2003]. У *многомерных концепций* есть очевидные преимущества: они претендуют на наиболее полный охват определенного рода практик (это сильная сторона всех «широких» концептуализаций) и поэтому в меньшей степени подвержены критике за «неадекватность охвата». Эти концепции расширяют пространство политической власти, фокусируя внимание на формах социальных отношений, выходящих за рамки «общественного договора»; тем самым они претендуют на более адекватное объяснение сохранения и воспроизводства элитарного характера политической власти в условиях действия формальных демократических институтов.

Поиск новых лиц / измерений власти стал и результатом менее строгих, по сравнению с серединой прошлого века, требований к операционализации понятий. Современных мыслителей гораздо менее пугают трудности эмпирической фиксации различных форм и проявлений власти, чем их предшественников, находящихся под влиянием позитивистских теоретико-методологических установок и потому ориентированных на изучение власти в открытом для наблюдения процессе принятия решений в ситуациях открытого конфликта между сторонами¹.

Число лиц (форм) власти увеличивалось и в результате стремления многих современных авторов *объединить имеющиеся подхо-*

¹ По этой причине многомерные концепции власти с момента своего появления стали объектом критики – как сторонниками «одномерных» объяснений власти (Р. Даль, Н. Полсби и др.), так и более поздними исследователями, поставившими под сомнение теоретическую валидность новых концепций власти и полученные на основе их использования эмпирические результаты и выводы (Л. Доудинг, К. Хэйворд) [см.: Ледяев, 2012, с. 347–349].

ды, сделав «власть» зонтичным понятием, охватывающим самый широкий спектр социальных отношений (Э. Аллен, М. Хаугаард, Г. Гехлер и др.)¹. В частности, Г. Гехлер считает, что «власть для и власть над являются двумя фундаментальными измерениями власти». В своей «интегративной» концепции власти он выделяет «два фундаментальных измерения» – транзитивную власть и нетранзитивную власть. В случае осуществления транзитивной власти «актор *A* влияет на актора *B* с намерением открыть или закрыть его специфические опции действия», тогда как «нетранзитивная власть формирует общее поле действия путем “дискурса и действия вместе”» [Gohler, 2009]. Эми Аллен в своей концепции власти объединяет три элемента: власть над, власть для и власть вместе [Allen, 1998]. М. Хаугаард [Haugaard, 2012; Haugaard, 2015] в своей четырехмерной концепции власти соединяет (в каждом из измерений) «власть как господство» (power as domination) и «власть действовать вместе» (concerted power).

Многомерное видение власти и стремление синтезировать разные подходы естественным образом обуславливают *расширение самого феномена* (объема понятия). Ранее довольно многие известные исследователи выступали против расширения понятия власти, сознательно исключая из своего анализа некоторые формы социальных отношений, традиционно относившиеся к властным практикам. Например, Т. Парсонс выступал против «концептуальной расплывчатости» традиционного (мейнстримного) понимания власти, следствием которой является «трактовка “влияния”, а иногда и “денег”, так же как и различных аспектов принуждения, в качестве “форм” власти». Это, по его мнению, делает логически невозможным рассмотрение власти как *специфического* механизма, осуществляющего изменения в действиях акторов [Parsons, 1986, p. 96].

Парсонс, как и многие другие исследователи, рассматривал власть лишь как один из видов социального взаимодействия, стремясь четко очертить ее контуры, показав ее границы и зоны, где она отсутствует. Собственно, уточнение границ и объема понятия

¹ Ранее также предпринимались попытки интеграции подходов; но они были во многом паллиативными, касались отдельных аспектов и не были ориентированы на полномасштабный синтез. Скорее, как уже отмечалось ранее, рассматривались традиционные элементы мейнстримной концепции власти.

было в центре концептуальных дискуссий вокруг включения / невключения интенции, конфликта, интересов и других потенциальных признаков понятия власти. Однако сегодня, как уже отмечалось ранее, преобладает идея разрешения этих и других концептуальных проблем в пользу широких концептуализаций, исключающих те или иные (ранее) обязательные признаки. Тем самым в современных концепциях фактически *стираются границы между властью и невластью*. Разные формы социальных отношений часто обозначаются термином «власть» и без особых сомнений включаются в многообразное («многоликое») понятие¹.

Эти изменения, разумеется, не принимаются (по крайней мере, однозначно) всеми исследователями. Мне, как и, например, Луксу, не вполне импонирует идея такого расширения концепта, которое бы включало формирование ценностей и социальных норм – то, что социологи традиционно обозначали с помощью концепта социализации. Отказ от четкого разграничения «власти» и некоторых других понятий мне также не представляется обоснованным, хотя понятно, что принятие идеи «сущностной оспариваемости» снимает мотивацию к выстраиванию *четкой* понятийной структуры с обозначением концептуальных границ и места в ней каждого понятия. Однако сложившуюся в концептуальном анализе ситуацию и фактический отказ от разрешения понятийных разногласий в любом случае следует принять как данность – естественно, сохраняя свои персональные концептуальные предпочтения.

Какие практические следствия вытекают из обозначенных тенденций?

Многомерное видение власти существенно усложняет эмпирический анализ властных практик, требуя от исследователя учета значительно большего объема эмпирических данных и специального внимания к тем формам социальных отношений, которые скрыты от внешнего наблюдения. Даже использование одномер-

¹ На одной из конференций я попросил М. Хаугаарда пояснить, какие социальные отношения и практики, обозначаемые термином «власть», на самом деле, с его точки зрения, таковыми в строгом смысле не являются. Марк, сославшись на идею «сущностной оспариваемости» политических понятий, фактически признал возможность отнесения к власти всех подобного рода отношений и практик.

ной концепции власти и изучение процесса принятия политических решений представляет серьезную проблему в силу трудного доступа к информации и сложностей учета каузальных цепочек, определяющих доминирование тех или иных акторов в пространстве публичной политики. Обнаружение и эмпирическая фиксация других лиц власти повышают трудность исследования в разы, о чем, в частности, свидетельствует критика имевших место попыток применения двухмерной и трехмерной концепций власти. В этих условиях естественной альтернативой может стать изучение отдельных форм власти, что, безусловно, несколько облегчит задачу исследователя-эмпирика. Однако это неизбежно снижает амбициозность и значимость эмпирического исследования, поскольку наибольший интерес традиционно представляют комплексные исследования всей совокупности властных практик и ответ на главный вопрос любого исследования власти – «кто правит?»

Допущение широкого спектра форм власти предъявляет и повышенные требования к их систематизации (классификации). Само по себе признание многообразия властных отношений и вариативности оснований для выделения форм власти не означает отказ от необходимости выстраивания концептуальных схем, помогающих показать место различных социальных практик в общем процессе социального взаимодействия. Поскольку исследователи оперируют разными терминами и смыслами, их соотнесение друг с другом становится важным для плодотворного концептуального диалога.

По этой же причине более трудными (но не менее необходимыми) становятся интерпретация и сопоставление результатов эмпирических исследований, проведенных разными авторами. Отчасти по этой причине поиск новых форм и лиц власти не привел к росту соответствующих эмпирических исследований: новые подходы, как уже отмечалось ранее, серьезно усложнили цели и процедуры эмпирического исследования, и пик эмпирических исследований власти (например, в локальных сообществах), возможно, уже пройден.

Однако это не может и не должно останавливать дальнейший поиск оптимальных (хотя и по-разному понимаемых) концептуальных схем. Между понятийными конструктами и эмпирическими моделями всегда возникали естественные трения (рассогласования),

которые так или иначе развивали и концептуальный анализ, и эмпирические исследования. Таков характер научного поиска.

Список литературы

- Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 455–679.
- Ледяев В.Г. Современные концепции власти: Аналитический обзор // Социологический журнал. – М., 1996. – № 3/4. – С. 109–126.
- Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // Социологический журнал. – М., 1998. – № 1/2. – С. 79–94.
- Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Ледяев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 2. – С. 86–95. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07>
- Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: Основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – М., 2010. – № 2. – С. 23–52.
- Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт изучения власти в городских сообществах. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: Концептуальные дискуссии // Логос. – М., 2003. – № 4/5. – С. 23–32.
- Лукс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.
- Allen A. Rethinking power // Hypatia. – 1998. – Vol. 13, N 1. – P. 21–40.
- Allen A. The power of feminist theory. – Boulder, CO: Westview Press, 1999. – 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. Power and Poverty: Theory and Practice. – N.Y.: Oxford univ. press, 1970. – 234 p.
- Baldwin D. Paradoxes of Power. – N.Y.: Basil Blackwell, 1989. – 223 p.
- Digester P. The Fourth Face of Power // The Journal of Politics. – Chicago, 1992. – N 54(04). – P. 977–1007.
- Hindess B. Discourses of Power: From Hobbes to Foucault. – Oxford: Blackwell, 1996. – 192 p.
- Foucault M. The Subject and Power // Power: Critical Concepts. – L.: Routledge, 1994. – Vol. 1 / Ed. by J. Scott. – P. 218–233.
- Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. – Harmondsworth: Penguin, 1979. – 352 p.
- Gallie W. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – Oxford, 1955. – Vol. 56. – P. 67–198.
- Gohler G. 'Power to' and 'Power over' // The Sage handbook of power / S. Clegg, M. Haugaard (eds.). – L.: Sage, 2009. – P. 27–39.

- Haugaard M.* Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment // *Journal of Political Power*. – Galway, 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 35–54.
- Haugaard M.* Concerted power over // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. – Hoboken, NJ, 2015. – N 22 (1). – P. 147–158.
- Hearn J.* Theorizing Power. – L.: Palgrave Macmillan, 2012. – 251 p.
- Lasswell H., Kaplan A.* Power and Society. – New Haven: Yale univ. press, 1950. – 334 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – Manchester: Manchester univ. press, 1987. – 266 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Parsons T.* Power and the Social System // *Power* / ed. by S. Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 96–143.
- Polsby N.* Community Power and Political Theory. – 2nd ed. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1980. – 320 p.
- Scott J.* General commentary // *Power: Critical Concepts*. – L.: Routledge, 1994. – Vol. 1 / Ed. by J. Scott. – Mode of access: https://books.google.co.in/books?id=IlyPz2cUcAEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed: 21.05.2019.)
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. – N.Y.: Harper and Row, 1979. – 356 p.
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. – 3rd ed. – New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002. – 326 p.

V.G. Ledyayev*

Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends

Abstract. The article covers basic themes in the conceptual analysis of power: main stages (early, classical, modern), conceptual problems (actual power vs potential power, power as structures vs agents, «power to» vs «power over», intentionality of power, asymmetrical vs balanced power, conflict and ‘zero sum’) and their solutions, current trends in the conceptual analysis of power (multidimensional view of power, synthesis of different approaches, expansion of the concept, blurring the borders between power and non-power) and their practical consequences.

Keywords: power; definition of power; conceptual analysis.

For citation: Ledyayev V.G. Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 14–29. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01>

* **Ledyayev Valeri**, PhD (Manchester, Government), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: valeri_ledyaev@mail.ru

References

- Allen A. Rethinking power. *Hypatia*. 1998, Vol. 13, N 1, P. 21–40.
- Allen A. *The power of feminist theory*. Boulder, CO: Westview Press, 1999, 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. *Power and Poverty: Theory and Practice*. N.Y.: Oxford univ. press, 1970, 234 p.
- Baldwin D. *Paradoxes of Power*. N.Y.: Basil Blackwell, 1989, 223 p.
- Digester P. The Fourth Face of Power. *The Journal of Politics*. 1992, N 54 (04), P. 977–1007.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Harmondsworth: Penguin, 1979, 352 p.
- Foucault M. The Subject and Power. In: *Power: Critical Concepts*: Vol. 1. Ed. by J. Scott. L.: Routledge, 1994, P. 218–233.
- Gallie W. Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1955, Vol. 56, P. 67–198.
- Gohler G. ‘Power to’ and ‘Power over’. In: *The Sage handbook of power*. Ed. by S. Clegg, M. Haugaard. L.: Sage, 2009, P. 27–39.
- Haugaard M. Concerted power over. *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. 2015, N 22 (1), P. 147–158.
- Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment. *Journal of Political Power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 35–54.
- Hearn J. *Theorizing Power*. L.: Palgrave Macmillan, 2012, 251 p.
- Hindess B. *Discourses of Power: From Hobbes to Foucault*. Oxford: Blackwell, 1996, 192 p.
- Hobbes T. Leviathan. In: *Selected Works in 2 volumes*. V. 2. Moscow: Thought, 1991, P. 455–679. (In Russ.)
- Lasswell H., Kaplan A. *Power and Society*. New Haven: Yale univ. press, 1950, 334 p.
- Ledyayev V.G. Contemporary conceptions of power: An analytical review. *The Sociological Journal*. 1996, N 3–4, P. 109–126. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. Power, interest and social action. *The Sociological Journal*. 1998, N 1–2, P. 79–94. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Power: Conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Sociology of power: Theory and experience of studying power in urban communities*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 472 p. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. The study of power in urban communities: The main stages and models of research. *NZ*. 2010, N 2, P. 23–52. (In Russ.)
- Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Multidimensionality of political power: conceptual discussions. *Logos*. 2003, N 4–5, P. 23–32. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. On «Essential Contestability» of Political Notions. *Polis. Political Studies*. 2003, N 2, P. 86–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.07>
- Lukes S. *Power: a radical view*. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010, 240 p. (In Russ.)

- Morriess P. *Power: A Philosophical Analysis*. Manchester: Manchester univ. press, 1987, 266 p.
- Morriess P. *Power: A Philosophical Analysis: 2nd ed.* Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Parsons T. *Power and the Social System*. In: *Power*. Ed. by S. Lukes. Oxford: Blackwell, 1986, P. 96–143.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory: 2nd ed.* New Haven; L.: Yale univ. press, 1980, 320 p.
- Scott J. General commentary. In: *Power: Critical Concepts: Vol. 1*. Ed. by J. Scott. L.: Routledge, 1994. – Mode of access: https://books.google.co.in/books?id=IlyPz2cUcAEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 21.05.2019.)
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses*. N.Y.: Harper and Row, 1979, 356 p.
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author: 3rd ed.* New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002, 326 p.

М. ХАУГААРД*

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ ВЛАСТИ:
ДОМИНИРОВАНИЕ И РАСШИРЕНИЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹**

Аннотация. В литературе о проблематике власти сложилось два главных и принципиально противоположных подхода: для первого «власть» – это доминирование, и потому она является «властью над», во втором подходе власть – это расширение возможностей, что терминологически обозначается как «власть для». До текущего момента представление о «четыре измерениях» власти (Лукс и Фуко) относилось к пониманию власти как доминирования. Данная статья полемирует с данной трактовкой: утверждается, что каждое из измерений власти способно породить нормативно-желательные формы власти (власть как форму эмансипации). Ключевую роль играет процесс структурирования «власти над», обладающий потенциалом для создания взаимоотношения позитивной, а не нулевой суммы. Фактически нормативно-желательная власть и власть как доминирование устанавливаются одними и теми же эмпирическими процессами, и доминирование таким образом «паразитирует» над властью-эмпансипацией.

* **Хаугаард Марк**, профессор политологии и социологии, Школа политических наук и социологии, Национальный университет Ирландии (Голуэй, Ирландия), основатель и главный редактор журнала «Journal of Political Power», e-mail: Mark. Haugaard@NUIGalway.ie

¹ Перевод статьи: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment // Journal of Political Power. – 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 35–54. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2012.660810>. Публикуется с разрешения автора. Перевод выполнил К.В. Фокин (НИУ ВШЭ).

Примечание. Вряд ли возможно найти в русском языке термин, в полной мере соответствующий английскому empowerment. В разных контекстах его переводят как «наделение полномочиями», «расширение возможностей», «предоставление возможностей», «приобретение возможностей», «наделение возможностями», «повышение роли», «обретение роли», «обретение» и др.

© Хаугаард М., 2019

DOI: 10.31249/poln/2019.03.02

Ключевые слова: политическая власть; доминирование; расширение возможностей; демократия; справедливость.

Для цитирования: Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: Доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 30–62. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>

Вступление: споры о власти и точка соприкосновения

В литературе о проблематике власти сложилось два главных и принципиально противоположных подхода: для первого «власть» – это *доминирование*, и потому она является *властью над* (power over); во втором подходе власть – это *расширение возможностей* (empowerment), терминологически обозначается как *власть для* (power to). Среди наиболее значимых исследователей из первого лагеря – Вебер [Weber, 1976], Даль [Dahl, 1957], Бахрах и Баратц [Bachrach, Baratz, 1962], Лукс [Lukes, 2005; Lukes, 1974], Манн [Mann, 1986], Хэйуорд [Hayward, 2000] и Хэйуорд вместе с Луксом [Hayward, Lukes, 2008]; среди сторонников второго – Арендт [Arendt, 1998; Arendt, 1970], Парсонс [Parsons, 1963], Барнс [Barnes, 1988] и Сёрл [Searle, 2007]. Некоторые авторы пошли по третьему пути и попытались синтезировать два подхода, это Аллен [Allen, 1999], Гидденс [Giddens, 1984], Клегг [Clegg, 1989], Моррис [Morriss, 2002] и Хаугаард [Haugaard, 1997; Haugaard, 2003]. Фуко в принципе можно зачислить в сторонники любого из этих лагерей: современную власть он определял как «позитивную» и противопоставлял ее «суверенной власти», которая функционировала на репрессивной основе. Но если учесть, что Фуко также призывал сопротивляться (resist), в том числе и этой, «позитивной» власти [Foucault, 1982, p. 216], то логичным кажется вывод, что «позитивной» эту «современную власть» он считал только на эмпирическом уровне – как часть повседневной общественной жизни, а вовсе не «позитивной» в нормативном понимании. Сам Фуко так и не прояснил свою собственную нормативную позицию, так что уверенности у нас нет.

В области международных отношений также существует длительный спор сторонников «реалистической» и «идеалистической» концепций власти во взаимоотношениях между суверенными государствами. С недавнего времени эта дискуссия превратилась в спор о «жесткой» и «мягкой» силе. Сам термин «мягкая

сила» предложил Най [Nye, 1990], и для него это была власть «притяжения» [Nye, 2011 а, р. 21]; или, по Галларотти, – «привлекательности» [Gallarotti, 2011, р. 32]. Формально «мягкая сила» – это некое усредненное представление Арендт, Парсонса, Барнса и Сёрла, но сам Най имел в виду скорее нечто похожее на трехмерную (three-dimensional) концепцию власти Лукса. Это кажется странным, ведь концепция Лукса – это концепция власти как доминирования, и именно эту «странность» данная статья пытается оспорить.

Ранее исследователи либо занимали в этом споре одну из сторон, либо пытались «навести мосты» между берегами. «Строители мостов» часто утверждали, что «власть» – это зонтичное понятие, которое покрывает целый набор концепций и феноменов: и *власть для*, и *власть вместе* (power with), и *власть над* [Haugaard, 1997; Haugaard, 2003; Haugaard, 2010; Allen, 1999]. В этом подходе подразумевается, что та форма власти, которую нормативно признает Арендт, и те проявления власти, которые критикует Лукс, имеют разные референты. Власть «действовать вместе» (the power «to act in concert») (Арендт) и трехмерная власть описывают различные аспекты одной и той же социальной реальности.

Однако до сих пор логичного и последовательного теоретического обоснования этого тезиса представлено не было. В этой статье я исследую следующую гипотезу: *те эмпирические процессы, которые, по Луксу, являются трехмерной властью, потенциально могут быть нормативно-оправданными, по Арендт*. Это предположение контринтуитивно: сам Лукс подчеркивает, что его интересует трехмерный анализ власти как доминирования [Haugaard, Lukes, 2008]. Кроме того, я добавляю здесь элемент из модели Фуко – вслед за Дигизером [Digeser, 1992] я обозначу его как «четвертое измерение» или «четвертое лицо» власти.

Давно и подробно [Haugaard, 2010] я пишу о важности отделения заявлений нормативного характера от эмпирических. При переходе от одной языковой игры к другой один и тот же знак может существенно различаться.

Классический пример: утверждение, что «в обществе X использование власти типа Y легитимно». С нормативной точки зрения автор в качестве теоретика-наблюдателя оправдывает использование власти типа Y. Эмпирически – социолог или политолог пишет про убеждения и / или восприятие акторов в данном кон-

кретном обществе Х. Скажем, социолог-феминист может написать «в традиционном обществе Х патриархальная социальная практика Y легитимна» без своего нормативного одобрения этой практики.

Согласно моей гипотезе, эмпирические проявления каждого из четырех измерений власти нормативно обладают потенциалом и для доминирования (*domination*), и для эмансипации (*emancipation*). Фуко утверждал, что от власти нет спасения; Фрэзер назвал этот тезис «пораженчеством» и «нигилизмом» [Fraser, 1985]. Но если мы всерьез рассмотрим идею, что власть – это ключ к сотрудничеству между людьми, то эта невозможность спасения становится нормативно-желательной. Если «субъективация», по Фуко, потенциально способна обеспечить наши права и свободы, то «сопротивление» ей – не единственный путь к (ограниченной) эмансипации и, более того, три измерения власти могут быть ключом к справедливости. Как я уже заметил выше, Фуко крайне неоднозначен в своих рассуждениях относительно того, что власть позитивна или негативна. Если я прав, и Фуко имеет в виду позитивность современной власти лишь на эмпирическом, а не нормативном уровне, то мой вывод будет противоположным.

Изучение всех возможных нормативных аспектов в рамках одной статьи невозможно; поэтому здесь я пытаюсь лишь наметить «дорожную карту» того, что мы называем четырьмя измерениями власти (*four dimensions of power*); я рассмотрю каждое из них с двух противоположных нормативных позиций: доминирования и освобождения (*commendation / emancipation*). При этом я буду следовать духу, а не буквальной и прямолинейной трактовке этих четырех измерений; как заметил однажды Фуко, его величайшее уважение к Ницше заключалось в яростном споре с ним [Foucault, 1980, p. 53–54]; я исповедую тот же принцип в отношении самого Фуко.

Первое измерение власти

Как сформулировал Даль, первое измерение власти – это способность *A* превалировать над *B*, заставляя *B* делать то, что *B* в ином случае не стал бы делать [Dahl, 1957]. По сути, так же власть понимал Вебер [Weber, 1976, p. 180].

Эта концепция *власти над* (*power over*) обычно нормативно интерпретируется как доминирование (*domination*). Но уже Лукс

признавал [Lukes, 2005, p. 83], что существует уточнение, меняющее ситуацию: если интересы *B* лучше известны *A*, чем самому *B*, то превалирование *A* над *B* может быть выгодно для *B* («мягкий патернализм» и др.).

Но я пойду дальше: в сложных демократических политических системах рутинная «власть над» не сводится к господству или принуждению, как это часто предполагается. Например: «В демократии мы можем использовать власть, чтобы достичь целей. Под властью я имею в виду принуждение – заставить других людей делать то, что они делать не хотят, угрожая им санкциями или насилием» [Mansbridge, 1994, p. 53]. Для моей аргументации важно различать власть с нулевой суммой и власть с ненулевой суммой. Власть с отношением нулевой суммы – это властное отношение, в котором одна сторона выигрывает за счет другой. Власть с отношением ненулевой или положительной суммы – это властное отношение, в котором ни одна сторона не выигрывает за счет другой: либо обе стороны выигрывают (и одна может выиграть больше), либо одна выигрывает, но положение другой не ухудшается.

Парсонс внес существенный вклад в дискуссию о власти [Parsons, 1963], показав, возражая Миллсу [Mills, 1956], что власть, как и богатство, вовсе не обязательно является отношением с нулевой суммой. Однако после Парсонса различие между властью с нулевой и с положительной суммами стали понимать как разницу между *властью над* (power over) и *властью для* (power to). Идеи Парсонса [Parsons, 1963] обычно относят к *власти для*. Однако это противоречит содержанию статьи. Оригинальная работа Парсонса посвящена проблеме лидерства, а вовсе не солидарности или коллективного действия. То же самое касается Арендт [Arendt, 1970], которую считают теоретиком «власти для» или «власти вместе» (power with) [например, Allen, 1999; Gohler, 2009]; но сама Арендт также писала про лидерство, что тоже подразумевает *власть над*.

Власть над также может порождать отношение положительной суммы на эмпирическом уровне, значит, она может быть нормативно-желательной. Для объяснения этого я ввожу различие между двумя типами доминирования (prevailing over), которые имеют важные импликации для трех других измерений власти. Во *власти над* следует различать осуществление власти на основе воспроизведения структурного контекста и осуществления власти, не связанного со структурными ограничениями. Если *A* превали-

рует над *B* на выборах, то это ситуация, отличная (и эмпирически, и нормативно) от ситуации, где *A* превалирует над *B* с помощью угрозы оружием: «Кошелек или жизнь!». Первое предполагает взаимное структурное воспроизводство, а второе – нет. В первом случае мотивация *B* к подчинению обычно является внутренней по отношению к процессу структурного воспроизводства. Напротив, в последнем случае она вызвана внешним вмешательством, которое изменяет мотивацию актора и его целеполагание.

Структурный аспект и аспект целеполагания следует различать; иногда они совпадают, но чаще всего – нет. Если *A* превалирует над *B* на выборах, между акторами *A* и *B* сохраняется конфликт, но оба разделяют приверженность демократической процедуре; между ними существует консенсус в отношении институциональной структуры. На них обоих действуют структурные ограничения, но это ограничение не препятствует их способности действовать и преследовать свои цели. Напротив, как описал Гидденс в своей теории структуризации [Giddens, 1984], структуры одновременно и сдерживают, и создают возможность действовать. На эмпирическом уровне структуры вовсе не противоречат действию и свободе [см.: Bates, 2010]. В этом данный подход отличается от нормативной позиции Лукса [Hayward, Lukes, 2008]. Не все структуры создают равные возможности, и это задача для нормативной теории – отделить желательные структуры от нежелательных.

Фуко считал, что в современном мире происходит фундаментальный сдвиг от одного типа власти к другому. По Фуко, это замещение модели суверенного принудительного господства (sovereign model of coercive domination) «современной» властью – конституирующей, позитивной и дисциплинарной [Foucault, 1979]. Эрнст Геллнер характеризовал «современность» (modernity) как переход от жесткого доминирования к более хитрым и изощренным формам власти – «смена меча на плуг», «замена хищничества налогообложением» [Gellner, 1989]. Похожая точка зрения у Элиаса [Elias, 1994]: «современность» – это переход от подчинения, основанного на принуждении, к согласию, основанному на самоограничении («процесс цивилизации»). Я утверждаю, что на самом деле все эти описания имеют в виду одно и то же: переход от *власти над*, в основном опирающейся на подчинение внешней силе, к власти, опирающейся на структурные факторы. «Хищничество» – это внешнее принуждение, а налогообложение – часть комплекс-

ной структуры повседневного функционирования института государства.

Описывая власть, характерную для его еще досовременной эпохи, Макиавелли задавался знаменитым вопросом: для государя лучше, чтобы его боялись или чтобы его любили? Ответ – конечно, лучше оба, но страх лучше любви [Machiavelli, 1961, p. 95]. Если мы посмотрим на диктаторов – скажем, на Ким Чен Ира, Башара аль-Асада или Муаммара Каддафи, – то увидим «государей», чья власть покоится (или покоилась) на обоих основаниях. Любовь и страх проявляют себя в контрасте между полицейскими репрессиями и безудержными изъявлениями лояльности на массовых демонстрациях или похоронах. Это нетипично для современности, но все же имеет место. Другой пример – Гитлер. Различие между другом и врагом как основание политики, описанное Шмиттом, относится к неструктурной досовременной власти [Schmitt, 1996]. В современную эпоху политических лидеров и не любят, и не боятся; они находятся у власти потому, что побеждают в демократическом соревновании или точно следуют структурированным процедурам внутри институционального бюрократического контекста. Их властью наделяет процесс: это практически идеальный тип веберовской легальной / инструментально-рациональной власти. Конечно, на практике многие политики и чиновники коррумпированы, но лишь в той степени, в которой они не соответствуют идеалу эпохи; даже получив власть, они все равно принимают «правила игры». Идеальный тип современного обладателя политической власти соответствует норме, а не является исключением из нее.

Власть над досовременного типа, описанная Макиавелли и Шмиттом, это отношение нулевой суммы. Насколько *A* превалирует над *B*, настолько *B* проигрывает. Если государь *A* превалирует над подданным *B* с помощью страха, это нулевая сумма. Если с помощью любви, то обычно это любовь за счет другого *B*, который живет в страхе. Но если *A* и *B* вступают в структурированное демократическое состязание, выгоды *A* необязательно ведут к потерям *B* в длительной перспективе. В краткосрочной перспективе *B* жертвует своей целью. Но воспроизводство структур продолжается, что дает *B* шанс на реванш над *A* в будущем. Следовательно, выигрыш *A* не является полностью проигрышем *B*. Если *B* согласен подчиниться демократической процедуре, он получает выгоды и возможности от воспроизведения структур, которые он поддержи-

вает. Чем чаще структуры воспроизводятся, тем глубже они воспринимаются как естественный порядок вещей или *габитус*, а значит, они все более и более надежны. Это структурное воспроизводство увеличивает власть всех, включая тех, кто проигрывает выборы в какой-то момент времени.

Для целей данной статьи в качестве нормативной базы я исхожу из кантианского категорического императива. Здесь использование власти будет нормативно легитимно, если: (а) оно может быть генерализовано; (б) никто не применяется как средство достижения цели другого. Макиавеллиевский государь использует подданных как средство, и это отношение нельзя генерализовать или пересмотреть. Но если демократы борются на выборах и количество голосов изменяется, то правила игры остаются теми же, и это отношение можно генерализовать или пересмотреть. Более того, *B* не есть средство достижения цели, поскольку структуры создают будущие ресурсы *B*.

Идея о том, что в принципе не все случаи осуществления *власти над* означают доминирование, смысляет различия между конфликтной и консенсусной традициями. Обычно считается, что консенсусная традиция связана с *властью для*, тогда как конфликтная – с *властью над*. Таким образом, *власть над* приравнивается к доминированию. Но мне всегда казалось аномальным, что все главные теоретики «консенсуса» [Parsons, 1963; Arendt, 1970; Barnes, 1988; Searle, 2007] сами очевидно пребывали в уверенности, что пишут и о *власти над*, а не только о *власти для*.

Ронг [Wrong, 1995] и Клегг [Clegg, 1989] различают *эпизодическую* власть, которая направлена на достижение конкретной цели, и *диспозиционную* власть, которая определяет структурные правила игры, устанавливая долговременную диспозицию акторов. *A* и *B* борются в структурном контексте: *A* побеждает и получает *власть над B*. Это эпизодическая власть, но структуры воспроизводятся, и демократический принцип сохраняет за *B* диспозиционную власть в следующем раунде выборов. *B* может победить и использовать эпизодическую *власть над A*, но и *A* при воспроизводстве структур сохраняет диспозиционную власть, и так далее. Успешное воспроизводство структур создает равную диспозиционную власть: если эпизодическая власть может быть отношением с нулевой суммой (*A* выиграл, *B* проиграл, среднего значения нет), диспозиционно это положительная сумма (есть гарантии на будущее). Нормативно, на

уровне диспозиции, *A* не достигает целей за счет *B*. Но если эпизодическая власть не воспроизводит диспозиционную власть, то это нулевая сумма; *A* получает эпизодическую власть, а *B* теряет диспозицию, значит, *A* использует *B* как средство достижения цели.

Следовательно, эпизодическое принудительное использование власти является нормативно-нежелательным, это и есть *доминирование*. Напротив, структурное использование *власти над* нормативно-желательно, так как оно делегирует власть на уровне диспозиции – это *совместная власть* (concerted power), по Арендт [Arendt, 1970, p. 44]. Таким образом, переход от досовременной к современной власти – это не только изменение эмпирической природы процесса получения «власти над», но и нормативное смещение с *доминирования* к *совместной власти*.

Второе измерение власти

Бахрах и Баратц определяют «второе лицо» власти таким образом: «*A* создает или усиливает социальные / политические ценности и / или институциональные практики, которые ограничивают политический процесс и сводят его до публичного рассмотрения только тех проблем, которые безвредны для *A*» [Bachrach, Baratz, 1962, p. 948].

С нормативной точки зрения это доминирование; институты не могут быть генерализованы таким образом, чтобы включить интересы *B*, и поэтому *B* становится средством для *A*. Однако это не следует напрямую из самого процесса эксклюзии.

Шатштайдер пишет: «Все формы политической организации имеют свои предпочтения (bias) в отношении некоторых форм конфликта над остальными, так как *организация – это мобилизация предпочтений*. Одни проблемы становятся политическими, другие – нет».

Структуры создают правила игры или диспозиционную власть; препятствуя одним формам взаимодействия, они усиливают (оптимизируют) другие [Giddens, 1984]. Если в процессе взаимодействия вы не способны предсказать поведение другой стороны, совместные действия значительно усложняются. Гарфинкель [Garfinkel, 1983] проводил эксперимент, заставляя участников нарушать каноны социального поведения – например, дословно интерпретиро-

вать фразу «Здравствуйте, как ваши дела?»; в сущности, он принуждал их игнорировать социальные конвенции. И взаимодействие становилось, выражаясь по Остину [Austin, 1975], бесплодным.

Социальные конвенции и структурные ограничения не допускают случайных (непредвиденных) реакций акторов. Возьмем, к примеру, язык: если бы мы изобретали слова прямо в процессе разговора, то общение было бы невозможным (собственно, по этой причине концепция «индивидуального языка» Витгенштейна [Wittgenstein, 1967] несостоятельна: язык обязан обладать набором признаваемых всеми правил и ограничений). Да, акторы могут добавлять слова или даже создать новый язык, но пока другие акторы не будут осведомлены об этих изменениях и согласны с ними, в обиход эти нововведения не войдут. Значения слов воспроизводятся в момент их восприятия; значение, заложенное говорящим, должно быть адекватно значению, которое воспроизведет слушатель. Так же и структура – она воспроизводится, когда за структуриацией следует подтверждающая структуриация [Naugaard, 1997].

Исключая случайные реакции, структурные ограничения делают возможной структурированную политическую власть, а воспроизведение социальных систем и порядка предполагает, что некоторые акты будут исключаться как валидные. Социализация – постоянный процесс обучения тому, какие структурирующие практики считаются удачными и нуждаются в подтверждении, а какие – девиантными и, по Витгенштейну, «частными». Социально компетентный актор должен ограничить сам себя, потому что он знает, чего ожидает от других.

Возвращаясь к замечанию Шаттснайдера о том, что организация – это мобилизация предпочтений: в политическом процессе одни проблемы включаются, другие – исключаются. Это ни в коем случае не примитивное доминирование. Если A получает больше голосов, чем B , то политически это означает, что A выигрывает выборы, а B не получает ничего, кроме обязательства признать поражение. Для Бахраха и Баратца второе измерение власти нормативно нежелательно, поскольку оно ведет не просто к исключению проблем из повестки, а к систематическим невыгодам B и тем самым оказывается отношением с нулевой суммой. Но если структуры исключают процедуры, где акторы используют друг друга как средство, и тем самым исключают отношение нулевой суммы, то это должно быть нормативно-желательным. Исключение отноше-

ний власти как нулевой суммы формирует основания процедурной справедливости в либеральной традиции.

Ролз пишет о «вуали неведения» (veil of ignorance), мысленном эксперименте, где некоторые проблемы включаются в политику, а другие – исключаются: «Сущностная характеристика этой ситуации (изначальная позиция) состоит в том, что никто не знает свое место в обществе, классовое положение или социальный статус; никто не знает свою долю в распределении природных ресурсов и свой потенциал, и так далее. Даже партии не знают собственные концепции [политического] блага. Принципы справедливости выбираются за вуалью неведения. Это гарантирует, что никто не будет в выигрыше или в невыгодном положении при выборе принципов. Поскольку все находятся в одинаковом положении, и никто не может выбрать принципы для своей выгоды, принципы будут результатом справедливого согласия или договора» [Rawls, 1971, p. 12].

Тем самым исключаются все отдельные случайные обстоятельства, а включаются только общечеловеческие принципы поведения и потребности. Ролз описывает справедливость, Бахрах и Баратц критикуют доминирование, хотя эмпирический процесс один и тот же – социальная инклюзия и эксклюзия. Структуры могут создать уклон в сторону интересов *A* и против интересов *B*, но ровно таким же образом могут и исключить все эгоистические интересы *A* и *B*. Во втором варианте эти структуры нормально-желательны: генерализация как универсальный принцип возможна, акторы не являются средствами друг для друга.

За рамки данной статьи выходит вопрос о том, является ли трактовка Ролза нормативно-идеальной. Я полагаю, это не вопрос или / или, а скорее вопрос степени – больше / меньше. Процедурное исключение некоторых вопросов через «естественное состояние» может быть и инстанцией доминирования, и это хоть и не дискредитирует саму процедуру, но делает ее менее совершенной. Характеристика Ролзом изначальной позиции может быть далека от позитивной на нормативной шкале между доминированием и справедливостью; то же самое относится к «идеальной речевой ситуации» Хабермаса [Habermas, 1984; Habermas, 1987] и гипотетическому аукциону и схеме страхования Дворкина [Dworkin, 2000]. То, что один и тот же эмпирический процесс может быть и нормативно-нежелательным, и желательным, имеет важные импликации для нормативной теории. Процедурная справедливость,

хоть чаще создает справедливость, может обернуться и доминированием. Мы должны серьезно отнестись к этому факту: как бы хороши ни были наши либеральные принципы, на практике они могут включать элементы доминирования; к ним нужно сохранять скептическое отношение, а не слепо верить в их всеблагой характер.

Исключение определенных решений с помощью структурных ограничений не обязательно должно нормативно осуждаться, а двухмерная власть не обязательно включает в себя доминирование. Как эмпирический процесс, второе измерение власти создает условия справедливости. Поэтому критика либерализма за то, что он воспроизводит определенные преимущества (biases), не попадает в цель. Например, Муфф считает, что одна из заслуг К. Шмитта заключается в том, что «он показал, что демократия всегда включает в себе и эксклюзию и инклюзию» [Mouffe, 2000, p. 43]. Но с нормативной точки зрения вопрос не в том, что определенные проблемы исключаются из политического пространства, а в том, *какие именно* проблемы исключаются. Само по себе включение или исключение проблемы из повестки не обязательно нормативно-нежелательно; это может быть условием *власти над* с позитивной суммой, что является сутью демократической политики как институционализированного справедливого конфликта.

Восприятие структур как средства для создания соревнования между *властями над*, которые обладают отношением положительной суммы и потому нормативно-желательны, приводит нас к фундаментальному нормативному разграничению между насильственной властью и политической властью действовать вместе (political concerted power), которая является элементом нормативной сути демократической политики. Различая власть и насилие, Арендт пишет: «Смысл любого политического управления (government) – это власть, а не насилие. Насилие инструментально по своей природе; как и любое средство, его требуется направлять и оправдывать через достигаемую с помощью него цель. То, что нуждается в оправдании, само по себе не может быть сутью чего-то. Конец войны – это цель в двух ее смыслах – это мир или победа; но на вопрос “что есть цель мира?” ответа нет. Мир абсолютен... и власть из этой же категории; она есть “цель сама по себе”... И поскольку политическое управление – это организованная и институционализированная власть, вопрос “в чем цель политического управления?” также не имеет смысла» [Arendt, 1970, p. 51].

Если мы рассматриваем насилие в широком смысле данного понятия, включающем символическое насилие как господство, то обозначенное Арендт противопоставление власти и насилия вполне соответствует тому, о чем здесь говорилось. Цели институционального исключения, которое обуславливает доминирование, внешни по отношению к структурам, выражающим интересы специфической группы акторов *A*. Власть, генерируемая этими структурами, имеет нулевую сумму, поскольку создаваемые структурами возможности выгодны только определенным акторам.

Напротив, структуры, исключаящие частные интересы и *A*, и *B*, являются самоцелью – в том смысле, что все стороны, как *A*, так и *B*, заинтересованы в их воспроизведении. В долгосрочной перспективе постоянные поражения *B* маловероятны. Двухмерной власти как доминированию или отношению нулевой суммы присуща нестабильность, которую нужно уравнивать принуждением и насилием в той или иной форме; но нормативно-желательная двухмерная власть исключает частные интересы, таким образом, в ее воспроизведении заинтересованы все акторы, и со временем она только усиливается. По этой причине государства, имеющие постоянные меньшинства, неспособны успешно управляться с помощью мажоритарных демократических процедур, которые обычно приводят к конфронтации, поскольку в этом случае мажоритарная демократия ведет к символическому насилию, так как *B* всегда проигрывает. Сообщественная же демократия [Lijphart, 1977] – это возможность меньшинств постоянно участвовать в игре, так что она есть нормативно-желательная *власть над*. Важно отметить, что процедуры справедливы только в том случае, если существует возможность воспроизводства структур / институтов *на практике*.

В этом смысле знаменитое определение власти Арендт как возможности совместного действия (act in concert) [Arendt, 1970, p. 52] не обязательно указывает на общие цели или задачи, как предполагается во «власти для» (power to) и «власти вместе» (power with) [Allen, 1999]. Слово «концерт» (concert) здесь вводит метафору музыкального концерта, где взаимодействие между исполнителями скоординировано и структурировано.

Чем более в практики структурирования включаются *B*, тем более стабильна система, и тем меньше потребности в принуждении. Другими словами, второе измерение власти как справедли-

ности оказывается функциональным в том смысле, что, будучи стабильным, оно представляет собой вариант мира, а не скрытой войны – вопреки утверждению Фуко, что политика – это война другими средствами [Foucault, 1980, p. 91]. Я бы предположил, что именно по этой причине, несмотря на разработку все более эффективных инструментов физического подавления, которые бы могли поддерживать принудительные системы господства, демократия обеспечивает лучшую стабильность, чем альтернативные политические устройства. Это ключ к пониманию связи между справедливостью и стабильностью [см.: Rawls, 1993, p. 140–144]. По этой причине в современном мире распространяется демократия, а не наступает конец истории и нормативный триумф либерализма, как полагал Фукуяма [Fukuяama, 1992]. И это ключ к более эффективной политической власти.

Третье измерение власти

В третьем измерении власти имеет место отношение между властью и общественным сознанием акторов. Луксовская концепция трехмерной власти [Lukes, 1974] и объяснение взаимоотношений власти и знания Фуко [Foucault, 1980], по сути, предполагают наличие подразумеваемого социального знания (*tacit social knowledge*), которое акторы используют для воспроизводства социальной структуры и отношений господства. Эту гипотезу я не собираюсь фальсифицировать; но я утверждаю, что связь между властью и знанием – это одновременно и ключ к освобождающей совместной (*concerted*) власти. Как и в двухмерной власти, один и тот же эмпирический процесс имеет как позитивный, так и негативный нормативный потенциал.

Идея о том, что ограничение и исключение являются частью условий для добродетельной (*virtuous*) политики – часть более широкого представления о человеческой природе. Как утверждал Поппер, ссылаясь на Канта, процессы инклюзии и эксклюзии составляют ядро когнитивных процессов [Popper, 2002, p. 59]. Наука не просто наблюдает мир вокруг нас; мы наблюдаем его, накладывая на него наши гипотезы, которые фактически создают категории включения и исключения. Кант считал их априорными и трансцендентально верными; но современная социология и антро-

пология уверяют нас в том, что они многочисленны и изменчивы. Они конституируют то, что Фуко называл историческим *априори* [Foucault 1970], представляющим локальную систему мышления, связанную с конкретным временным периодом. Это, на мой взгляд, нечто близкое к парадигме Куна [Kuhn, 1970]. Мы интерпретируем мир через категории мышления, которые конституируют исторические (временные) и антропологические (пространственные) категории смыслов, которые включают в себя модусы инклюзии и эксклюзии. Наше знание практик структуриации непосредственно относится к этому знанию. Эти широкие категории смыслов – инклюзия и эксклюзия – существуют в нашем сознании как *габитус* в терминах Бурдьё [Bourdieu, 1990], или как *практическое знание* (practical conscious knowledge) у Гидденса [Giddens, 1984], или как *эпистема* либо историческое *априори* у Фуко [Foucault, 1970].

В данной статье я использую термин *габитус* для обозначения общественного сознания акторов в целом и опираюсь на терминологию Гидденса [Giddens, 1984, p. 40–54], разбивая *габитус* на две части. Дискурсивное сознание относится к той части *габитуса*, который акторы осознают дискурсивно; практическое сознание – это подразумеваемое (tacit) знание, которое акторы используют для информирования их практики структурирования. Эпистемы Фуко эквивалентны габитусу и содержат в себе элементы обеих частей. Теории или научные модели – это дискурсивное сознание, а сам собой разумеющийся порядок вещей, структурирование самой системы мыслей – это практическое знание.

Источником смыслов выступает наше практическое знание, а цели и задачи скорее формируются дискурсивно. Практическое знание не является неосознаваемым. Однако в повседневных интеракциях это знание представляет собой само собой подразумевающиеся смыслы. Например, в коммуникации я в основном использую мое практическое знание английского языка и академических практик, тогда как моя дискурсивная цель – переосмыслить современные дискуссии о власти. Однако в случае необходимости я могу дискурсивно отрефлексировать структуры английского языка или точные смыслы используемых слов; я также могу объяснить правила, действующие в академических практиках, т.е. знание не является неосознаваемым.

Итак, вернемся к нашему примеру: если *A* и *B* оба баллотируются на выборах, то смысл выборов определяют структурирующие практики из практического знания (номинация кандидатов, сбор и подсчет голосов, и др.), но цель – победа на выборах – дискурсивна. Очевидно, если демократия только-только установилась, то структурирующие практики еще будут дискурсивными. Однако со временем они превратятся в часть практического сознания. Социологи феноменологического направления, например Шютц [Schutz, 1972], отмечали: практически невозможно полноценно взаимодействовать в нашем сложном и комплексном мире без какого-либо знания о правилах взаимодействия на уровне практического сознания; невозможно все время мыслить дискурсивно.

Однако если этого знания недостаточно, то акторы оказываются беззащитными: их упорядоченный «естественный порядок вещей» рассыпается. Как писал Эриксон [Erikson, 1967], первая мысль, которую запоминает ребенок, это возвращение материнской груди обратно после ее исчезновения. Объект исчезает из поля зрения и возвращается – мы понимаем упорядоченность внешнего мира. Акты интерпретации, как убеждает нас Хайдеггер [Heidegger, 1962], – это акты осмысления, часть онтологии социальных существ, по природе своей осмысляющих и интерпретирующих. У нас нет возможности переступить порог собственного горизонта интерпретации. Любой радикальный (но не незначительный) подрыв практического знания – это потеря смысла, ощущение бессмысленности, и далее – фундаментальная беззащитность от внешнего мира, онтологическая уязвимость.

Третье измерение власти формируется в контексте этого практического знания, которое является основой рутинного воспроизводства структур. Поскольку все практики структурирования включают и инклюзию и эксклюзию, третье измерение власти можно рассматривать как наложение структурных включений и исключений практического знания на структурное воспроизводство – включения и исключения, которые структурное взаимодействие представляет как часть естественного порядка вещей.

Третье измерение власти представляет определенные акты структурирования разумными, поскольку они являются частью естественного порядка. Отсюда и возникает вопрос Фуко о том, в какой степени мы вообще способны использовать «доводы разума» для критики власти. Его риторический ответ: ни в какой, это абсолют-

но бессмысленно [Foucault, 1982, p. 210]. Напротив, Лукс, следуя традиции Спинозы, предписывает нам использовать разум самостоятельно [Lukes, 2005, p. 115]. В целом этот спор о «разумности» – важнейшая линия разграничения между модернизмом эпохи Просвещения и постмодернизмом. Как мы увидим далее, оба подхода содержат в себе здоровое зерно, хотя и ведут к разным выводам.

Несмотря на их очевидную противоположность, между ними существует имплицитный консенсус в том, что смысл (reason) – это фундамент действия. Каждый акт структуриации – это акт упорядочивания наших действий относительно нашего восприятия мира; он избегает внутреннего логического противоречия. Когда антрополог встречается новую непохожую цивилизацию, герменевтик переводит необычный текст, фукоист сталкивается с чужеродной системой мышления, последователь Куна – с другой парадигмой, все они пытаются понять их смысл через структурирующие практики и / или дискурсивные декларации, даже если последние и кажутся им бессмысленными. Они спрашивают себя: какое практическое знание, отличающееся от моего, обуславливает разумное поведение? Другими словами, фундаментальной предпосылкой выступает разумность другого. Это не абсолютная рациональность, а разумность практического знания, которую переводчик пытается расшифровать.

Разумность заключается в действии, логически вытекающем из воспроизводящегося смысла. Остин называл такую рациональность *соответствующей (felicitous)* [Austin, 1975], так как она *соответствует* локальной системе смыслов и контексту. Возвращаемся к нашему примеру с выборами: если *A* и *B* баллотируются на выборах, то сам смысл акта структурного воспроизводства заключается в том, что *B* смирится с поражением, если наберет меньше голосов, чем *A*. Смысл баллотирования на выборах включает в себя обязанность (ought), вытекающую из практического знания, свой собственный императив, являющийся источником структурного ограничения актора. Если актор нарушит этот императив, он вступит в область онтологической угрозы для самого себя. Ни один актор не чувствует себя комфортно, если действует вопреки своему практическому знанию. Поскольку все практики структуриации включают в себя инклюзию и эксклюзию, это означает, что все системы мышления, все формы разумности включают в себя принцип предпочтения (bias) одних форм распределения власти другим. Разум представляет собой форму клетки для социаль-

ных субъектов, обеспечивающей их онтологическую безопасность. В определенном смысле разум создает альтернативу принуждению. Актор может действовать предсказуемо, потому что иное поведение будет наказано, или же он может воздержаться от альтернативных практик поведения просто потому, что считает их нерезонными, даже если они выглядят желательными с точки зрения достижения цели: завоевание власти в результате выборов остается желаемой целью, даже если у вас меньше голосов, но в данной ситуации это неразумно.

Если рассматривать идеологию как практическое знание, которое легитимирует определенные формы властных отношений и делегитимирует остальные, то можно сказать, что все акторы обладают идеологией. Поскольку идеология поддерживается разумом, то Фуко отчасти прав в том, что невозможно критиковать практическое знание простой апелляцией к рациональному; ведь все формы практического знания предполагают какую-то рациональность. Скажем, если акторы социализированы через телеологический взгляд на мир и уверены, что все обладает смыслом, то логичным кажется и вывод о том, что у личности есть предназначение, смысл, душа, эссенция. Следовательно, эссенциалистские дифференциации власти разумны и содержат неявное императивное обязательство. Напротив, если для акторов физический мир состоит из атомов, которые сталкиваются друг с другом внутри обезличенной и управляемой безразличными законами физики вселенной, логично, что мир политики должен также управляться безличными законами. Для эссенциалиста-актора изначальная позиция Ролза будет алогичной; поэтому современные принципы легальной рациональности не могут быть успешно внедрены в традиционные общества. Но для актора из современности взаимодействие по Ролзу выглядит разумно.

На самом деле сделать исключение самому себе – нерациональная стратегия в любом сообществе, вне зависимости от ваших собственных представлений, и даже если вы принадлежите к группе с высоким социальным статусом [Rawls, 1993, p. 54]. Если популяция разделяет одно и то же практическое знание, то это способствует усвоению самоограничений по ролзовским линиям, особенно в отношении справедливости, – общество приобретает *гражданскую культуру*, а это благоприятная почва для либеральной демократии. В данном случае трехмерная власть является нормативно-желательной.

С другой стороны, существует вероятность того, что локальное практическое знание породит гражданскую культуру, которая не будет способствовать демократии: если акторы социализируются как эссенциалисты, если у них сильная традиция *gemeinschaft*, верности роду и клану, то тогда сами идеи политического равенства и смены элит кажутся бессмысленными. Еще Платон замечал, что демократическое равенство на корабле, скорее всего, обернется катастрофой, если капитан, кок и пассажиры будут иметь равный голос относительно необходимых действий во время шторма. Поэтому западную демократию почти невозможно просто импортировать в традиционные сообщества, где практическое знание сильно отличается от западного. Даль писал [Dahl, 1989], что едва ли существуют такие примеры, когда демократия, установленная более 20 лет назад, потом исчезла. 20 лет – это примерный срок, необходимый для перестройки практического сознания, соответствующего демократическим практикам. Это требуется для укоренения трехмерной власти.

Трехмерная власть создает практическое знание, которое наделяет смыслом практики структурирования. Эти практики внедрены в системы смыслов, делающие одни действия резонными, другие – нерезонными; тем самым они легитимируют инклюзию и эксклюзию. Акторы не способны выйти за пределы своего практического знания, так как оно определяет смысл их бытия в мире; но они тем не менее не беспомощные его рабы. Свое практическое сознание они могут сдвинуть в дискурсивную область и отрефлексировать то, что ранее считали частью естественного порядка, переосмыслить свои «безусловные» знания о порядке вещей и рассмотреть альтернативы.

Это соответствует генеалогии Фуко как критики настоящего [Foucault, 2007, p. 36]. Показывая, как наше практическое знание создает образ естественного порядка, конструируя его через мелкие и незначительные интеракции, генеалог подвергает его сомнению. Показывая, как западный образ мышления появился в процессе наследования практических знаний, наслаивающихся друг на друга, он заставляет нас поставить под сомнение наше практическое знание. Таким образом, наше естественное отношение может быть подвергнуто сомнению, чтобы выяснить, насколько оно разумно.

Теоретическая критика трехмерной концепции власти в контексте возможностей перестройки сознания (*consciousness raising*)

отвлекает нас от одного из фундаментальных недостатков луксовской концепции трехмерной власти (Lukes, 1974), который заключался в использовании концепции ложного сознания. Критика ложного сознания предполагает его противоположность – истинное сознание. Но каковы его критерии?

Радикальные феминистки, левые социальные критики или генеалоги-деконструктивисты – кто из них обладает истинным сознанием? Сам этот термин поражает своим покровительственным элитизмом. Предлагается описание мира, которое резонирует с практическим сознанием подавляемых социальных акторов. Подавляемые используют свои дискурсивные подходы к объяснению социального порядка, чтобы поставить под сомнение естественность их практического знания. Таким образом, то, что разумно в практическом сознании, представляется неразумным в дискурсивном сознании. Разумность здесь – это не какая-то трансцендентная категория Истины или Разума с заглавных букв.

Представим общество, находящееся в процессе перехода от традиционного к современному – в каких-то аспектах акторы еще остаются эссенциалистами, но в других – уже нет. Так, они принимают республиканский принцип гражданства, но в силу семейного и религиозного воспитания остаются эссенциалистами в отношении к гендеру. Эта ситуация типична для многих постколониальных обществ, где республиканизм прижился за время борьбы за независимость, но семья осталась традиционной и институциональная религия сохранила сильное влияние. Особенно если религия отождествила себя с борьбой за независимость, как в Ирландии, где католическая церковь поддерживала национальное движение с начала XIX в.; другой пример – «арабская весна», где в союз вступили демократия и ислам.

В этом примере перестройка сознания или критика трехмерной власти влечет за собой перевод эссенциальной логики гендерных ролей в дискурсивное сознание и затем включение его в дискурсивное знание республиканской концепции гражданства, которое уже существует в результате политической борьбы. На дискурсивном уровне формируется связь между гендером и гражданством, что делает эссенциалистские концепции гендера необоснованными. Необоснованность относится не к какой-то трансцендентальной истине, а скорее к уже существующему горизонту интерпретации данного актора – республиканизму. Рациональное осмысление – это орудие социальной

критики, но его использование не есть апелляция к «ложному» или «истинному» сознанию. Фуко прав, что нет никакого Рацио с заглавной «Р» или истинного сознания, к которому можно было бы обратиться; но Лукс, в свою очередь, прав в том, что рациональность – ключ к критике и переосмыслению практики.

Таким образом, можно сделать два вывода относительно трехмерной власти. Во-первых, трехмерная власть формирует в практическом знании специфическую систему инклюзии и эксклюзии; одни структурирующие практики становятся рациональными, а другие – нет. Это может усиливать как доминирование, так и относительно более эгалитарные системы. Как эмпирический феномен, этот процесс может быть нормативно и желательным, и нежелательным. Во-вторых, акторы – не бессловесные рабы своего практического сознания. Конвертируя свое практическое знание в дискурсивное, они могут анализировать предлагаемые практики и изменять их таким образом, чтобы они соответствовали дискурсивным представлениям.

Если смотреть со стороны, с точки зрения нормативной политической теории, критикующей общество, социальная система воспроизводится локальными представлениями о разумности, что не позволяет апеллировать к какой-либо трансцендентной метапричине (*meta-reason*). Безусловно, не все практическое знание, усиливающее власть, нормативно одинаково. Различение между нормативно-желательным и нежелательным практическим сознанием является проблемой власти. Если *B* считает структуры, которые производят власть с позитивной суммой, разумными, поскольку они создают диспозиционные возможности *B*, то можно сказать, что это конкретное локальное практическое сознание имеет нормативную ценность. Однако если практическое знание позволяет *A* эксплуатировать *B* в качестве средства достижения цели во властном отношении с нулевой суммой, то эта идеология заслуживает критики. Например, практическое знание формирует безусловное подчинение авторитету, базируется на принимаемых на веру трансцендентальных и / или эссенциалистских утверждениях, которые обуславливают подчинение *B* власти с нулевой суммой. Это – доминирование, поскольку *B* используется как средство достижения цели.

Четвертое измерение власти

Это власть, кроющаяся в процессах субъективации, – превращении социальных акторов в социальных субъектов [Foucault, 1982, p. 208]. Вот характеристика Фуко: «Это форма власти, которая существует в непосредственной повседневной жизни, формирует индивида, прикрепляет его к своей идентичности, налагает на него определенные законы истины, которые он должен признать и которые другие должны признать в нем. У слова “субъект” есть два значения: субъект как подданный, и субъект как некто, привязанный к своей идентичности – сознанием или самосознанием. Оба значения говорят нам о некой форме власти – она подчиняет нас и превращает нас в субъектов» [Foucault, 1982, p. 212].

Далее Фуко описывает это как «сопровождение поведения» (conduct of conduct) [Foucault, 1982, p. 221], для которого приоритет – процесс «управляемости» (governmentality) [Dean, 2010]. Эта форма власти проявляется в современности в результате эпистемического «открытия человека» [Foucault, 1970]. Отныне человек как субъект одновременно становится и объектом знания. Человека можно изучать – значит, нормы тоже могут устанавливаться в зависимости от того, нормальными или аномальными они признаются. Это знаменитая концепция Паноптикума – где заключенные в своих камерах всегда на виду у всевидящего ока [Foucault, 1979, p. 100]; они знают, что за ними наблюдают, и они начинают наблюдать себя глазами наблюдателя. Тем самым они подчиняются нормализующим оценкам наблюдателя. Когда эти оценки интернализуются, они становятся объектами знания и тем самым объектами нормализации. Вместе с этим наблюдением приходят дисциплина и принудительная рутинизация: строгое следование расписанию, точное позиционирование себя в пространстве, – и появляются «новые аномальности», или «нарушения дисциплины»: невнимательность, неприлежность, отличность, пренебрежения правилами, нечистоплотность, девиантное поведение и так далее [Foucault, 1979, p. 178].

С точки зрения кантианской нормативной перспективы эта форма власти, конечно, выглядит нормативно-нежелательной (normatively reprehensible). Субъекта используют, насильно загоняют в рамки; нормализованный субъект – очевидно, средство для

целей Системы. Однако это первое впечатление вполне может оказаться обманчивым.

Процесс человеческой социализации – это открытие Раннего Модерна. Когда капитан Кук сделал свое описание общества туземцев Таити [Cook, 2012], его пасторальное, хоть и патерналистское к ним отношение стало вкладом в смещение парадигмы: он породил среди европейцев идею о том, что иные сообщества могут быть проинтерпретированы как альтернативные цивилизации, имеющие свои собственные модели социализации. Эта идея позже была представлена в позитивной характеристике «естественного состояния» у Руссо [Rousseau, 1993] и далее популяризована в образе «благородного дикаря». В XIX в. Чарльз Дарвин увидел жителей на Тьерра-дель-Фуэго [Darwin, 1989, p. 167–171] и решил, что почти обнаружил идеальных доцивилизованных людей. Общая нить этих совершенно несопоставимых идей заключается в том, что человеческая «цивилизованность» – это продукт социализации. Из-за этого осознания и появились наши науки об обществе.

Паноптикум – это машина социализации. Его изобретатель Бентам предлагал мысленный эксперимент. Скажем, у нас есть два Паноптикума-школы; в одном детей учат, что два плюс два – это пять, а луна сделана из зеленого сыра; в другом – адекватным знаниям. Затем их выпускники встречаются, и мы понаблюдаем за их дискуссиями [Foucault, 1979, p. 204]. Фактически Паноптикум – это архитектурный инструмент для создания социальных субъектов.

Геллнер в своем исследовании национализма [Gellner, 1983] проницательно отметил, что ключ к появлению современного государства – не простая монополия на насилие и налогообложение, а монополия на социализацию и контроль над образованием. До появления всеобщего образования социализация была делом частным – семьи, церкви или ремесленной гильдии. Но в современности детей социализирует общая учебная программа.

Усвоение дисциплины делает поведение акторов предсказуемым, а предсказуемость – значит, рутинизация, – открывает дорогу к структуризации [Giddens, 1984, p. 60–68]. Дисциплина делает структуризацию во многом рефлексивным актом практического сознания: если практику структуризации усваивают через постоянные повторения и заучивание ролей, реакции на нее будут носить автоматический характер, акторы будут просто предрасположены к тому, чтобы реагировать определенным образом на конкретные

стимулы. Для быстрой и нерефлексивной реакции их учат отвечать на основе практического знания, которое включает в себе трехмерную власть как господство. Жесткая дисциплинирующая социализация позволяет создавать очень предсказуемых социальных субъектов, которые отвечают, как автоматы. Они представляют собой идеальные объекты для доминирования, реагирующие предсказуемо благодаря прочно закрепленному практическому знанию стимулов и реакции. Акторов заключают в клетки собственного сознания, где они остаются, даже если это противоречит их собственным интересам. Однако не все образование таково, как и не всякая дисциплина служит этой цели.

Примерно в то же время, когда Бентам расписывал добродетели своего Паноптикума, Кант задавался вопросом «что есть просвещение?». Ответ заключался в том, что просвещение – это освобождение из-под навязанной нам самим себе опеки – опеки, которая родилась из нашей неспособности использовать собственное мышление без оглядки на других [Foucault, 2007]. Критика авторитета здесь – смелость постоянных вопросов и сомнений, продолжительный разрыв между царством «принятого-за-должное» практического знания и дискурсивным сознанием; это критика трехмерной власти. Кант вовсе не отрицал авторитет сам по себе; он отрицал авторитет, который основывается на принципах, которые нельзя оправдать дискурсивно.

Дисциплина имеет два смысла. Дисциплина, на которой фокусируется Фуко, предполагает нерефлексивное усвоение рутины. Но есть и другой аспект дисциплины, который также является частью современного общества (modernity). Как заметил Элиас, современность предполагает массовое усвоение самоограничений, которое он относит к классовому размежеванию [Elias, 1994], – скажем, буржуазия дисциплинирует себя, создавая культурный капитал и утверждая свой высокий статус. Усиление усвоения самоограничений – это также ключ к «Протестантской этике и духу капитализма» Вебера [Weber, 1976]: появление пуританства создало условия для появления новых современных субъектов – капиталиста и бюрократа – через генерализацию среди мирян принципа откладывать собственное удовлетворение, характерного для послушников монашеских орденов. И Элиас, и Вебер, при всех различиях между ними, согласны в том, что отложенное удовлетво-

рение через усвоение самоограничений – это отличительная черта современного типа дисциплины.

Социальные акторы в современном мире всегда находятся в процессе изменений, они меняют свои социальные роли. В один момент времени «она» является матерью – со всеми материнскими обязанностями и сильными эмоциональными привязанностями; но через мгновение «она» – уже судья верховного суда. И для того чтобы выполнять свои обязанности, она закрывает свои личные материнские и аффективные привязанности на замок; иначе она окажется некомпетентной. И здесь она тоже в своем роде – заключенная в Паноптикуме, она также видит себя перед оценивающим взглядом общества, но смысл этой оценки и результата – принципиально иной. Акторы, от которых мы требуем исполнения общественно важных обязанностей, должны смотреть на себя через линзы, похожие на естественное состояние Ролза. Таким образом, они должны быть дисциплинированы во втором смысле этого слова, усваивая массивное самоограничение.

Некоторую часть этого самоограничения можно воспитать через длительное и трудное обучение. Чем выше у человека квалификация, тем на большую отсрочку удовлетворения он способен. Иными словами, образовательная меритократия – это не только про высокие знания, соотносящиеся с высокой позицией во власти. В этом плане более значима корреляция между высшими позициями во власти и способностью к самоограничению. Это не часть модели Фуко, но это главное связующее звено между дисциплиной и современными субъективными позициями.

Ранее мы отмечали, что ключ к нормативно-желательной *власти над* – это принятие структурных ограничений, даже если это напрямую противоречит нашим целям. В современном социуме акторы продолжают подчиняться авторитету (authority); но это не предосудительно само по себе, если подчиняющийся *B* знает, что авторитет *A* не будет использовать свою власть для собственных эгоистических целей. На дискурсивном уровне у *B* есть резон подчиняться *A*, если исполняются два условия: (а) носитель авторитета обладает надлежащими знаниями; (б) существуют убедительные причины ожидать, что *A* будет использовать свою власть только для дозволенных структурами целей.

Последнее возможно лишь в том случае, если *B* уверен, что *A* способен к высокой степени самоограничения. Если *A* использует

власть для достижения своих целей, то *B* будет использован как средство. Однако если *B* подчиняется *A*, который интернализовал самоограничения, необходимые для использования власти в рамках структурных ограничений, то *B* не будет использован как средство достижения цели в момент подчинения. Для этого *A* должен быть способен подчиняться структурным ограничениям, каким бы ни было его искушение не делать этого. Следовательно, самоограничение *A* создает возможность отношения, в котором эпизодическая власть *A* расширяет диспозиционные возможности *B*. Ключ к созданию современной структуры власти с ненулевой суммой – это ответственные акторы, способные к самоограничению.

Таким образом, дисциплина может как создать послушный объект, идеальный для доминирования, так и обеспечить возможность нормативно-желательной *власти над* – власть действовать вместе (concerted power). Это может прозвучать контринтуитивно, но усвоенное самосубъективирование есть важная предпосылка для эмпирической реализации нормативно-приемлемых принципов процедурной справедливости и справедливой власти действовать вместе.

Заключение

Традиционно в литературе *власть над*, *власть для* или *вместе*, власть как *доминирование* и власть как *эмансипация* или власть действовать вместе (concerted power) противопоставлялись. Но во втором, третьем и четвертом измерениях власти актор *B* сам желает подчиниться актору *A*. Следует задать вопрос – почему?

Я показал, что *власть над* может обладать позитивной суммой (первое измерение власти), и что процесс исключения через структурные ограничения (второе измерение власти) создает возможность как для справедливости, так и для доминирования. Тем самым власть как господство и власть как эмансипация предполагают один и тот же процесс. Это открывает путь для третьего и четвертого измерений власти, где подчинение *B* обеспечивается через когнитивные и онтологические процессы. Структурное ограничение имеет место через восприятие габитуса разумности (perceptions of reasonableness) (третье измерение власти), или маппирования габитуса и структурного ограничения. Если это маппирование происходит в области практического знания, то потенциал

доминирования высок. Однако если маппирование имеет дискурсивный характер, то подчиняющийся актор способен оценить, усиливает ли данный эпизод подчинения его собственную диспозиционную власть. В четвертом измерении власти акторы субъективируются через дисциплину, которая имеет два аспекта. Они могут либо превратиться в автоматы, натасканные на неосознанное подчинение, либо могут стать социальными субъектами, способными исполнять сложные социальные роли со способностью к самоограничению. В последнем случае отношение становится полезным и для актора *B*, а значит, нормативно-позитивным.

Хотя второе, третье и четвертое измерения власти оставляют актора *B* открытым для манипуляций и отношений нулевой суммы, они также являются ключом к власти как совместному действию. Я предлагаю гипотезу: это очевидное противоречие возможно только потому, что один и тот же эмпирический процесс имеет оба потенциала. Тот факт, что нормативно-желательная власть и власть как доминирование имеют в своем основании один и тот же эмпирический процесс, не случаен. Второе предполагает первое. За исключением случаев принуждения эффективность власти как доминирования паразитирует на *власти над* как совместном действии. Для *B* разумно подчиняться структурным ограничениям, на которых основывается *власть над*, если эта власть имеет потенциал создавать власть как совместное действие у подчиняющегося субъекта. Иными словами, можно обманывать людей некоторое, но не все время.

	Доминирование (нежелательна)	Сотрудничество (желательна)
Власть-1	<i>A</i> принуждает <i>B</i> , ущемляя интересы <i>B</i> (грабление)	<i>A</i> принуждает <i>B</i> эпизодически, но диспозиционно <i>B</i> сохраняет возможность принудить <i>A</i> (выборы)
Власть-2	<i>A</i> исключает невыгодную для себя точку зрения <i>B</i> из повестки (цензура)	<i>A</i> и <i>B</i> исключают свои эгоистические интересы и заботятся об общем благе (общественный договор)
Власть-3	<i>B</i> традиционно повинуетс ^я <i>A</i> , некритически принимая причины трансцендентального / эссенциалистского характера	<i>B</i> повинуетс ^я <i>A</i> , осмыслив свое поведение на дискурсивном уровне и сочтя его непротиворечивым и выгодным
Власть-4	Паноптикум как тюрьма: социализация убедила <i>B</i> , что он обязан подчиняться <i>A</i>	Паноптикум как школа: социализация научила <i>A</i> , что в позиции авторитета должно прибегать к самоограничению и действовать в общих интересах

Список литературы

- Allen A.* The politics of ourselves: Domination, resistance and solidarity. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 248 p.
- Allen A.* The power of feminist theory. – Boulder, CO: Westview Press, 1999. – 168 p.
- Arendt H.* On violence. – San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970. – 120 p.
- Arendt H.* The human condition. – Chicago: Chicago univ. press, 1998. – 349 p.
- Austin J.L.* How to do things with words. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – 168 p.
- Bachrach P., Baratz M.* The two faces of power // American Political Science Review. – Washington, 1962. – N 56. – P. 947–952.
- Barnes B.* The nature of power. – Cambridge: Polity, 1988. – 224 p.
- Bates S.R.* Re-structuring power // Polity. – Cambridge, 2010. – N 42(3). – P. 352–376.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. – Basingstoke: Macmillan, 1991. – 276 p.
- Bourdieu P.* The logic of practice. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 344 p.
- Clegg S.* Frameworks of Power. – L.: Sage, 1989. – 320 p.
- Cook J.* Captain Cook's journal during his first voyage round the world. – Scotts Valley, California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. – 350 p.
- Dahl R.* Democracy and its critics. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1989. – 397 p.
- Dahl R.* The concept of power // Behavioural Science. – Basel, 1957. – N 2(3). – P. 201–215.
- Darwin C.* Voyage of the Beagle. – Harmondsworth: Penguin, 1989. – 448 p.
- Dean M.* Governmentality: Power and rule in modern society. – L.: Sage, 2010. – 304 p.
- Digester P.* The fourth face of power // Journal of Politics. – Chicago, 1992. – N 54. – P. 777–1007.
- Dworkin R.* Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2000. – 503 p.
- Elias N.* The civilizing process. – Oxford: Basil Blackwell, 1994. – 586 p.
- Erikson E.H.* Childhood and society. – N.Y.: Norton, 1967. – 445 p.
- Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. – Harmondsworth: Penguin, 1979. – 352 p.
- Foucault M.* Power / knowledge. – Brighton: Harvester Press, 1980. – 98 p.
- Foucault M.* The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences. – L.: Routledge, 1970. – 448 p.
- Foucault M.* The politics of truth / Ed. by S. Lotringer. – Cambridge, MA: Semiotext (e): MIT Press, 2007. – 200 p.
- Foucault M.* The subject and power // Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics / H. Dreyfus, P. Rabinow (eds.). – L.: Harvester Wheatsheaf, 1982. – P. 208–226.
- Fraser N.* Michel Foucault: A young conservative? // Ethics. – Chicago, 1985. – N 96 (1). – P. 165–184.
- From Max Weber: essays in sociology / H.H. Gerth, C.W. Mills (eds.).* – L.: Routledge, 1948. – 490 p.
- Fukuyama F.* The end of history and the last man. – N.Y.: Free Press, 1992. – 464 p.
- Gallarotti G.* Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. – Galway, 2011. – N 4(1). – P. 25–48.

- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. – Cambridge: Polity, 1983. – 304 p.
- Gellner E.* Nations and nationalism. – Oxford: Blackwell, 1983. – 208 p.
- Gellner E.* Plough, sword and book. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989. – 288 p.
- Giddens A.* Power in the recent writings of Talcott Parsons // *Sociology*. – Sydney, 1968. – N 2(3). – P. 257–272.
- Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity, 1984. – 402 p.
- Gohler G.* «Power to» and «Power over» // *The Sage handbook of power* / S. Clegg, M. Haugaard (eds.). – L.: Sage, 2009. – P. 27–39.
- Habermas J.* The theory of communicative action. – Cambridge: Polity, 1984. – Vol. 1: Reason and the rationalization of society, polity. – 465 p.
- Habermas J.* The theory of communicative action. – Cambridge: Polity, 1987. – Vol. 2: The critique of functionalist reason. – 457 p.
- Haugaard M.* Power: A «family resemblance» concept // *European Journal of Cultural Studies*. – L., 2010. – N 13(4). – P. 1–20.
- Haugaard M.* Reflections on seven ways of creating power // *European Journal of Social Theory*. – L., 2003. – N 6(1). – P. 87–114.
- Haugaard M.* The Constitution of Power: A theoretical analysis of power, knowledge and structure. – Manchester: Manchester univ. press, 1997. – 237 p.
- Hayward C.* De-Facing Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 228 p.
- Hayward C., Lukes S.* Who to shoot? An exchange // *Journal of Power*. – 2008. – N 1(1). – P. 2–20.
- Heidegger M.* Being and time. – Oxford: Blackwell, 1962. – 590 p.
- Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. – Chicago, IL: Chicago univ. press, 1970. – 210 p.
- Lijphart A.* Democracy in plural societies: A comparative exploration. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1977. – 248 p.
- Lukes S.* Power: a radical view. – L.: Macmillan, 1974. – 68 p.
- Lukes S.* Power: a radical view. – 2nd ed. – Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2005. – 204 p.
- Machiavelli N.* The Prince. – L.: Penguin, 1961. – 106 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. – 578 p.
- Mansbridge S.* Using power/fighting power // *Constellations*. – N.Y., 1994. – N 1 (1). – P. 53–72.
- Mills C.W.* The power elite. – L.: Open univ. press, 1956. – 497 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Morriss P.* Steven Lukes on the concept of power // *Political Studies Review*. – L., 2006. – N 6(4). – P. 124–135.
- Mouffe C.* The democratic paradox. – L.: Verso, 2000. – 144 p.
- Nye J.* Power and foreign policy // *Journal of Political Power*. – Galway, 2011 a. – N 4 (1). – P. 9–24.
- Nye J.* Soft power // *Foreign Policy*. – Washington, 1990. – N 80. – P. 53–71.

- Nye J.* The future of power. – N.Y.: Public Affairs, 2011 b. – 320 p.
- Parsons T.* On the concept of political power // Proceedings of the American Philosophical Society. – Philadelphia, 1963. – N 107. – P. 232–262.
- Pitkin H.* Wittgenstein and Justice: On the Significance of Ludwig Wittgenstein for Social and Political Thought. – Boulder, CO: Univ. of California press, 2011. – 392 p.
- Politics, philosophy, culture / M. Foucault, L.D. Kritzman (eds.). – L.: Routledge, 1988. – 356 p.
- Popper K.* The logic of scientific discovery. – L.: Routledge, 2002. – 544 p.
- Power: a reader / Ed. by M. Haugaard. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 352 p.
- Rawls J.* A theory of justice. – Oxford: Oxford univ. press, 1971. – 538 p.
- Rawls J.* Political liberalism. – N.Y.: Columbia univ. press, 1993. – 525 p.
- Rousseau J.J.* The social contract. – L.: Everyman: Dent, 1993. – 288 p.
- Sandel M.* Liberalism and the limits of justice. – 2nd ed. – Cambridge: Harvard univ. press, 1993. – 233 p.
- Schmitt C.* Political theology. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1985. – 122 p.
- Schmitt C.* The Concept of the political. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996. – 126 p.
- Schutz A.* The phenomenology of the social world. – L.: Heinemann, 1972. – 255 p.
- Searle J.* Social ontology and political power // Freedom and neurobiology: Reflections on free will, language and political power. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – P. 79–110.
- Weber M.* The protestant ethic and the spirit of capitalism. – 2nd ed. – L.: George Allen & Unwin, 1976. – 292 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. – Oxford: Oxford univ. press, 1967. – 250 p.
- Wrong D.H.* Power: its forms bases and uses. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1995. – 356 p.

M. Haugaard*

Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment¹

Abstract. In the literature, there have been two essentially contrasting views of power: one of power as *domination*, largely characterized as *power over*, and the other of power as *empowerment*, frequently theorized as *power to*. To date, the four (Lukes and Foucault) dimensions of power have been considered forms of domination. In this article it is argued that the processes of four-dimensional power also constitute the process of normatively desirable power, as emancipation. Key is the realization that

* **Haugaard Mark**, School of Political Science and Sociology, National University of Ireland (Galway, Ireland), e-mail: Mark. Haugaard@NUIGalway.ie

¹ Translation of the article: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment. *Journal of Political Power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 35–54. <http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2012.660810>. Published with permission of the author. Translated by C.V. Fokin (HSE).

structured *power over* has the potential to be positive-sum, rather than zero-sum; furthermore, that the exclusions of two-dimensional power also constitute the conditions of possibility for justice. The fact that normatively desirable power and domination are constituted through the same processes is not chance: the effectiveness of power as domination is parasitic upon power as emancipation.

Keywords: political power; domination; empowerment; democracy; justice.

For citation: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 30–62. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>

References

- Allen A. *The politics of ourselves: Domination, resistance and solidarity*. N.Y.: Columbia univ. press, 2007, 248 p.
- Allen A. *The power of feminist theory*. Boulder, CO: Westview Press, 1999, 168 p.
- Arendt H. *On violence*. San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970, 120 p.
- Arendt H. *The human condition*. Chicago, IL: Chicago univ. press, 1998, 349 p.
- Austin J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1975, 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power. *American Political Science Review*. 1962, N 56, P. 947–952.
- Barnes B. *The nature of power*. Cambridge: Polity, 1988, 224 p.
- Bates S.R. Re-structuring power. *Polity*. 2010, N 42 (3), P. 352–376.
- Beetham D. *The Legitimation of Power*. Basingstoke: Macmillan, 1991, 276 p.
- Bourdieu P. *The logic of practice*. Cambridge: Polity Press, 1990, 344 p.
- Clegg S. *Frameworks of Power*. L.: Sage, 1989, 320 p.
- Cook J. *Captain Cook's journal during his first voyage round the world*. Scotts Valley, California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012, 350 p.
- Dahl R. *Democracy and its critics*. New Haven, CT: Yale univ. press, 1989, 397 p.
- Dahl R. The concept of power. *Behavioural Science*. 1957, N 2 (3), P. 201–215.
- Darwin C. *Voyage of the Beagle*. Harmondsworth: Penguin, 1989, 448 p.
- Dean M. *Governmentality: Power and rule in modern society*. L.: Sage, 2010, 304 p.
- Digester P. The fourth face of power. *Journal of Politics*. 1992, N 54, P. 777–1007.
- Dworkin R. *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2000, 503 p.
- Elias N. *The civilizing process*. Oxford: Basil Blackwell, 1994, 586 p.
- Erikson E.H. *Childhood and society*. N.Y.: Norton, 1967, 445 p.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Harmondsworth: Penguin, 1979, 352 p.
- Foucault M. *Power/knowledge*. Brighton: Harvester Press, 1980, 98 p.
- Foucault M. *The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences*. L.: Routledge, 1970, 448 p.
- Foucault M. The subject and power. In: *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics*. Ed. by H. Dreyfus, P. Rabinow. L.: Harvester Wheatsheaf, 1982, P. 208–226.

- Fraser N. Michel Foucault: A young conservative? *Ethics*. 1985, N 96 (1), P. 165–184.
- From Max Weber: *essays in sociology*. Ed. by H.H. Gerth, C.W. Mills. L.: Routledge, 1948, 490 p.
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. N.Y.: Free Press, 1992, 464 p.
- Gallarotti G. Soft Power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use. *Journal of Political Power*, 2011, N 4 (1), P. 25–48.
- Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Cambridge: Polity, 1983, 304 p.
- Gellner E. *Nations and nationalism*. Oxford: Blackwell, 1983, 208 p.
- Gellner E. *Plough, sword and book*. Chicago: University of Chicago Press, 1989, 288 p.
- Giddens A. Power in the recent writings of Talcott Parsons. *Sociology*, 1968, N 2 (3), P. 257–272.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity, 1984, 402 p.
- Gohler G. 'Power to' and 'Power over'. In: *The Sage handbook of power*. Ed. by S. Clegg, M. Haugaard. L.: Sage, 2009, P. 27–39.
- Habermas J. *The theory of communicative action: vol. I, reason and the rationalization of society, polity*. Cambridge: Polity, 1984, 465 p.
- Habermas J. *The theory of communicative action: vol. II, the critique of functionalist reason*. Cambridge: Polity, 1987, 457 p.
- Haugaard M. Power: a 'family resemblance' concept. *European Journal of Cultural Studies*. 2010, N 13 (4), P. 1–20.
- Haugaard M. Reflections on seven ways of creating power. *European Journal of Social Theory*. 2003, N 6 (1), P. 87–114.
- Haugaard M. *The Constitution of Power: A theoretical analysis of power, knowledge and structure*. Manchester: Manchester univ. press, 1997, 237 p.
- Hayward C. *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000, 228 p.
- Hayward C., Lukes S. Who to shoot? An exchange. *Journal of Power*. 2008, N 1 (1), P. 2–20.
- Heidegger M. *Being and time*. Oxford: Blackwell, 1962, 590 p.
- Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: Chicago univ. press, 1970, 210 p.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies: a comparative exploration*. New Haven, CT: Yale univ. press, 1977, 248 p.
- Lukes S. *Power: a radical view*. L.: Macmillan, 1974, 68 p.
- Lukes S. *Power: a radical view: 2 nd ed*. Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2005, 204 p.
- Machiavelli N. *The Prince*. L.: Penguin, 1961, 106 p.
- Mann M. *The Sources of Social Power: Volume 1, A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1986, 578 p.
- Mansbridge S. Using power/fighting power. *Constellations*. 1994, N 1 (1), P. 53–72.
- Mills C.W. *The power elite*. L.: Open univ. press, 1956, 497 p.
- Morris P. *Power: A Philosophical Analysis: 2 nd ed*. Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Morris P. Steven Lukes on the concept of power. *Political Studies Review*. 2006, N 6 (4), P. 124–135.
- Mouffe C. *The democratic paradox*. L.: Verso, 2000, 144 p.
- Nye J. Power and foreign policy. *Journal of Political Power*. 2011 a, N 4 (1), P. 9–24.
- Nye J. Soft power. *Foreign Policy*. 1990, N 80, P. 53–71.

- Nye J. *The future of power*. N.Y.: Public Affairs, 2011 b, 320 p.
- Parsons T. On the concept of political power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963, N 107, P. 232–262.
- Pitkin H. *Wittgenstein and Justice: On the Significance of Ludwig Wittgenstein for Social and Political Thought*. Boulder, CO: Univ. of California press, 2011, 392 p.
- Politics, philosophy, culture*. Ed. by M. Foucault, L.D. Kritzman. L.: Routledge, 1988, 356 p.
- Popper K. *The logic of scientific discovery*. L.: Routledge, 2002, 544 p.
- Power: a reader*. Ed. by M. Haugaard. Manchester: Manchester univ. press, 2002, 352 p.
- Rawls J. *A theory of justice*. Oxford: Oxford univ. press, 1971, 538 p.
- Rawls J. *Political liberalism*. N.Y.: Columbia univ. press, 1993, 525 p.
- Rousseau J.J. *The social contract*. L.: Everyman, Dent, 1993, 288 p.
- Sandel M. *Liberalism and the limits of justice: 2 nd ed*. Cambridge: Harvard univ. press, 1993, 233 p.
- Schmitt C. *Political theology*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1985, 122 p.
- Schmitt C. *The Concept of the political*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996, 126 p.
- Schutz A. *The phenomenology of the social world*. L.: Heinemann, 1972, 255 p.
- Searle J. Social ontology and political power. In: *Freedom and neurobiology: reflections on free will, language and political power*. N.Y.: Columbia univ. press, 2007, P. 79–110.
- The politics of truth*. Ed. by M. Foucault, S. Lotringer. Cambridge, MA: Semiotext (e), MIT Press, 2007, 200 p.
- Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism: 2 nd ed*. L.: George Allen & Unwin, 1976, 292 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Oxford univ. press, 1967, 250 p.
- Wrong D.H. *Power: its forms bases and uses*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1995, 356 p.

С.В. САННИКОВ*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ
КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» И ИЗМЕРЕНИЯ
ИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к измерению семантического пространства концепта «власть» в отечественной и западной научной традициях. Концепт «власть» относится к группе «сущностно оспариваемых» (essentially contested) концептов либо к группе концептов, обладающих чертами «семейного сходства» (family resemblance). В качестве ключевого аспекта исследования рассматривается вопрос о корреляции соответствующих единиц концептуального и языкового пространств.

Ключевые слова: образ власти; политическая семиотика; социальная семиотика; потестарная имагология.

Для цитирования: Санников С.В. Методологические аспекты типологии лексических репрезентантов концепта «власть» и измерения их семантического пространства // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 63–75. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.03>

В настоящей статье рассматривается проблема эквивалентности понятий национального политического лексикона, на которую профессор М.В. Ильин обратил внимание в своем исследова-

* Санников Сергей Викторович, кандидат исторических наук, начальник управления международных связей администрации губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области; научный сотрудник Лаборатории семиотики и знаковых систем Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: sannikov_s@ngs.ru

нии «Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий» [Ильин, 1997]. Цель исследования состоит в том, чтобы определить и проанализировать лексический ряд репрезентантов концепта «власть» на материале русскоязычных и англоязычных текстов и обозначить существующие подходы к типологии и измерению их семантического пространства.

Принимая во внимание, что для российской науки концептология власти является относительно новым направлением (которому на настоящий момент немногим более 20 лет), в силу объективных причин формировавшимся под влиянием американской и европейской традиций, исследование представляется целесообразным начать с рассмотрения хронологически наиболее ранних западных работ, посвященных данной тематике, что даст возможность последовательно проследить формирование теоретических предпосылок существующих в настоящее время методологических подходов.

Начало формирования современных подходов к изучению и типологии лексических репрезентантов концепта «власть» можно отнести примерно к 1930-м годам. Так, в работе Г. Голдхамера и Э. Шилса «Типы власти и статуса» [Goldhamer, Shils, 1939] были выделены такие формы осуществления власти (power), как «сила» (force), «господство» (domination) и «манипуляция» (manipulation): «Лицо, наделенное властью (power-holder), использует силу (exercises force), когда влияет на поведение путем физического воздействия на подчиненного индивида (нападение, лишение свободы и т.д.); господство (domination), когда лицо явным образом выражает, что должны сделать окружающие (команда, требование и т.д.); и манипуляцию (manipulation), когда лицо влияет на поведение окружающих, не выражая явным образом свое намерение относительно их поведения» [Ibid., p. 171–172]. В работе, таким образом, представлена попытка интерпретации семантического поля концепта «power» как гипонимического, в рамках которого выделяются общий гипероним «власть» (power) и ряд лексем-гипонимов, таких как «сила» (force), «господство» (domination), «манипуляция» (manipulation), выражающих частную сущность по отношению к более общему понятию, доминанте «власть» (power).

Несколько иной подход был представлен в работе Р. Даля «Концепт власти» [Dahl, 1957], в которой автор отмечал, что «без сомнения, будет легко продемонстрировать, как слово (“власть”. – С. С.)

и его синонимы (курсив наш. – С. С.) едва различимым образом повсюду встроены в языки цивилизованных народов: power, influence, control, pouvoir, puissance, Macht, Herrschaft, Gewalt, imperium, potestas, auctoritas, potentia, и т.д.» [Dahl, 1957, p. 201]. При этом автор склонен рассматривать столь многообразные термины в качестве взаимозаменяемых понятий: «Существует долгая и славная история (изучения) в отношении таких слов, как власть (power), влияние (influence), контроль (control) и авторитет (authority). Существует много задач, требующих проведения различия между ними... Но я прошу разрешения использовать эти термины в качестве взаимозаменяемых, когда это удобно, без отрицания или попытки отрицания того факта, что для решения многих задач оно необходимо и полезно» [Ibid., 202]. Использование указанных терминов в качестве синонимов становится характерным для школы бихевиористов в целом, на что указывал впоследствии в своих исследованиях, посвященных концептологии власти, П. Моррис.

Сопоставимый синонимический подход представлен в работе Н. Полсби «Местная власть и политическая теория» [Polsby, 1963], в которой автор интерпретирует лексические репрезентанты концепта «власть» (power, influence, control) в качестве «функциональных синонимов» (serviceable synonyms). Определенное влияние данного подхода прослеживается и в работе Т. Парсонса «О концепте политической власти» [Parsons, 1963], отсылающей к исследованиям Р. Даля в части интерпретации понятий «power» и «control» в качестве синонимов.

Возвратом к гипонимической модели интерпретации семантического поля концепта «власть» может считаться работа Д. Ронга «Власть. Ее формы, основания и применение» [Wrong, 1979], в которой автором предпринята попытка конструирования лексико-типологической карты рассматриваемого концепта. Согласно Д. Ронгу, власть (power) – это способность производить желаемый эффект, вне зависимости от физических или психологических оснований, лежащих в основе данной возможности, в то время как формы власти (power) определяются автором как сила (force), манипуляция (manipulation), убеждение (persuasion) и авторитет (authority). В методологическом плане данный подход восходит к исследованию Г. Голдхамера и Э. Шилса.

Несмотря на наличие определенных методологических различий между синонимической и гипонимической моделями ин-

терпретации семантического поля концепта «власть», указанные подходы объединяет наличие представления об определенных коммуникативных ситуациях, в рамках которых различные лексические репрезентанты концепта «власть» могут быть тождественны и взаимозаменяемы (в данном отношении весьма характерно то, что в вершине гипонимической модели Г. Голдхамера и Э. Шилса находится лексема «власть» (power), тогда как в аналогичной модели Д. Ронга в вершине помещена лексема «влияние» (influence)). Модели подобного рода были подвергнуты обстоятельной критике в работе Х. Арендт «О насилии» [Arendt, 1970], в которой автор с сожалением отметила, что существующая научная терминология «не проводит различия между такими ключевыми словами, как власть (power), сила (strength), принуждение (force), авторитет (authority) и, наконец, насилие (violence), каждое из которых отсылает к различным явлениям, и вряд ли бы существовало, если бы было не так... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к значению этих слов, что уже достаточно серьезно, но и выражается в слепоте по отношению к реальности, с которой данные слова соотносятся» [Ibid., p. 43].

Одной из первых работ, в которых была предпринята попытка конструирования лексико-типологической карты концепта «власть», минуя недостатки гипо- и синонимической модели интерпретации лексических составляющих его семантического поля, стала работа С. Лукса «Власть. Радикальный взгляд» [Lukes, 2005]. Следуя типологии лексических репрезентантов власти П. Бахраха и М. Бараца [Bachrach, Baratz, 1962], автор обозначил семантические поля концептов «власть» (power) и «влияние» (influence), графически продемонстрировав сферу их пересечения на соответствующей концептной карте. В сферу пересечения попали лексемы «манипуляция» (manipulation) и «авторитет» (authority), семантика которых соотносится как с отношениями власти, так и отношениями влияния, при условии наличия конфликта интересов между участниками взаимодействия. Из данной сферы выпадают лексемы «сила» (force), «принуждение» (coercion), «убеждение» (persuasion), «поощрение» (encouragement), соотносящиеся с явными формами применения власти либо влияния.

Необходимо отметить, однако, что подход С. Лукса получил поддержку не у всех исследователей проблематики концептологии

власти. В частности, в своей работе «Власть: философский анализ» [Morriss, 1987] П. Моррис последовательно противопоставляет понятия «власть» (power) и «влияние» (influence), упрекнув ранних представителей бихевиористской школы в том, что они опрометчиво смешивали в своих работах термины «власть» (power), «влияние» (influence), «контроль» (control), «принуждение» (coercion) в одну категорию. Свои аргументы в отношении рассматриваемых концептов автор приводит, ссылаясь на сферу грамматики, словообразования и семантики. Вероятно, данная работа не привлекла бы большого внимания российского читателя, если бы не последующая полемика П. Морриса с российским исследователем В.Г. Ледяевым, предложившим сравнительное прочтение семантического пространства рассматриваемых концептов в русском и английском языках.

Работа В.Г. Ледяева «Власть: концептуальный анализ» [Ледяев, 2001] позволила ярко продемонстрировать, что разница трактовки соотношения соответствующих концептов обусловлена не только разницей в методологических подходах, но и особенностями семантических пространств в рамках соответствующих естественных языков. Данная проблема была обозначена в рамках полемики автора с П. Моррисом относительно целесообразности противопоставления концептов «власть» и «влияние» – В.Г. Ледяев отметил, что «не склонен, как Моррис, противопоставлять “власть” и “влияние”. Во-первых, некоторые из приведенных выше значений “власти” – как в русском, так и в английском языках – обязательно относятся только к диспозиции (способности), а могут обозначать и действие (“могущественное влияние”, “неодолимая сила” – в русском языке; “правление”, “контроль”, “господство” – в английском языке). В обыденной речи “власть” используется и в значении “потенциал”, и для характеристики совершающегося действия. Другими словами, семантика “власти” непосредственно не отвергает концептуализацию власти как действия. Во-вторых, во многих языках, в том числе и в русском, “власть” имеет глагольную форму, при этом глагол “властвовать” не является чисто производным от существительного “власть”, как это имеет место в английском языке» [там же, с. 98–99].

Исследование В.Г. Ледяева со всей очевидностью показало методологическую уязвимость работы, построенной на анализе текстуального материала, выполненного на одном языке. Вместе с

тем на рубеже столетий появляется целый цикл работ российских авторов, посвященных анализу российского политического дискурса, в рамках которых одним из наиболее популярных с точки зрения анализа становится концепт «власть». Так, Е.И. Шейгал в своей докторской диссертации «Семиотика политического дискурса» [Шейгал, 2000] отмечает, что «к базовым концептам политического дискурса относятся концепты “Власть” и “Политик”. Содержательный минимум концепта “Власть” в русской лингвокультуре составляют компоненты “господство”, “право”, “способность”, “влияние”, “контроль”, “авторитет»» [там же, с. 9–10]. При этом «понятие власти в исследованиях политологов и социологов пересекается с такими смежными понятиями, как “сила”, “контроль”, “превосходство”, “влияние”, “принуждение”, “авторитет”, “господство»» [там же, с. 101]. Е.И. Шейгал полагает, что «термин *власть* из всех рассмотренных соотносительных терминов выступает как наиболее семантически емкий и всеобъемлющий по сравнению с остальными; термины *сила*, *контроль*, *превосходство*, *влияние*, *принуждение*, *авторитет*, *господство* являются более частными, выражающими логически более узкие, подчиненные понятия, обозначающими составляющие власти или ее атрибуты» [там же, с. 102].

В автореферате диссертационного исследования М.Д. Невинской «Концептуальная оппозиция “народ – власть” в политическом дискурсе» [Невинская, 2006] со ссылкой на исследование Дроздовой (2004) отмечается, что «в полевой структуре концепта “власть” выделяются две взаимозависимые концептуальные зоны: “власть-влияние” и “власть-система”... Понятийное ядро концепта “Власть” в первой из обозначенных концептуальных зон составляют различного рода властные политические отношения, имеющие имплицитные семы “право”, “влияние”, “воздействие”. В рамках второй концептуальной зоны власть трактуется как органы государственного управления, в т.ч. и лица, облеченные властью» [там же, с. 9].

Анализ упомянутой второй концептуальной зоны представлен в ключе синонимического подхода к анализу концепта «власть» в работе М.В. Кипенко [Кипенко, 2010], в рамках которой автор высказывает предположение, что «ядерными репрезентантами концепта являются лексемы “власть” и “власти”... Синонимами лексемы “власть” являются следующие фразеологизмы, слова и словосочетания: “вертикаль власти”, “этажи власти”, “кулуары”, “государство”, “государственная машина”, “президентская власть”

и др.» [[Кипенко, 2010, с. 240]. При этом «структура концепта власть наиболее полно может быть представлена в виде полевой модели, включающей в себя ядро, приядерную зону и периферию. Отличительной ее чертой является перераспределение составляющих структуры концепта: расщепление понятийного компонента, смещение образного компонента в приядерную зону с появлением в ней оценочности» [Кипенко, 2012, с. 5].

Выполненный российскими авторами анализ семантического поля концепта «власть» дает основания полагать, что лексическая карта концепта «power» (в частности, представленная С. Луксом) будет существенно отличаться от аналогичной карты, построенной для русскоязычного концепта. Наиболее серьезные расхождения будут иметь место в отношении второй концептуальной зоны, позволяющей сопоставить российский концепт «власть» скорее с англоязычным «authorities», а также в части семантического поля концепта «power», выходящего в пространство отношений возможности, силы, способности и пр. Исследователи неоднократно отмечали, что можно говорить лишь о частичных пересечениях семантических полей русскоязычного концепта «власть» и англоязычного «power».

С точки зрения интерпретации лексических рядов в рамках одного языка играет важную роль фактор квазисинонимичности, который удачно охарактеризовал в отношении рассматриваемых концептов Дж. Герринг: «Могут быть обстоятельства, когда ученый обоснованно смешивает определения нескольких связанных терминов, как Даль и другие, по-видимому, делают с властью, силой, влиянием и т.д. (см.: Dahl, "Concept of Power"). Однако, как отмечали многие авторы, в обычном употреблении нет такого понятия, как чистый синоним, т.е. два слова, которые могут быть заменены друг на друга без какого-либо изменения значения или передачи смысла. Таким образом, попытка объединить значения одного или нескольких слов в одном понятии, хотя и несомненно полезна для определенных целей, всегда влечет за собой некоторую потерю общности в результирующем понятии» [Gerring, 1999, p. 377]. Работа с подобными рядами может, по всей видимости, строиться в соответствии с методом лексико-семантического анализа, который «опирается на семантические признаки, выявленные при сравнении сочетаемости квазисинонимов. Для того чтобы найти эти признаки, нужно исследовать взаимозаменяемость сходных

лексем в одних и тех же контекстах и проанализировать природу наблюдаемых запретов» [Рахилина, Резникова, 2013, с. 5].

Принимая во внимание, что, начиная с упомянутой выше работы Х. Арендт, синонимический подход к интерпретации лексических репрезентантов концепта «власть» подвергается критике, представляется целесообразным обратиться к концепции «семейного сходства» (family resemblance), предложенной применительно к рассматриваемым концептам в работе М. Хаугаарда [Haugaard, 2010] со ссылкой на Л. Витгенштейна: «В то время как обсуждение власти как сущностно оспариваемого (essentially contested) концепта занимает часть дебатов, в рамках которых различные теоретики, как представляется, намеренно не воспринимают позиции друг друга, вследствие своих более или менее явных нормативных предпосылок, вероятно, более точную модель можно получить путем применения описанного Витгенштейном «семейного сходства» (family resemblance) концептов. Концепты, наделенные семейным сходством, не обладают единым содержанием. Они, скорее, объединяют кластер понятий, наделенных пересекающимися характеристиками... В качестве концепта, наделенного “семейным сходством”, “власть” (power) охватывает кластер общественных явлений, имеющих ключевое значение с точки зрения организации социального устройства» [цит. по: The SAGE Handbook of Power, 2009, p. 3–4]. При этом автор отмечает, что даже в рамках одного национального языка контекстные языковые игры позволяют говорить о множестве значений и форм употребления одного концепта.

Представляется, что текущая ситуация в исследовании концепта «власть» требует применения адекватного межкультурного подхода, который позволит преодолеть неизбежную методологическую ограниченность исследования в контексте политического дискурса одного языка. Важнейшей задачей аналитической части работы при этом является методологическая демаркация лексических и концептуальных пространств отношений власти, выявление не только эквивалентности понятий и лексем (включая не только термины, но выражения и т.п.) внутри концептуального и языкового пространств, но и эквивалентности или хотя бы приблизительного соответствия между единицами указанных пространств.

Новый подход должен, по всей видимости, содержать несколько этапов, первый из которых (наработка необходимого ти-

пологического материала) включает построение и сопоставление лексико-типологических карт для содержащихся в различных языках концептов, обладающих чертами соответствующего «семейного сходства». Значительных успехов в данном направлении удалось добиться разработчикам фреймового подхода, использовавшим наработки Московской лексико-типологической группы и Московской семантической школы [см.: Рахилина, Резникова, 2013]. Очевидно, однако, что на втором этапе после формирования подобных карт для достаточного количества языков (в соответствии с методологией рассматриваемого направления исследование должно быть проведено на максимально большом количестве, не менее 12–15 языков) потребуются неизбежный выход за рамки сугубо лингвосемиотического исследования в пространство социальной семиотики с целью выявления корреляции между единицами концептуального и языкового пространств [см. подробнее: Ильин, 1997, с. 393–397].

Предварительные выводы настоящей работы можно резюмировать следующим образом.

1. Концепт «власть» относится исследователями либо к группе «сущностно оспариваемых» (essentially contested) концептов [Gallie, 1955; Lukes, 2005], либо к группе концептов, обладающих чертами «семейного сходства» (family resemblance) [Haugard, 2010].

2. Лексические репрезентанты концепта «власть» могут рассматриваться:

– либо в качестве составляющих гипонимического семантического поля («подчиненные понятия» [Шейгал, 2000]), с доминантой «власть» (лексико-типологическая карта [Wrong, 1979]),

– либо в качестве элементов квазисинонимического поля, т.е. самостоятельных, но пересекающихся в семантическом пространстве концептов [Haugard, 2010] (лексико-типологическая карта [Lukes, 2005]),

– либо в качестве элементов псевдосинонимического ряда [Arendt, 1970; Morriss, 1987].

3. Перспективным направлением структурирования семантического поля концепта «власть» является фреймовый анализ, предполагающий сопоставление лексико-типологических карт для ряда (не менее 12) национальных языков. На основании полученных результатов станет возможным выявить пересечения семанти-

ческих полей, определив преимущественную лексическую зону ядра и периферии каждого концепта.

4. На завершающем, теоретико-аналитическом этапе исследования после наработки соответствующего лексико-типологического материала потребуется применение методов социальной семиотики с целью выявления корреляции между соответствующими единицами концептуального и языкового пространств [см.: Ильин, 1997, с. 393–397].

Список литературы

- Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
- Кипенко М.В. Лексическая объективация концепта «Власть» в языке газеты «Комсомольская правда» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010. – № 4(84). – С. 238–245.
- Кипенко М.В. Аксиологический аспект концепта власть в современном русском языковом сознании (на материале газетных текстов первого десятилетия XXI века): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Тольятти, 2012. – 20 с.
- Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 22 с.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – М., 2013. – № 2. – С. 3–31.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. – 440 с.
- Arendt H. On violence. – San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970. – 120 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power // American Political Science Review. – Baltimore, Md., 1962. – N 56. – P. 947–952.
- The SAGE handbook of power / S.R. Clegg, M. Haugaard (eds.). – Los Angeles, California; L.: Sage Publications, 2009. – 504 p.
- Dahl R. The concept of power // Behavioural Science. – Basel, 1957. – N 2 (3). – P. 201–215.
- Gallie W. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – Oxford, 1955. – Vol. 56. – P. 67–198.
- Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences // Polity. – Chicago, 1999. – Vol. 31, N 3. – P. 357–393.
- Goldhamer H., Shils E.A. Types of Power and Status // American Journal of Sociology. – Chicago, 1939. – N 45. – P. 171–182.

- Haugaard M.* Power: A “family resemblance” concept // *European Journal of Cultural Studies*. – L., 2010. – N 13 (4). – P. 1–20.
- Lukes S.* Power: A radical view. – L.: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – Manchester: Manchester univ. press, 1987. – 266 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – Philadelphia, 1963. – Vol. 107, N 3. – P. 232–262.
- Polsby N.* Community Power and Political Theory. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1963. – 144 p.
- Polsby N.* Community Power and Political Theory. – 2nd ed. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1980. – 320 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. – Oxford: Oxford univ. press, 1967. – 229 p.
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. – N.Y.: Harper and Row, 1979. – 356 p.
- Wrong D.H.* Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. – 3rd ed. – New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002. – 326 p.

S.V. Sannikov*

**Methodological aspects of typology of the lexical
representants of the concept of «power»
and measurement of its semantic space**

Abstract. The article analyzes modern approaches to the measurement of the semantic space of the concept of «power» in Russian and Western scientific traditions. The concept of «power» refers to the group of «essentially contested» concepts, or to the group of concepts with features of «family resemblance». As a key aspect of the study, the question of the correlation of the corresponding units of conceptual and linguistic spaces is considered.

Keywords: concept of political power; political semiotics; social semiotics; political imagery.

For citation: Sannikov S.V. Methodological aspects of typology of the lexical representants of the concept of «power» and measurement of its semantic space. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 63–75. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.03>

* **Sannikov Sergey**, Administration of the Governor and the Government of Novosibirsk Region; Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia), e-mail: sannikov_s@ngs.ru

References

- Arendt H. *On violence*. San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970, 120 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power. *American Political Science Review*. 1962, N 56, P. 947–952.
- Dahl R. The concept of power. *Behavioural Science*. 1957, N 2 (3), P. 201–215.
- Gallie W. Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1955, Vol. 56, P. 67–198.
- Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences. *Polity*. 1999, Vol. 31, N 3, P. 357–393.
- Goldhamer H., Shils, E.A. Types of Power and Status. *American Journal of Sociology*. 1939, N 45, P. 171–182.
- Haugaard M. Power: A 'family resemblance' concept. *European Journal of Cultural Studies*. 2010, N 13 (4), P. 1–20.
- Ilyin M.V. Words and meanings: Experience the description of official concepts. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997, 432 p. (In Russ.)
- Kipenko M.V. *Axiological aspect of the concept of power in modern languages of consciousness (on the material of newspaper texts of the first decade of the XXI century): Abstract of dissertation of the candidate of philological sciences*. Tolyatti, 2012, 20 p. (In Russ.)
- Kipenko M.V. Lexical objectivity of concept 'power' in the newspaper Komsomolskaya Pravda language. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2010, N 4 (84), P. 238–245. (In Russ.)
- Ledyaev V.G. *The Power: Conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Lukes S. *Power: A radical view*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.
- Morris P. *Power: A Philosophical Analysis*. Manchester: Manchester univ. press, 1987, 266 p.
- Morris P. *Power: A Philosophical Analysis: 2nd ed*. Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Nevinskaja M.D. *Conceptual opposition «people – power» in political discourse: Abstract of dissertation of the candidate of philological sciences*. Volgograd, 2006, 22 p. (In Russ.)
- Parsons T. On the Concept of Political Power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963, Vol. 107, N 3, P. 232–262.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory*. New Haven; L.: Yale univ. press, 1963, 144 p.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory: 2nd ed*. New Haven; L.: Yale univ. press, 1980, 320 p.
- Raxilina E., Reznikova T. Frame-based approach to lexical typology. *Topics in the study of language*. 2013, N 2, P. 3–31. (In Russ.)
- Sheigal E.I. *Semiotics of political discourse: The Dissertation of the doctor of philological sciences*. Volgograd: Volgograd state pedagogical univ., 2000, 440 p. (In Russ.)
- The SAGE handbook of power*. Ed. by S.R. Clegg, M. Haugaard. Los Angeles, California; L.: Sage Publications, 2009, 504 p.

-
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Oxford univ. press, 1967, 229 p.
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses*. N.Y.: Harper and Row, 1979, 356 p.
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses*. With a new introduction by the author: 3rd ed. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002, 326 p.
- .

РАКУРСЫ

С.А. ЖЕГЛОВ, Ю.А. ПОЛУНИН*

**О «ТЕКТОНИЧЕСКИХ СДВИГАХ»
(ИЛИ ИХ ОТСУТСТВИИ?) ДРАЙВЕРОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ МОЩИ И ВЛИЯНИЯ:
ОПЫТ ДИСКРИМИНАНТНОГО АНАЛИЗА¹**

Аннотация. Оценка мощи и влияния государств в мире всегда была одной из актуальных задач в политической науке и международных отношениях. Тем не менее остается нерешенной проблема создания общепризнанного инструмента для измерения национальной мощи. В статье представлен один из способов оценивания потенциала международного влияния государств – дискриминантный анализ, который, на взгляд авторов, обладает рядом преимуществ по сравнению со своими аналогами. Одним из очевидных достоинств этого метода является применение вычислительных алгоритмов для поиска оптимальных «весов» показателей на основе обучающих выборок: наборов стран с максимальным и минимальным влиянием, полученных на основе экспертных оценок. Иными словами, благодаря использованию обучающих выборок исследователям удастся формализовать в виде математической функции конкретную комбинацию параметров,

* Жеглов Сергей Александрович, студент магистерской образовательной программы «Прикладная политология» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: sazheglov@edu.hse.ru; Полунин Юрий Алексеевич, кандидат технических наук, доцент, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН (Москва, Россия), e-mail: polunin@expert.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01651), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Авторы выражают особую благодарность А.С. Ахременко, А.Ю. Мельвилю и М.Г. Миронюку за помощь в работе над текстом статьи и ценные советы.

составляющих оценку международного влияния. Авторы с помощью методов, разработанных в рамках масштабного российского проекта «Политический атлас современности» и примененных к анализу более широкого массива данных, проследили за динамикой изменения факторов потенциала мощи государств за период 1995–2015 гг. и пришли к выводу об отсутствии «тектонических» сдвигов в ключевых составляющих такого потенциала. Два его измерения, связанные с экономико-институциональными факторами и с военной силой, остаются ключевыми на протяжении последних 20 лет. Финальным результатом работы могут также служить индексы потенциала международного влияния государств для трех разных временных периодов: 1995, 2005 и 2015 гг.

Ключевые слова: политический атлас современности; государство; влияние; могущество; мировой порядок; индекс потенциала международного влияния; дискриминантный анализ.

Для цитирования: Жеглов С.А., Полунин Ю.А. О «тектонических сдвигах» (или их отсутствии?) драйверов международной мощи и влияния: Опыт дискриминантного анализа // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 76–111. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.04>

Введение

В 1947 г. в США был запущен проект под названием «Часы судного дня» (англ. Doomsday Clock), который до 2007 г. в качестве главной – экзистенциальной – угрозы для человечества позиционировал ядерную войну [Doomsday Clock Statement... 2018]. Перед окончанием холодной войны «стрелка часов» показывала, что до катастрофы глобального масштаба – до «полночи» – оставалось 17 минут. С исчезновением угрозы в виде СССР и окончанием холодной войны Запад во главе с США, сохранившими доминирование во многих сферах, включая военную, ожидал наступления эпохи без серьезных конфликтов, основанной на иных принципах взаимодействия государств на международной арене. «Бюллетень ученых-ядерщиков», участвовавший в проекте «Doomsday Clock», издал материал под многообещающим названием «Новая эра» [Doomsday Clock Statement... 1991]. Однако вместо «вечного мира» и «окончания истории» мы наблюдаем нечто обратное: некоторые исследователи и публицисты заговорили о «возвращении геополитики» [Mead, 2014], хотя интерпретации ее содержания (например, см.: [Ikenberry, 2014]) и последствий различаются, а также о возвращении соперничества великих держав. Вместо одной «закончившейся» истории начинается новая.

Или, как скажут реалисты, мир возвращается к своему обычному состоянию, в котором «реквием» по военной силе (и по стремлению некоторых государств к обретению, повышению или сохранению военной мощи) откладывается на неопределенный срок (подробнее см.: [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018]). Сейчас «стрелку часов» снова отделяют от «полночи» две минуты, что примерно соответствует худшим временам холодной войны [Doomsday Clock Statement... 2018].

Исследователи были и остаются склонны преувеличивать происходящие изменения в «драйверах» международного влияния не только в системе координат «мир – война». Много говорилось и говорится, например, о наступлении эпохи «мягкой» (soft), а затем «умной» (smart) силы, идущим (или даже пришедшим) на смену традиционным факторам международного влияния. В этой работе мы покажем, что такие изменения если и имеют место, то носят вовсе не столь «тектонический» характер, как представляется многим. Два измерения потенциала мощи, связанные, с одной стороны, с экономико-институциональными факторами, с другой – с военной силой, остаются ключевыми на протяжении последних 20 лет.

Этот результат получен нами с помощью методов и подходов, разработанных в рамках масштабного российского проекта «Политический атлас современности» [Политический атлас современности... 2007] и примененных к анализу более широкого массива данных. Если в оригинальном проекте рассматривался только 2005 г., то в этом исследовании мы охватываем также 1995 г. и 2015 г. Центральным статистическим методом остается дискриминантный анализ: техника, позволяющая настроить веса отдельных индикаторов в итоговом индексе потенциала международного влияния¹. Такая возможность появляется за счет использования обучающих

¹ Самое время заметить, чтобы избежать терминологической путаницы: в англоязычных исследованиях соответствующих тематик используется концепт «national power», который в русскоязычной литературе в силу многогранности исходной дефиниции принято обозначать в терминах могущества и влияния государств на мировой арене. Тем не менее возможны и иные варианты. Так, в названии индекса «потенциал международного влияния» «Политического атласа современности» отсутствует слово «могущество» (что отчасти компенсируется словом «потенциал»), но концептуализация не оставляет сомнений, что объектом исследования является «national power».

выборки: наборов стран с максимальным и минимальным влиянием, полученных на основе экспертных оценок.

В статье будет рассмотрена литература, посвященная проблеме измерения мощи и влияния стран на мировой арене, и обоснован выбор авторов в пользу «ресурсного» подхода. Далее будут охарактеризованы особенности метода дискриминантного анализа, алгоритмы работы с ним, а также используемые эмпирические данные. Результаты анализа будут показаны и интерпретированы с точки зрения теории. Итоги подводятся в заключении.

Предыдущие проекты

Попытки количественно оценить могущество и влияние государств в мире предпринимаются на протяжении более полувека. Одна из первых работ, посвященных данной задаче, вышла в свет еще в 1960 г.; как и другие первые попытки, ее отличали слабая методическая оснащенность и небольшой страновой охват [German, 1960, p. 138–144]. С течением времени благодаря повышению доступности эмпирических данных и распространению междисциплинарных подходов (заметим, что и отечественная наука не оставалась в стороне, например, см: [Типология несоциалистических стран... 1976]) указанные недостатки стали преодолеваться; это, впрочем, не мешало возникновению новых трудностей.

Возможно, главная из них порождена проблемой концептуализации могущества и влияния стран. С одной стороны, сила государств на международной арене проистекает из находящихся в их распоряжении ресурсов (военных, экономических и других), что отражается в понятии могущества. С другой стороны, она обусловлена структурой взаимоотношений между самими государствами, что уже больше связано с понятием влияния (подробнее см.: [Мельвиль, 2018, с. 178–184]). Тем не менее отсутствует общее согласие относительно того, как должны соотноситься оба этих аспекта в едином индексе могущества и влияния и какие количественные индикаторы должны быть в него включены. Это обуславливает и широкий набор используемых переменных, состав которого существенно меняется от исследователя к исследователю, и значительные отличия в подходах к расчету индексов.

Одним из первых попытку решить задачу классификации подходов измерения могущества и влияния предпринял Дж. Харт, выделив три направления: контроль над ресурсами, контроль над странами и контроль над событиями и их последствиями [Hart, 1976]. Сам Дж. Харт под последним из названных подходов понимал измерение суммарной полезности достижения государствами целей, упорядоченных в соответствии с предпочтениями этих государств [Hart, 1976, p. 296]. Хотя идея рассмотрения влияния стран через их контроль над событиями и их последствиями выглядела многообещающей, она не получила дальнейшего развития (кроме разработки теоретико-игровых моделей), поскольку ее эмпирическая реализация не представлялась возможной. Причина, как нетрудно догадаться, состояла в крайней сложности задачи операционализации данных. Во взаимоотношениях между государствами многие их действия остаются скрытыми для внешнего наблюдателя, или, как было верно замечено С. Гуццини, кроме понимания значений поступков, необходимо знать о самих поступках; для начала нужно определиться, что мы будем измерять, перед тем, как начинать измерение [Guzzini, 2009, p. 10]. Именно с этим данный подход и испытывает наибольшие трудности.

Второй подход к измерению влияния через контроль над государствами изначально был основан на концепте власти Р. Даля: «А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать» [Ледяев, 1996, с. 113]. Заметим, Дж. Харт относился к нему несколько скептически, поскольку, по его мнению, возможности влияния одного государства на другое сильно ограничены определенными рамками [Hart, 1976, p. 291–296]. Но этот подход также порождал проблемы с выходом за пределы теоретической плоскости, пока не возникло предположение, что могущество государств и их влияние друг на друга может проистекать из структуры взаимоотношений между странами («контекста» международных отношений), которую можно выявлять с помощью методов сетевого анализа [Kim, 2010, p. 407–408]. Обращение к этим методам предполагает использование данных о потоке различных ресурсов между странами¹, на основе которых рассчитываются различные индексы цен-

¹ Это означает, что метод сетевого анализа ориентирован на данные о взаимодействиях. Например, если мы решим рассмотреть структуру мировой тор-

тральности для каждого элемента в сети. В ракурсе рассматриваемой нами задачи подразумевается, что чем выше значения центральности у государства в сети, тем оно сильнее контролирует потоки ресурсов между странами, и именно это делает его более влиятельным. Выбор переменных, как почти во всех работах, связанных с созданием индекса международного влияния, ложится на плечи исследователей, хотя и ограничен доступностью «поточковых» данных. Например, в качестве последних используются данные о дипломатических и студенческих обменах, о трансферах вооружения, о международном экспорте и о финансовой помощи [Kim, 2010, p. 406].

Тем не менее можно выделить ограничения в подобном подходе к измерению влияния, главное из которых состоит в том, что составление рейтингов базируется исключительно на показателях центральности, которые рассчитываются по данным ресурсных потоков между государствами. Тем самым исключаются атрибутивные характеристики самих стран (например, наличие ядерного оружия, численность армии, членство в международных организациях), что ставит под вопрос обоснованность применения исключительно методов сетевого анализа для составления индекса международного влияния. Чтобы понять степень возможных искажений, свойственных данному методу, можно указать на один из широко распространенных результатов сетевого анализа, согласно которому в компаниях центральными узлами сети оказываются не руководители и директора подразделений, а их секретари [McCulloh, Armstrong, Johnson, 2013, p. 32]. Более того, хотя индексы международного влияния, опирающиеся только лишь на сетевые методы, появились не так давно, было обнаружено, что они демонстрируют достаточно невысокую корреляцию с другими индексами подобной направленности [Kim, 2010, p. 415–418]. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что сетевые методы улавливают какой-то другой, еще не учтенный аспект силы государства на международной арене. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что любое составление рейтингов влияния на основе структуры международных отношений является опрометчивым шагом, поскольку

говли между странами, то в первую очередь нам понадобятся не данные об экспорте и импорте отдельно взятой страны, а данные об экспорте и импорте каждой страны с каждой.

подобный индекс не будет корректно отражать мощь государств [Measuring national power... 2001, p. 14–15]. Причина состоит в том, что если влияние государства проистекает из контекста взаимоотношений между странами, то самые влиятельные страны определяются ситуативно – ими оказываются те, которые первыми смогли правильно оценить обстановку и мобилизовать необходимые в данный конкретный момент ресурсы.

Переходя к рассмотрению подхода измерения международного влияния через контроль над ресурсами, стоит заметить, что большинство эмпирических исследований в данной области проведено именно в рамках этого подхода [Measuring national power... 2001, p. 19]. Для исследований с подобной установкой ключевым является предположение о том, что контроль государства над ресурсами может быть преобразован в контроль над другими государствами и в контроль над событиями [Hart, 1976, p. 290]. Вне зависимости от механизмов преобразования ресурсов во влияние следует подчеркнуть, что в силу того, что ресурсы всегда ограничены, процесс изменения влияния (в том числе и его рост) не линейен, так как сказывается влияние ограничений по ресурсам. Сами по себе ресурсы не столько определяют влияние, сколько отражают его потенциал, тогда как степень реализации этого потенциала в каждый текущий момент различна.

Первые исследователи ввиду ограниченности доступных данных включали в свои индексы почти все показатели богатства страны ресурсами, порой агрегируя эти переменные в абсолютных значениях [German, 1960, p. 138–144]. В дальнейших изысканиях авторы перешли к нормировке показателей, но особым разнообразием их методы не отличались [Chang, 2004, p. 3–9]. Как правило, предлагались самые простые способы агрегации: определение суммы, произведения или среднего арифметического. Были также работы, в которых переменным присваивались веса, заданные интуитивными представлениями исследователей [National Power Index... 2012]. В некоторых работах предлагалось судить о влиянии государства в мире и вовсе по одной переменной – внутреннему валовому продукту (здесь и далее – ВВП) [Alcock, Newcombe, 1970, p. 335–343].

В некоторой степени инновационным на общем фоне выглядело исследование иранских ученых, разделивших переменные на девять блоков, по которым они собрали все возможные перемен-

ные (около 280), после чего к каждой из групп применили факторный анализ с целью обнаружения наилучших для составления индекса признаков [Presentation a new model... 2008]. Затем путем их незатейливой агрегации составлялись индексы блоков, и далее – единый индекс влияния. Попутно заметим, что другие исследователи обнаружили, что усложнение индексов путем внесения дополнительных переменных не улучшает их качества ввиду крайне высокой корреляции между простыми и усложненными моделями [Kugler, Arbetman, 1989].

Более того, нельзя также уверенно утверждать, что было сформировано «ядро» переменных, которые бы с завидным постоянством попадали в формулы для измерения индекса международного влияния. Единственным исключением являются данные о численности населения [Chang, 2004, p. 3–9]. Остальные переменные исследователи выбирают, исходя из индивидуальных теоретических предпосылок. В большинстве случаев они охватывают военную и экономическую сферы, но для измерения силы государств в них зачастую используются разные показатели. Так, к переменным военного блока можно отнести численность армии [German, 1960], военный бюджет [Singer, 1988], наличие ядерного оружия [German, 1960], качество оснащения [National Power Index... 2012] и др. Индикаторы, которые в ряде индексов были призваны отразить экономическую мощь, включали производство стали и угля [Singer, 1988], численность рабочей силы [German, 1960], ВВП [Alcock, Newcombe, 1970] и др. Между прочим, в ряде исследований пытались учесть и политическую состоятельность государств, включая в формулы оценку стабильности режима [Alcock, Newcombe, 1970] или даже собираемости налогов и наличия финансовой иностранной помощи [Kugler, Domke, 1986].

Конечно, и у подхода к измерению международного влияния через контроль над ресурсами имеются свои «узкие места». Во-первых, зачастую в мире имеет место «парадокс нереализованной власти» [Measuring national power... 2001, p. 17], который включает случаи проигрыша государств с большими ресурсами государствам, обладающим гораздо меньшими ресурсами, но с большей эффективностью их использующими. Во-вторых, возникает вопрос по поводу набора переменных: какие ресурсы должны быть включены в измерение мощи [Hart, 1976, p. 290]? В-третьих,

как и с какими удельными весами преобразовывать переменные в единый индекс?

Касательно первого вопроса заметим, что исследователи признают низкую конвертируемость ресурсов во влияние, обращая внимание на то, что этот показатель никогда не сравнивается со степенью ликвидности денег в экономике [Baldwin, 1979, p. 166]. Следовательно, необходимо аккуратно подходить к интерпретации индексов влияния и положения стран в составляемых рейтингах. Например, предлагается интерпретировать рейтинги в вероятностных терминах [Guzzini, 2009, p. 6–7]. Другие исследователи призывают включать в индекс показатель государственной состоятельности, который бы учитывал способность мобилизовать ресурсы общества для достижения своих целей [Kugler, Domke, 1986, p. 40–44]. Но нам кажется, что о данной способности нельзя говорить в отрыве от внешней и внутренней легитимности этих целей, а также от степени решительности политических элит. Возможно, именно по причине наличия неразрешенной на данный момент задачи включения в индекс коэффициента трансформации ресурсов во влияние в «Политическом атласе современности» рейтинг соотношения сил государств на международной арене получил название «потенциал влияния» [Политический атлас современности... 2007, с. 110–111]. И в данной работе мы возьмем за основу концепт потенциала влияния, понимаемый как «совокупность самых разнообразных средств и ресурсов, которыми государство располагает для оказания прямого и непрямого, военно-политического и дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного и др. влияния» [там же, с. 110–111].

При интерпретации дальнейших результатов ранжирования государств нам стоит помнить, что более высокое значение у одной из стран по сравнению с другой будет свидетельствовать лишь о том, что у первой страны больше ресурсов для влияния в мире, чем у другой, хотя в то же время эти ресурсы могут быть реализованы не в полной мере или с меньшей эффективностью с учетом конкретной ситуации. Заметим, что переосмысление исследуемого концепта потенциала международного влияния и его наполнения, инструментария его измерения происходит в ходе проекта «Политический атлас современности 2.0» (подробнее см.: [Мельвиль, 2018, с. 193–197; Ахременко, МIRONЮК, 2019]).

Хотя рассматриваемый подход допускает субъективность в выборе переменных, следует заметить, что влияние в международных отношениях – многомерный феномен, который, видимо, нельзя измерить абсолютно объективно, а потому исследователи вынуждены пытаться оценить его, используя прокси-переменные, улавливающие все возможные проявления влияния в различных сферах [Guzzini, 2009, p. 5–9]. К обоснованию включения тех или иных переменных в нашей работе перейдем несколько позже; предварительно же считаем необходимым указать на преимущества использования дискриминантного анализа в качестве метода для составления такого индекса.

Во-первых, заметим, что назначение удельных весов переменных в индексе международного влияния, как правило, либо является предметом произвольного выбора исследователей, либо ограничивается приписыванием всем показателям одинаковых коэффициентов. Избрав иной путь, авторы «Политического атласа современности» значительно ограничили себя в возможном проявлении субъективности по вопросу подобного рода благодаря применению дискриминантного анализа [Политический атлас современности... 2007, с. 21–22]. Данный метод позволил прозрачно выявить веса переменных, которые были получены на основании анализа состоящей из двух групп («влиятельных» и «невлиятельных» государств) обучающей выборки, сформированной экспертами в области международных отношений с учетом исключения стран с аномальными значениями.

Во-вторых, в отличие от других методов, применяемых в рамках ресурсного подхода, мы не ограничиваемся лишь совокупностью переменных, лучше всего характеризующих «богатство» государств, которое может быть (теоретически) преобразовано во влияние. Ввиду использования в дискриминантном анализе обучающих выборок, нам удастся математически оценить вклад различных ресурсных составляющих в реальное влияние стран на международной арене. Можно сказать, что данный метод позволяет косвенно учесть два других подхода к измерению международного влияния, поскольку эксперты, скорее всего, руководствовались при разделении стран на группы своими наблюдениями о том, как государства реализуют свое влияние через контроль над другими странами и через контроль над событиями и их последствиями. Более подробно о методе исследования мы поговорим в

следующей главе, в которой также найдется место для обоснования использования тех или иных переменных.

Данные и метод

Еще раз обратим внимание на то, что применяемый в этой работе метод и используемый набор переменных в точности следуют за исследовательской логикой «Политического атласа современности» [Политический атлас современности... 2007, с. 21–22, 110–138]. Отдельно заметим, что дискриминантному анализу редко находят приложение в политической науке (большинство встреченных нами политологических работ, применявших дискриминантный анализ, датировано еще XX в., например, см.: [Zipp, 1978]). Зачастую работы, в которых он задействован, принадлежат совершенно иным исследовательским полям (наибольшую популярность дискриминантный анализ приобрел в медицинских исследованиях, например, см.: [Huang, Hsu, 2012]).

Дискриминантный анализ относится к параметрическим методам классификации с обучением, что означает, что применение данной техники требует определенного распределения данных и наличия обучающей выборки. Следовательно, в основе этого метода лежит задача разделения наблюдений на заранее определенное число классов на основе значений независимых переменных (признаков), причем дискриминантный анализ помогает выяснить, какие именно переменные лучше разделяют массив наблюдений на установленное исследователем число классов. Таким образом, дискриминантный анализ входит в группу многомерных статистических методов, применение которых строится на охвате не одного, а нескольких признаков с учетом их корреляции друг с другом.

Соответственно, центральным элементом дискриминантного анализа является построение линейных комбинаций признаков, которые наилучшим образом описывают различия между обучающими выборками и на основании которых производится оценка. В них каждому из признаков присваивается определенный коэффициент, устанавливающий «вклад» той или иной переменной в итоговый результат. Линейные комбинации признаков называют дискриминантными или дискриминирующими функциями и представляют следующим образом:

$$d_i = \beta_{i1}x_{i1} + \beta_{i2}x_{i2} + \dots + \beta_{in}x_{in} + a_i, \quad (I)$$

где d_i – значение дискриминантной функции для i -того объекта, которое служит для отнесения i -того объекта к одному из классов, или, иначе говоря, оценка степени близости объекта к одному из классов, представленных обучающими выборками; x_{ij} – значение J -той переменной i -того объекта; β_{ij} – коэффициент J -той переменной; a_i – константа; n – количество включенных переменных.

Число дискриминантных функций равняется установленному числу классов за вычетом единицы. В нашем случае ввиду наличия двух групп («влиятельные» и «невлиятельные» страны) в обучающей выборке требуется ровно одна дискриминантная функция. Расчет дискриминантной функции непосредственно связан с определением таких переменных и таких значений коэффициентов при них, которые обеспечили бы наибольшие различия между классами. Соответственно, выделение значимых переменных и вычисление параметров дискриминантной функции происходит на основе обучающей выборки.

Существует несколько способов включения переменных в дискриминантный анализ, но в данном исследовании мы прибегли к процедуре пошагового включения ввиду высоких корреляций между используемыми признаками. Не рекомендуется включать в модель дискриминантного анализа сильно коррелированные предикторы, поскольку он чувствителен к наличию мультиколлинеарности. Процедура пошагового включения состоит в том, что в первую очередь в модель дискриминантного анализа включается переменная с наибольшей разделительной способностью (т.е. с самым высоким стандартизированным коэффициентом дискриминантной функции и с наиболее значимой лямбдой Уилкса, подробнее см. ниже), затем вторая по величине разделительной способности из тех переменных, которые не имеют высокой корреляции с уже включенной, и т.д. После чего оценивается уже качество самой дискриминантной функции.

Судят о качестве, как правило, исходя из трех критериев: коэффициента канонической корреляции, собственного значения и лямбды Уилкса. Первый представляет собой корреляцию между значениями дискриминантной функции и показателем принадлежности к группе, поэтому он свидетельствует об информативности построенной модели. Соответственно, чем выше коэффициент ка-

нонической корреляции (как правило, приемлемыми результатами являются значения от 0,7), тем выше и разделительная способность дискриминантной функции. Собственное значение представляет собой отношение межгрупповой суммы квадратов к внутригрупповой; иными словами, оно также показывает, как точно дискриминантная функция разделяет классы: чем сильнее собственное значение превышает единицу, тем качественнее дискриминантная функция. Лямбда Уилкса говорит о том, значимо ли различаются средние значения дискриминантной функции в двух группах. Величина лямбды Уилкса позволяет оценить значимость так называемой нулевой гипотезы. Нулевая гипотеза предполагает, что средние значения дискриминантной функции для разных групп различаются только за счет случайных факторов (дискриминантная функция плохо описывает различия между группами). Поэтому чем меньше в расчетах уровень значимости нулевой гипотезы, тем лучше дискриминантная функция разделяет группы (меньше вероятность влияния случайных факторов). При значимости нулевой гипотезы менее 0,05 мы будем говорить о сильных различиях значений дискриминантной функции в классах.

В большинстве случаев дискриминантный анализ используется в задачах классификации, в которых средние значения дискриминантной функции каждого класса в обучающей выборке предназначены для выведения порогового значения, служащего для отнесения каждого из объектов к тому или иному классу на основе значения дискриминантной функции данного объекта. Но поскольку значения дискриминантной функции можно отобразить на одном отрезке, разделенном на две части, соответствующие выделенным классам, то возможно применение дискриминантного анализа и для немного другой цели, а именно для ранжирования объектов. В этой трактовке дискриминантного анализа мы соотносим классифицируемые объекты с полюсами, выраженными в классах обучающей выборки [Политический атлас современности... 2007, с. 21–22]. В нашем случае полюсами в анализе являются «влиятельные» и «невлиятельные» государства, а классифицируемые государства оцениваются по расположению относительно полюсов.

В работе были предприняты следующие шаги. На первом этапе была создана база данных с определенным набором переменных, а затем сформированы обучающие выборки для каждого

временного периода (1995, 2005, 2015)¹. Далее состоялся переход непосредственно к дискриминантному анализу – для трех различных временных периодов на основе обучающих выборок рассчитаны оптимальные параметры дискриминантной функции и вычислены ее значения для каждого объекта. Последний шаг предполагает нормировку дискриминантной функции каждого наблюдения соответствующего временного периода на отрезок [0; 10] (см. формулу II) и ранжирование выведенных значений для составления индекса. Таким образом, для каждого из трех моментов времени мы получим отдельный рейтинг государств. Шкалирование применяется нами для облегчения восприятия результатов, и его формула может быть записана как:

$$\mu_i = \frac{d_i - \min(d)}{\max(d) - \min(d)} * 10, \quad (II)$$

где d_i – значение дискриминантной функции i -того объекта; $\min(d)$ – минимальное значение дискриминантной функции на множестве объектов; $\max(d)$ – максимальное значение дискриминантной функции на множестве объектов; μ_i – итоговый балл i -того объекта.

Переходя к переменным, включенным в наше исследование, стоит напомнить, что в ракурсе собранных для него данных международное влияние рассматривается как контроль над ресурсами, т.е. аналогично подходу, примененному в проекте «Политический атлас современности» [Политический атлас современности... 2007, с. 110–111]. Соответственно, набор переменных и обоснование их включения также повторяют указанное выше исследование [Политический атлас современности... 2007, с. 111–138]. Всего были собраны данные по 13 переменным за три временные «точки» (1995, 2005, 2015) по 194 государствам (193 члена ООН на текущий момент и Тайвань). Переменные были условно разбиты на четыре блока, которые могут рассматриваться в качестве разных каналов международного влияния государств.

Экономика. Экономические характеристики государства могут свидетельствовать о многом (о степени диверсификации про-

¹ Для возможности проверки результатов на устойчивость для каждого года (кроме 2005) эксперты составили два варианта «обучающей выборки».

изводства, его инновационной составляющей), но в данном исследовании главную роль будут играть более «грубые» переменные, отражающие размеры национальной экономики. Это связано с тем, что, во-первых, квантификация уникальных свойств национальных экономик представляется чрезвычайно сложной и неоднозначной процедурой. Во-вторых, размеры экономики могут выступать в качестве неплохих прокси-переменных для отображения степени независимости экономики государства от внешних факторов и степени возможного воздействия национальной экономики на мировую. Итак, к переменным данного блока были отнесены:

– доля в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП), рассчитанная на основе данных Всемирного банка¹, Международного валютного фонда (МВФ)² и Всемирной книги фактов Центрального разведывательного управления (ЦРУ)³;

– доля в мировом экспорте, также вычисленная на данных Всемирного Банка⁴, Всемирной книги фактов ЦРУ⁵ и Азиатского банка развития⁶.

Участие в международных организациях. По нашим представлениям, соответствующие переменные должны будут отражать способность государств осуществлять влияние через институты транснациональных взаимодействий. Таким образом, признаки были выделены на основе причастности стран к ключевым международным организациям:

– доля голосов страны при принятии коллективных решений МВФ⁷;

¹ The World Bank // World Development Indicators. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/> (accessed: 3.04.2018.)

² IMF DataMapper // The International Monetary Fund Official Site. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/datamapper/datasets> (accessed: 3.04.2018.)

³ The World Factbook 2016–17 // Central Intelligence Agency. – 2016. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (accessed: 3.04.2018.)

⁴ The World Bank // World Development Indicators. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/> (accessed: 3.04.2018.)

⁵ The World Factbook 2016–17 // Central Intelligence Agency. – 2016. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (accessed: 3.04.2018.)

⁶ Asian Development Bank Statistics // The Asian Development Bank Official Site. – Mode of access: <https://www.adb.org/data/statistics> (accessed: 3.04.2018.)

⁷ IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. // The International Monetary Fund Official Site. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx> (accessed: 3.04.2018.)

– доля взносов страны в регулярный бюджет Организации объединенных наций (ООН)¹;

– наличие статуса постоянного члена Совета Безопасности (СБ) ООН²;

– наличие членства страны в Парижском клубе стран-кредиторов³.

Военная сила. Данное измерение характеризует не только обороноспособность государств, но наличие ресурсов, которые могут выступать средствами «давления» в международных отношениях. Соответственно, к подобным переменным были отнесены:

– доля в мировых военных расходах, источником выступили данные Стокгольмского международного института исследований проблем мира⁴ и доклады «Военный баланс» Международного института стратегических исследований⁵;

– численность армии⁶;

– наличие ядерного оружия, источником информации о котором выступают доклады «Военный баланс» Международного института стратегических исследований⁷ и данные Федерации американских ученых⁸;

¹ Regular Budget and Working Capital Fund // The United Nations Official Site. – Mode of access: <http://www.un.org/en/ga/contributions/budget.shtml> (accessed: 3.04.2018.)

² Current Members // The United Nations Official Site. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/> (accessed: 3.04.2018.)

³ Permanent Members // The Paris Club Official Site. – Mode of access: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/permanent-members> (accessed: 3.04.2018.)

⁴ SIPRI Military Expenditure Database // The Stockholm International Peace Research Institute Official Site. – 2018. – Mode of access: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 3.04.2018.)

⁵ The Military Balance // The International Institute for Strategic Studies. – Mode of access: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/archive> (accessed: 3.04.2018.)

⁶ SIPRI Military Expenditure Database // The Stockholm International Peace Research Institute Official Site. – 2018. – Mode of access: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 3.04.2018.); The Military Balance // The International Institute for Strategic Studies. – Mode of access: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/archive> (accessed: 3.04.2018.)

⁷ The Military Balance // The International Institute for Strategic Studies. – Mode of access: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/archive> (accessed: 3.04.2018.)

⁸ Nuclear Forces Guide // The Federation of American Scientists Official Site. – Mode of access: <https://fas.org/nuke/guide/> (accessed: 3.04.2018.)

– наличие истребительной авиации четвертого и / или пятого поколений (50 и более единиц)¹;

– наличие за рубежом значительных контингентов (более 500 военнослужащих)².

Человеческая составляющая. Неправильно было бы оценить потенциал влияния государства, не учитывая людей, в них проживающих, а потому четвертый блок переменных охватывает население стран в количественном и качественном измерении:

– доля населения страны в общемировой численности населения, рассчитанная на основе данных Всемирного банка³;

– наличие Нобелевских премий (не менее 10), источником информации выступили данные Нобелевского комитета⁴.

Заметим, что шесть из названных переменных (те, что свидетельствуют о наличии ресурсов определенного типа) являются дихотомическими, т.е. бинарными, что осложняет их включение в дискриминантный анализ. Чтобы решить эту проблему, эти шесть признаков с одинаковым весом были свернуты в одну переменную – «Комплексную». Таким образом, всего в дальнейшем анализе у нас будут фигурировать восемь переменных.

Результаты дискриминантного анализа

Все приведенные ниже расчеты выполнялись в статистическом пакете SPSS. Как уже было отмечено, необходимым элементом дискриминантного анализа является обучающая выборка, которая в нашем случае была сформирована экспертами в международной политике. Для проверки моделей дискриминантного анализа на устойчивость для 1995 и 2015 гг. были созданы две обучающие выборки, для 2005 г. сохранена единственная выборка, на основе которой производились вычисления в «Политическом атласе современно-

¹ The Military Balance // The International Institute for Strategic Studies. – Mode of access: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/archive> (accessed: 3.04.2018.)

² Ibid.

³ The World Bank // World Development Indicators. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/> (accessed: 3.04.2018.)

⁴ Nobel prizes and laureates // The Nobel Prize Official Site. – Mode of access: <https://www.nobelprize.org/prizes> (accessed: 3.04.2018.)

сти» [Политический атлас современности, 2007, с. 21–22]. Детально «обучающие выборки» представлены в табл. 1.

Таблица 1

Обучающие выборки

Страна	1995_1	1995_2	2003	2015_1	2015_2	Страна	1995_1	1995_2	2003	2015_2	2015_2
Афганистан		Н	Н		Н	Либерия		Н	Н		Н
Албания				Н		Ливия				Н	
Аргентина			В			Люксембург	Н				
Армения				Н		Малави		Н	Н		Н
Австралия		В	В	В	В	Мексика			В		
Азербайджан	Н					Республика Молдова	Н			Н	
Белоруссия	Н					Монголия	Н	Н	Н	Н	Н
Боливия	Н	Н	Н		Н	Марокко				Н	
Ботсвана	Н	Н	Н	Н	Н	Намибия	Н	Н	Н		Н
Бразилия	В	В	В	В	В	Нидерланды		В	В		
Камбоджа	Н					Новая Зеландия	Н				
Канада	В	В	В	В	В	Никарагуа				Н	
Китай		В	В		В	Пакистан	В	В	В		
Конго		Н	Н		Н	Парагвай	Н	Н	Н	Н	Н
Эстония		Н	Н		Н	Польша				В	В
Финляндия	Н			Н		Португалия	Н			Н	
Франция	В	В	В	В	В	Россия	В	В	В	В	В
Грузия	Н	Н	Н		Н	Руанда		Н	Н		Н
Германия	В	В	В	В	В	Саудовская Аравия				В	В
Греция	Н					Сенегал	Н	Н	Н		Н
Гондурас				Н		Сербия				Н	
Исландия	Н	Н	Н	Н	Н	Сингапур				В	
Индия	В	В	В	В	В	Словения	Н	Н	Н		Н
Индонезия		В	В			Сомали		Н	Н		Н
Иран		В	В	В	В	Южная Африка	В	В	В		
Израиль	В	В	В	В	В	Испания	В			В	
Италия	В	В	В			Таджикистан				Н	
Япония	В	В	В	В	В	Турция	В	В	В	В	В
КНДР					В	Туркменистан	Н				
Республика Корея				В	В	Великобритания	В	В	В	В	В
Кыргызстан		Н	Н	Н	Н	Уругвай		Н	Н		Н
Лаос		Н	Н		Н	Замбия		Н	Н		Н
Ливан	Н										

Примечание: «В» означает, что, по мнению экспертов, страна входит в группу «влиятельных» на международной арене, а буква «Н» свидетельствует, наоборот, о вхождении в группу «невлиятельных».

Соответственно, на основе каждой обучающей выборки была осуществлена процедура дискриминантного анализа. Продемонстрируем ее этапы на нескольких примерах.

Сначала мы отбирали предикторы с наибольшей разделительной способностью. Например, для второй выборки 1995 г. в табл. 2 представлены стандартизированные коэффициенты переменных¹, которые свидетельствуют о том, что лучше других дискриминирует две группы переменная «Доля голосов в МВФ, 1995».

Таблица 2

**Структурная матрица для принудительного включения
всех переменных, 1995 г.**

	Функция 1
Доля голосов в МВФ, %, 1995	0,514
Комплексная переменная 1995	0,450
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 1995	0,434
Доля страны в мировом экспорте, %, 1995	0,391
Численность армии, человек, 1995	0,370
Доля в бюджете ООН, %, 1995	0,361
Доля страны в мировом ВВП, %, 1995	0,286
Доля страны в мировой численности населения, %, 1995	0,208

Чтобы отобрать следующую переменную, нам следует взглянуть на матрицу корреляций переменных на обучающей выборке, с помощью которой можно обнаружить наименее коррелированные с «Долей голосов в МВФ, 1995» переменные. Данная матрица представлена в табл. 3: значения корреляции между переменными представлены в ячейках, расположенных на пересечении соответствующих строк и столбцов.

Как мы видим, всего только два признака («Численность населения, 1995» и «Численность армии, 1995») соответствуют названному условию. Более того, эти две переменные сами сильно коррелируют друг с другом, из-за чего мы приходим к выводу, что в окончательную модель дискриминантного анализа войдет лишь

¹ Эти коэффициенты имеют место, если мы включим в дискриминантную функцию все исходные переменные (принудительное включение), однако использование данной дискриминантной функции грозит риском возникновения мультиколлинеарности, а потому наилучшим вариантом видится использование техники пошагового включения переменных, которая и применена в данном исследовании.

две переменных, одной из которых будет «Доля голосов в МВФ, 1995».

Таблица 3

**Корреляция переменных, 1995 г.:
объединенные внутригрупповые матрицы**

	Доля страны в мировом экспорте, %	Доля страны в мировом ВВП, %	Доля страны в мировой численности населения, %	Доля голосов в МВФ, %	Доля в бюджете ООН, %	Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %	Численность армии, человек	Комплексная переменная, 1995
Доля страны в мировом экспорте, %, 1995	1,000	0,801	-0,332	0,932	0,881	0,894	-0,411	0,409
Доля страны в мировом ВВП, %, 1995	0,801	1,000	-0,160	0,748	0,927	0,827	-0,332	0,066
Доля страны в мировой численности населения, %, 1995	-0,332	-0,160	1,000	-0,164	-0,285	-0,221	0,554	-0,188
Доля голосов в МВФ, %, 1995	0,932	0,748	-0,164	1,000	0,868	0,918	-0,207	0,585
Доля в бюджете ООН, %, 1995	0,881	0,927	-0,285	0,868	1,000	0,863	-0,188	0,327
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 1995	0,894	0,827	-0,221	0,918	0,863	1,000	-0,302	0,456
Численность армии, человек, 1995	-0,411	-0,332	0,554	-0,207	-0,188	-0,302	1,000	0,166
Комплексная переменная, 1995	0,409	0,066	-0,188	0,585	0,327	0,456	0,166	1,000

Таблица 4

Критерий равенства групповых средних, 1995 г.

	Лямбда Уилкса	F	ст. св1	ст. св2	Знач.
Доля страны в мировом экспорте, %, 1995	0,537	25,843	1	30	0,000
Доля страны в мировом ВВП, %, 1995	0,685	13,813	1	30	0,001
Доля страны в мировой численности населения, %, 1995	0,804	7,330	1	30	0,011
Доля голосов в МВФ, %, 1995	0,402	44,608	1	30	0,000
Доля в бюджете ООН, %, 1995	0,576	22,047	1	30	0,000
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 1995	0,485	31,833	1	30	0,000
Численность армии, человек, 1995	0,565	23,104	1	30	0,000
Комплексная переменная, 1995	0,467	34,286	1	30	0,000

Для выбора второй переменной мы вынуждены сделать шаг назад и заглянуть в табл. 2, из которой нам становится понятно, что разделительная способность переменной «Численность армии, 1995» выше, чем «Численность населения, 1995». Более того, из табл. 4 можно узнать, что уровень значимости лямбды Уилкса у признака «Численность армии, 1995» ниже 0,001, в отличие от признака «Численность населения, 1995». Следовательно, в итоговую модель дискриминантного анализа, проведенного на второй выборке 1995 г., включаются две переменные: «Доля в МВФ, 1995» и «Численность армии, 1995». На следующем шаге мы проверим качество рассчитанной дискриминантной функции.

Таблица 5

**Собственные значения дискриминантной функции
для 1995 г.**

Функция	Собственное значение	% объясненной дисперсии	Кумулятивный %	Каноническая корреляция
1	1,215 ^a	100,0	100,0	0,741

В табл. 5 и 6 представлены результаты соответствующих проверок, которые нам говорят о хорошем качестве построенной дискриминантной функции. Так, и собственное значение превышает единицу и равняется 1,215, и коэффициент канонической корреляции явно выше 0,7. Более того, и значение лямбды Уилкса, рассчитанное по дискриминантной функции, показывает, что нулевая гипотеза о случайности различий средних оценок между группами значима лишь на крайне малом уровне – менее 0,001. Таким образом, модель действительно обладает хорошей дискриминирующей способностью.

Таблица 6

Лямбда Уилкса дискриминантной функции для 1995 г.

Проверка функции (й)	Лямбда Уилкса	Хи-квадрат	ст. св.	Знач.
1	0,452	27,831	2	0,000

На последнем шаге рассчитываются значения дискриминантной функции для всех стран. Представленная выше логика была применена в отношении всех обучающих выборок. Заметим, что дискриминантная функция, построенная на основе «Доли в

МВФ» и «Численность армии», оптимальна для двух выборок 1995 г., одной выборки 2005 г., и также качественно работает в отношении двух выборок 2015 г., а потому все дальнейшие результаты основаны именно на данной дискриминантной функции с указанными параметрами. Соответствующие расчеты для 2005 и 2015 гг. приведены в *Приложениях 1–8*. Именно это – центральный эмпирический результат работы, и он будет рассмотрен нами в деталях в следующем разделе.

Обсуждение результатов

Одним из самых интересных результатов проведенного дискриминантного анализа оказалось то, что всего две переменные («Доля голосов страны при принятии коллективных решений МВФ» и «Численность армии») достаточны для отображения потенциала международного влияния государств, причем еще более интересно качественное наполнение данной пары переменных. Отчасти число признаков в итоговой модели дискриминантного анализа объясняется особенностями используемого метода, а именно условием отсутствия высокой корреляции между предикторами. Однако есть и более содержательное объяснение.

Сначала охарактеризуем сами переменные. Поскольку МВФ предоставляет кредиты государствам – членам данной организации, то доля голосов страны при принятии коллективных решений МВФ играет ключевую роль в вопросах, связанных с предоставлением экономической помощи. Численность армии же выступает «грубым» признаком для отображения военной силы государств¹. Таким образом, были выделены два принципиально разных ресурса влияния.

Заметим, что исследователи давно отмечали, что эффективность мобилизации тех или иных ресурсов зависит от конкретной ситуации, для успешного разрешения которой могут потребоваться

¹ Хотя, возможно, любая единственная переменная будет «грубой» в данном контексте, поскольку для оценки «военной силы» нужно учитывать не только качество экипировки солдат, тип вооружений на службе государств, их качество и характеристики, но и другие трудно измеримые свойства (тактическая выучка полевого командования, проработанность стратегий ведения боевых действий, лояльность армии и др.).

ресурсы разного типа: от применения военной силы до использования позитивных санкций [Baldwin, 1979, p. 166–167, 180–186]. Гуццини также обращал внимание на то, что мобилизация ресурсов для оказания влияния может происходить разными способами в зависимости от того, на своего «друга» или «врага» государство оказывает воздействие [Guzzini, 2009, p. 8–9]. Харт различал международное влияние двух типов: первый построен на принуждении другой страны или стран, а второй – на убеждении другой страны или стран в наличии совместных интересов и целей [Hart, 1976, p. 291–292]. Таким образом, в литературе уже предполагалось наличие двух каналов влияния, которыми в нашем исследовании оказались «Доля голосов в МВФ» и «Численность армии». Также стоит обратить внимание на то, что институциональный ресурс в международной политике (такой как «Доля голосов в МВФ»), возможно, лучше всего подходит для формирования консенсуса в отношении общих целей, интересов, ценностей.

Видятся две возможные интерпретации того, что дискриминантный анализ выделил именно эти две переменные. Так, «Доля голосов в МВФ» и «Численность армии» могут быть именно теми ресурсами, которые в конкретный временной период лучше всего подходят для отображения двух рассматриваемых каналов международного влияния. В таком случае они выступают в качестве прокси-переменных этих каналов. Альтернативное объяснение состоит в том, что в конкретный временной период эти два вида ресурсов было проще мобилизовать для оказания международного влияния в двух его ипостасях. Заметим, что в случае переменной «Численность армии» речь скорее может идти не о фактической мобилизации, а лишь об артикуляции угрозы применения военной силы, убедительность которой, возможно, прямо пропорциональна численности армии.

Стоит также рассмотреть результаты дискриминантного анализа по ранжированию стран. Визуализацию индекса на карту мира можно найти в Приложениях 9–12. Часть рейтинга государств по потенциалу международного влияния представлена в табл. 7. В данной таблице страны ранжированы по значениям влиятельности 2015 г. Как легко заметить, выделяется единоличный лидер – США. По двум рейтингам 2015 г. видно, что второе место закрепил за собой Китай, за которым располагаются другие страны-лидеры. Сравнение позиций стран в двух рейтингах 2015 г., построенных на ос-

нове разных обучающих выборок, демонстрирует, что состав первых 15 мест почти не изменился – лишь Пакистан и Иран уступили свои места Канаде и Нидерландам.

Таблица 7

**Рейтинг стран по потенциалу международного влияния
(первые 15 мест)**

<i>Обучающая выборка 1</i>				<i>Обучающая выборка 2</i>			
Страна	1995	2005	2015	Страна	1995	2005	2015
США	1	1	1	США	1	1	1
Китай	2	2	2	Китай	2	2	2
Индия	6	8	3	Япония	4	3	3
Япония	7	3	4	Германия	3	4	4
Германия	4	4	5	Индия	8	8	5
Россия	3	7	6	Франция	5	5	6
Франция	5	5	7	Великобритания	6	6	7
КНДР	9	13	8	Россия	7	7	8
Великобритания	8	6	9	Италия	10	9	9
Республика Корея	13	14	10	Саудовская Аравия	9	10	10
Италия	10	9	11	Республика Корея	19	14	11
Саудовская Аравия	11	10	12	Канада	11	11	12
Пакистан	14	16	13	КНДР	15	13	13
Бразилия	16	15	14	Бразилия	14	16	14
Иран	15	22	15	Нидерланды	12	12	15

В то же время конкретный порядок стран внутри этой группы не вполне устойчив, что свидетельствует о примерном равенстве сил лидеров потенциала международного влияния первого эшелона (за исключением США и Китая): Японии, Германии, Индии, Франции, Великобритании и России. За ними идут страны, чье международное влияние немного меньше и, видимо, значимо только на уровне отдельных регионов мира: КНДР, Республика Корея, Италия, Саудовская Аравия, Бразилия.

В табл. 8 представлены страны с наименьшими потенциалами международного влияния, ранжированные по 2015 г. Заметим, что рейтинг 1995 г. состоит из 190 стран, рейтинг 2005 г. – из 192 стран, и рейтинг 2015 г. – из 194 стран. Из таблицы видно, что состав таких стран остается устойчивым даже при изменении обучающих выборок. Так что на основе двух таблиц выше можно сделать вывод, что результаты дискриминантного анализа прошли проверку на устойчивость.

Таблица 8

**Рейтинг стран по потенциалу международного влияния
(последние 15 мест)**

<i>Обучающая выборка 1</i>				<i>Обучающая выборка 2</i>			
Страна	1995	2005	2015	Страна	1995	2005	2015
Антигуа и Барбуда	170	173	180	Антигуа и Барбуда	171	173	180
Доминика	174	177	181	Гренада	175	177	181
Гренада	175	178	182	Доминика	176	178	182
Самоа	179	179	183	Кирибати	177	184	183
Соломоновы о-ва	180	180	184	Маршалловы о-ва	178	185	184
Сент-Винсент и Гренадины	181	181	185	Микронезия	179	186	185
Кирибати	176	184	186	Палау	185	187	186
Маршалловы о-ва	177	185	187	Самоа	180	179	187
Микронезия	178	186	188	Сент-Винсент и Гренадины	181	180	188
Палау	184	187	189	Соломоновы о-ва	182	181	189
Тувалу	185	188	190	Тувалу	186	188	190
Андорра	186	189	191	Андорра	187	189	191
Лихтенштейн	187	190	192	Лихтенштейн	188	190	192
Монако	189	191	193	Монако	189	191	193
Науру	190	192	194	Науру	190	192	194

Почему мы используем в анализе порядковые номера стран в ранжированных списках, а не исходные (или шкалированные) значения дискриминантных функций, которые, казалось бы, с более высокой точностью должны отражать потенциалы влияния государств? Напомним, что в основе оценки таких функций лежат обучающие выборки ограниченного объема, составленные экспертами. Бесспорно, они отражают некоторые существенные изменения, происходящие в группах «лидеров» и «аутсайдеров»: например, ЮАР (использована в обучающей выборке исследования 2005 г.) к 2015 г. существенно потеряла в своем потенциале влияния, что отразилось в ее исключении из «группы лидеров» за соответствующий год. Однако ввиду ограниченности выборок и экспертного характера их наполнения учет этих изменений не может быть исчерпывающе точным и не может привести к «идеальной» коррекции коэффициентов дискриминантных функций; речь идет скорее о качественных сдвигах.

Кроме того, мы неизбежно имеем дело со статистически зашумленными исходными данными. Это приводит к тому, что задача достоверного описания динамики маловлиятельных стран

выглядит малореализуемой: при определенных значениях влиятельности статистический шум «забывает» полезную информацию (по очень грубым оценкам, потенциальная граница достоверных описаний находится в районе индексов влиятельности порядка 0,09 и точно выше 0,05). Это будет описание динамики шума, а не реального положения вещей. В перспективе статистический шум можно частично уменьшить, используя в обработке гораздо большее число наблюдений.

Заключение

В работе был представлен один из способов оценивания потенциала международного влияния государств. В его основе лежат методы, примененные в «Политическом атласе современности» для аналогичной цели. Также были рассмотрены основные существующие в литературе подходы к анализу мощи и влияния государства в мире, их достоинства и недостатки. Было приведено обоснование применения дискриминантного анализа, детально описан алгоритм его использования на собранных авторами данных. Исследование продемонстрировало устойчивость результатов дискриминантного анализа и позволило вывести соответствующие рейтинги стран за 1995, 2005 и 2015 гг.

Кроме сформированных рейтингов, важным эмпирическим результатом работы стало выявление двух ключевых каналов международного влияния, играющих стабильно большую роль на всем указанном отрезке времени. Мы показали, что включение в модель всего двух предикторов – «Доля голосов в МВФ» и «Численность армии» – дает согласованные с выбором экспертов результаты ранжирования стран по степени потенциала влияния, и дали соответствующее содержательное объяснение этого факта.

Означают ли эти результаты однозначное утверждение, что в мире действуют лишь два канала международного влияния? Разумеется, нет, так как мы действовали в рамках ограничений, связанных, с одной стороны, с набором переменных, с другой – с методологическими установками, заданными оригинальным проектом «Политический атлас современности». Хотя эти установки были нами теоретически переосмыслены и приложены к новому массиву данных, в измерении столь сложных и неоднозначных сущностей,

как международное влияние, невозможно всерьез рассчитывать на «истину в последней инстанции». Вполне возможно, что иная исследовательская оптика вкупе с модификациями в части операциональных определений может несколько скорректировать полученную картину. Несомненно, перспективно расширение репертуара многомерных методов, применяемых к решению задачи измерения государственной мощи, – за счет факторного анализа (классического и байесовского), иных методов обнаружения латентных переменных. Альтернативные техники агрегирования данных, применяемые в теории принятия решений, также могут оказаться полезными. Эти исследовательские стратегии в настоящее время уже находят применение в работе над новым проектом – «Политическим атласом современности 2.0» (подробнее см.: [Мельвиль, 2018; Ахременко, Миронюк, 2019; Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018]).

Список литературы

- Ахременко А.С., Миронюк М.Г.* Динамика потенциалов влияния государств (по материалам проекта «Политический атлас современности») // *Общественные науки и современность*. – М., 2019. – № 1. – С. 39–59.
- Ледяев В.Г.* Современные концепции власти: Аналитический обзор // *Социологический журнал*. – М., 1996. – №. 3/4. – С. 109–126.
- Мельвиль А.Ю.* Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // *Политическая наука*. – М., 2018. – №. 1. – С. 173–200.
- Миронюк М.Г., Толокнев К.А., Мальцев А.М.* Военная мощь в мировой политике: для победы в войне, для предотвращения войны и (или) для обретения статуса? // *Международные процессы*. – М., 2018. – Т. 16, №. 2(53). – С. 26–48.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др.* – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Типология несоциалистических стран (опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств) / Л.А. Гордон, В.Л. Тягуненко, Л.И. Фридман и др.* – М.: Наука, 1976. – 271 с.
- Alcock N.Z., Newcombe A.G.* The perception of national power // *Journal of Conflict Resolution*. – N.Y., 1970. – Т. 14, N 3. – P. 335–343.
- Baldwin D.A.* Power analysis and world politics: New trends versus old tendencies // *World politics*. – Baltimore, 1979. – Т. 31, N 2. – P. 161–194.
- Chang C.L.* A measure of national power. – 34 p. – Mode of access: <http://www.analyticcentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf> (accessed: 6.10.2018.)

- Doomsday Clock Statement: It Is 2 Minutes to Midnight / Ed. by J. Mecklin // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2018. – Mode of access: <https://thebulletin.org/sites/default/files/2018%20Doomsday%20Clock%20Statement.pdf> (accessed: 19.04.2019.)
- Doomsday Clock Statement: A new era // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1991. – Mode of access: <https://thebulletin.org/sites/default/files/1991%20Clock%20Statement.pdf> (accessed: 19.04.2019.)
- German F.C. A tentative evaluation of world power // Journal of Conflict Resolution. – N.Y., 1960. – T. 4, N 1. – P. 138–144.
- Guzzini S. On the measure of power and the power of measure in International Relations. – 2009. – 18 p. – (DIIS working paper; N 28). – Mode of access: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/44660/1/615078389.pdf> (accessed: 6.10.2018.)
- Presentation a new model to measure national power of the countries / M.R. Hafeznia, S.H. Zarghani, Z. Ahmadi, A.R. Eftekhari // Journal of Applied Sciences. – Faisalabad; Punjab, Pakistan, 2008. – T. 8. – P. 230–240.
- Hart J. Three approaches to the measurement of power in international relations // International Organization. – Cambridge, 1976. – T. 30, N 2. – P. 289–305.
- Huang M.L., Hsu Y.Y. Fetal distress prediction using discriminant analysis, decision tree, and artificial neural network // Journal of Biomedical Science and Engineering. – Wuhan, China, 2012. – T. 5, N 09. – P. 526–533.
- Ikenberry G.J. The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order // Foreign Affairs. – N.Y., 2014. – T. 93, N 3. – P. 80–90.
- Kim H.M. Comparing measures of national power // International Political Science Review. – Cambridge, 2010. – T. 31, N 4. – P. 405–427.
- Kugler J., Arbetman M. Choosing among measures of power: A review of the empirical record // Power in world politics. – N.Y., 1989. – P. 49–77.
- Kugler J., Domke W. Comparing the strength of nations // Comparative Political Studies. – L.; Thousand Oaks, 1986. – T. 19, N 1. – P. 39–69.
- National Power Index 2012 / S. Kumar, K. Sibal, S.D. Pradham, A.M.M. Matheswaran, R. Bedi, B. Ganguly. – New Delhi: Foundation of National Research, 2012. – 27 p. – Mode of access: http://www.fnsr.org/index.php?option=com_content&view=article&id=4173 (accessed: 15.05.2019.)
- McCulloh I., Armstrong H., Johnson A. Social network analysis with applications. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2013. – 320 p.
- Mead W.R. The return of geopolitics: The revenge of the revisionist powers // Foreign Affairs. – N.Y., 2014. – T. 93, N 3. – P. 69–79.
- Measuring national power in the postindustrial age / A.J. Tellis, J. Bially, C. Layne, M. McPherson. – N.Y.: Rand Corporation, 2001. – 182 p.
- Singer J.D. Reconstructing the correlates of war dataset on material capabilities of states, 1816–1985 // International Interactions. – L., 1988. – T. 14, N 2. – P. 115–132.
- Zipp J.F. Left-right dimensions of Canadian federal party identification: A discriminant analysis // Canadian Journal of Political Science. – Cambridge, 1978. – T. 11, N 2. – P. 251–278.

S.A. Zheglov, Yu.A. Polunin*
About «Tectonic Shifts» (or Their Absence?)
of the Drivers of International Power and Influence:
The Experience of Discriminant Analysis

Abstract. Assessing the power and influence of states on the world arena has always been one of the most pressing tasks in political science and international relations. Nevertheless, the problem of creating a universally recognized tool for measuring national power remains unsolved. The article presents one of the strategies of such an evaluation – discriminant analysis, which, in our opinion, has several advantages compared with its analogs. One of the obvious advantages of this method is the use of computational algorithms for finding the optimal «weights» of indicators in the index of national power based on training samples. The latter are sets of countries with maximum and minimum influence, obtained on the basis of expert assessments. In other words, using training samples gives researchers the opportunity to formalize mathematically the exact combination of indicators applied to estimate a state's international power. Basing upon methodology developed in the project «Political Atlas of the Modern World», we apply it to the analysis of a wider data set, which includes 1995, 2005 and 2015. We track the dynamics of changes in the determinants of power and influence potential from 1995 to 2015, and come to an unexpected conclusion about the absence of any «tectonic» shifts in its components. Two dimensions of power potential, related, on the one hand, to economic and institutional factors, and, on the other hand, to military force, have remained the key ones over the past twenty years. Another empirical result of the study is a set of concrete estimations of international power potential for more than 190 countries during the period mentioned above.

Keywords: Political Atlas of the Modern World; state; state; influence; power; world order; index of potential of international influence; discriminant analysis.

For citation: Zheglov S.A., Polunin Yu.A. The potential of international influence: experience of discriminant analysis (on the materials of the «Political Atlas of the Modern World»). *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 76–111. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.04>

References

- Akhremenko A.S., Mironyuk M.G. Dynamics of the state influence potentials (on the materials of the “Political Atlas of the Modern World”). *Social Sciences and Contemporary World*. 2019, N 1, P. 39–59. (In Russ.)
- Alcock N.Z., Newcombe A.G. The perception of national power. *Journal of Conflict Resolution*. 1970, Vol. 14, N 3, P. 335–343.

* **Zheglov Sergey**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: sazheglov@edu.hse.ru; **Polunin Yury**, PhD in Technical Sciences, associate professor, ICS RAS (Moscow, Russia), e-mail: polunin@expert.ru

- Baldwin D.A. Power analysis and world politics: New trends versus old tendencies. *World politics*. 1979, T. 31, N 2, P. 161–194.
- Chang C.L. A measure of national power. 34 p. Mode of access: <http://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf> (accessed: 6.10.2018.)
- Doomsday Clock Statement: A new era. In: *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1991. Mode of access: <https://thebulletin.org/sites/default/files/1991%20Clock%20Statement.pdf> (accessed: 3.04.2018).
- Doomsday Clock Statement: It Is 2 Minutes to Midnight. Ed by J. Mecklin. In: *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2018. Mode of access: <https://thebulletin.org/sites/default/files/2018%20Doomsday%20Clock%20Statement.pdf> (accessed: 3.04.2018).
- German F.C. A tentative evaluation of world power. *Journal of Conflict Resolution*. 1960, Vol. 4, N 1, P. 138–144.
- Guzzini S. On the measure of power and the power of measure in International Relations. *DIIS working paper*. 2009, N 28, 18 p. Mode of access: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/44660/1/615078389.pdf> (accessed: 6.10.2018.)
- Hafeznia M.R. et al. Presentation a new model to measure national power of the countries. *Journal of Applied Sciences*. 2008, Vol. 8, P. 230–240.
- Hart J. Three approaches to the measurement of power in international relations. *International Organization*. 1976, Vol. 30, N 2, P. 289–305.
- Huang M.L., Hsu Y.Y. Fetal distress prediction using discriminant analysis, decision tree, and artificial neural network. *Journal of Biomedical Science and Engineering*. 2012, Vol. 5, N 09, P. 526–533.
- Ikenberry G.J. The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 80–90.
- Kim H.M. Comparing measures of national power. *International Political Science Review*. 2010, Vol. 31, N 4, P. 405–427.
- Kugler J., Arbetman M. Choosing among measures of power: A review of the empirical record. In: *Power in world politics*. Ed by R.J. Stoll, M.D. Ward. Boulder, Col., 1989, P. 49–77.
- Kugler J., Domke W. Comparing the strength of nations. *Comparative Political Studies*. 1986, Vol. 19, N 1, P. 39–69.
- Kumar S. et al. *National Power Index 2012*. New Delhi: Foundation of National Research, 2012, 27 p.
- Ledyayev V.G. Modern concepts of power: an analytical review. *Sociological Journal*. 1996, N 3–4, P. 109–126. (In Russ.)
- McCulloh I., Armstrong H., Johnson A. *Social network analysis with applications*. John Wiley & Sons, 2013, 320 p.
- Mead W.R. The return of geopolitics: The revenge of the revisionist powers. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 69–79.
- Measuring national power in the postindustrial age*. Ed by A.J. Tellis et al. N.Y.: Rand Corporation, 2001, Vol. 1110, 182 p.

- Melville A.Yu. Power and influence of modern states within the changing world order: Some theoretical and methodological aspects. *Political science (RU)*. 2018, N 1, P. 173–200. (In Russ.)
- Mironyuk M.G., Tolokey K.A., Maltsev A.M. Not so obsolete military power in world politics to wage war, to avoid war and (or) to gain recognition. *International Trends*. 2018, Vol. 16, N 2 (53), P. 26–48. (In Russ.)
- Political Atlas of the Modern World: Experience of multidimensional statistical analysis of political systems of modern states*. Ed by A. Yu. Melville [et al.]. Moscow: MGIMO-University publishing agency, 2007, 272 p. (In Russ.)
- Singer J.D. Reconstructing the correlates of war dataset on material capabilities of states, 1816–1985. *International Interactions*. 1988, T. 14, N 2, P. 115–132.
- Typology of non-socialist countries (the experience of a multidimensional-statistical analysis of national economies)*. Ed by L.I. Friedman et al. Moscow: Nauka (publisher), 1976. (In Russ.)
- Zipp J.F. Left-right dimensions of Canadian federal party identification: A discriminant analysis. *Canadian Journal of Political Science*. 1978, Vol. 11, N 2, P. 251–278.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Структурная матрица для принудительного включения всех переменных, 2005 г.

	Функция
	1
Доля голосов в МВФ, %, 2005	0,580
Комплексная переменная 2005	0,568
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 2005	0,539
Доля страны в мировом экспорте, %, 2005	0,503
Доля страны в мировом ВВП, %, 2005	0,469
Численность армии, человек, 2005	0,360
Доля в бюджете ООН, %, 2005	0,312
Доля страны в мировой численности населения, %, 2005	0,252

Приложение 2

Критерий равенства групповых средних, 2005 г.

	Лямбда Уилкса	F	ст. св1	ст. св2	Знач.
Доля страны в мировом экспорте, %, 2005	0,624	22,890	1	38	0,000
Доля страны в мировом ВВП, %, 2005	0,656	19,930	1	38	0,000
Доля страны в мировой численности населения, %, 2005	0,868	5,763	1	38	0,021
Доля голосов в МВФ, %, 2005	0,555	30,480	1	38	0,000
Доля в бюджете ООН, %, 2005	0,812	8,816	1	38	0,005
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %	0,591	26,291	1	38	0,000
Численность армии, человек, 2005	0,764	11,743	1	38	0,001
Комплексная переменная 2005	0,565	29,262	1	38	0,000

Приложение 3

Корреляция переменных, 2005 г.: объединенные внутригрупповые матрицы

<i>Корреляция. Объединенные внутригрупповые матрицы</i>	<i>Доля страны в мировом экспорте, %, 2005</i>	<i>Доля страны в мировом ВВП, %, 2005</i>	<i>Доля страны в мировой численности населения, %, 2005</i>	<i>Доля голосов в МВФ, %, 2005</i>	<i>Доля в бюджете ООН, %, 2005</i>	<i>Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 2005</i>	<i>Численность армии, человек, 2005</i>	<i>Комплексная переменная 2005</i>
Доля страны в мировом экспорте, %, 2005	1,000	0,834	0,179	0,899	0,668	0,800	0,196	0,570
Доля страны в мировом ВВП, %, 2005	0,834	1,000	0,119	0,920	0,936	0,830	0,096	0,472
Доля страны в мировой численности населения, %, 2005	0,179	0,119	1,000	0,014	-0,120	0,263	0,901	-0,012
Доля голосов в МВФ, %, 2005	0,899	0,920	0,014	1,000	0,841	0,864	0,007	0,660
Доля в бюджете ООН, %, 2005	0,668	0,936	-0,120	0,841	1,000	0,645	-0,155	0,351
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 2005	0,800	0,830	0,263	0,864	0,645	1,000	0,314	0,758
Численность армии, человек, 2005	0,196	0,096	0,901	0,007	-0,155	0,314	1,000	0,167
Комплексная переменная, 2005	0,570	0,472	-0,012	0,660	0,351	0,758	0,167	1,000

Приложение 4

**Собственные значения дискриминантной функции
для 2005 г.**

<i>Собственные значения</i>				
<i>Функция</i>	<i>Собственное значение</i>	<i>% объясненной дисперсии</i>	<i>Кумулятивный %</i>	<i>Каноническая корреляция</i>
1	1,104 ^a	100,0	100,0	0,724

Приложение 5

**Структурная матрица для принудительного
включения всех переменных, 2015 г.**

	<i>Функция</i>
	1
Комплексная переменная 2015	0,836
Военные расходы, доля в мировых, %, 2015 а	0,537
Численность армии, человек, 2015	0,461
Доля голосов в МВФ, %, 2015 а	0,370
Доля страны в мировом ВВП, %, 2015 а	0,359
Доля страны в мировой численности населения, %, 2015 а	0,304
Доля страны в мировом экспорте, %, 2015 а	0,241
Доля в бюджете ООН, %, 2015 а	0,218

Приложение 6

Критерий равенства групповых средних, 2015 г.

<i>Критерий равенства групповых средних</i>	<i>Лямбда Уилкса</i>	<i>F</i>	<i>ст. св1</i>	<i>ст. св2</i>	<i>Знач.</i>
Доля страны в мировом экспорте, %, 2015	0,556	24,771	1	31	0,000
Доля страны в мировом ВВП, %, 2015	0,527	27,818	1	31	0,000
Доля страны в мировой численности населения, %, 2015	0,910	3,068	1	31	0,090
Доля голосов в МВФ, %, 2015	0,580	22,407	1	31	0,000
Доля в бюджете ООН, 2015, %	0,668	15,427	1	31	0,000
Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 2015	0,488	32,570	1	31	0,000
Численность армии, человек, 2015	0,700	13,256	1	31	0,001
Комплексная переменная 2015	0,415	43,699	1	31	0,000

Приложение 7

**Корреляция переменных, 2015 г.:
объединенные внутригрупповые матрицы**

<i>Корреляция. Объединенные внутригрупповые матрицы</i>	<i>Доля страны в мировом экспорте, %, 2015</i>	<i>Доля страны в мировом ВВП, %, 2015</i>	<i>Доля страны в мировой численности населения, %, 2015</i>	<i>Доля голосов в МВФ, %, 2015</i>	<i>Доля в бюджете ООН, %, 2015</i>	<i>Военные расходы, доля в мировых военных расходах, %, 2015</i>	<i>Численность армии, че- ловек, 2015</i>	<i>Комплексная переменная 2015</i>
Доля страны в мировом экспорте, %, 2015	1,000	0,927	0,552	0,663	0,615	0,794	0,499	0,469
Доля страны в мировом ВВП, %, 2015	0,927	1,000	0,681	0,582	0,587	0,869	0,624	0,401
Доля страны в мировой численности населения, %, 2015	0,552	0,681	1,000	0,166	0,041	0,691	0,827	0,049
Доля голосов в МВФ, %, 2015	0,663	0,582	0,166	1,000	0,917	0,416	-0,048	0,511
Доля в бюджете ООН, %, 2015	0,615	0,587	0,041	0,917	1,000	0,292	-0,093	0,441
Военные расходы, доля в мировых, %, 2015	0,794	0,869	0,691	0,416	0,292	1,000	0,695	0,406
Численность армии, человек, 2015	0,499	0,624	0,827	-0,048	-0,093	0,695	1,000	-0,026
Комплексная переменная 2015	0,469	0,401	0,049	0,511	0,441	0,406	-0,026	1,000

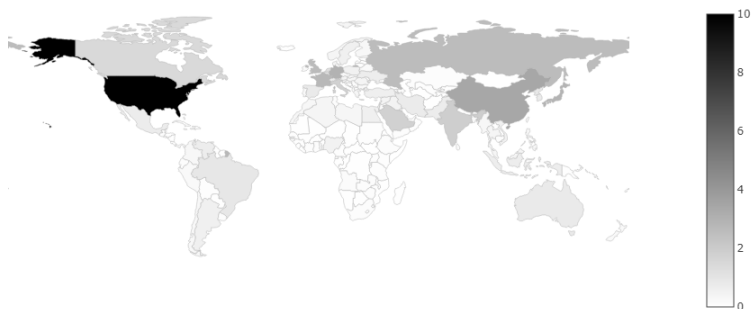
Приложение 8

**Собственные значения дискриминантной функции
для 2005 г.**

<i>Собственные значения</i>				
<i>Функция</i>	<i>Собственное значение</i>	<i>% объясненной дисперсии</i>	<i>Кумулятивный %</i>	<i>Каноническая корреляция</i>
1	1,361 а	100,0	100,0	0,759

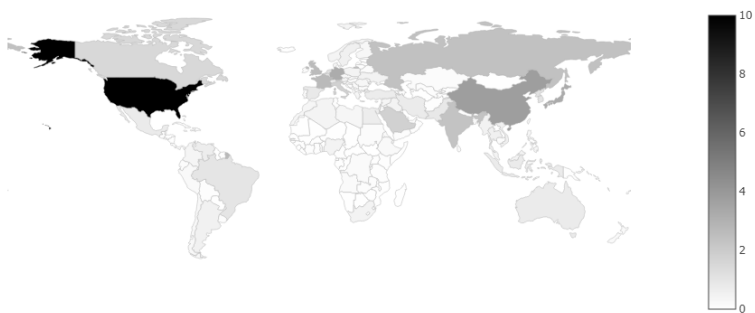
Приложение 9
Потенциал международного влияния, 1995 г.

Потенциал международного влияния, 1995 год

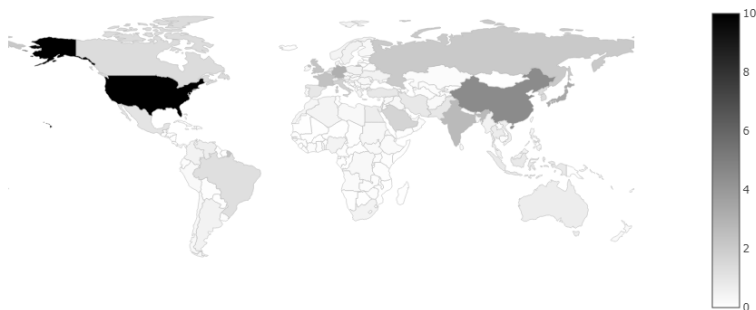
Приложение 10
Потенциал международного влияния, 2005 г.

Потенциал международного влияния, 2005 год

Приложение 11 Потенциал международного влияния, 2015 г.

Потенциал международного влияния, 2015 год

Приложение 12 Изменение потенциала международного влияния, 1995–2015 гг.

Потенциал международного влияния. Сдвиг за 1995–2015 годы

А.С. АХРЕМЕНКО, А.Л. МЯЧИН*

**ПАТТЕРН-АНАЛИЗ И КЛАСТЕРИЗАЦИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: «АДАПТИВНАЯ ОПТИКА»
ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹**

Аннотация. Центральный фокус работы – методологический. На примере набора индикаторов государственной состоятельности авторы показывают конкретную стратегию выявления устойчивых структур в многомерных массивах данных, отражающих сложные и неоднозначные понятия политической науки. Ключевая особенность этой стратегии – применение родственных, но существенно различающихся по своим техническим особенностям многомерных методов – кластерного и паттерн-анализа. В статье использована иерархическая кластеризация с различными сочетаниями метрик и правил объединения, а также порядково-инвариантная паттерн-кластеризация. Попутно впервые в политологической ли-

* **Ахременко Андрей Сергеевич**, доктор политических наук, доцент, замдекана по науке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), профессор Департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ, академический руководитель программы «Прикладная политология», e-mail: aakhremenko@hse.ru; **Мячин Алексей Леонидович**, кандидат технических наук, доцент Департамента математики факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Лаборатории теории выбора и анализа решений Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН (Москва, Россия), e-mail: amyachin@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01651), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

тературе (насколько известно авторам) описаны особенности паттерн-анализа как метода исследования многомерных массивов данных. Если кластеризация давно и активно используется в политологии, то паттерн-анализ пока еще практически не «встал на вооружение» в нашей науке. При этом паттерн-анализ обладает некоторыми важными и во многом уникальными возможностями.

Было показано, что совместное использование кластерного и паттерн-анализа позволяет выявить согласованные структуры, имеющие ясную интерпретацию в терминах политической науки. Таким образом, в ходе исследования выявлено несколько типов государственной состоятельности, хотя эта задача носила скорее иллюстративный характер.

Эмпирическими индикаторами государственной состоятельности стали доля военных расходов в ВВП, доля военного персонала в общей численности населения, доля налоговых поступлений в ВВП, суммарный уровень убийств и жертв внутренних конфликтов, качество государственных институтов. Данные по более чем 150 странам взяты за 1996, 2005 и 2015 гг. Устойчивые сочетания значений этих показателей, выявленные одновременно с помощью кластерного и паттерн-анализа, формируют искомые структуры государственной состоятельности.

В заключение приводятся наиболее перспективные направления развития описанной методологии. Одним из наиболее важных представляется анализ динамики стран в рамках паттерн-кластерных структур государственной состоятельности.

Ключевые слова: государственная состоятельность; кластер; кластерный анализ; паттерн; анализ паттернов; порядково-инвариантная паттерн-кластеризация.

Для цитирования: Ахременко А.С., Мячин А.Л. Паттерн-анализ и кластеризация в исследовании государственной состоятельности: «Адаптивная оптика» для политической науки // Политическая наука. – М., 2019. – № 3. – С. 112–139. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.05>

Введение

Со времен Древней Греции в астрономии известен феномен параллакса – изменения видимого положения небесного тела, наблюдаемого из двух разных пространственных положений. Угол между лучами зрения вкупе с расстоянием между позициями наблюдателя дает возможность с неплохой точностью оценить расстояние до рассматриваемого объекта. В общественных науках «эффект параллакса» – увеличение надежности измерений за счет «переключения» между альтернативными, но родственными аналитическими техниками, – приобретает особую значимость в тех случаях, когда объект исследования искажен противоречивостью концептуальных интерпретаций, неоднозначностью операциональных определений, «шумами» в данных. В этой работе мы по-

кажем, как этот эффект проявляет себя в эмпирическом исследовании государственной состоятельности.

Даже на общем фоне политической науки, с ее обилием сложных для операционализации и измерения понятий, концепт государственной состоятельности выделяется как один из наиболее неоднозначных и «неудобных» для эмпирического анализа [Hendrix, 2010]. На концептуальном уровне государственная состоятельность может трактоваться через призму ключевого доминирующего свойства (например, эффективного государственного аппарата [Charron, 2016]) либо восприниматься как многомерная совокупность неоднородных и, вообще говоря, «равноправных» признаков. В качестве таковых выделяют и качество политических институтов [Hendrix, 2010], и способность собирать налоги (tax extraction) [Hanson, Sigman, 2013], и гарантию прав собственности, и инфраструктурную «проницаемость», обеспечивающую выполнение государственных решений на всей территории страны [Savoia, Sen, 2012], и символическое доминирование для обеспечения национального консенсуса [Wang, 1995]. Каждая из многочисленных концептуальных интерпретаций порождает альтернативные стратегии операционализации – выбора переменных, призванных в комплексе отразить важные для исследователя свойства изучаемого объекта. В случае с государственной состоятельностью и на этом этапе, увы, мы сталкиваемся с существенными проблемами; например, до сих пор нет признанного в сообществе индикатора «экстрактивной» способности государства, и качество институтов почти невозможно измерить без привлечения экспертных – и всегда субъективных – оценок.

Детальный анализ концепта государственной состоятельности не входит в задачи этой работы (развернутый обзор по теме см., например, [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 а]). Более того, здесь этот феномен рассматривается в гораздо большей степени как характерная точка приложения усилий в рамках политического исследования, нежели как сущность *per se*. Мы сосредоточимся на проблемах методологического и методического толка и попробуем предложить конкретную исследовательскую стратегию в духе «эффекта параллакса», обеспечения точности фокусировки на устойчивых свойствах сложных политических явлений.

В нашей работе государственная состоятельность будет находиться на «лучах зрения» двух аналитических техник: кластер-

ного и паттерн-анализа. Оба метода нацелены на выявление устойчивых структур в больших массивах неоднородных данных. Решая почти идентичную задачу, они не «дополняют» друг друга в том смысле, в каком количественные и качественные методы могут быть комплементарны в рамках смешанного (mixed) исследовательского дизайна. Напротив, в каком-то смысле это «конкурирующие» инструменты, близкие по цели и замыслу, но довольно существенно отличающиеся «настройкой оптики». Кластерный анализ в большей мере ориентирован на выделение пространственно (с точки зрения расстояния) близких объектов, тогда как паттерн-анализ ищет близость в общих соотношениях параметров данных. Это весьма существенное отличие, которое будет пояснено нами в деталях ниже, в общем случае предполагает значительное несходство в результатах кластерного и паттерн-анализа одной и той же совокупности данных. Однако если обнаруженные этими методами структуры обладают общностью, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что в изучаемой реальности мы нашли некоторую существенную закономерность. Так, в данной работе мы покажем, что кластерный анализ и паттерн-анализ уверенно идентифицируют сходные группы стран, однородных по структуре государственной состоятельности.

Исходные данные и выбор методологии

Как было отмечено выше, феномен государственной состоятельности пока не имеет общепринятого (мягко говоря) параметрического описания, и, соответственно, существует неопределенность в выборе базовой системы показателей. Формируя таковую, мы учитывали комплекс различных критериев.

Во-первых, требовалось определить, какую совокупность наблюдений выбрать. Очевидными объектами анализа выступают страны; но интересна также и возможность построения динамических траекторий развития отдельных государств и их групп. Таким образом, в качестве наблюдений выбран тип «страна-год».

Во-вторых, необходимо определиться с выбором параметров и шкал измерения. Мы учитывали такие факторы, как:

– относительно невысокая корреляция между отдельными показателями, характеризующими государственную состоятель-

ность. Этот критерий обусловлен необходимостью избежать дублирования информации в различных измерениях;

- наличие данных за выбранный период времени;
- повышение уровня государственной состоятельности с увеличением отдельно взятого показателя. Поскольку каждый из выбранных индикаторов описан на параметрическом уровне, использовались только количественные шкалы измерения.

В-третьих, существенен вопрос о выборе метрики: каким образом измерять близость между объектами? Мы выбрали метрику Хемминга для паттерн-анализа и евклидово расстояние (простое и квадратичное) для кластеризации. Внешне сугубо «технический», этот вопрос весьма непросто, и ниже мы приведем некоторые соображения по обоснованию такого выбора.

Наконец, существенен вопрос о числе групп, которое должно получиться при разбиении. Поскольку данный вопрос также является открытым, в работе предполагается эндогенное определение как количества групп, так и их состава.

В качестве исходных данных исследованы показатели 166 стран в период 1996–2015 гг. (в 1996 г. – 150; в 2005 – 166; в 2015 г. – 166). В общем виде объекты типа «страна-год» обозначены через s_i . Таким образом, исследуются 482 объекта $s_i \in S$, каждый из которых описывается вектором $s_i = (s_{i1}, s_{i2}, s_{i3}, s_{i4}, s_{i5})$, где:

- s_{i1} – доля военных расходов в ВВП (*Mil_exp*);
- s_{i2} – доля военного персонала в общей численности населения (*Mil_pers*);
- s_{i3} – доля налоговых поступлений в ВВП (*Taxes*);
- s_{i4} – показатель, рассчитываемый как величина, обратная суммарному уровню убийств и жертв внутренних конфликтов (*Safety*);
- s_{i5} – показатель, характеризующий качество государственных институтов (*WGI*). Рассчитывается как первая главная компонента четырех показателей широко известного проекта Всемирного банка World Governance Indicators: контроль над коррупцией, власть закона, эффективность правительства, качество регулирования.

Источники информации по выбранным показателям приводятся в табл. 1.

Таблица 1

**Источники данных по показателям
государственной состоятельности**

<i>Показатель</i>	<i>Источник</i>
Доля военных расходов в ВВП (<i>Mil_exp</i>)	Стокгольмский институт исследования проблем мира (SIPRI)
Доля военного персонала в общей численности населения (<i>Mil_pers</i>)	Международный институт стратегических исследований (IISS)
Показатель, рассчитываемый как величина, обратная суммарному уровню убийств и жертв конфликтов (<i>Safety</i>)	1) Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC); 2) Институт исследований мира в Осло (PRIO)
Доля налоговых поступлений в ВВП (<i>Taxes</i>)	Мировой институт исследований экономического развития (UNU-WIDER)
Качество государственных институтов (<i>WGI</i>)	Всемирный банк (WB).

На следующем после операционализации этапе встает не менее важный вопрос: какую методологию поиска схожих (по выбранной системе показателей) групп стран выбрать? Нами были рассмотрены пять основных подходов, использующихся в такого рода исследованиях:

- составление единого агрегированного рейтинга;
- использование теории индивидуального и коллективного выбора;
- использование методов классификации;
- использование методов кластеризации;
- использование методов анализа паттернов.

Рассмотрим подробнее каждый из них. Составление единого рейтинга стран на базе выбранной системы показателей возможно с использованием некоторой агрегированной оценки. Наиболее популярны средневзвешенная и среднеарифметическая. Первая применяется в случае, когда мы точно можем определить весовой коэффициент каждого показателя, вторая – когда хотим продемонстрировать, что все показатели равнозначны. В таком случае встанут весьма важные вопросы. Как определить вклад каждого отдельно взятого показателя в единый рейтинг? Можем ли мы сказать, какой показатель наиболее важен? Высокие значения одного показателя могут компенсировать низкие значения другого? Можно ли сказать, что все показатели равнозначны? И если нет, как определять весовые коэффициенты? Ответов на эти вопросы нет не только у нас, но и, судя по литературе, ни у кого из исследователей государственной состоятельности. Кроме того, в нашем исследовании

не ставилась задача определения «лучшей» и «худшей» страны в некоторой единой оценке *state capacity*.

Использование теории индивидуального и коллективного выбора имеет свои проблемы. Возможно использование ряда правил, к примеру, Борда, Кондорсе, Нансона, порогового агрегирования. Данный подход позволяет составлять четкое ранжирование стран и имеет ряд преимуществ, однако затрудняет процесс объединения стран в группы, обладающие схожими внутренними структурами. Кроме того, все методы агрегирования дают порядковые, а не интервальные оценки. Другими словами, мы переходим от количественных шкал к номерам наблюдений в ранжированных рядах; на данном этапе трудно оценить, насколько значительны потери информации при таком переходе.

Еще одна опция – использование современных методов классификации, таких как SVM, KNN, «случайный лес» и т.д. Методы классификации данных позволяют проводить разбиение исходных объектов на некоторые классы, количество которых, как правило, должно быть известно заранее. Также необходимо иметь информацию о типичных представителях каждого класса, определить обучающую и тестовую выборки. Данные требования существенно затрудняют использование методов классификации в нашей задаче.

Использование методов кластерного анализа видится перспективным по той причине, что этот метод по своему дизайну исходно ориентирован на поиск структур в многомерных данных. Поскольку конечное количество кластеров мы заранее не знаем (хотя и можно сделать предварительные предположения), а также пытаемся избежать необходимости экспертных оценок о составе каждого кластера перед применением соответствующих методов, использование кластерного анализа целесообразно при решении настоящей задачи. Мы охарактеризуем эту стратегию в деталях ниже.

Как и кластерный анализ, совокупность методов анализа паттернов подходит для выявления устойчивых структур в данных. Целесообразным представляется изучение соотношений между всеми показателями и использование различных мер близости при определении конечного разбиения. Поэтому результаты кластерного анализа предлагается сопоставить с результатами методов анализа паттернов, основанных на парном сравнении показателей. Эта техника будет показана нами в отдельном разделе.

Кластерный анализ

В связи с накоплением больших объемов информации в настоящее время востребована задача поиска закономерностей в разнородных данных. Одним из возможных подходов к разбиению исходного множества объектов на подмножества, содержащие схожие по некоторой мере близости объекты, является кластерный анализ. Само понятие «кластер» в общем случае определяется так [Миркин, 2011, с. 4]: «Под кластером обычно понимается часть данных (в типичном случае – подмножество объектов или подмножество переменных, или подмножество объектов, характеризуемых подмножеством переменных), которая выделяется из остальной части наличием некоторой однородности элементов». Методам кластерного анализа посвящен ряд работ (в частности, [Jain, Murty, Flynn, 1999; Xu, Wunsch, 2005]), в которых описываются типовые метрики, классификация методов кластерного анализа, а также даны рекомендации по их использованию в конкретных случаях. Для кластера можно выделить несколько характеристик, среди которых в настоящей работе ключевыми являются внешняя изолированность и внутренняя однородность. Другими словами, расстояния внутри кластеров должны быть минимальны, а расстояния между кластерами – максимальны.

Одна из главных целей применения методов кластерного анализа – улучшение понимания структуры объектов, описанных многомерными данными. При этом может отсутствовать исходная гипотеза о количестве и составе кластеров, хотя могут быть выдвинуты некоторые предположения, исходя из экспертных оценок и применения стандартных методов теории вероятностей и математической статистики. Именно в связи с тем, что точное количество (как и состав) групп стран заранее неизвестно, в работе используется кластерный анализ.

Существует множество способов классифицировать алгоритмы кластеризации. К примеру, часто выделяют следующие группы¹:

- алгоритмы, основанные на разделении данных (включая итеративные);
- иерархические алгоритмы;

¹ Данная классификация не является единственно возможной.

- модельные алгоритмы;
- алгоритмы, использующие концентрацию объектов;
- алгоритмы, основанные на квантовании объектов в грид-структуры.

При всем разнообразии подходов нужно ответить на вопрос: какой метод выбрать? И имеется ли лучший метод кластеризации? Разумеется, данным вопросом задавались исследователи во многих работах. Приведем несколько уже ставших классическими примеров. В [Dubes, Jain, 1976] дан набор их 15 точек, представленных на рис. 1.

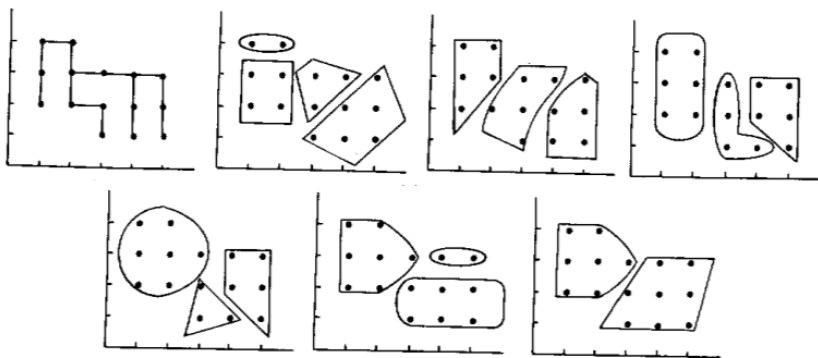

Рис. 1

**Результаты применения различных методов
к одному набору данных**

*Пример из [Dubes, Jain 1976].

На рис. 1 показан классический пример влияния выбора метода кластеризации на конечный результат. Однако набор данных весьма небольшой – 15 точек. Возможно ли, что на больших выборках такой эффект не наблюдается?

Чтобы ответить на данный вопрос, воспользуемся библиотекой `scikit-learn` для языка Python. В данной библиотеке представлены различные методы машинного обучения и встроены классические наборы данных. Описание к библиотеке имеется в документации¹.

¹ Comparing different clustering algorithms on toy datasets // `scikit-learn`. – Режим доступа: https://scikit-learn.org/stable/auto_examples/cluster/plot_cluster_

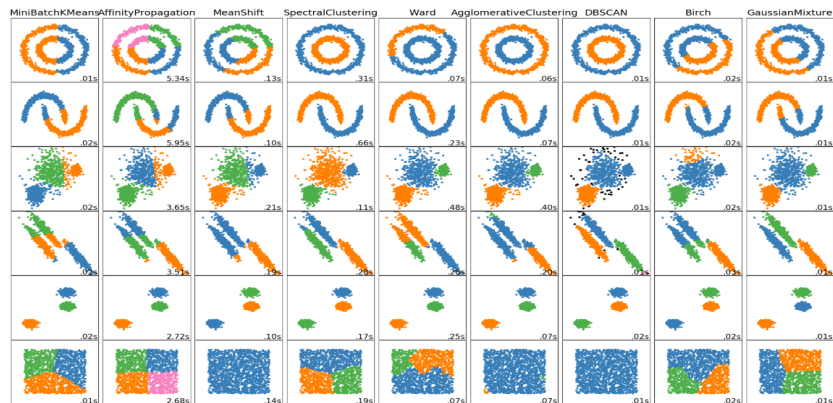

Рис. 2.

Результаты разбиения при использовании различных методов кластеризации

Рис. 1–2 демонстрируют, что использование различных методов может приводить к различным результатам. Поэтому возникает вопрос выбора алгоритма для конкретной задачи. Ответ на него требует привлечения дополнительной информации, исходя из специфики рассматриваемой проблемы. В настоящей работе предложен следующий подход.

– Взяв за основу иерархическую кластеризацию, обеспечить максимальную устойчивость разбиения за счет использования широкого набора комбинаций метрик (евклидово расстояние, квадрат евклидова расстояния) и правил объединения (межгрупповая связь, внутригрупповая связь, дальние соседи, метод Варда, метод центроидов). Принадлежащими одной типологической группе мы будем считать только страны, одинаково кластеризованные всеми используемыми алгоритмами. Детально такой подход раскрыт в работе [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 б].

– Комбинирование кластерного анализа с методами анализа паттернов, основанными на парном сравнении показателей с независимыми от выбора исходной последовательности данных.

Анализ паттернов

Анализ паттернов – современный метод выявления закономерностей среди больших массивов разнородных данных; он гораздо хуже, по сравнению с кластерным анализом, известен в политической науке, и мы охарактеризуем его более детально. В [Анализ паттернов... 2013, с. 3] приведено следующее определение: «Анализ паттернов – это новая область анализа данных, связанная с поиском взаимосвязей исследуемых объектов, построением их классификации и исследованием развития объектов во времени». Однако термин «паттерн» определяется по-разному – в зависимости от области применения. К примеру, в [Shawe-Taylor, Cristianini, 2004] под анализом паттернов понимается «процесс нахождения общих соотношений в наборе данных», а под «паттерном» – «любые отношения, закономерности или структура, присущая некоторому набору данных». В [Анализ паттернов... 2013, с. 4] под «паттерном» предложено понимать «комбинацию определенных, с точностью до погрешности, значений некоторого подмножества признаков, что объекты с этими значениями достаточно сильно отличаются от других объектов». В [Анализ данных науки... 2012, с. 6] под паттерном понимается «набор значений системы показателей, описывающих какую-либо группу объектов, а также саму группу объектов, имеющих такие же или почти такие же значения показателей данной системы». Для определенности в работе будем использовать определение из [Мячин, 2019, с. 139]: «комбинация определенных качественно похожих признаков». Кратко приведем формальное описание метода.

Как описано выше, исследуется множество объектов типа «страна-год» $s_i \in S$: $|S|=482$, каждому из которых поставлен во взаимно однозначное соответствие вектор $s_i = (s_{i1}, s_{i2}, s_{i3}, s_{i4}, s_{i5})$. Задача состоит в том, чтобы, используя определенную меру близости $p(s_i, s_k)$, объединить структурно схожие объекты в единую группу. Визуализируются результаты с использованием системы параллельных координат, которая состоит из равномерно распределенных (как правило, вертикальных) осей, каждая из которых характеризует один из исследуемых показателей. Поскольку у каждого изучаемого объекта задано признаковое описание, возможно построить некоторую кривую, проходящую через $s_{i1}, s_{i2}, s_{i3}, s_{i4}, s_{i5}$ (другими словами, функцию $\varphi^s: R \rightarrow R$, причем $\varphi^s(j) = s_{ij} \forall j = 1, \dots, 5$).

В настоящей работе используется кусочно-линейная функция, в связи с чем $\varphi^s(\alpha) = \{\alpha q_j^s + \beta_j^s\}$ при $j \leq \alpha \leq j+1$; $q_j^s j + \beta_j^s = s_{ij}$; $q_j^s(j+1) + \beta_j^s = s_{ij+1} \forall j = 1, 2, 3, 4$.

В качестве меры близости возможно использование различных метрик, к примеру, описанных в [Aleskerov, Ersel, Yolalan, 1997]. В настоящей работе используются методы анализа паттернов, основанные на парном сравнении показателей [Мячин, 2016; Мячин, 2019 а], исходя из следующих особенностей исходных данных:

- в связи с отсутствием четкого описания набора данных, характеризующих государственную состоятельность отдельных стран, и использованием системы параллельных координат для визуализации данных требуются методы анализа паттернов, результаты которых не будут никоим образом зависеть (в том числе и при корректной визуализации данных) от выбора последовательности выходных параметров;

- ввиду отсутствия исходного предположения о необходимом количестве групп в итоговом разбиении предполагается эндогенное определение их количества (как и состава);

- сравнение результатов различных методов предполагает относительно невысокую вычислительную сложность, позволяющую в ограниченные сроки произвести необходимые расчеты и сопоставить результаты.

Приведем пример использования методов анализа паттернов (в общем виде). Пусть известны гипотетические данные по пяти параметрам, взятые по пяти странам (см. табл. 2). Предполагается, что данные предварительно проанализированы: исследованы выбросы, проведен корреляционный анализ, пропуски либо заполнены, либо удалены.

Таблица 2

Пример гипотетических данных по пяти странам (за один год)

Страна	<i>Mil exp</i>	<i>Mil pers</i>	<i>Taxes</i>	<i>Safety</i>	<i>WGI</i>
Страна 1	0,45	0,15	0,45	0,15	0,45
Страна 2	0,2	0,55	0,2	0,5	0,2
Страна 3	0,5	0,17	0,5	0,21	0,47
Страна 4	0,55	0,2	0,53	0,23	0,52
Страна 5	0,17	0,6	0,17	0,55	0,14

Приведем визуализацию данных с использованием двух подходов: системы параллельных координат и многоугольника оценки (рис. 3). Отметим, что рассматриваемые подходы в данном

случае – не более чем методы наглядного представления каждой из исследуемых стран. При использовании методов анализа паттернов классическим представлением являются кусочно-линейные функции в системе параллельных координат. Данное представление позволяет наглядно выявлять объекты (в нашем случае страны), имеющие схожие структуры данных, количественные показатели которых могут существенным образом различаться.

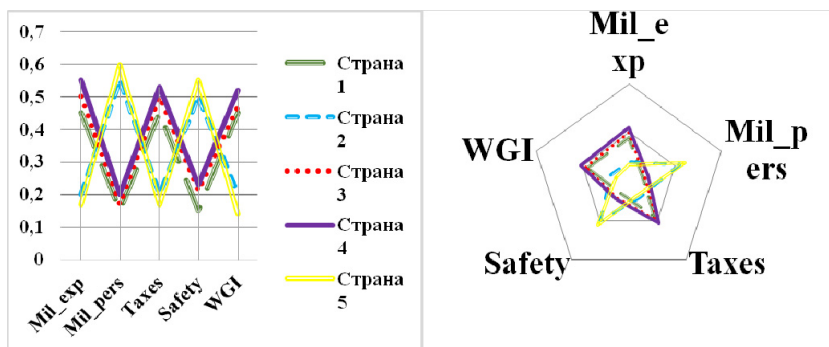

Рис. 3.

**Визуализация гипотетических данных
(по данным из табл. 2) с использованием системы
параллельных координат (слева)
и многоугольника оценки (справа)**

На рис. 3 наглядно показано, что весьма четко выделяются две группы стран: (страна 1, страна 3, страна 4) и (страна 2, страна 5). Данные группы схожи не только по структурам входящих в них стран, но и по количественным значениям всех изучаемых показателей. Методы анализа паттернов должны разбить данные страны строго на две группы.

В таком случае логичными кажутся следующие вопросы:

- 1) В чем заключается отличие от классических методов кластерного анализа?
- 2) Каким образом можно автоматически провести данное разбиение?

Дадим краткие ответы на оба вопроса. Несмотря на действительную схожесть с классическими методами кластерного

анализа, имеется принципиальное отличие не только в используемых метриках, но и в конечных результатах. Методы кластерного анализа, как правило, объединяют в единый кластер объекты с близкими значениями отдельных показателей. Для методов анализа паттернов принципиален поиск схожих структур данных (соотношений значений признаков). К примеру, возьмем два гипотетических объекта $s_a = (20, 10, 30)$ и $s_b = (200, 100, 300)$. Очевидно, что показатели данных объектов существенным образом различаются. Однако их структура весьма схожа: показатели второго объекта есть показатели первого, помноженные на 10, и, соответственно, анализ паттернов выявит эту схожесть структур (несмотря на разницу абсолютных значений показателей).

Приведенный пример демонстрирует, что использование таких традиционных метрик, как евклидово расстояние, в данном случае будет разбивать объекты на две группы. В связи с этим приведем (очень кратко) один из возможных подходов, выбранных в данной работе, – порядково-инвариантную паттерн-кластеризацию, описанную в: [Мячин, 2019]. Первым шагом формируется матрица парных сравнений X_i

$$X_i = \begin{pmatrix} x_{11}^i & x_{12}^i & \dots & x_{15}^i \\ x_{21}^i & x_{22}^i & \dots & x_{25}^i \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_{51}^i & x_{m2}^i & \dots & x_{55}^i \end{pmatrix},$$

где каждый элемент матрицы определяется как

$$x_{vj}^i = \begin{cases} 1, \text{если } _s_{iv} < s_{ij}, \\ 0, \text{если } _s_{iv} = s_{ij}, \\ 2, \text{если } _s_{iv} > s_{ij}. \end{cases}$$

При работе с числовыми шкалами (исходя из выбранных для исследования показателей) любые парные сравнения будут опре-

делены однозначно, в связи с чем могут быть использованы только элементы, находящиеся выше (или ниже) главной диагонали матрицы. Далее формируется десятичный позиционный код на основе матриц парных сравнений и рассчитывается расстояние Хемминга между полученными кодировками. При нулевом расстоянии Хемминга объекты объединяются в единую группу, в любом другом случае – разделяются (подробнее см.: [Мячин, 2019 а]). У данного подхода есть одно существенное преимущество, определившее его использование в данной работе, – независимость конечного разбиения от последовательности входных данных.

Однако описанный выше подход не лишен существенного недостатка: как корректировать результаты при наличии погрешности в данных? Очевидно, что при парном сравнении показателей наличие определенных неточностей может повлиять на результат. Поэтому с данными проводится предварительная работа, к примеру, оцениваются выбросы. Несмотря на это, желательно иметь возможность автоматической корректировки результатов для упрощения процесса интерпретации конечного разбиения. Одним из возможных подходов (используемых в данной работе), является вычисление центроидов каждой группы для минимизации возможности ошибки. Центроид каждой группы вычисляется как

$$s_{average}^g = \frac{1}{|g|} \sum_{i=1}^{|g|} s_i,$$

где g – конкретная группа, полученная при использовании порядково-инвариантной паттерн-кластеризации;

$|g|$ – количество объектов, входящих в данную группу.

Отметим, что в работе [Мячин, 2019 b] показано, что $s_{average}^g$ будет принадлежать к той же группе, что и объекты, на основе значений которых он образован. Далее вычисляется расстояние всех объектов до каждого центроида согласно формуле

$$p^v(s_i, s_{average}^g) = \sqrt{\sum_{j=1}^5 (p_{ij} - s_{average,j}^g)^2}.$$

Критерием корректировки результатов служит минимизация расстояния $p^v(s_i, s_{average}^g)$, т.е. величина

$$z_i = \min(p^1(s_i, x_{average}^1), \dots, p^h(s_i, s_{average}^h))$$

и, при $p^v(s_i, s_{average}^g) = z_i$, объект относится к той же группе, к которой принадлежит соответствующий центроид.

Результаты

Приведем некоторые из полученных в работе результатов. В большинстве случаев методы анализа паттернов и кластерного анализа, несмотря на принципиальную разницу в используемых метриках, привели к схожим и хорошо интерпретируемым результатам, что указывает на корректность полученного разбиения. Отметим, что в данной работе не ставилась цель построения обобщенного рейтинга стран по государственной состоятельности и приведения характеристик «лучше / хуже». Приведенные ниже результаты демонстрируют схожесть стран по совокупности исследуемых показателей, характеризующих государственную состоятельность.

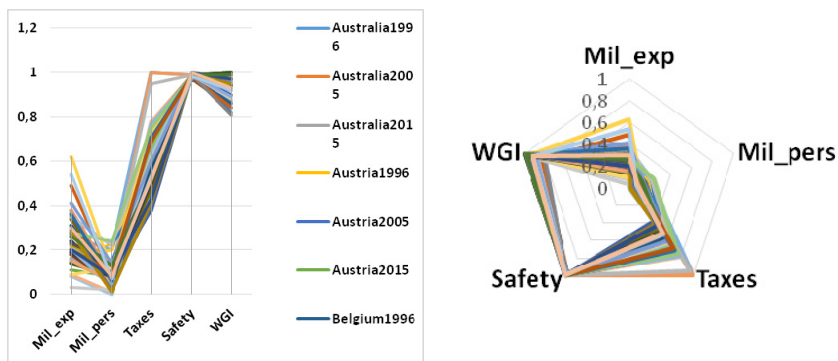

Рис. 4.
Визуализация группы объектов «А»

Группа «А» представляет собой «западную классику», представленную 50 объектами, описывающими 17 стран: Австрию, Австралию, Данию, Финляндию, Бельгию, Канаду, Исландию, Ирландию, Люксембург, Швецию, Швейцарию, Великобританию, Нидерланды, Францию, Германию, Новую Зеландию и Норвегию. Для них характерны высокие значения показателей доли налоговых поступлений и качества государственных институтов, низкие значения уровня убийств и жертв конфликтов², а также низкие и относительно невысокие значения показателей, характеризующих долю военного персонала в общей численности населения и долю военных расходов в ВВП страны. Все страны данной группы не меняют принадлежности к исследуемому паттерну / кластеру за весь исследуемый период, за исключением Ирландии в 2015 г.

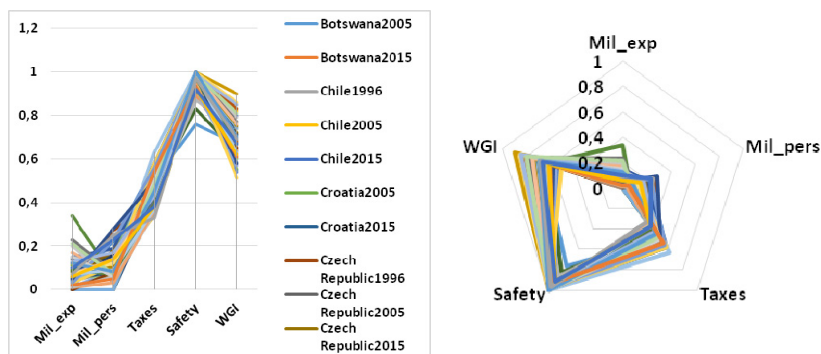

Рис. 5.
Визуализация группы «В»

Группа «В» имеет ряд общих черт с предыдущей группой, к примеру, высокие показатели безопасности и низкие значения доли военных расходов. Однако наблюдаются меньшие (в сравнении с группой «А») значения качества государственных институтов и доли налоговых поступлений. Такая структура характерна для 24 стран: Ботсвана (2005–2015), Чили (1996–2015), Чехия (1996–2015), Хорватия (2005–2015), Доминиканская

² Как отмечено ранее, показатель Safety является величиной, обратной суммарному уровню убийств и жертв конфликтов.

Республика (1996–2015), Эстония (1996–2015), Фиджи (1996), Грузия (2015), Венгрия (1996–2015), Ирландия (2015), Италия (1996–2015), Латвия (1996–2015), Литва (1996, 2015), Малайзия (1996), Мальта (1996–2015), Маврикий (2005–2015), Черногория (2015), Польша (1996–2015), Португалия (1996–2015), Словакия (1996–2015), Словения (1996–2015), Испания (1996–2015), Тринидад и Тобаго (1996), Уругвай (1996–2015). Эту группу можно охарактеризовать как «страны догоняющего развития».

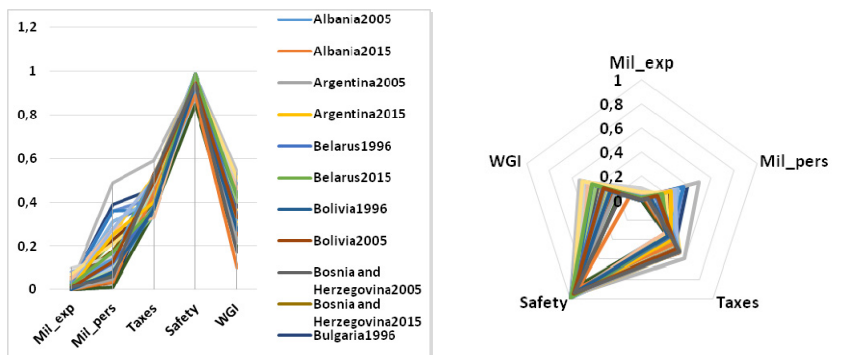

Рис. 6.
Визуализация группы «С»

Группа «С» представлена 63 объектами, характерными для 34 стран. Среди них Албания (2005, 2015), Аргентина (2005, 2015), Беларусь (1996, 2015), Боливия (1996, 2005), Босния и Герцеговина (2005–2015), Болгария (2005–2015), Египет (1996), Эритрея (1996), Фиджи (2005–2015), Габон (1996), Гвинея (2015), Казахстан (2015), Киргизия (2005–2015), Македония (1996–2005), Джибути (1996–2015), Мозамбик (2015), Румыния (1996–2015), Сербия (2005–2015), Суринам (1996–2005), Таджикистан (2015), Турция (1996–2015), Украина (1996–2015), Узбекистан (2005–2015), Вьетнам (2005–2015), Замбия (1996), Зимбабве (1996, 2015), Таиланд (2015), Того (2015) и Тунис (1996–2015). Данную группу отличают более низкие (по сравнению с группами «А» и «В») показатели качества государственных институтов, относительно невысокие доли военных расходов в ВВП страны.

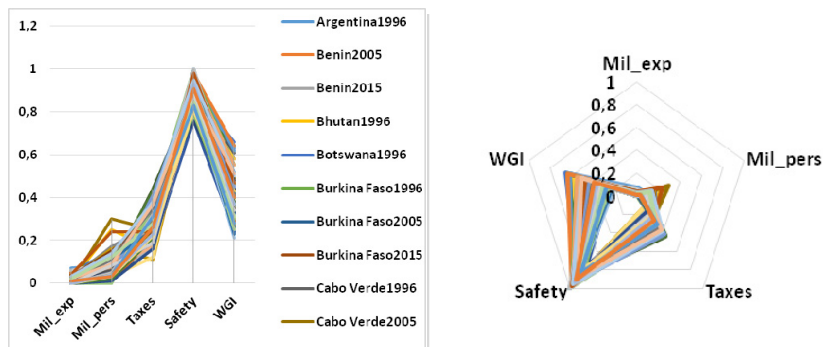

Рис. 7.
Визуализация группы «D»

Данная группа весьма сходна с предыдущей, однако можно отметить отличия в соотношениях показателей, характеризующих собираемость налогов и удельную долю военнослужащих, а также в качестве государственных институтов. При необходимости уменьшения количества групп (если того требует постановка задачи) возможно объединение групп «C» и «D», однако в рамках данного исследования и сопоставления результатов паттерн-анализа и кластеризации предлагается сохранить описанное разбиение. Группа «D» состоит из 110 объектов, описывающих такие страны, как Аргентина (1996), Бенин (2005–2015), Бутан (1996), Ботсвана (1996), Буркина-Фасо (1996–2015), Кабо-Верде (1996–2015), Камерун (2015), Коста-Рика (1996–2015), Кот-д'Ивуар, Доминиканская Республика (1996, 2015), Эквадор (1996–2015), Эфиопия (2005–2015), Габон (2005–2015), Гамбия (1995–2015), Грузия (2005), Гана (1996–2015), Гайана (1996), Индонезия (1996–2015), Казахстан (1996), Кения (1996–2015).

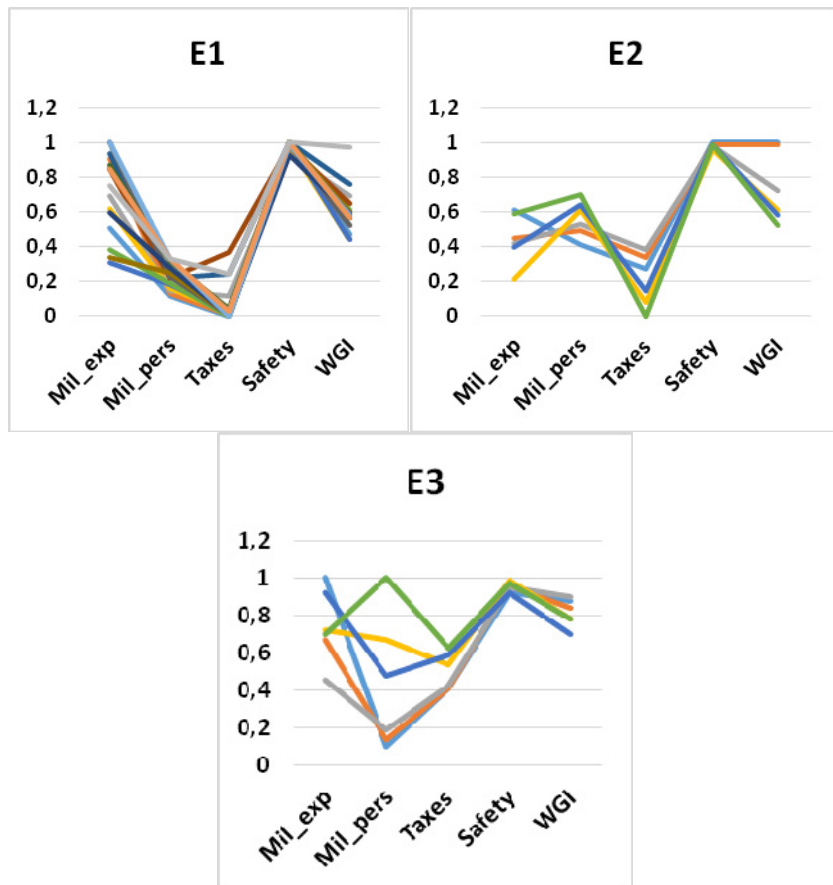

Рис. 8

Визуализация группы «Е».
Пример получения различных результатов

Группа «Е» служит хорошим примером получения хоть и различных, но согласованных результатов. С использованием методов кластерного анализа данные объекты объединяются в единый кластер, в то время как с использованием методов анализа паттернов разбиваются на три подгруппы. Объяснение данному факту весьма простое: выбранные для работы методы кластерного

анализа в качестве меры близости используют евклидово расстояние, методы анализа паттернов – расстояние Хемминга между кодировками, полученными при парном сравнении показателей с последующей корректировкой результатов при помощи вычисления центроида группы (что важно для группы «Е3»).

В подгруппе «Е1» результаты хорошо интерпретируются: относительно высокие показатели доли военных расходов, средние – безопасности и качества государственных институтов. В данную подгруппу вошли почти исключительно «нефтяные монархии» Ближнего Востока: Бахрейн (2005–2015), Кувейт (1996–2015), Оман (2005–2015), Катар (2005–2015), Саудовская Аравия (1996–2015), ОАЭ (2005–2015). В подгруппе «Е2» можно наблюдать увеличение значений показателя, характеризующего доли военного персонала. Данная подгруппа характерна для почти того же набора стран, но в другие периоды времени: Бахрейн (1996), Бруней (1996), Оман (1996), Катар (1996). В подгруппе «Е3» видно значительное увеличение доли налоговых поступлений в ВВП страны, что характерно для США (1996–2015) и Израиля (1996–2015).

Группа «F» – другой хороший пример получения немного отличных, но весьма согласованных результатов при использовании выбранных для исследования методов анализа паттернов и кластерного анализа. Методы анализа паттернов, в связи со спецификой выбранной меры близости, выделяют три различных подгруппы, в то время как методы кластерного анализа объединяют все объекты в единую группу. Для подгруппы «F1» характерны относительно невысокие налоговые поступления, средние и относительно низкие показатели качества государственных институтов, крайне низкий показатель безопасности. В данную подгруппу включены Сальвадор (1996–2015) и Ямайка (2005). В подгруппе «F2» можно отметить более высокие (в сравнении с «F1», но низкие – в сравнении со многими другими странами) показатели безопасности, а также низкие и крайне низкие показатели качества государственных институтов. В «F2» вошли Ирак (2005), Демократическая Республика Конго (1996) и Афганистан (2015). Подгруппу «F3» отличают более высокие налоговые поступления. К ней относятся Таджикистан (1996), Гватемала (2005), Бурунди (1996), Колумбия (1996), Шри-Ланка (1996), Гондурас (2005–2015), Венесуэла (2005–2015) и Колумбия (2005). Все эти государства в той или иной мере находятся на грани state failure.

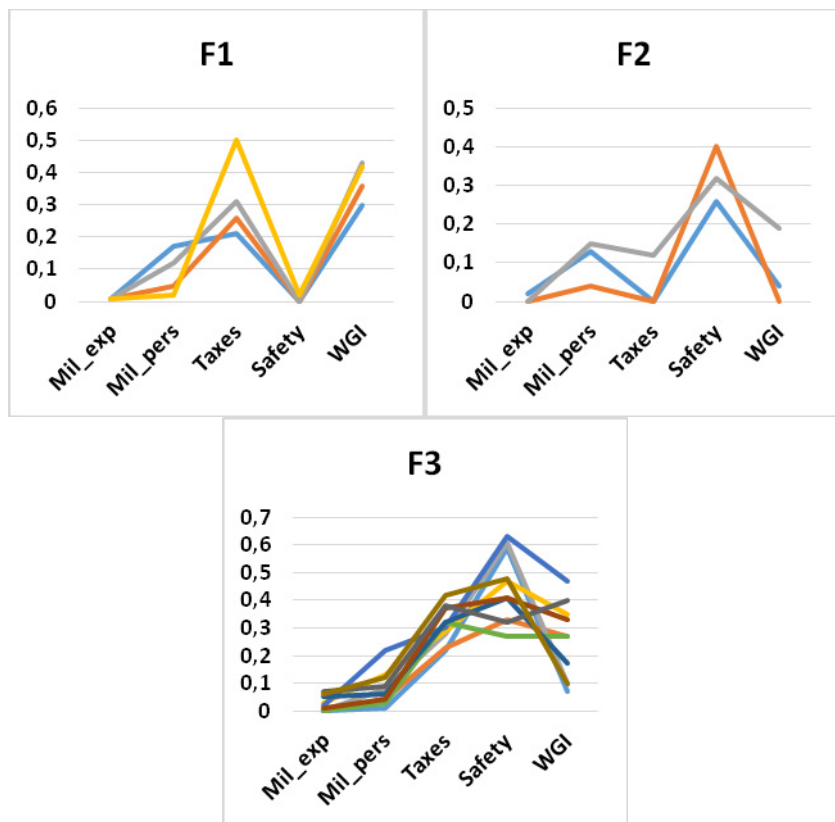

Рис. 9.

Визуализация группы «F».

Пример получения различных результатов

Для сопоставления приведем средние значения по каждой группе на рис. 10.

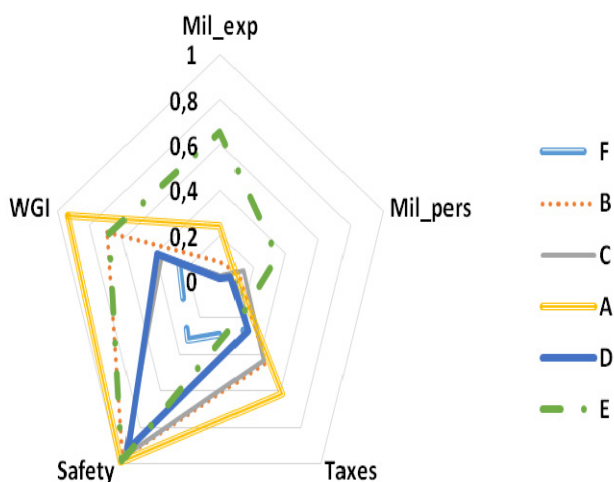

Рис. 10.
Визуализация полученных групп.
Сопоставление результатов

На рисунке 10 видно, что каждая из выделенных групп имеет характерные «очертания» в пространстве пяти рассматриваемых признаков. Полученные наглядные структуры могут, с нашей точки зрения, служить эффективным инструментом сравнительного политологического анализа.

Заключение

Центральный фокус этой работы – методологический. На примере набора индикаторов государственной состоятельности мы постарались показать конкретную стратегию выявления устойчивых структур в многомерных массивах данных. Ключевая особенность этой стратегии – применение родственных, но существенно различающихся по своим техническим особенностям многомерных методов – кластерного и паттерн-анализа. Было показано, что их совместное использование позволяет выявить согласованные

структуры, имеющие ясную интерпретацию в терминах политической науки. Таким образом, в ходе нашего исследования было выявлено несколько типов государственной состоятельности, хотя эта задача носила для нас скорее иллюстративный характер.

Попутно были впервые в политологической литературе (насколько нам известно) показаны особенности паттерн-анализа как метода исследования многомерных массивов данных. Если кластеризация давно и активно используется в политологии, то паттерн-анализ пока еще практически не «встал на вооружение» в нашей науке. При этом паттерн-анализ обладает некоторыми важными и во многом уникальными возможностями.

Делая акцент на анализе структур (устойчивых взаимных соотношений объектов и признаков), мы фактически ставим более широкую методологическую проблему: а в достаточной ли мере используются возможности такого анализа в современной политической науке? На сегодняшний день господствующим трендом развития политической методологии является анализ причинности (не только каузальный анализ в узком смысле, но вся совокупность техник и инструментов выявления причинно-следственных связей). Важность данного аспекта не вызывает сомнений, однако можно ли свести все многообразие эмпирических исследований к решению этой задачи? Тем более что в политике многие процессы де-факто не могут быть однозначно разложены на «причины» и «следствия», так как многие из них содержат в себе петли обратных связей. Например, влияние репрессий на протестную активность с трудом поддается причинному анализу, так как здесь имеется «встроенная эндогенность»: репрессии являются реакцией на протест, который на своем следующем витке «учитывает» репрессивную реакцию властей, и т.д.

Конкретные примеры исследовательских вопросов, прямо вытекающих из нашего исследования и при этом находящиеся вне жестких рамок каузального подхода, можно сформулировать следующим образом. Если некоторые страны обладают «переходным» характером государственной состоятельности (принадлежат к разным структурам в период с 1996 по 2015 г.), а другие демонстрируют стабильные структуры, то с чем такие различия могут быть связаны? Какие структуры могут «переходить» друг в друга, а какие жестко изолированы? Решение последней проблемы имело бы и вполне конкретное прогностическое значение.

Именно эти вопросы в первую очередь очерчивают перспективы дальнейших исследований в рамках выбранной темы. Следующим шагом, таким образом, должен стать анализ динамики стран в рамках паттерн-кластерных структур государственной состоятельности.

Список литературы

- Анализ данных науки, образования и инновационной деятельности с использованием методов анализа паттернов: препринт WP7/2012/07 / Ф.Т. Алескеров, Л.М. Гохберг, Л.Г. Егорова, А.Л. Мячин, Г.С. Сагиева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 72 с. – Режим доступа: https://wp.hse.ru/data/2013/01/22/1305726760/WP7_2012_07_f_.pdf (Дата обращения: 15.05.2019.)
- Анализ паттернов в статике и динамике, часть 1: обзор литературы и уточнение понятия / Ф.Т. Алескеров, В.Ю. Белоусова, Л.Г. Егорова, Б.Г. Миркин // Бизнес-информатика. – М., 2013. – № 3(25). – С. 3–18.
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – М., 2019 а. – № 2. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. – М., 2019 б. – № 3. – С. 49–68. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
- Миркин Б.Г. Методы кластер-анализа для поддержки принятия решений: обзор: препринт WP7/2011/03. – М.: Изд. дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2011. – 88 с. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2011/05/19/1213868030/WP7_2011_03f.pdf (Дата помещения: 15.05.2019.)
- Мячин А.Л. Анализ паттернов в системе параллельных координат на базе парного сравнения показателей // Автоматика и телемеханика. – М., 2019 а. – № 1. – С. 138–152. – DOI: <https://doi.org/10.1134/S0005231019010100>
- Мячин А.Л. Анализ паттернов: диффузионно-инвариантная паттерн-кластеризация // Проблемы управления. – 2016. – № 4. – С. 2–9.
- Мячин А.Л. Определение центроидов для повышения точности порядково-инвариантной паттерн-кластеризации // Управление большими системами. – 2019 б. – № 78. – С. 6–22.
- Aleskerov F., Ersel H., Yolalan R. Clustering Turkish commercial banks according to structural similarities // Yapi Kredi Research Department Discussion Paper Series. – Istanbul, 1997. – P. 97–102.

- Charron N.* Diverging Cohesion? Globalisation, State Capacity and Regional Inequalities Within and Across European Countries // *European Urban and Regional Studies*. – L., 2016. – Vol. 23, N 3. – P. 355–373.
- Dubes R., Jain A.K.* Clustering techniques: the user's dilemma // *Pattern Recognition*. – N.Y., 1976. – T. 8, N 4. – P. 247–260.
- Hanson J., Sigman R.* Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. – 2013. – Mode of access: http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf (accessed: 20.04.2019.)
- Hendrix C.* Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implications for the Study of Civil Conflict // *Journal of Peace Research*. – L., 2010. – Vol. 47, N. 3 – P. 273–285.
- Jain A.K., Murty M.N., Flynn P.J.* Data clustering: a review // *ACM computing surveys (CSUR)*. – N.Y., 1999. – T. 31, N 3. – P. 264–323.
- Savoia A., Sen K.* Measurement and evolution of state capacity: Exploring a lesser known aspect of governance. – Manchester, UK, 2012. – 28 p. – (ESID Working Paper; N 10).
- Shawe-Taylor J., Cristianini N.* Kernel methods for pattern analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – Mode of access: http://read.pudn.com/downloads190/ebook/893343/Kernel_Methods_for_Pattern_Analysis/0521813972.pdf (accessed: 20.04.2019.)
- Wang S.* The Rise of the Regions: Fiscal Reform and the Decline of Central State Capacity in China // *The Waning of the Communist State: Economic Origins of Political Decline in China and Hungary* / Ed. by A. Walder. – Berkeley: Univ. of California press, 1995. – P. 87–114.
- Xu R., Wunsch D.C.* Survey of clustering algorithms // *IEEE Transactions on Neural Networks*. – N.Y., 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 645–678. – DOI: <https://doi.org/10.1109/TNN.2005.845141>

Akhremenko A.S., Myachin A.L.*

**Pattern Analysis and Clustering in the Study of State Capacity:
«Adaptive Optics» for Political Science**

The central focus of this paper is a methodological one. Using the set of indicators of state capacity, we demonstrate a specific strategy for identifying sustainable structures in multidimensional data sets that reflect complex and ambiguous concepts of political science. A key feature of this strategy is the application of related, but significantly different technically, multidimensional methods – cluster and pattern analyses. We use hierarchical clustering with various combinations of metrics and amalgamation

* **Akhremenko Andrey**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: aakhremenko@hse.ru; **Myachin Alexey**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: amyachin@hse.ru

rules, as well as ordinal-invariant pattern-clustering. Properties of pattern analysis as a method for studying multidimensional data are shown for the first time (to the best of our knowledge) in the political science literature. Since clustering has been actively used in political science for a long time, pattern analysis is still practically not adopted in our science. This situation requires correction, since pattern-analysis has some important and in many ways unique capabilities.

It was shown that the combination of pattern and cluster analyses makes it possible to identify consistent structures that have a clear interpretation in terms of political science. Thus, in the course of our study, several types of state capacity were identified (although this task was rather illustrative for us).

We use a set of empirical indicators of state capacity: the share of military spending in GDP, the share of military personnel in the total population, the share of tax revenues in GDP, the total rate of homicides and victims of internal conflicts, and the quality of government institutions. Data for more than 150 countries are taken for 1996, 2005 and 2015. Stable combinations of the values of these indicators, identified simultaneously via pattern and cluster analyses, form the structures of state capacity.

In conclusion, we show the most promising directions for the development of the methodology described in this paper. One of the most important is the analysis of the dynamics of countries within the pattern-cluster structures of state capacity.

Keywords: state capacity; cluster; cluster analysis; pattern; pattern analysis; ordinal-invariant pattern-clustering.

For citation: Akhremenko A.S., Myachin A.L. Pattern Analysis and Clustering in the Study of State Capacity: «Adaptive Optics» for Political Science. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. XX-XX. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.05>

References

- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? Theoretical and Methodological Foundations. *Polis. Political Studies*. 2019, N 2, P. 8–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Political Studies*. 2019, N 3. P. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04> (In Russ.)
- Aleskerov F., Ersel H., Yolalan R. Clustering Turkish commercial banks according to structural similarities. In: *Yapi Kredi Research Department Discussion Paper Series*. Istanbul, 1997, P. 97–102.
- Aleskerov F.T. et al. Data analysis of science, education and innovation using the methods of pattern analysis: preprint WP7/2012/07. Moscow, 2012, 72 p. Mode of access: https://wp.hse.ru/data/2013/01/22/1305726760/WP7_2012_07_f.pdf (accessed: 15.05.2019.) (In Russ.)

- Aleskerov F.T. et al. Methods of pattern analysis in statics and dynamics, part 2: Examples of application for social and economic processes analysis. *Business informatics*. 2013, N 3(25), P. 3–18. (In Russ.)
- Charron N. Diverging Cohesion? Globalisation, State Capacity and Regional Inequalities Within and Across European Countries. *European Urban and Regional Studies*. 2016, Vol. 23, N 3, P. 355–373.
- Dubes R., Jain A.K. Clustering techniques: the user's dilemma. *Pattern Recognition*. 1976, T. 8, N 4. P. 247–260.
- Hanson J., Sigman R. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. 2013. Mode of access: http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf (accessed: 20.04.2019.)
- Hendrix C. Measuring State Capacity: Theoretical and Empirical Implications for the Study of Civil Conflict. *Journal of Peace Research*. 2010, Vol. 47, N 3, P. 273–285.
- Jain A.K., Murty M.N., Flynn P.J. Data clustering: a review. *ACM computing surveys (CSUR)*. 1999, T. 31, N 3, P. 264–323.
- Mirkin B.G. Cluster analysis methods for decision-making support: overview: preprint WP7/2011/03. Moscow, 2011, 88 p. Mode of access: https://www.hse.ru/data/2011/05/19/1213868030/WP7_2011_03f.pdf (accessed: 15.05.2019.) (In Russ.)
- Myachin A.L. Analysis of patterns in the system of parallel coordinates based on pairwise comparison of indicators. *Automation and Remote Control*. 2019, N 1, P. 138–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.1134/S0005231019010100>
- Myachin A.L. Determination of centroids to increase the accuracy of ordinal-invariant pattern clustering. *Upravleniye bol'shimi sistemami*. 2019, N 78, P. 6–22. (In Russ.)
- Myachin A.L. Pattern analysis: ordinal-invariant pattern-clustering. *Control sciences*. 2016, N 4, P. 2–9. (In Russ.)
- Savoia A., Sen K. *Measurement and evolution of state capacity: Exploring a lesser known aspect of governance*. Manchester, UK, 2012, 28 p. (ESID Working Paper 10)
- Shawe-Taylor J., Cristianini N. *Kernel methods for pattern analysis*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. Mode of access: http://read.pudn.com/downloads190/ebook/893343/Kernel_Methods_for_Pattern_Analysis/0521813972.pdf (accessed: 20.04.2019.)
- Wang S. The Rise of the Regions: Fiscal Reform and the Decline of Central State Capacity in China. In: *The Waning of the Communist State: Economic Origins of Political Decline in China and Hungary*. Ed. by A. Walder. Berkeley, Univ. of California press, 1995, P. 87–114.
- Xu R., Wunsch D.C. Survey of clustering algorithms. *IEEE Transactions on Neural Networks*. 2005, Vol. 16, N 3, P. 645–678. <https://doi.org/10.1109/TNN.2005.845141>

КОНТЕКСТ

И.Е. ГОРЕЛЬСКИЙ, М.Г. МИРОНЮК*

**ВЗБИРАЯСЬ ПО «СТАТУСНОЙ ЛЕСТНИЦЕ»:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ
СТАТУСА ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ¹**

Аннотация. Авторы предпринимают попытку эмпирического исследования статуса государства в системе международных отношений и ставят перед собой задачу изучения связи данной категории с категорией государственной состоятельности. В рамках исследования под статусной позицией предлагается понимать признание важности государства (его значимости, влияния и т.п.) международной системой, другими государствами. Взяв за основу данное определение, авторы показывают, что статус государства (аналогично статусу индивида в сообществе) следует считать продуктом конструирования его образа со стороны других. При этом отмечается, что статус, который признан за государством или к которому государство стремится, обеспечивается материальными и нематериальными основаниями и (или) ресурсами, которые в конкретный момент времени считаются международным сообществом составными элементами «мо-

* Горельский Илья Евгеньевич, студент магистерской программы «Прикладная политология» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), e-mail: iegorelskiy@edu.hse.ru; Миронюк Михаил Григорьевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01651), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

щи» («силы») государства. В академической литературе среди таких факторов («активов») нередко выделяют «управление». Авторы опираются на предложенные А.Ю. Мельвилем, А.С. Ахременко и И.Е. Горельским концептуализацию и операционализацию «государственной состоятельности», которая ближе всего по смыслу к «управлению» как «активу». В эмпирической части авторы предлагают оригинальную операционализацию статуса государства, привлекая набор индикаторов, отражающий как его материальные, так и нематериальные составляющие. На основе иерархического кластерного анализа показателей статуса и государственной состоятельности с тонкой настройкой параметров были получены устойчивые объединения групп стран и найдено их пересечение с точки зрения рассматриваемых переменных. В результате авторы, изучив подобные объединения при обращении к лепестковым диаграммам, служащим особой формой визуализации многомерных данных, приходят к выводу, что между двумя латентными конструктами – статусом в международных отношениях и государственной состоятельностью – наблюдается положительная связь, которая фиксируется, в том числе, и во временной динамике.

Ключевые слова: государство; статус; международные отношения; иерархия; государственная состоятельность; иерархическая кластеризация; лепестковые диаграммы.

Для цитирования: Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взбираясь по «статусной лестнице»: Опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 140–174. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>

Введение

Понятие «статус» в той или иной форме используется социальными науками относительно давно для описания позиций акторов внутри сообществ или даже для объяснения особенностей их поведения, хотя для объяснения собственно поведения государств в мировой политике оно применяется более системно в последние два десятилетия. Концепт был привнесен в политическую науку (и международные исследования как ее субдисциплину) из других отраслей знания, причем в случае международных исследований он был значительно обогащен представлениями, происходящими из современных естественных (биология) и социальных (психология) наук. Сказанное не противоречит тому, что собственно слово «статус» для объяснения международно-политических реалий применялось и до проникновения в международные исследования

теории социальной идентичности, для которой концепт статуса является основополагающим при изучении различных сообществ.

Международные исследования, как и политическая наука вообще, уделяют много внимания власти – тому, как она возникает, как проявляется, как воспринимается, как распределяется, как отправляется и т.п. Концепции, имеющие в своей основе понятие статуса, также используются для этих целей, но специфика отношений между государствами вносит важные коррективы. Во-первых, государство (в отношениях с другими государствами) традиционно рассматривается в качестве самостоятельной единицы анализа (аналогично взаимодействующим и борющимся за власть индивидам). Во-вторых, государства, выступающие в качестве самостоятельных акторов, непременно взаимодействуют друг с другом в форме сотрудничества и (или) соперничества в соответствии со своими интересами. В-третьих, содержание и иерархия интересов оспариваются основными теориями международных отношений, поскольку, в-четвертых, постулируются принципиально разные фундаментальные характеристики системы международных отношений и их последствия. Так, и реалисты, и либералы принимают положение о том, что в международных отношениях отсутствует сила «выше» государств, способная подчинить себе всех или большинство акторов (отсюда тезис об анархии как фундаментальной характеристике системы международных отношений [Waltz, 2017, p. 67]), хотя и делают разные выводы: практически все реалисты – о неизменности и вечности принципа самостоятельного обеспечения безопасности (как главного и основного интереса, выступающего в качестве предпосылки достижения любых иных целей и интересов, включая экономическое процветание и т.п.), современные либералы – о возможности сотрудничества и преодоления последствий анархии. Конструктивисты, которым международные исследования «обязаны» использованием теории социальной идентичности для объяснения международно-политических реалий, предлагают иное понимание происхождения и последствий анархии (например, [Milner, 1991; Wendt, 1992]).

При всех различиях современные представители данных теорий в целом сходятся на том, что в системе международных отношений отдельные акторы могут выступать в качестве главенствующих сил, потенциально способных влиять на принятие ключевых решений, тогда как другие оказываются практически неспо-

собны нарушить статус-кво [Lake, 2007, p. 56]. Идея наличия иерархии в системе международных отношений, оцениваемой в целом как анархическая (но не беспорядочная, не хаотичная), предполагает наделение отдельных государств-акторов такими характеристиками, которые отличают их от других членов мирового сообщества и обозначаются такими понятиями, как «сверхдержавы», «гегемоны», «великие державы» и т.п. Факторы достижения таких свойств могут различаться, что выражается в дискуссиях о «мягкой», «жесткой» и «умной» силе и т.п. Как раз для описания совокупности таких свойств используется концепт статуса, выступающий в том числе в качестве рамки анализа и системы международных отношений, и поведения отдельных акторов в ней.

Согласно исследованиям в области психологии, статус является одной из ключевых характеристик любой социальной группы (см., например: [Anderson, Kilduff, 2009, p. 295]). Приобретение или изменение статуса в системе международных отношений следует трактовать с позиции наличия иерархии в межгосударственных отношениях, так как статус выступает в качестве зафиксированной позиции актора, изменение которой возможно в том случае, если существует возможность вертикальной мобильности по определенной «статусной лестнице». Модель социальной иерархии как определенный тип рангового представления социальных групп на основе действующих социальных норм и ценностей [Magee, Galinsky, 2008, p. 353] является, таким образом, базовой предпосылкой рассмотрения статуса. Более конкретно, статус по своей природе – продукт конструирования со стороны других. Содержательно статус – это относительное признание важности (значимости, влиятельности и т.п.) государства международной системой, другими государствами. В таком понимании статус выступает в качестве концепта, близкого понятиям власти, силы и мощи, но он не равноценен им (см. дискуссию о статусных позициях в человеческих сообществах: например, [Kelley, Lucas, Lovaglia, 2017; Smith, Magee, 2015]).

Даже если статус государства – это продукт конструирования со стороны других государств, международной системы, то подобное действие требует определенных оснований. Государство не будет восприниматься в качестве «великой державы», если данный статус не подкрепляется материальными и нематериальными основаниями и (или) ресурсами, которые в конкретный момент

времени считаются международным сообществом составными элементами «мощи» («силы») государства. То, насколько эффективно государство управляется, насколько государство способно выполнять свои базовые или специфические функции, можно считать «активом» (Р. Арт использовал такую оценку для понятия «управление» (governance) [Art, 1980, p. 3], хотя логично предположить, что «плохое управление» – это «пассив»), т.е. фактором, создающим «мощь» («силу»), что и будет так или иначе восприниматься другими государствами и фиксироваться в «статусе» государства.

Мы воспользуемся предложенными А.Ю. Мельвилем, А.С. Ахременко и И.Е. Горельским концептуализацией и операционализацией понятия «государственная состоятельность» [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 а], которая выступит в нашем исследовании в качестве независимой переменной. Мы предполагаем, что между государственной состоятельностью и статусом государства в международных отношениях существует связь, проиллюстрировать которую мы планируем при помощи обращения к многомерным статистическим методам анализа данных.

Статус государства в системе международных отношений: концептуализация

Согласно классическим представлениям Макса Вебера о природе статуса, статусные различия в обществе являются определенными осями, с помощью которых организуется неравенство общественных отношений, а сам статус выступает в качестве меры социальной значимости актора в отношениях с другими [Weber, 1978, p. 87]. Применительно к государствам в системе международных отношений статус выступает измерением эмпирических различий, подчеркивая большие способности одних и недостаточные возможности других. Одновременно статусные позиции являются базисом внутригруппового общения, позволяя регламентировать отношения между государственными акторами таким образом, который признается каждым потенциальным участником. Последнее позволяет выделить ключевую характеристику статуса – признание социально значимых характеристик за отдельным актором исходит не столько от него самого, сколько от подобных ему

членов сообщества: «Статус – это коллективные представления о месте государства [в системе международных отношений] на основе признаваемых значимыми ценностей» [Larson, Wohlforth, 2014, p. 7].

Статус открыто или негласно фиксируется международным сообществом за конкретным государством прежде, чем оно провозглашает себя (и соответственно ведет себя), например, «великой державой». При этом характеристики созданного образа могут варьироваться в зависимости от исповедуемых коллективных статусных представлений, которые, по мнению исследователей, обладают некоторыми важными отличительными свойствами: 1) такие представления не приравниваются к понятию фаворитизма – вовсе не обязательно, чтобы актер, признаваемый социально значимым, вызывал симпатию у всех участников системы; 2) они являются обобщенными, не учитывают национальную специфику; 3) они тесно связаны с понятием социальной репутации, отсутствие которой не позволит считать отдельного актора значимым [Ridgeway, Correll, 2006, p. 433]. В зависимости от того, насколько государство соответствует таким ожиданиям, оно будет признаваться другими как важный или же незначимый элемент международных отношений. Именно поэтому дискуссия о статусе в современных исследованиях все чаще переходит к рассмотрению успешных стратегий и траекторий его достижения, а сам он выступает в качестве заветной цели.

Объяснение необходимости достижения высокой статусной позиции не может опираться на признание за концептом исключительно символического значения. Стремление к статусу может быть продиктовано различными причинами: начиная от тех, которые основываются на биологических принципах, и заканчивая теми, которые акцентируют внимание на статусе как на определенном благе. Например, в животных сообществах целью приобретения статуса является необходимость передачи генетической информации более успешными особями, а сам он выступает механизмом эволюционного отбора (см., например: [Sapolsky, 2004; Utevsky, Platt, 2014]). Впрочем, последовательное распространение такого объяснения на все человеческие и тем более на межгосударственные взаимоотношения проблематично.

Ключом к объяснению значимости статусной позиции является представление о том, что люди по своей природе склонны

представать перед окружающими с лучшей стороны [Tajfel, 1982, p. 11.]. В этом случае стремление к приобретению высокого статуса объясняется скорее психологическими причинами: попытка взобраться выше по «статусной лестнице» является актом самоутверждения, даже несмотря на то что признание результата зависит от других членов социальной группы: как подчеркивал нобелевский лауреат по экономике Дж. Харсани, социальный статус в рамках человеческих отношений выступает в качестве одного из главных стимулов и источников мотивации социального поведения людей [Harsanyi, 1976, p. 204].

Социальная важность статуса приводит в том числе к тому, что традиционно люди достаточно аккуратны в его интерпретации в отношении другого, осознавая, насколько значимыми могут быть последствия приписывания неверной статусной дефиниции актору соответствующей социальной группы [Pettit, Sivanathan, 2012, p. 571]. Последнее становится особенно опасным в тех случаях, когда подобный актер обладает значительным запасом мощи, которая, не получая должного признания, приводит к повышению уровня агрессии: совпадение больших возможностей и недооценки статуса – наихудшее из возможных сочетание статуса и мощи [Status, Power, and Intergroup Relations, 2016, p. 44; Fast, Halevy, Galinsky, 2012, p. 393]. Особенно актуально такое утверждение для государств, которые, не смирившись со сложившейся статусной системой (это могут быть как «восходящие державы», так и «державы в упадке»), потенциально способны развязывать войны [Renshon, 2016, p. 515].

Стремление к признанию или достижению более высокого статуса может быть продиктовано не только психологическими причинами. Рациональный выбор также может служить объяснительным механизмом. Если предположить, что наличие высокого статуса благоприятно сказывается на взаимоотношениях индивидов с другими, становится очевидной логика его приобретения: повышение статуса крайне выгодно. Так, с точки зрения государства ценность статуса может заключаться в увеличении инвестиционной привлекательности, расширении торговых связей, повышении влияния на принятие важных решений в мировой политике, прямо или косвенно затрагивающих государство, стремящееся к повышению своего статуса. Более того, проведенные эксперименты показывают, что в человеческих сообществах статусные игроки

получают возможность достигать большего, чем те, кто находится внизу «статусной лестницы» [Akinola, Mendes, 2014, p. 48; Ball, Eckel, 1996, p. 398; Congleton, 1989, p. 189]. Мотивы приобретения статуса, несмотря на первоначальную конструктивистскую природу концепта, могут быть исключительно рациональными, что является важным обстоятельством в контексте настоящего исследования в попытке поиска связи между статусом государства и государственной состоятельностью. Статус в таком случае может выступать и в качестве определенного сигнала ненаблюдаемых возможностей, имеющихся у государства в распоряжении, причем стремление к его достижению может сохраняться даже в связи с потенциальными издержками [Rege, 2008, p. 233–234].

Существование различных подходов, объясняющих механизмы достижения статуса, подчеркивает потенциальную сложность рассматриваемых связей. Акцент на мощи, трансформирующей впоследствии в достигаемый статус, является достаточно распространенным способом их оценки в соответствующей академической литературе (см., например: [Lim, 2015; Rauch, Wurm, 2013]). Переход силы и мощи в плоскость внешней политики рассматривается в качестве средства достижения признания со стороны акторов системы [Rauch, 2016, p. 129]. Такой подход позволяет обратить внимание не только на имеющийся в распоряжении материально-технический ресурс, но также и на отдельные компоненты государственной мощи, включая институциональные возможности, которые тесно связаны с государственной состоятельностью. Тем не менее в данном случае фиксируется лишь возможность трансформации, но не траектории изменения статусных позиций в системе международных отношений.

Современным подходом к рассмотрению стратегий по достижению государством статуса в теории международных отношений остается теория социальной идентичности, которая изначально была представлена британским психологом А. Тайфелем [Tajfel, 1982]. Сторонниками использования данного подхода применительно к анализу международных отношений являются американские исследователи Д. Ларсон и А. Шевченко, которые отмечают, что попытки государств закрепить положение на международной арене представляют собой набор символических действий, направленных в первую очередь на изменение восприятия со стороны других акторов [Larson, Shevchenko, 2010, p. 69]. Данный набор

предопределяет выбор в пользу той или иной стратегии поиска статусной позиции и помогает проследить для некоторых стран эволюцию их внешней политики. Опираясь на теорию социальной идентичности, Д. Ларсон и А. Шевченко отмечают три возможных сценария достижения государствами статуса: 1) социальная мобильность – принятие государством господствующих в международной системе норм и правил, позволяющих взобраться по «статусной лестнице» (исключительно в тех случаях, когда сама мобильность возможна, а иерархическая структура претерпевает трансформацию); 2) социальная конкуренция – отказ принимать господствующие в системе правила, признавать их легитимными в условиях отсутствия возможности вертикальной мобильности (непосредственная борьба за статус); 3) социальная креативность – попытка либо переоценить считавшиеся ранее негативными ценности, либо найти новое измерение социальной реальности, в котором государство доминирует [Larson, Shevchenko, 2010, p. 71–75]. Внешнеполитическая доктрина государства при этом необязательно должна полностью соответствовать исключительно одной стратегии: она может сочетать различные элементы мобильности, конкуренции и креативности или же подстраиваться под текущую обстановку, сложившуюся во взаимоотношениях с другими государствами.

Некоторые исследователи призывают с осторожностью относиться к использованию теории социальной идентичности в рамках анализа международных отношений, так как сама теория изначально объясняла значимые различия в средствах достижения статуса в рамках рассмотрения взаимоотношений в группе индивидов [Ward, 2015]. Государства же скорее можно считать социальными группами, если использовать терминологию теории. Из-за подобных разногласий понимание различий между мобильностью и конкуренцией оказывается проблематичным: и мобильность, и конкуренция являются единой стратегией по подражанию государствам с высоким статусом [Ward, 2015, p. 15]. Несмотря на то что последнее замечание заставляет задуматься о верности исходных предпосылок, теория социальной идентичности остается широко используемой рамкой анализа при рассмотрении категории статуса и стратегий его достижения.

Подведем промежуточный итог. Статус – это комплексная категория, отражающая сложность разнообразных отношений между

государствами, и одновременно это продукт социального конструирования реальности международных отношений. Изучение статусных позиций государства диктуется не только необходимостью расширения междисциплинарного подхода, но и актуальностью исследований стратегий отдельных государств по их достижению. Впрочем, надо принимать во внимание и серьезные методологические проблемы. Во-первых, сохраняется вопрос измерения уровня признания значимости акторов в системе международных отношений другими государствами. Далее мы предлагаем возможный ответ на него. Во-вторых, остается неразрешенным вопрос относительно того, что предопределяет успешность в достижении статусной позиции. Наконец, остается важной возможность соотнесения внутренних институциональных факторов и достигаемого статуса.

Операционализация статуса государства и базы данных

Понимание конструктивистской природы достигаемого статуса и его концептуализация с позиции признания другими государствами позволяют исследователям, занимающимся изучением проблем баланса сил и неравномерного распределения статусных позиций, отказаться от использования дополнительных категорий и подходить к операционализации с точки зрения получения комплексных оценок. Тем не менее отсутствие в современной политической науке единого подхода к их получению превращает попытку измерения статусного признания в амбициозную задачу.

Важным этапом на пути ее реализации представляется решение проблемы соотношения материальных и нематериальных факторов, определяющих статусную позицию государства. С одной стороны, сама природа концепта подразумевает рассмотрение исключительно тех компонентов, которые отражают уровень взаимодействия государства с другими акторами в системе. Статус, таким образом, выступает в качестве меры успешности подобного рода взаимодействий, отражающей нематериальные, но существенные принципы, лежащие в основе межгосударственных взаимоотношений. Однако подобный подход к операционализации не способен, на наш взгляд, отразить в полной мере достигнутые

статусные позиции. Наделение отдельных акторов значимыми характеристиками происходит не только при непосредственном взаимодействии, но также и в случае оценки государствами объективных достижений или неудач отдельных стран в тех сферах, значимость которых признается всеми участниками. Именно поэтому исключительно важным представляется рассмотрение статусной позиции как с точки зрения ее нематериальной, конструктивистской составляющей, так и с позиции объективно наличествующей и реально наблюдаемой характеристики.

В современной литературе одним из базовых показателей статусной позиции выступают наличие и плотность дипломатических связей с другими государствами. Традиционно авторы склонны считать, что чем большее количество прямых дипломатических контактов удалось установить государству, тем более важным его следует считать с точки зрения иерархии международных отношений [Kinne, 2014, p. 247; Renshon, 2017, p. 124]. Такой подход имеет под собой определенные основания, несмотря на то что некоторые исследователи подходят к возможности его использования в сравнительных исследованиях с осторожностью [Ward, *How Not to Measure Status...*]. Стремясь избежать присущих данной переменной недостатков и ориентируясь на использование современных методов в политических исследованиях, в рамках настоящей статьи под статусом государства с точки зрения установления дипломатических отношений мы предлагаем понимать значение меры центральности в построенной для каждого рассматриваемого года сети дипломатических контактов. При этом данная мера, опирающаяся на значение собственного вектора и оцениваемая по интервальной шкале от нуля до единицы, позволяет найти в системе международных отношений наиболее «центральных» участников в целом, сглаживая эффекты региональных союзов [Bonacich, Lloyd, 2001; Ruhnau, 2000]. Данные о наличии дипломатических контактов, послужившие основой для построения меры центральности, являются частью проекта Центра изучения международного будущего Университета Денвера [Moyer, Bohl, Turner].

Вторая нематериальная мера, свидетельствующая о достижении государством определенного статуса в системе международных отношений, представляет собой индикаторы его членства в международных организациях [Diplometrics...]. Данные позво-

ляют не только зафиксировать количество международных организаций, в которых государство состоит, но с учетом отдельного индикатора влияния этих организаций в мире (близкие к нулю значения показывают, что организация оказывается в мировом масштабе незначимой, тогда как с увеличением показателя значение организации растет) оценить реальный статус государства с точки зрения его представленности в важных межгосударственных институтах. Использование такой меры позволяет вновь рассматривать систему международных отношений как определенную сеть, где показатель членства в значимой международной организации улучшает статусную позицию государства. Для выполнения исследовательских задач был получен процентный индекс членства в международных организациях от максимальных значений в данный год, которых государство могло бы достичь, если бы являлось членом всех таких значимых объединений.

В качестве одного из ключевых показателей статусной позиции современного государства следует также рассматривать долю иностранных инвестиций в его экономику относительно общемировых значений. Мы предполагаем, что подобный индикатор служит надежным измерением доверия к государству со стороны других акторов системы. Подчеркнем, что в рамках данной статьи мы ориентируемся исключительно на показатели поступающих в страну инвестиций, не рассматривая чистые инвестиции, так как вложение финансовых средств в экономику других государств зачастую может быть продиктовано иными намерениями, чем простое улучшение собственного статуса в системе международных отношений [Copper, 2016].

Еще двумя важными индикаторами, считающимися традиционными при рассмотрении международного статуса государства, выступают показатели его членства в Совете Безопасности ООН (относительное количество накопленных лет) [Funairole, 2015, p. 367] и его ядерный статус. Невзирая на то что они незначительно варьируются во времени, а также оказываются скоррелированы друг с другом, их включение продиктовано необходимостью учета фундаментальных принципов, заложенных в систему современных международных отношений [Nasu, 2011; Thränert, 2015]. Оба показателя продолжают отражать средства, актуальные с точки зрения поддержания статуса и (или) борьбы за статус в мировой политике. Более того, в рамках исследования мы расширяем границы ко-

личественного измерения этих традиционных мер. Так, несмотря на то что число постоянных членов СБ ООН на протяжении длительного времени остается неизменным, установленные правила и принципы избрания непостоянных членов способствуют тому, что отдельные государства чаще других оказываются представлены в структуре, ответственной за поддержание мирового порядка. Это обстоятельство привело нас к идее получения относительного показателя, который измеряет количество накопленных государством лет (к максимальным значениям в данный год) и который, на наш взгляд, служит одним из нематериальных измерений статусной позиции государства. При этом наш подход к получению оценки ядерного статуса также не ограничивается традиционной бинарной переменной, фиксирующей наличие или отсутствие ядерного оружия у государства [Fuhrmann, Tkach, 2015]. Мы ориентируемся не только на сам факт получения государством расщепляющихся материалов оружейного качества и их использования для изготовления ядерных зарядов, но также и на возможность государства более или менее надежно доставить ядерные заряды к потенциальным целям в условиях конфликта, что обеспечивается так называемой ядерной триадой и развитыми средствами раннего предупреждения. Таким образом, введение категориальной переменной, фиксирующей успехи государства по данному направлению, позволяет, на наш взгляд, учитывать уровень достижений всех государств – членов «ядерного клуба».

Наконец к объективным, материальным измерениям статуса государства мы также относим долю экспорта и военных расходов государства в сравнении с общемировыми показателями. «Долевой» подход позволяет рассматривать статус с точки зрения представленности государства в международной экономике. Экспортная доля является признанием мировым сообществом значимости государства как бизнес-партнера [Morrison, 2013] и, значит, может рассматриваться в терминах статуса с учетом предложенной концептуализации. Традиция рассмотрения показателей военной силы в качестве оценки статуса государства в определенных случаях может приводить к неверному пониманию статусной позиции. Однако доля военных расходов отражает ту степень, в которой государство опирается на военную силу при оценке значимости своих международных партнеров в мировой политике [Rhamey, Early, 2013, p. 252]. Подобные обоснования способствуют широкому

распространению использования данных переменных в сравнительных исследованиях, ориентированных как на поиск взаимосвязей статусных позиций с другими переменными, так и на выявление самой природы статуса в системе международных отношений [Kim, 2010, p. 406]. Показатели экспорта и военных расходов в рамках настоящего исследования были рассчитаны на основе данных, ежегодно предоставляемых Всемирным банком и Стокгольмским институтом исследований проблем мира [SIPRI Yearbook, 2018].

Методы

В предыдущем разделе мы описали семь основных переменных, которые, на наш взгляд, могут служить измерениями материальных и нематериальных составляющих статусной позиции государства. Между тем получение единой количественной оценки, использование которой стало бы отправной точкой для выявления рассматриваемой в рамках настоящего исследования связи, встречает существенные сложности, характерные в целом для всех рассматриваемых в научной литературе латентных переменных. Не будет преувеличением сказать, что в политической науке работа с подобными ненаблюдаемыми явлениями остается проблемой и по сей день, а подходы к ее решению даже в рамках одной предметной области могут различаться. Тем не менее в основе большинства таких попыток лежит анализ структуры полученных эмпирических данных, позволяющий задействовать соответствующие поставленным задачам многомерные методы. Важно при этом отметить, что сведение нескольких показателей к единому количественному индексу возможно лишь в тех случаях, когда результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии сильных и значимых зависимостей, чего не наблюдается при рассмотрении всех возможных пар показателей статуса (см. табл. 1).

Таблица 1

**Корреляционный анализ индикаторов статуса
(2015 г., 145 государств)¹**

	Дип. центр.	Чл. в межд. орг.	СБ ООН	Воен. расходы (% от мир. показ.)	Яд. статус	Экспорт (% от мир. показ.)	Ин. инвест. (% от мир. показ.)
Дип. центр.	1	.675***	.625***	.87***	.353***	.851***	.713***
Чл. в межд. орг.	.644***	1	.294*	.544***	.193*	.608***	.429***
СБ ООН	.557***	.322***	1	.623***	.311***	.573***	.491***
Воен. расходы (% от мир. показ.)	.365***	.179*	.634***	1	.377***	.906***	.671***
Яд. статус	.423***	.188*	.828***	.683***	1	.323***	.305***
Экспорт (% от мир. показ.)	.566***	.36***	.668***	.777***	.63***	1	.716***
Ин. инвест. (% от мир. показ.)	.391***	.26**	.528***	.844***	.55***	.777***	1

*** – Коэффициенты значимы на уровне 0,001; ** – коэффициенты значимы на уровне 0,01; * – коэффициенты значимы на уровне 0,05.

Получение данного результата стало основанием для обращения к методам, позволяющим учесть многомерную природу статусной позиции государства в системе международных отношений. В результате для проведения анализа в рамках настоящей статьи решено было воспользоваться подходом, использованным нами ранее в соавторстве с коллегами при проведении эмпирического исследования концепта государственной состоятельности [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b]. В его основе лежала идея использования метода иерархической кластеризации, который не только позволяет работать с подобными явлениями, но и, что не менее важно, выделять отдельные устойчивые типы статусных позиций государства на основе их сходства по отобранным показателям [Cluster Analysis for Political Scientists, 2014]. Отметим, что использование данного подхода применительно к находящемуся в фокусе нашего внимания концепту (как, впрочем, и предложенная нами ранее операционализация) является одной из первых попыток комплексно подойти к эмпирическому анализу статуса государства в мировой политике в рамках сравнительного исследования.

¹ Ниже главной диагонали представлены коэффициенты корреляции Пирсона, выше – корреляции Спирмена.

Наш замысел состоял в получении устойчивых кластеров, которые бы отражали определенные результаты по достижению государствами статусных позиций. Так как сам метод иерархической кластеризации чувствителен к исходному набору данных [Gilpin, Qian, Davidson, 2013], предварительно мы прибегли к линейному масштабированию переменных для каждого рассматриваемого года (анализ показателей статуса и государственной состоятельности проводился по трем временным точкам: 1996, 2005 и 2015 гг.). В результате исходные данные были пересчитаны на интервал $[0; 1]$, где под единицей понималось максимальное значение индикатора среди всех стран в рассматриваемый год.

Еще одной особенностью метода является отсутствие строгого правила по определению оптимального разбиения на кластеры. В нашем исследовании мы ориентировались на разбиение от пяти до десяти кластеров, используя при этом различные методы агломерации (ближайшего, среднего и дальнего соседей, а также метод Варда) и евклидово расстояние в качестве метрической функции (в случае метода Варда – квадрат евклидовой метрики). Такой подход позволяет учесть как преимущества, так и недостатки каждой из использованных мер [Yim, Ramdeen, 2015]. Следует особенно отметить, что устойчивым мы считали такой результат, при котором страны образовывали стабильные кластеры в 24 возможных случаях в данный год (шесть вариантов разбиений на кластеры * четыре метода их агломерации), что служило проверкой на робастность получаемых кластеров. Наложение такого ограничения на результаты кластеризации и сам принцип, использованный для получения устойчивых структур, с нашей точки зрения (и с точки зрения нашего предыдущего опыта [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b]), оправдан ввиду того, что в рамках исследования мы рассматриваем многомерный латентный конструкт, для которого получение качественного композитного индекса представляется трудноосуществимой, если и вовсе не выполнимой задачей. Иерархический кластерный анализ служит, таким образом, одним из немногих подходящих методов для работы с подобного рода данными, позволяя не только добиться реализации поставленных задач по получению эмпирических оценок особого типа, но и расширить наши представления о данном явлении через изучение реально наблюдаемых процессов. Кроме того, вновь подчеркнем, что в основе нашего исследования лежит представ-

ление о наличии связи между статусом и государственной состоятельностью, где вторая переменная также представляет собой многомерное явление, изучение которого стандартными статистическими методами, как было показано нами ранее [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b], сопряжено с подчас непреодолимыми трудностями.

В следующем разделе мы обратимся к результатам эмпирического анализа связи двух данных переменных, представив полученное разбиение на кластеры и проиллюстрировав устойчивые структуры с помощью лепестковых диаграмм, признаваемых в последние годы одной из форм визуализации количественных данных, которая, в свою очередь, выступает в качестве неотъемлемого этапа эмпирической работы [Kaczynski, Wood, Harding, 2008; Zinoviev, 2011].

Некоторые результаты

Задача, которую мы ставили перед собой в данном исследовании, заключалась в реализации практических шагов по выявлению связи между статусом государства в мировой политике и его внутренними ресурсами, понимаемыми в данном случае под государственной состоятельностью. Мы предприняли попытку нахождения связи через обращение к пересечениям кластеров государств, полученных как для одного, так и для другого набора переменных. Иными словами, в рамках эмпирической части исследования мы объединили результаты проведенного иерархического кластерного анализа таким образом, чтобы получить группы связанных друг с другом государств с точки зрения двух рассматриваемых латентных конструкторов. Используемый подход позволяет, по нашему мнению, учесть специфику находящихся в фокусе внимания явлений и подойти к их изучению комплексно, с учетом структуры данных.

Для начала отметим, что полученные пересечения устойчивых кластеров для трех временных точек (1996, 2005 и 2015) по двум наборам данных (переменным государственной состоятельности и статуса соответственно) и с учетом строгих ограничений на их устойчивость показали, что около двух третей государств состоят в определенных группах, тогда как оставшаяся треть стран

формирует собственные кластеры, не объединяясь с другими государствами. Однако среди последних нередки случаи, когда государства входят в небольшие объединения с точки зрения государственной состоятельности и составляют свой, особый кластер с точки зрения статуса в международных отношениях (Китай, Россия, Германия, Израиль, Япония в разные годы). Экстремальным примером являются США, которые формируют собственный устойчивый кластер в обоих случаях, обладая наиболее выдающимся среди всех остальных государств статусом в мировой политике и уникальным типом государственной состоятельности.

Таблица 2

**Пересечения кластеров государств по показателям
статуса и государственной состоятельности
(топ-5 по размеру кластера)**

<i>1996 год</i>	<i>2005 год</i>	<i>2015 год</i>
Бенин, Гамбия, Гайана, Казахстан, Мали, Молдавия, Республика Конго, Того, Уганда	Венгрия, Греция, Кувейт, Малайзия, Польша, Португалия, Саудовская Аравия, Чехия, Южная Корея	Бенин, Бурунди, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Камерун, Коморские о-ва, Мали, Никарагуа, Папуа – Новая Гвинея, Танзания, Того, Уганда, Чад, Эритрея
Австрия, Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция	Австралия, Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция	Бутан, Буркина-Фасо, Камбоджа, Маврикий, Малави, Мозамбик, Молдавия, Непал, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Фиджи
Боливия, Зимбабве, Парагвай, Сенегал, Украина, Эквадор	Гвинея, Замбия, Кыргызстан, Мали, Никарагуа, Парагвай, Уганда	Болгария, Венгрия, Греция, Малайзия, Марокко, Португалия, Румыния, Словакия, Чехия
Багамские о-ва, Латвия, Литва, Тринидад и Тобаго, Эстония	Гамбия, Гвинея-Бисау, ДРК, ЦАР, Чад	Ангола, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Перу, Тунис, Эквадор
Гвинея-Бисау, Коморские о-ва, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея	Египет, Индонезия, Марокко, Румыния	Гайана, Доминиканская Республика, Замбия, Монголия, Парагвай, Суринам

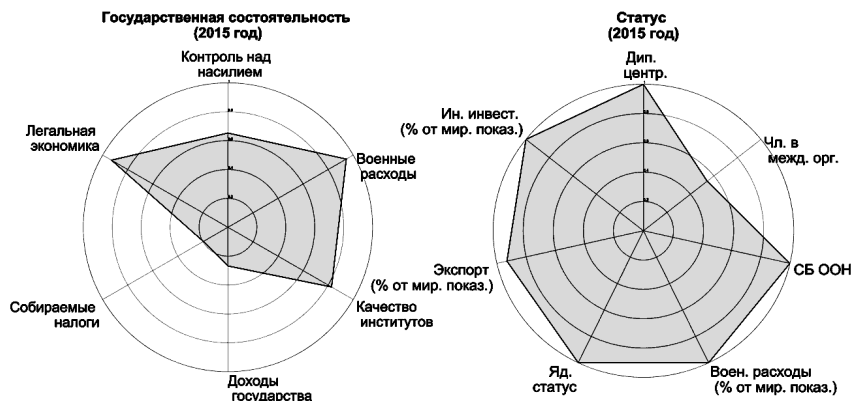

Рис. 1.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике: США (2015)

Наличие подобных примеров демонстрирует, что логика приобретения международного статуса может быть связана не только с рассматриваемыми в данной работе факторами. Однако сложно игнорировать тот факт, что число устойчивых пересечений кластеров, содержащих более одного участника, в масштабах исходной выборки значительно. Это замечание служит, с нашей точки зрения, неявным доказательством того, что страны, достигающие определенного уровня внутреннего развития, на международной арене добиваются приобретения сходных статусных позиций. Нашей задачей в дальнейшем является иллюстрация данного тезиса на примере отдельных кейсов, отражающих его справедливость.

Рассмотрим еще один кейс, образующий единичный кластер в результате объединения результатов. В фокусе нашего внимания Россия и ее показатели во временной динамике (рис. 2). Как видно из представленных диаграмм, за период с 1996 по 2015 г. Россия смогла как относительно улучшить свое положение в мировой политике, так и добиться повышения эффективности с точки зрения государственной состоятельности.

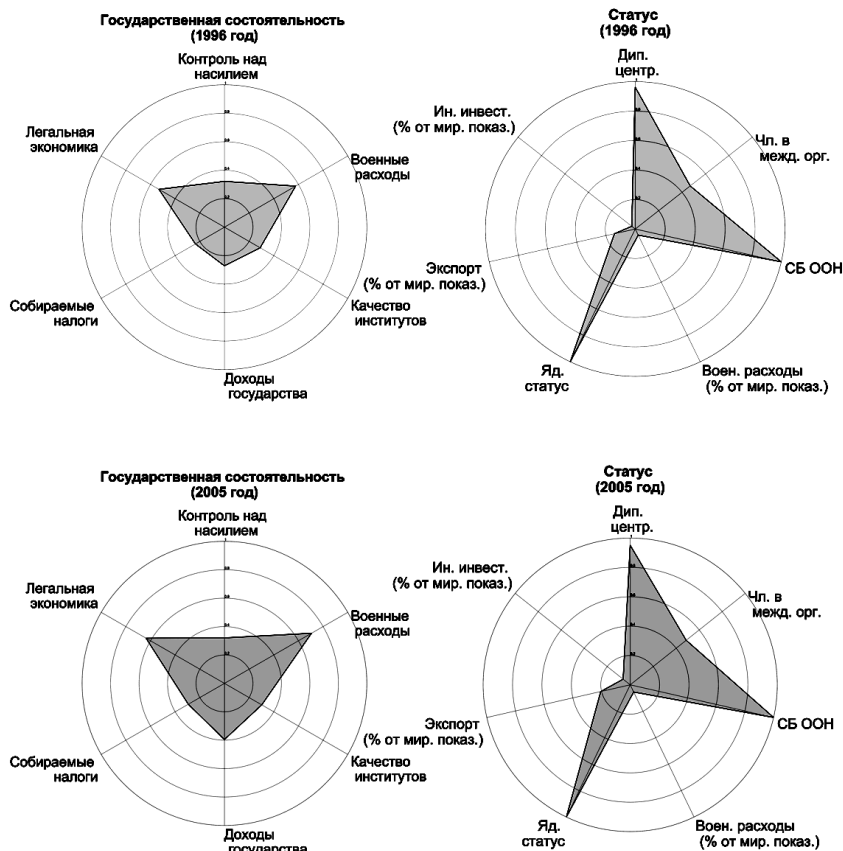

Рис. 2.

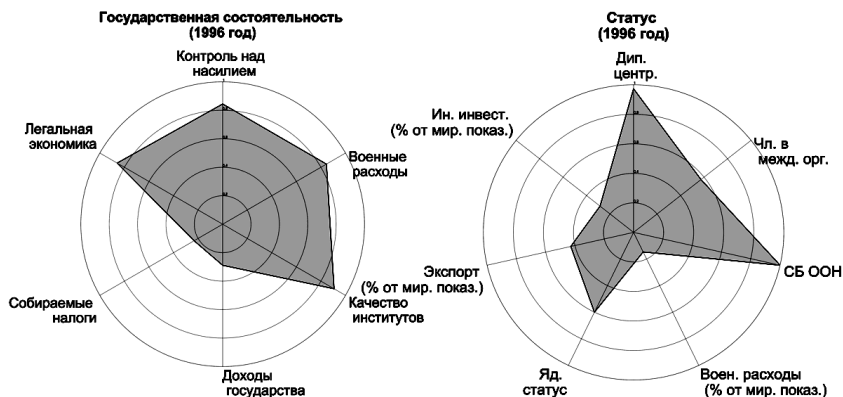
Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике: Россия (1996 / 2005 / 2015)

Не в последнюю очередь второй результат достигался за счет совершенствования военно-принуждающей состоятельности, а также повышения качества административно-бюрократического контроля¹. Некоторое улучшение статусной позиции происходило

¹ Логика выделения трех основных компонентов государственной состоятельности, их концептуализация и привлекаемые для операционализации пере-

в основном благодаря росту показателей инвестиций, экспорта и военных расходов в сравнении с общемировыми значениями. В данном контексте в качестве дополнительного аргумента в пользу возможной истинности наших базовых предпосылок подчеркнем, что традиционно исследователи фиксируют наличие положительной взаимосвязи между уровнем институционального развития, с одной стороны, и ростом экспорта и привлеченных иностранных инвестиций – с другой [LiPuma, 2013; Peres, 2018]. Несмотря на то что природа подобных изменений в случае России может отличаться от рассматриваемых в научной литературе соответствующих аргументов, нельзя не отметить параллельных положительных изменений, происходящих как с государственной состоятельностью, так и со статусом, вписывающихся в подобного рода объяснения.

Переходя к анализу объединений стран, отметим два показательных примера. Первый – объединившиеся в одну группу Великобритания и Франция, занимающие схожие статусные позиции и похожие друг на друга с точки зрения достигнутого уровня государственной состоятельности (рис. 3). Обе диаграммы отражают устойчивое положение как внутри (даже несмотря на относительно недостаточную в сравнении с «идеалом» экстрактивную способность), так и снаружи, что не противоречит нашим интуитивным предположениям о роли и развитии этих государств. Совершенно противоположная ситуация наблюдается при рассмотрении стран-аутсайдеров, в особенности тех, кого можно условно отнести к находящимся на грани провала по контролю насилия (и не только) на собственной территории. Среди них мы решили особенно выделить Гондурас и Сальвадор (рис. 4). Для них соответствующие показатели статуса сужаются до фигуры, которая фиксирует только то обстоятельство, что эти государства признаются мировым сообществом, и отражает их неспособность добиться иных форм статусного признания. Самым очевидным объяснением такого их положения в системе международных отношений нам видится то, что, не будучи собственно государствами (в сравнении с другими) внутри, они не претендуют (и, что важно, не могут претендовать!) на приобретение хотя бы сколько-нибудь значимых статусных позиций.

Гондурас и Сальвадор (2005)

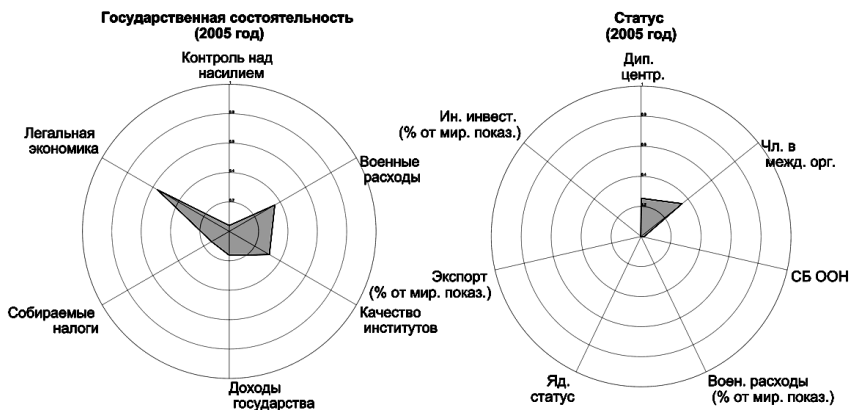

Рис. 3–4.

**Лепестковые диаграммы индикаторов государственной
состоятельности и статуса государства
в мировой политике (средние по объединению):
Великобритания и Франция (1996)**

Отдельно обратим внимание на относительно устойчивое во времени объединение стран, куда вошли Канада, Швейцария, Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия. Средние значения по рассматриваемым индикаторам фиксируют в этих государствах как эффективное внутреннее институциональное развитие (схожее с показателями Великобритании и Франции), так и относительно стабильное (пусть и довольно скромное) статусное положение на международной арене, прежде всего за счет показателей центральности в сети дипломатических контактов, членства в международных организациях, числа привлекаемых инвестиций и доли экспорта в сравнении с общемировыми показателями (рис. 5). Можно предположить, что успех по двум последним направлениям не в последнюю очередь связан со способностью официальных властей успешно управлять находящейся под их контролем территорий.

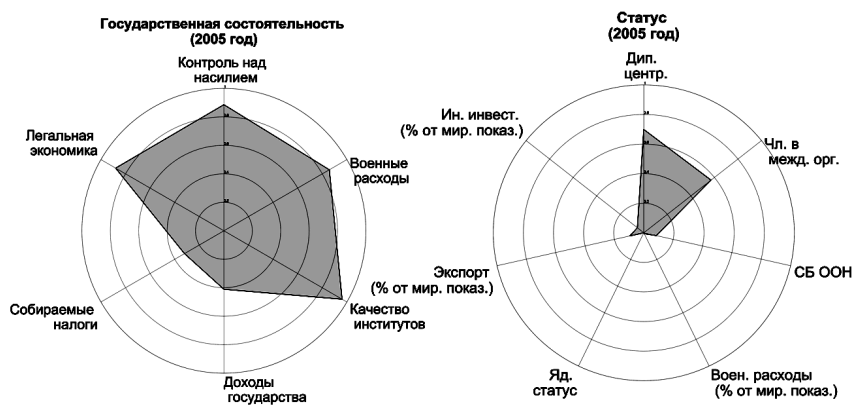

Рис. 5.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике (средние по объединению): Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция (2005)

Еще одной иллюстрацией справедливости данного тезиса является сравнение площадей фигур государственной состоятельности и статуса для бывших посткоммунистических стран Восточной Европы: Венгрии, Польши и Чехии, которые образуют устойчивые объединения в 1996 и 2005 гг. (рис. 6). Заметим, что за данный период этим государствам удалось добиться прогресса с точки зрения административной и принудительной состоятельности. Одновременно они смогли улучшить свои статусные позиции, в основном за счет членства в международных организациях (так, например, в 2004 г. они стали членами Европейского союза), улучшения показателей привлечения прямых иностранных инвестиций и роста доли экспорта. Такие результаты оказываются в целом сопоставимы (хотя все же и скромнее) с аналогичными для объединения Канады, Швейцарии, Финляндии и ряда Скандинавских государств. Данный пример вновь демонстрирует сходную динамику в изменении показателей, что позволяет нам в очередной раз отметить справедливость выдвинутой нами ранее гипотезы, находящей, как ясно из представленных графиков, свое подтверждение на реальных данных.

Наконец, возвращаясь к рассмотрению стран-кластеров, наиболее удачной демонстрацией наличия связи между статусом в мировой политике и государственной состоятельностью служит, по нашему мнению, динамика изменений показателей Китая в период с 1996 по 2015 г. (рис. 7).

Несмотря на относительно слабые успехи в деле улучшения качества институтов, видимые изменения по комплексу других показателей подчеркивают значимость пути, пройденного Китаем за последние 20 лет с точки зрения как улучшения эффективности государственного управления, так и государственной состоятельности в целом. Аналогично на протяжении данного периода наблюдается комплексное улучшение статусной позиции Китая в мире. Одновременная положительная динамика заставляет вновь (в данном случае с еще большей уверенностью) предполагать, что успехи во внутреннем развитии находят свое отражение сначала в области внешней политики, а затем и в коллективном признании со стороны других акторов системы международных отношений.

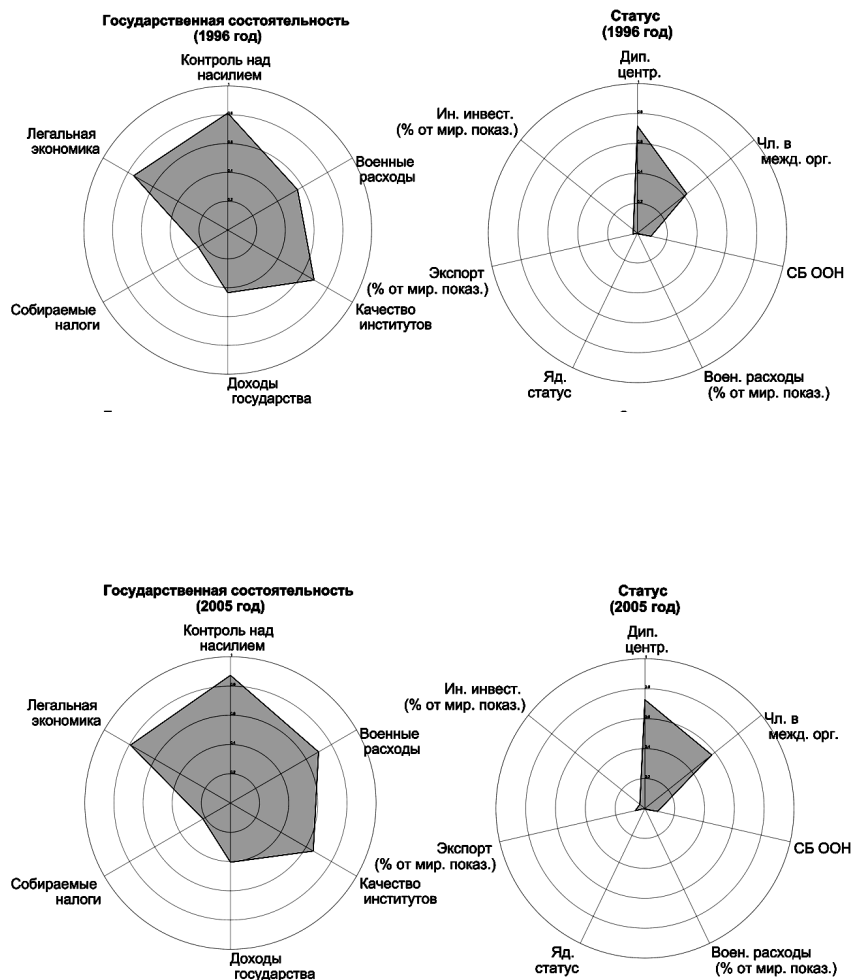

Рис. 6.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике (средние по объединению): Венгрия, Польша и Чехия (1996 / 2005)

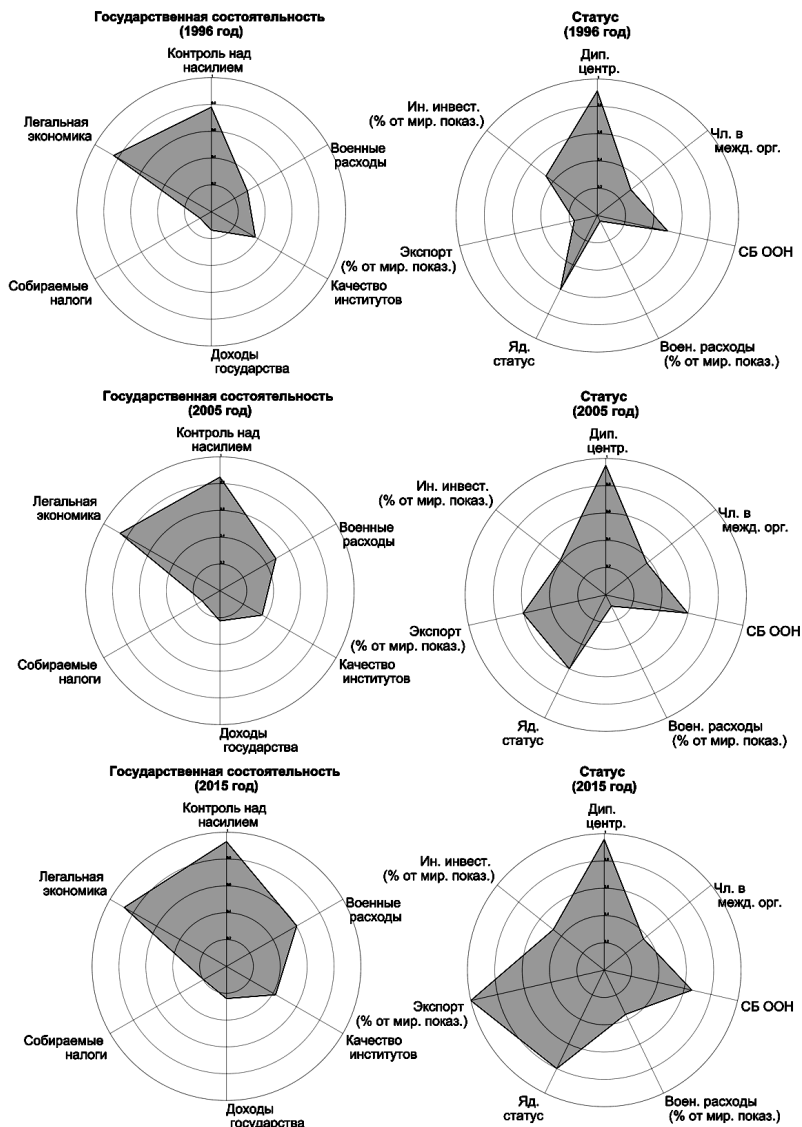

Рис. 7.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике: Китай (1996 / 2005 / 2015)

Заключение

В данной статье мы поставили перед собой цель комплексно подойти к рассмотрению статуса государства в мировой политике, решая задачу выявления связи между данной категорией и категорией государственной состоятельности. Результатом нашей работы стали: 1) проведенная концептуализация понятия «статус» с позиции конструктивизма и теории социальной идентичности; 2) одна из первых попыток операционализации данного латентного конструкта через привлечение семи переменных (показателей военных расходов, экспорта и прямых иностранных инвестиций от общемировых значений, состояния ядерного потенциала и накопленных лет членства в Совете Безопасности ООН, а также меры центральности в сети дипломатических контактов и членства в международных организациях), отражающих как материальные, так и нематериальные составляющие статусной позиции; 3) проведенный иерархический кластерный анализ, позволивший выделить остающиеся устойчивыми при настройке параметров кластеры государств по показателям статуса и государственной состоятельности; 4) полученные объединения стран по кластерам, рассмотренным на предыдущем шаге, и их интерпретация, в том числе при помощи обращения к особым средствам визуализации (лепестковым диаграммам). На основе анализа показателей статуса и государственной состоятельности подобных объединений мы пришли к выводу, что между двумя данными латентными конструктами наблюдается положительная связь, которая фиксируется в том числе и во временной динамике.

Подчеркнем, что в эмпирической части исследования нами были продемонстрированы лишь показавшиеся нам наиболее интересными объединения государств и опущены такие соседства, как: а) Латвия, Литва и Эстония; б) Новая Зеландия и Сингапур; в) Азербайджан, Беларусь и Казахстан (вместе с Анголой, Перу, Тунисом и Эквадором); г) Катар и Оман. Безусловно, взыскательный читатель может не согласиться с нами в том, что рассмотренные в рамках настоящего исследования примеры являются последовательным доказательством гипотезы о наличии взаимосвязи между государственной состоятельностью и достигаемыми статусными позициями, признав полученный результат лишь совпадением, которое нам с той или иной степенью успешности удалось

здесь осветить. Позволим себе в таком случае дать заочный ответ критикам, отметив, во-первых, ту строгость, с которой мы подошли к имеющимся эмпирическим данным и к настройке методов, а во-вторых, тот факт, что, не претендуя на проведение глубинного количественного исследования с использованием современных статистических методов, мы получили довольно реалистичные (и в некотором смысле даже симпатичные) результаты, которые не противоречат исследовательской интуиции. Строгое формальное доказательство с привлечением более совершенных методов анализа данных представляется нам следующим шагом на пути разработки затронутой в данной статье проблемы, которое неизбежно потребует от нас решения методологических сложностей, упомянутых в эмпирической части исследования. Кроме того, мы планируем расширить как временные, так и концептуальные границы исследования, уделив более пристальное внимание динамике изменений и обоснованию включения отдельных индикаторов в анализ статусных позиций государств, в том числе сделав акцент на соблюдении баланса между материальными и нематериальными измерениями статуса. Отдельный интерес для нас представляет также разработка проблематики выбора стратегии изменения статусной позиции и проверка гипотезы о взаимосвязи данного выбора с получаемым впоследствии результатом. Иными словами, мы находимся в начале пути, который, по всей видимости, обещает быть непростым, но от этого еще более интересным.

Список литературы

- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Теоретико-методологические основания // *Полис. Политические исследования*. – М., 2019 а. – № 2. – С. 8–23.
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Опыт эмпирического исследования // *Полис. Политические исследования*. – М., 2019 б. – № 3 – С. 49–68.
- Akinola M., Mendes W.B.* It's Good to Be the King: Neurobiological Benefits of Higher Social Standing // *Social Psychological and Personality Science*. – L., 2014. – Vol. 5, N 1. – P. 43–51.
- Anderson C., Kilduff G.J.* The Pursuit of Status in Social Groups // *Current Directions in Psychological Science*. – L., 2009. – Vol. 18, N 5. – P. 295–298.
- Art R.J.* To What Ends Military Power? // *International Security*. – Cambridge, 1980. – Vol. 4, N 4. – P. 3–35.

- Ball S.B., Eckel C.C.* Buying Status: Experimental Evidence on Status in Negotiation // *Psychology and Marketing*. – 1996. – Vol. 13, N 4. – P. 381–405.
- Bonacich P., Lloyd P.* Eigenvector-like Measures of Centrality for Asymmetric Relations // *Social Networks*. – L., 2001. – Vol. 23, N 3. – P. 191–201.
- Cluster Analysis for Political Scientists* / D.B.F. Filho, E.C. Rocha, J.A. Silva, R. Paranhos, M.B. Silva, B.S.F. Duarte // *Applied Mathematics*. – Amsterdam, 2014. – Vol. 5, N 15. – P. 2408–2415.
- Congleton R.D.* Efficient Status Seeking: Externalities, and the Evolution of Status Games // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – Amsterdam, 1989. – Vol. 11, N 2. – P. 175–190.
- Copper J.F.* China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y., NY: Palgrave Macmillan, 2016. – Vol. 2: History and Practice in Asia, 1950–Present. – 275 p.
- Diplometrics: Intergovernmental Organizations* / J.D. Moyer, D.K. Bohl, J. McPhee, S. Turner // *Frederick S. Pardee Center for International Futures*. – Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019).
- Fast N.J., Halevy N., Galinsky A.D.* The Destructive Nature of Power without Status // *Journal of Experimental Social Psychology*. – Amsterdam, 2012. – Vol. 48, N 1. – P. 391–394.
- Fuhrmann M., Tkach B.* Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset // *Conflict Management and Peace Science*. – L., 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 443–461.
- Funaiole M.P.* Conceptualizing Japan's Foreign Policy Trajectory Through Social Identity Theory // *East Asia*. – N.Y., 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 361–383.
- Gilpin S., Qian B., Davidson I.* Efficient Hierarchical Clustering of Large High Dimensional Datasets // *Proceedings of the 22 nd ACM international conference on Information & Knowledge Management*. – ACM, 2013. – P. 1371–1380.
- Harsanyi J.C.* *Essays on Ethics, Social Behaviour, and Scientific Explanation*. – Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1976. – 262 p.
- Kaczynski D., Wood L., Harding A.* Using Radar Charts with Qualitative Evaluation: Techniques to Assess Change in Blended Learning // *Active Learning in Higher Education*. – L., 2008. – Vol. 9, N 1. – P. 23–41.
- Kelley C.P., Lucas J., Lovaglia M.* Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership // *The Journal of Character and Leadership Integration*. – L., 2017. – Vol. 4, N 1. – P. 55–63.
- Kim H.M.* Comparing Measures of National Power // *International Political Science Review*. – Cambridge, 2010. – Vol. 31, N 4. – P. 405–427.
- Kinne B.J.* Dependent Diplomacy: Signaling, Strategy, and Prestige in the Diplomatic Network // *International Studies Quarterly*. – Oxford, 2014. – Vol. 58, N 2. – P. 247–259.
- Lake D.A.* *Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics* // *International Security*. – Cambridge, 2007. – Vol. 32, N 1. – P. 47–79.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy // *International Security*. – Cambridge, 2010. – Vol. 34, N 4. – P. 63–95.

- Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and World Order // Status in World Politics / T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth (eds.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – P. 3–29.
- Lim Y.H. How (dis)satisfied is China? A Power Transition Theory Perspective // Journal of Contemporary China. – L., 2015. – Vol. 24, N 92. – P. 280–297.
- LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P. The Effect of Institutional Quality on Firm Export Performance in Emerging Economies: A Contingency Model of Firm Age and Size // Small Business Economics. – Amsterdam, 2013. – Vol. 40, N 4. – P. 817–841.
- Magee J.C., Galinsky A.D. Social Hierarchy: The Self-Reinforcing Nature of Power and Status // Academy of Management Annals. – L., 2008. – Vol. 2, N 1. – P. 351–398.
- Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique // Review of International Studies. – Cambridge, 1991. – Vol. 17, N 1. – P. 67–85.
- Morrison W.M. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States // Current Politics and Economics of Northern and Western Asia. – N.Y., 2013. – Vol. 22, N 4. – P. 461–506.
- Moyer J.D., Bohl D.K., Turner S. Diplometrics: Diplomatic Representation // Frederick S. Pardee Center for International Futures. – Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019).
- Nasu H. The UN Security Council's Responsibility and the «Responsibility to Protect» // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. – N.Y., 2011. – Vol. 15, N 1. – P. 377–418.
- Network Centrality and International Conflict: Does it Pay to Be Important? / Z. Maoz, L. Terris, R. Kuperman, I. Talmud // Applications of Social Networks Analysis / Ed. by Thomas N. Friemel. – Konstanz (Germany): Universität Verlag Konstanz, 2007. – P. 121–151.
- Peres M., Ameer W., Xu H. The Impact of Institutional Quality on Foreign Direct Investment Inflows: Evidence for Developed and Developing Countries // Economic research-Ekonomska istraživanja. – L., 2018. – Vol. 31, N 1. – P. 626–644.
- Pettit N.C., Sivanathan N. The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. – L., 2012. – Vol. 38, N 5. – P. 570–582.
- Rauch C. Adjusting Power Transition Theory-Satisfaction with the Status Quo, International Power Constellations, and the Case of the Weimar Republic // Geopolitics, History and International Relations. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 8, N 2. – P. 127–158.
- Rauch C., Wurm I. Making the World Safe for Power Transition – Towards a Conceptual Combination of Power Transition Theory and Hegemony Theory // Journal of Global Faultlines. – L., 2013. – Vol. 1, N 1. – P. 50–69.
- Rege M. Why do People Care about Social Status? // Journal of Economic Behavior and Organization. – Amsterdam, 2008. – Vol. 66, N 2. – P. 233–242.
- Renshon J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 2017. – 328 p.
- Renshon J. Status Deficits and War // International Organization. – Cambridge, 2016. – Vol. 70, N 3. – P. 513–550.
- Rhamey Jr.J.P., Early B.R. Going for the Gold: Status-seeking Behavior and Olympic Performance // International Area Studies Review. – L., 2013. – Vol. 16, N 3. – P. 244–261.

- Ridgeway C.L., Correll S.J.* Consensus and the Creation of Status Beliefs // *Social Forces*. – Oxford, 2006. – Vol. 85, N 1. – P. 431–453.
- Ruhnau B.* Eigenvector-centrality – A Node-centrality? // *Social Networks*. – Amsterdam, 2000. – Vol. 22, N 4. – P. 357–365.
- Sapolsky R.M.* Social Status and Health in Humans and Other Animals // *Annual Review of Anthropology*. – Palo Alto, 2004. – Vol. 33. – P. 393–418.
- SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security. – Oxford: Oxford univ. press, 2018. – 584 p.
- Smith P.K., Magee J.C.* The Interpersonal Nature of Power and Status // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. – Amsterdam, 2015. – Vol. 3. – P. 152–156.
- Status, Power, and Intergroup Relations: The Personal is the Societal / S.T. Fiske, C.H. Dupree, G. Nicolas, J.K. Swencionis // *Current Opinion in Psychology*. – Amsterdam, 2016. – Vol. 11. – P. 44–48.
- Tajfel H.* Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review of Psychology*. – Palo Alto, 1982. – Vol. 33, N 1. – P. 1–39.
- Thränert O.* The Nuclear Weapons Comeback // *Policy Perspectives*. – L., 2015. – Vol. 3, N 1. – P. 1–4.
- Utevsy A.V., Platt M.L.* Status and the Brain // *PLoS biology*. – N.Y., 2014. – Vol. 12, N 9. – P. 1–4.
- Waltz K.N.* The Anarchic Structure of World Politics // *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues* / R.J. Art, R. Jervis (eds.). – Boston: Pearson, 2017. – P. 48–68.
- Ward S.* How Not to Measure Status: Diplomatic Exchange and the Problem of Operationalizing Standing in World Politics. – 44 p. – Mode of access: <https://stevenmward.files.wordpress.com/2014/10/hownottomeasurestatus.pdf> (accessed: 23.05.2019.)
- Ward S.* Lost in Translation: The Misadventures of Social Identity and Status in IR Theory. Unpublished manuscript. – Ithaca, NY: Cornell University, 2015. – 42 p.
- Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / G. Roth, C. Wittich (eds.). – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.
- Wendt A.* Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – Oxford, 1992. – Vol. 46, N 2. – P. 391–425.
- Yim O., Ramdeen K.T.* Hierarchical Cluster Analysis: Comparison of Three Linkage Measures and Application to Psychological Data // *The Quantitative Methods for Psychology*. – Ottawa, 2015. – Vol. 11, N 1. – P. 8–21.
- Zinoviev A. Data Visualization // *International Encyclopedia of Political Science* / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L.A. Morlino (eds.). – L.: SAGE, 2011. – P. 537–545.

I.E. Gorelskiy, M.G. Mironyuk*

Climbing up the status ladder:

**An experiment in empirical research of relation between status
of a state in the system of international relations and state capacity**

Abstract. In the article, authors undertake an empirical study of the status of a state in the system of international relations and set themselves the task of studying the relation of this category with the category of state capacity. Within the framework of the study, it is proposed to understand the status position as the recognition of a given state's importance (significance, influence, etc.) by the international system and other states. Based on this definition, the authors show that the status of a state (similar to the status of an individual in a community) is a product of construction by the others. It is noted that the status, which is recognized for a given state or for which the state is aspiring, is supported by material and non-material foundations and (or) resources, which at a particular point in time are considered by the international community as essential constituent elements of «power» («might», «strength») of a state. In the academic literature «governance» is listed among these factors (or «assets»). Authors rely on the conceptualization and operationalization of «state capacity» proposed by A. Melville, A. Akhremenko and I. Gorelskiy, as they find it very close in meaning to «governance» as an «asset». In the empirical part, authors offer an original operationalization of «status», bringing together a set of indicators which reflects both its material and non-material components. Based on a hierarchical cluster analysis of the status's and state capacity's indicators with fine-tuning control of parameters, robust groups of countries were obtained and their intersection was found in terms of the variables under consideration. As a result, the authors, having studied such groups referring to radar charts which serve as a special form of visualization of multidimensional data, conclude that between the two latent constructs – status in international relations and state capacity – there is a positive relationship, which is also fixed in the time dynamics.

Keywords: state; status; international relations; hierarchy; state capacity; hierarchical clustering; radar charts.

For citation: Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G. Climbing the Status Ladder: An Experiment in Empirical Research of Relation between Status of a State in the System of International Relations and State Capacity. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 140–174. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>

* **Gorelskiy Ilya**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: iegorelskiy@edu.hse.ru; **Mironyuk Mikhail**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

References

- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? Theoretical and Methodological Foundations. *Polis. Political Studies*. 2019 a, N 2, P. 8–23. (In Russ.).
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Political Studies*. 2019 b, N 3. (In Russ.).
- Akinola M., Mendes W.B. It's Good to Be the King: Neurobiological Benefits of Higher Social Standing. *Social Psychological and Personality Science*. 2014, Vol. 5, N 1, P. 43–51.
- Anderson C., Kilduff G.J. The Pursuit of Status in Social Groups. *Current Directions in Psychological Science*. 2009, Vol. 18, N 5, P. 295–298.
- Art R.J. To What Ends Military Power? *International Security*. 1980, Vol. 4, N 4, P. 3–35.
- Ball S.B., Eckel C.C. Buying Status: Experimental Evidence on Status in Negotiation. *Psychology and Marketing*. 1996, Vol. 13, N 4, P. 381–405.
- Bonacich P., Lloyd P. Eigenvector-like Measures of Centrality for Asymmetric Relations. *Social Networks*. 2001, Vol. 23, N 3, P. 191–201.
- Congleton R.D. Efficient Status Seeking: Externalities, and the Evolution of Status Games. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1989, Vol. 11, N 2, P. 175–190.
- Copper J.F. *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Vol. II: History and Practice in Asia, 1950–Present*. Houndmills, Basingstoke, Hamshire; N.Y., NY: Palgrave Macmillan, 2016, 275 p.
- Fast N.J., Halevy N., Galinsky A.D. The Destructive Nature of Power without Status. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012, Vol. 48, N 1, P. 391–394.
- Filho D.B.F. et al. Cluster Analysis for Political Scientists. *Applied Mathematics*. 2014, Vol. 5, N 15, P. 2408–2415.
- Fiske S.T. et al. Status, Power, and Intergroup Relations: The Personal is the Societal. *Current Opinion in Psychology*. 2016, Vol. 11, P. 44–48.
- Fuhrmann M., Tkach B. Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset. *Conflict Management and Peace Science*. 2015, Vol. 32, N 4, P. 443–461.
- Funaiole M.P. Conceptualizing Japan's Foreign Policy Trajectory Through Social Identity Theory. *East Asia*. 2015, Vol. 32, N 4, P. 361–383.
- Gilpin S., Qian B., Davidson I. Efficient Hierarchical Clustering of Large High Dimensional Datasets. In: *Proceedings of the 22 nd ACM international conference on Information & Knowledge Management*. ACM, 2013, P. 1371–1380.
- Harsanyi J.C. *Essays on Ethics, Social Behaviour, and Scientific Explanation*. Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1976, 262 p.
- Kaczynski D., Wood L., Harding A. Using Radar Charts with Qualitative Evaluation: Techniques to Assess Change in Blended Learning. *Active Learning in Higher Education*. 2008, Vol. 9, N 1, P. 23–41.
- Kelley C.P., Lucas J., Lovaglia M. Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership. *The Journal of Character and Leadership Integration*. 2017, Vol. 4, N 1, P. 55–63.

- Kim H.M. Comparing Measures of National Power. *International Political Science Review*. 2010, Vol. 31, N 4, P. 405–427.
- Kinne B.J. Dependent Diplomacy: Signaling, Strategy, and Prestige in the Diplomatic Network. *International Studies Quarterly*. 2014, Vol. 58, N 2, P. 247–259.
- Lake D.A. Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics. *International Security*. 2007, Vol. 32, N 1, P. 47–79.
- Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy. *International Security*. 2010, Vol. 34, N 4, P. 63–95.
- Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and World Order. In: *Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. P. 3–29.
- Lim Y.H. How (dis)satisfied is China? A Power Transition Theory Perspective. *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24, N 92, P. 280–297.
- LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P. The Effect of Institutional Quality on Firm Export Performance in Emerging Economies: A Contingency Model of Firm Age and Size. *Small Business Economics*. 2013, Vol. 40, N 4, P. 817–841.
- Magee J.C., Galinsky A.D. Social Hierarchy: The Self-Reinforcing Nature of Power and Status. *Academy of Management Annals*. 2008, Vol. 2, N 1, P. 351–398.
- Network Centrality and International Conflict: Does it Pay to Be Important? Ed. by Z. Maoz, L. Terris, R. Kuperman, I. Talmud. In: *Applications of Social Networks Analysis*. Ed. by Thomas N. Friemel. Konstanz (Germany): Universität Verlag Konstanz, 2007, P. 121–151.
- Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique. *Review of International Studies*. 1991, Vol. 17, N 1, P. 67–85.
- Morrison W.M. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. *Current Politics and Economics of Northern and Western Asia*. 2013, Vol. 22, N 4, P. 461–506.
- Moyer, J.D., Bohl, D.K., Turner, S. Diplometrics: Diplomatic Representation. *Frederick S Pardee Center for International Futures*. Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019.)
- Diplometrics: Intergovernmental Organizations. Ed. by J.D. Moyer, D.K. Bohl, J. McPhee, S. Turner. *Frederick S. Pardee Center for International Futures*. Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019.)
- Nasu H. The UN Security Council's Responsibility and the «Responsibility to Protect». *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. 2011, Vol. 15, N 1, P. 377–418.
- Peres M., Ameer W., Xu H. The Impact of Institutional Quality on Foreign Direct Investment Inflows: Evidence for Developed and Developing Countries. *Economic research-Ekonomska istraživanja*. 2018, Vol. 31, N 1, P. 626–644.
- Pettit N.C., Sivanathan N. The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012, Vol. 38, N 5, P. 570–582.
- Rauch C., Wurm I. Making the World Safe for Power Transition – Towards a Conceptual Combination of Power Transition Theory and Hegemony Theory. *Journal of Global Faultlines*. 2013, Vol. 1, N 1, P. 50–69.
- Rauch C. Adjusting Power Transition Theory-Satisfaction with the Status Quo, International Power Constellations, and the Case of the Weimar Republic. *Geopolitics, History and International Relations*. 2016, Vol. 8, N 2, P. 127–158.

- Rege M. Why do People Care about Social Status? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2008, Vol. 66, N 2, P. 233–242.
- Renshon J. Status Deficits and War. *International Organization*. 2016, Vol. 70, N 3, P. 513–550.
- Renshon J. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 2017, 328 p.
- Rhamey Jr. J.P., Early B.R. Going for the Gold: Status-seeking Behavior and Olympic Performance. *International Area Studies Review*. 2013, Vol. 16, N 3, P. 244–261.
- Ridgeway C.L., Correll S.J. Consensus and the Creation of Status Beliefs. *Social Forces*. 2006, Vol. 85, N 1, P. 431–453.
- Ruhnau B. Eigenvector-centrality – A Node-centrality? *Social Networks*. 2000, Vol. 22, N 4, P. 357–365.
- Sapolsky R.M. Social Status and Health in Humans and Other Animals. *Annual Review of Anthropology*. 2004, Vol. 33, P. 393–418.
- SIPRI Yearbook 2018: *Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford univ. press, 2018, 584 p.
- Smith P.K., Magee J.C. The Interpersonal Nature of Power and Status. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2015, Vol. 3, P. 152–156.
- Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*. 1982, Vol. 33, N 1, P. 1–39.
- Thranert O. The Nuclear Weapons Comeback. *Policy Perspectives*. 2015, Vol. 3, N 1, P. 1–4.
- Utevsky A.V., Platt M.L. Status and the Brain. *PLoS biology*. 2014, Vol. 12, N 9, P. 1–4.
- Waltz K.N. The Anarchic Structure of World Politics. In: *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. Ed. by R.J. Art, R. Jervis. Boston: Pearson, 2017, P. 48–68.
- Ward S. Lost in Translation: The Misadventures of Social Identity and Status in IR Theory. *Unpublished manuscript*. Ithaca, NY: Cornell University, 2015, 42 p.
- Ward S. How Not to Measure Status: Diplomatic Exchange and the Problem of Operationalizing Standing in World Politics. 44 p. Mode of access: <https://stevenmward.files.wordpress.com/2014/10/hownottomeasurestatus.pdf> (accessed: 23.05.2019.)
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
- Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 1992, Vol. 46, N 2, P. 391–425.
- Yim O., Ramdeen K.T. Hierarchical Cluster Analysis: Comparison of Three Linkage Measures and Application to Psychological Data. *The Quantitative Methods for Psychology*. 2015, Vol. 11, N 1, P. 8–21.
- Zinoviev A. Data Visualization. In: *International Encyclopedia of Political Science* Ed. by B. Badie, D. Berg-Schlosser, L.A. Morlino. L.: SAGE, 2011, P. 537–545.

А. КРИКОВИЧ*

**СТАТУС И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ:
РОССИЙСКИЕ УРОКИ¹**

Аннотация. Дважды за последние 25 лет действия СССР и России приводили к принципиальным изменениям в международных отношениях. Оба раза статус играл решающую роль в качестве катализатора этих исторических изменений. Необходима эволюционная теория изменений в международных отношениях, способная объединить исторические первопричины изменений и их непосредственные причины в одной объяснительной рамке.

И в период окончания холодной войны, и сегодня исторические первопричины изменений ограничили число возможных стратегий для руководства России. Но определяющую роль в окончательном выборе внешнеполитического курса играли соображения, связанные со статусом. Исторические процессы были первопричиной изменений, а связанные со статусом соображения и неудовлетворенность им стали непосредственными причинами последовавших перемен.

Ключевые слова: статус; международные отношения; «новое мышление»; холодная война; изменения международной системы.

Для цитирования: Крикович А. Статус и международные изменения: Российские уроки // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 175–199. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.07>

* **Крикович Андрей**, PhD, доцент факультета мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ, Москва, Россия), akrickovic@hse.ru

¹Расширенный и дополненный вариант статьи Krickovic A., Weber Y. What Can Russia Teach Us about Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics // International Studies Review. – 2018. – Vol. 20, Iss. 2. – P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>. Перевод выполнил К.А. Толочнев (НИУ ВШЭ, e-mail: cometa50@yandex.ru)

© Крикович А., 2019

DOI: 10.31249/poln/2019.03.07

За последнюю четверть века действия СССР и России дважды приводили к глобальным изменениям международного порядка, заранее не предвиденным практически никем и поставившим в тупик представителей всех парадигм теории международных отношений. Решение советского руководства выйти из холодной войны и демонтировать свою зону влияния в Восточной Европе стало одним из самых неожиданных событий XX в. Оно радикально изменило международную систему, резко ослабив степень поляризации международной системы. Действия России на Украине (2014) и в Сирии (2015) также стали неожиданностью для наблюдателей. Конечно, когда все уже произошло, исследователи нашли ранние тревожные признаки будущих перемен¹ [Suslov, 2014]. Эти события, как и когда-то окончание холодной войны, стали отправной точкой для трансформации международной системы, ознаменовав собой конец доминирования США и возвращение конкуренции великих держав, хотя теперь и в совершенно иных условиях. Оба раза исследователи с трудом могли интерпретировать действия России (СССР) и не могли связать произошедшее со своими теоретическими представлениями об изменениях в международных отношениях.

Оба раза статус играл решающую роль в качестве катализатора этих исторических изменений. Причиной поведения России, приведшего к изменениям в международной системе, стала неудовлетворенность своим статусом. Причиной окончания холодной войны во многом были изменения представлений советского политического руководства о природе международных отношений [Checkel, 1993]. Недостаток материальных ресурсов определил форму, которую приняли эти изменения, и сыграл решающую роль в ограничении списка возможных действий для советского руководства, вынудив его перейти к «политике отступления», в итоге окончившего холодную войну и приведшего к распаду советской империи [Brooks, Wohlforth, 2000]. Однако Горбачев и его союзники пошли намного дальше по пути разрядки и отступления, чем предсказывали теории реалистов. Это было вызвано соображениями, связанными со статусом. Предлагая мечту о мире, основанном

¹ Putin V. Speech and the following discussion at the Munich Conference on Security Policy. – 2007. – 10 February. – Mode of access: <http://www.claudiomoffa.it/pdf/putindiscorsoinglesemonaco10febbraio07.pdf> (accessed: 21.05.2019.)

на системе коллективной безопасности, взаимозависимости и гуманизме, они хотели изменить представления о Советском Союзе, превратить его в политического и морального лидера, создать новую идентичность, основанную на мягкой силе. Это позволило бы Советскому Союзу сохранить статусный паритет с США, не обладая сравнимыми экономическими и технологическими возможностями [Larsen, Shevchenko, 2003]. Действия Советского Союза действительно изменили международную систему, но не так, как предполагали сторонники «нового мышления». Вместо того чтобы в обмен на признание падения коммунистических режимов в Восточной Европе стать хранителями миропорядка наравне с США, советское руководство выпустило на волю силы, разрушившие сам Советский Союз.

Неожиданный коллапс Советского Союза создал мир, где спустя два десятилетия Россия снова стала катализатором изменений. Недовольство России своим статусом имеет множество причин [Suslov, 2014]. Основная заключается в том, что она воспринимает себя как проигравшую сторону по итогам холодной войны¹. Находящиеся в упадке великие державы, к числу которых относится постсоветская Россия, особенно чувствительны к вопросу статуса: пока их реальная мощь угасает, они вынужденно держатся за остатки авторитета, чтобы защитить свои интересы. К тому же потеря статуса представляет угрозу для индивидуальной и групповой идентичности жителей угасающей державы, угрожая общности граждан. Россия пыталась восстановить свой статус мирным путем, вначале встроившись в ведомый США мировой порядок, а затем путем наращивания собственных сил и «мягкого балансирования» против США [Tsygankov, 2016]. Но эти стратегии не смогли остановить процесс потери Россией своего статуса, оставив только одну возможность – силовым путем изменить международный порядок, воспринимаемый как несправедливый². Теперь, когда ведомый США миропорядок переживает наиболее сильное испытание в своей истории, а Россия стремится

¹ Внутри России доминирует следующий дискурс: роль России в окончании холодной войны и свержении коммунизма не была в достаточной мере признана и вознаграждена [Tsygankov, 2016].

² Putin V. Speech and the following discussion at the Munich Conference on Security Policy. – 2007. – 10 February. – Mode of access: <http://www.claudiomoffa.it/pdf/putindiscursoinglesemonaco10febbraio07.pdf> (accessed: 21.05.2019.)

изменить его силой, взаимовлияние статуса и изменений в международной системе важно, как никогда.

Большая часть теорий, описывающих трансформации международной системы, фокусируются на влиянии длительных, исторических в своем масштабе социальных и экономических процессов. Однако изменения редко представляют собой плавный и линейный процесс. Воздействия одних глобальных исторических процессов для начала изменений недостаточно, индивидуальные агенты все равно должны сыграть роль катализаторов изменений. Именно роль катализатора досталась России в недавнем прошлом. В обоих рассмотренных в статье случаях глобальные процессы подтолкнули международную систему к изменению, ограничив список возможных действий российского руководства. Но мы считаем, что именно неудовлетворенность России своим статусом определила решения, принятые советскими и российскими лидерами. Следовательно, исторические процессы были первопричиной произошедших изменений, но непосредственной причиной, катализатором произошедшего стала неудовлетворенность России своим статусом. Для того чтобы понять процессы принятия решений в России, нам нужна «эволюционная» теория международных изменений, способная рассмотреть и первопричины, и непосредственные изменения.

Проблема статуса находилась в центре внимания российской академической науки, она же была причиной выбора линии поведения на международной арене с позднесоветского периода до настоящего времени. Мы покажем, что с точки зрения российских государственных деятелей и исследователей, мир становится все более нестабильным и непредсказуемым: на смену американской гегемонии должен прийти мир, где правила международных взаимодействий изменены так, чтобы усилить «Вестфальский» суверенитет государств и сдержать «перегибы» гегемонии США и Запада [Bogaturov, 2011; Лукьянов, 2011; Karaganov, 2016]. Западные наблюдатели в основном пренебрежительно относились к российскому взгляду на мир, демонстрируя тем самым низкий статус России и удовлетворенность Запада существующим балансом сил и списывая его на следствие внутривнутриполитических причин (стремления неудачливого авторитарного режима вести политику «разделяй и властвуй») или заявляя, что российские лидеры живут в «альтернативной реальности», похожей на XIX, а не XXI в.

[Stoner, McFaul, 2015; Lo, 2015]. Не соглашаясь заранее ни с российским, ни с «западным» взглядом, мы считаем, что «российская точка зрения» позволяет понять, как происходят изменения в международной системе, возникают различные точки зрения на происходящее в международной системе и какую роль играет статус в этих процессах.

Исследования изменений в международных отношениях

Три крупные парадигмы теории международных отношений рассматривают различные аспекты процесса изменений в международной системе. Реалисты исследуют непосредственные причины изменений, влияющие на существующий порядок, но не трансформирующие его [Gilpin, 1981]. Либеральные теории также рассматривают процессы, трансформирующие международные системы, особое внимание уделяя их первопричинам – историческим процессам, в течение длительного времени воздействующим на международную систему и радикально изменяющим ее [Holsti, 2016]. Крупные политические, технологические и социальные изменения не только влияют на распределение силы между государствами, но и изменяют процессы взаимодействия государств и сами государства [Buzan, 2014]. Конструктивисты изучают, как происходит сам процесс изменений, но зачастую игнорируют его причины [Wendt, 1999; Finnemore, Sikkink, 2001]. И хотя все три теории многое дали для нашего понимания процесса изменений в международной системе, ни одна из них не смогла стать всесторонней теорией изменений, рассматривающей и первопричины, и непосредственные причины изменений. Поэтому ни одна из них не в состоянии объяснить, почему Россия становилась катализатором изменений и как это происходило.

Классическая работа Роберта Гилпина «Война и изменения в мировой политике» остается ориентиром для исследователей изменений международной системы. Гилпин выделил три типа изменений. Изменения, вызванные перераспределением сил между государствами в системе, изменением силовой или статусной иерархии государств, изменением прав и правил, существующих в системе, приводящие к изменению того, как управляется система, были названы Гилпином «*системными изменениями*» [Gilpin, 1981, p. 42].

«Изменения взаимодействий» происходили, когда внутри существующей системы менялись стандарты поведения государств по отношению друг к другу. В случае «изменения взаимодействий» не обязательно происходит изменение в иерархии государств, но обязательно меняются правила, регулирующие поведение государств, и права государств – участников международной системы [Gilpin, 1981, p. 43]. Эти два типа изменений возможны внутри одной международной системы: они не ведут к радикальной трансформации системы, изменяющей сами ее основы. «Изменения систем» – третий тип изменений, выделенный Гилпином, как раз характеризуется тем, что ведет к фундаментальной трансформации системы. С точки зрения Гилпина, изменения систем происходили при изменении природы базовых единиц, составляющих систему [Ibid., p. 41].

В отличие от либералов и конструктивистов, реалисты скептически относятся к возможностям «изменений систем», считая международную политику бесконечным циклом конкуренции, вызванным влиянием анархии, или «человеческой природы». Для реалистов непосредственные причины изменений – в первую очередь изменения в распределении материальных возможностей – наиболее важные причины изменений внутри международной системы. Либералы видят причины изменений международной системы во влиянии долгосрочных социальных и технологических процессов, изменивших мир за последние несколько столетий. Как и либералы, конструктивисты считают «изменения систем» неотъемлемой частью мира международной политики. Но, в отличие от либералов, воспринимающих «системные изменения» как линейный процесс возникновения нового долгосрочного равновесия, создаваемого на основе либерального мирового порядка и «демократического мира», конструктивисты считают, что процесс изменений систем происходит постоянно... Конструктивисты признают, что и непосредственные причины, и исторические силы воздействуют на процесс изменений. Но силы, влияющие на процесс изменений, не интересуют конструктивистов. Они изучают сам процесс. В целом три основные парадигмы рассматривают процесс изменения в международной системе, но ни одна из них не учитывает одновременно и непосредственные, и долгосрочные (первопричины) причины изменений.

Советский / российский вызов

Недостатки трех парадигм хорошо заметны при рассмотрении позднесоветской внешней политики и современной внешней политики России. Окончание холодной войны стало вызовом для представителей реалистской парадигмы. Советский Союз был в центре внимания исследователей международных отношений, а результаты наблюдения за биполярной системой стали эмпирическим основанием для доминирующей эмпирической парадигмы – структурного реализма [Wohlforth, 2011]. Структурный реализм сосредоточен скорее на анализе статичных состояний, а не процесса изменений; биполярность его сторонники считали наиболее стабильным типом международной системы, с трудом поддающимся каким-либо изменениям. Несмотря на ухудшающееся состояние экономики Советского Союза и явные признаки испытываемого им «имперского перенапряжения», лишь немногие предсказывали, что Советский Союз откажется от ведения холодной войны, или что «Горбачевская революция во внешней политике» примет ту радикальную форму, которую она приняла [Gaddis, 1992]. Вместо того чтобы продолжить считать мировую политику ареной борьбы между капитализмом и социализмом, сторонники «нового мышления» признали важность роста взаимосвязанности и взаимозависимости в современном мире. Эти процессы обходили Советский Союз стороной, и Горбачев понимал размер упускаемой выгоды при продолжении самоизоляции от этих трендов. Заканчивая холодную войну, он стремился найти кооперативный подход к безопасности, позволяющий решить наиболее актуальные проблемы человечества: распространение ядерного оружия, бедность и проблемы окружающей среды [Checkel, 1993]. Горбачев был готов пойти на беспрецедентные уступки перед Западом, включая резкое сокращение численности советских вооруженных сил, вывод войск из Афганистана, отказ от поддержки революций в странах Третьего мира, предоставление странам Восточной Европы возможности выйти из советской зоны влияния и, что самое важное, согласие на объединение Германии на условиях Западной Германии [Sarotte, 2014].

Концентрация реалистов на «*системных изменениях*», а не «*изменениях систем*», и на непосредственных причинах изменений не дает представителям этой парадигмы возможности проана-

лизировать, как долгие исторические процессы влияли на мировую политику [Gaddis, 1992]. Их теории не в состоянии учесть то трансформирующее международную политику воздействие, которое имеют процессы глобализации, рост взаимозависимости и изменение норм и воззрений. Последующие исследования реалистов смогли включить эти факторы в их объяснения причин окончания холодной войны, основанные на роли материальных ограничений [Brooks, Wohlforth, 2000], но им все еще не удается по-настоящему объяснить, почему политика Советского Союза изменилась, и изменилась столь революционно.

Большинство либералов, как и реалистов, не смогли предсказать окончание холодной войны. Это не показатель слабости их теории, а скорее следствие основных направлений исследований, которые фокусировались на изучении процессов внутри западного блока: институционализации отношений между государствами, растущей экономической взаимосвязанности, распространения демократии, – вместо того чтобы смотреть на американско-советские отношения, которые казались застрявшими в предсказуемой схеме биполярного конфликта [Grieco, 2009]. Впоследствии либералы признали, что действием тех же сил, что ранее трансформировали международную политику в Западном блоке, можно объяснить и окончание холодной войны, и «новое мышление», и предсказывать наступление новой эры международной политики, более не характеризующейся реалистской борьбой за безопасность [Fukuyama, 1992; Rosenau, 1995].

Конец биполярного движения активизировал программу исследований конструктивистов и способствовал проведению многих продуктивных исследований. Конструктивисты ретроспективно проследили горбачевскую внешнеполитическую революцию до эволюции идей и норм среди советской элиты [Checkel, 1998]. Но они не могли объяснить, почему нормы и идеи изменились в первую очередь, и им не удалось продемонстрировать, что рассматриваемые ими идеологические изменения – это не просто промежуточная переменная между изменением материальных условий и изменениями в российской внешней политике [Brooks, Wohlforth, 2000].

Взгляд на современный вызов со стороны России с точки зрения всех трех парадигм тоже неудачен. Как считают либералы, «три столпа», способные смягчать влияние анархии (международные институты, экономическая взаимосвязанность и демократиче-

ский мир), не сработали: попытки интегрировать Россию в «либеральный порядок» не сдержали (moderate) поведение России, международные институты не смогли удовлетворить российские амбиции [Kriskovic, 2016], а демократия и рыночный капитализм не прижились. После короткого «медового месяца» в начале 1990-х поведение России становилось все более самоуверенным, противостоящим глобальному тренду демократизации и распространения капитализма, тренду, тогда казавшемуся непреодолимым. Либералы отказались от «отвлекающих» теорий внешней политики, утверждая, что агрессивное стремление России к статусу великой державы является продуктом ее коррумпированного и авторитарного режима, который должен искать внешние источники легитимности, чтобы компенсировать свои внутренние [Stoner, McFaul, 2015]. Однако эти объяснения терпят неудачу, так как Кремль не столкнулся с той внутренней оппозицией или недовольством общественности, которые потребовали бы таких решительных действий [Tsygankov, 2015].

Некоторые реалисты увидели в вызове, брошенном Россией ведомому США международному порядку, подтверждение их теорий и предсказаний, сделанных еще в конце холодной войны [Mearsheimer, 2014]. Тем не менее российский вызов все равно противоречит их теориям. С точки зрения реалистов, внешнюю политику государств определяют их материальные возможности. У России недостаточно ресурсов, чтобы напрямую мериться силами с США, особенно в течение долгого времени. Однако большой ядерный арсенал позволяет ей чувствовать себя в относительной безопасности, и прямых угроз, требующих такой реакции, нет (что признают и многие реалисты в России, например [Караганов, 2015]). Более настойчивое поведение России вызывает негативную реакцию западных держав, что в долгосрочной перспективе сделает ее более опасной [Kortunov, 2016].

Конструктивисты видят причины возвращения «реальнополитического» мышления и политики «великих держав», мотивировавших Россию бросить вызов США и либеральному порядку, в попытках создать жизнеспособную постсоветскую идентичность [Clunan, 2009; Tsygankov, 2016]. Они считают, что стремление России восстановить свое историческое положение как обладательницы статуса великой державы стало частью постсоветского национального самовосприятия. Это стремление вытеснило про-

чие устремления, например, сделать Россию «нормальным» западным государством, так как отражало прошлый российский опыт и пользовалось широкой поддержкой в российском обществе [Clunan, 2009]. Новая постсоветская идентичность России также отражала глубоко заложенные национальные ценности, такие как уникальная духовность, берущая начало в православии, уважение к сильному государству, основанное на прошлом опыте отражения иностранных вторжений, и поддержку родственных культурных сообществ за рубежом, разделяющих вышеописанные ценности. Запад отказался признать право этих ценностей на существование, особенно на Украине, что отравило отношения России и Запада и вынудило Россию противостоять тому, что воспринималось как агрессия против ее ценностей и интересов [Tsygankov, 2015].

Конструктивистские теории хорошо описывают, какие социальные процессы изменяли представления российских лидеров о природе международных отношений и месте России в международном порядке. Ни одно из вышеописанных конструктивистских объяснений не предлагает объяснительную рамку, способную показать, как произошли изменения восприятий, приведшие и к возникновению «нового мышления», и к современной конфронтации России и Запада. Если мы хотим лучше понять, как Россия действовала в качестве агента изменений в международной политике, мы должны разработать теорию, способную объяснять изменения в российском представлении о внешней политике в более широкие временные периоды.

Что парадигмы не замечают: важность статуса

Вышеописанным подходам к изучению изменений не хватало внимательного анализа важности статуса и роли статуса как непосредственной причины и катализатора изменений. Статус – это коллективное убеждение о положении государства в международной иерархии на основе ряда ценимых признаков, таких как военная мощь, богатство, культурная привлекательность, социополитическая организация следования принципам и ценностям [Status in World Politics... 2014]. Статус важен для государств из практических соображений. Он играет роль «валюты» в международных отношениях: государствам, обладающим статусом, не обя-

зательно использовать наличные средства для достижения собственных целей [Gilpin, 1981]. Статус важен и по менее осязаемым социально-психологическим причинам. Это важный компонент индивидуальной и групповой самооценки [Major Powers... 2011]. Угрозы статусу государства негативно влияют на чувство индивидуальной идентичности граждан. Поэтому индивиды психологически мотивированы бороться за рост статуса своего государства или сохранение текущего. Мы привыкли описывать поведение государств в терминах материальных потребностей населения и «безопасности». По аналогии мы можем приписать стремление государств обрести статус к результату коллективного желания населения иметь высокую самооценку. Лебоу доказывает, что философы со времен Античности описывали стремление улучшить самооценку как фундаментальный мотив человеческого поведения, которым зачастую пренебрегают в современных теориях международных отношений. Он утверждает, что «как стремление к богатству и безопасности наполняет теорию международных отношений, так должно и стремление к улучшению самооценки» [Lebow, 2008, p. 16]. Сохранение или повышение статуса – одна из центральных целей внешней политики государств. Борьба за статус стала причиной как множества военных конфликтов [Pu, Schweller, 2014; Dafoe, Renshon, Huth, 2014], так и кооперативного поведения, например членства в международных институтах [Paul, Shankar, 2014] и глобального активизма [Herz, 2011].

Опираясь на теорию социальной идентичности, исследователи, изучающие статус в международных отношениях, выделили три общие стратегии, используемые государствами для поднятия своего статуса [Larson, Shevchenko, 2003; Major Powers... 2011]. При помощи стратегии *социальной мобильности* государства пытаются подняться по международной статусной иерархии, переняв принципы и ценности государств, находящихся на вершине иерархии. При использовании стратегии *социальной конкуренции* государства участвуют в геополитической и военной конкуренции, стремясь повысить свой статус. Государства, выбравшие стратегию *социальной креативности*, стремятся изменить определяющие статус показатели так, чтобы более важными стали показатели, по которым у них есть преимущество, взамен показателей, по которым преимуществом обладают государства-конкуренты.

Как показали Ларсон и Шевченко [Larson, Shevchenko, 2003] в своей прорывной работе, на решение Горбачева и его товарищей-реформаторов выйти из холодной войны и начать политику «нового мышления» сильно повлияло беспокойство, вызванное снижающимся статусом СССР по сравнению со статусом США и западного мира. В конце 1980-х годов Советский Союз экономически и технологически отставал от Запада, угрожая своей способности сохранять паритет статуса с США. Горбачев был готов пойти на беспрецедентные и революционные меры, чтобы решить эти проблемы [Kokoshin, 1998]. Он и его соратники следовали стратегии *социальной креативности*: они пытались изменить положение Советского Союза в международной статусной иерархии, выдвинув на первый план признаки, по которым он превосходил Запад. «Новое мышление» представляло собой «краткий путь к величию», способ добиться желаемого статуса, не достигнув при этом равного с развитыми индустриальными государствами Запада уровня технологического и экономического развития. Изменив признаки «величия» державы, Советский Союз смог бы обратить вспять свой упадок и подтвердить свой статус великой державы [Larson, Shevchenko, 2003]. «[Горбачев и сторонники “нового мышления”] были уверены, что если советское правительство будет поддерживать их просвещенный внешнеполитический курс, СССР сможет вернуться на позицию “лидера-визионера” в международном сообществе. Как родоначальник и безуданный распространитель идей “нового мышления” СССР встал бы в авангарде движения за создание мирного и процветающего нового мирового порядка» [Herman, 1996].

Горбачев и сторонники «нового мышления» не просто восприняли западные идеи о взаимосвязанности и мирном сосуществовании, как предполагают большинство конструктивистов. Они черпали идеи и с Запада, и из советского марксизма, представляя отдельное от обоих источников вдохновения гуманистическое видение международных отношений. Формулирование этого видения сдвинуло бы сферу конкуренции между СССР и США из военной и экономической сфер (где отставание СССР становилось все более и более заметным) в «грамшианскую» сферу идеологии и взглядов на мир [Kubáľková, Cruickshank, 1989]. Советские лидеры верили, что «новое мышление» выиграет битву за умы и сердца аудитории, включая аудиторию в странах Запада. Это укрепило бы моральный авторитет Советского Союза и его притягательность

(современным языком, его «мягкую силу»), тем самым повысив его глобальный статус.

Горбачевская политика «нового мышления» была оригинальным ответом на материальные ограничения и стимулы [Brooks, Wohlforth, 2000]. Быстрое советское экономическое и технологическое отставание от США ограничило возможные советские действия, благоприятствуя политике стратегического отступления. Советское руководство знало об огромных материальных выгодах от участия в глобальной открытой экономике. Оно понимало, что, находясь в состоянии геополитического конфликта с Западом, СССР будет отрезан от этих процессов [Brooks, Wohlforth, 2000]. И хотя материальные ограничения и долгие исторические экономические и социальные изменения могли подтолкнуть к политике отступления и сближения с Западом, эти факторы не объясняют, почему внешняя политика Советского Союза стала именно такой, какой стала [Bennett, 2005]. Исторические процессы определили список альтернатив для Горбачева, но выбор был сделан под воздействием соображений, связанных со статусом, которые парадигмы теории международных отношений не могут уловить. Ларсон и Шевченко добавляют: «Горбачев и его единомышленники выбрали идеалистическое “новое мышление” среди конкурирующих внешнеполитических программ, потому что оно создавало новую глобальную миссию, повышающую международный статус Советского Союза и сохраняющую его особую национальную идентичность» [Larson, Shevchenko, 2003, p. 78].

Соображения, связанные со статусом, сыграли центральную, мотивирующую роль в недавней российской внешней политике, побудив Россию отказаться от интеграции в существующий американский либеральный порядок и бросить вызов глобальному лидерству США. Россия сопротивлялась присоединению к либеральному порядку, потому что это не даст ей статус, который ее руководство и общественность считают заслуженным. В отличие от восходящей державы (такой, как Китай), Россия не обладает растущими материальными возможностями, которые вынудят США относиться к ней как к равной. От признанных либерально-капиталистических государств (Германии, Японии и Великобритании) Россия отстает во множестве сфер (демократия, права человека, свободная рыночная экономика), ценимых членами либерального порядка и дающих статус выше, чем следует из

материальных возможностей и силы этих государств [Neumann, 2014]. В случае присоединения к либеральному порядку России пришлось бы признать подчиненную по отношению к США роль и довольствоваться более низким статусом, чем у признанных либеральных государств. С точки зрения российских властей это неприемлемо [Tsygankov, 2016].

Сопротивление либеральному порядку и следование стратегии *социальной конкуренции* с евро-атлантическим порядком дает России более высокий статус, чем стратегия *социальной мобильности*, требующая интеграции в существующий порядок. Действия России на Украине подтвердили ее доминирование на постсоветском пространстве и показали, что Россия может заставить Запад нести издержки за игнорирование ее жизненно важных интересов. Вмешательство России в Сирии сделало ее одним из основных игроков в одном из наиболее значимых регионов мира и лидером в борьбе с терроризмом и исламским экстремизмом – важнейшими вызовами современности. Российское вмешательство в выборы в США и Западной Европе показывает, что это сила, с которой нужно считаться и в идеологическом, и в пропагандистском плане. Эти действия не прибавили России популярности на Западе, но заставили считать ее серьезным игроком на международной арене (хотя и как причину для беспокойства, а не как источник стабильности).

Российские лидеры, эксперты по внешней политике и теоретики сформировали собственную точку зрения на изменения в международной политике, отличающуюся от взглядов западных лидеров и исследователей [Lo, 2015]. Как и многие на Западе, они считают, что крупные социальные процессы, вызванные технологическим и экономическим развитием, глубоко трансформируют саму природу международной политики. Западные наблюдатели признают разрушительные эффекты этой трансформации и огромные вызовы, встающие в результате их действия перед международной системой, но видят происходящие изменения в целом позитивно, как ведущие к прогрессу [Burrows, 2012]. По крайней мере до относительно недавнего времени они были уверены, что либеральный международный порядок сможет приспособиться к этим изменениям и продолжит развиваться и эволюционировать [Ikenberry, 2014]. Российские наблюдатели, наоборот, в первую очередь выделяют негативные эффекты происходящих изменений

и в целом пессимистично смотрят в будущее [Безруков, Сушенцов, 2015; Karaganov, 2016; Kortunov, 2016]. Особенно они обеспокоены эрозией силы и авторитета национальных государств, которые они до сих пор считают ключом для сохранения порядка – как внутригосударственного, так и международного [Karaganov, 2016].

Российское руководство, ведущие ученые и эксперты сходятся во мнении, что единственный способ управлять сложным современным миром – перейти к многополярной системе глобального управления [Bogaturov, 2011; Karaganov, 2016]. США могут остаться «первыми среди равных», но станут делиться властью с прочими великими державами. Будет сформирован аналог Венской системы международных отношений, великие державы будут объединять свои ресурсы, чтобы противостоять критическим проблемам глобального управления и держать под контролем разрушительные силы (и нечестивых негосударственных акторов) [Bogaturov, 2011; Караганов, 2015]. Они будут следовать твердому, Вестфальскому пониманию суверенитета и воздержатся от вмешательства во внутренние дела друг друга. Они признают права друг друга контролировать определенные сферы влияния и обязуются разрешать неизбежно возникающие конфликты, учитывая необходимость сохранения общей стабильности системы [Nikonov, 2002]. Многие глобальные проблемы будут урегулироваться на региональном уровне, а великие державы будут возглавлять процессы их решения [Безруков, Сушенцов, 2015]. В этой новой системе Россия будет играть ключевую роль как «балансер» между Китаем и США. Ее военная мощь сделает ее ценным партнером для обеих сторон в борьбе с международным терроризмом и стабилизации наиболее взрывоопасных регионов, таких как Ближний Восток и Центральная Азия [Караганов, 2015].

Критики российского взгляда на глобальный беспорядок и способы его преодоления утверждают, что Россия недооценивает степень диффузии силы между различными акторами в системе [Kortunov, 2016]. Согласно этой точке зрения, наблюдаемые процессы представляют собой не сдвиг от американской однополярности к многополярности, где США будут вынуждены делиться властью с Китаем, Россией и прочими восходящими державами, а сдвиг к тому, что Ричард Хаас [Haas, 2008] назвал бесполярностью, ситуации, когда множество акторов – региональные державы, малые государства, местные и транснациональные негосудар-

ственные акторы – обладают возможностью влиять на отдельные проблемы. В этих обстоятельствах разумнее говорить о «кризисе подчинения», в ходе которого великим державам становится все сложнее устанавливать повестку дня и принуждать к ее соблюдению, чем о «кризисе лидерства», из-за которого никто не готов принять ответственность лидера [Lo, 2015]. «Концерт» великих держав исключил бы множество акторов, усиленных глобальными изменениями, чья поддержка и молчаливое одобрение будут необходимы для решения наиболее насущных глобальных проблем [Ibid.].

Хотя российский анализ перемен претендует на звание «трезвого» реалистского, он часто совершает те же самые ошибки, за которые классические реалисты, такие как Карр и Моргентхау, критиковали своих предшественников-идеалистов [Carr, 1946; Morgenthau, 1948]. Он нормативен, показывает мир, который Россия хотела бы создать, а не описывает мир таким, какой он есть. Российский научный анализ часто служит обоснованием для заявляемых целей внешней политики, а не является объективным анализом происходящих процессов [Makarychev, Morozov, 2013]. Как и «новое мышление» позднесоветских исследователей и государственных деятелей, современные взгляды во многом возникли из-за соображений, связанных со статусом. Желаемый российскими лидерами и аналитиками «концерт» великих держав твердо установит положение России как одной из ведущих держав в международной системе – несмотря на снижение возможностей России влиять на происходящее вокруг себя. И то и другое является своего рода «краткими путями к величию», компенсирующими материальную слабость России. «Новое мышление» позволило России сохранить статус, изменив ценимые признаки, дающие статус, от материальных показателей к моральным и нормативным. Сходным образом современные российские наблюдатели представляют стилизованное описание международной политики, преувеличивающее степень хаотизации и нестабильности, с целью содействовать распространению представления о глобальном порядке, продвигающее стремление России к обретению статуса и обосновывающее, почему статус России должен быть высоким – как у одного из столпов международной стабильности.

Стремление обрести статус – мощный мотиватор человеческого поведения и центральная цель внешней политики государств. В обоих описанных случаях исторические процессы созда-

ли возможности и ограничения для советских и российских государственных деятелей. Но именно соображения, связанные со статусом, сформировали ответ на них. Горбачев и его соратники следовали «новому мышлению», потому что оно позволяло ответить на материальные ограничения, сохраняя статус сверхдержавы, но на основе «мягкой силы». Современные российские лидеры воспользовались ростом глобальной нестабильности и последовали стратегии *социальной конкуренции*, бросив вызов США. Статус не только повлиял на выбор внешнеполитического курса, но и оказал глубокое влияние на интерпретацию происходящих исторических процессов. Сторонники «нового мышления» поверили, что рост сложности международной политики требовал кооперации и продвижения универсальных человеческих ценностей, так как такой внешнеполитический курс позволил бы Советскому Союзу обрести позицию морального превосходства и сохранить международный статус. Современные российские лидеры интерпретировали рост непредсказуемости и нестабильности международной политики как сигнал того, что назрел переход к многополярному порядку, который (удобным образом) поддержит статус России как глобального центра силы и влияния. Соображения, связанные со статусом, привели политиков к выбору рискованной и непредсказуемой внешней политики, ставшей катализатором более широких трансформирующих изменений в международной политике. Горбачев и сторонники «нового мышления» пошли на беспрецедентные уступки, демонтировавшие советскую империю и окончившие холодную войну. Современные российские лидеры предпринимают рискованную политику, бросая вызов глобальному лидерству США, сигнализируя об окончании периода доминирования США после холодной войны и начале эры беспрецедентного глобального беспорядка.

Выводы

Дважды за последние 25 лет действия России становились катализатором трансформационных изменений в международной политике. Однако существующие парадигмы с трудом могут объяснить причины такого поведения или интегрировать его в свои рамки, используемые для анализа изменений. Отчасти это

связано с тем, что они игнорируют важную роль соображений, связанных со статусом как мотивирующего поведение государств фактора и непосредственную причину изменений систем. Это также отражает и большие недостатки подходов парадигм к проблеме изменений. Реалисты, негативно относящиеся к возможности «*изменений систем*» и в основном анализирующие циклические «*системные изменения*», не уделяли достаточного внимания действию долгих исторических процессов и тому, как они влияют не только на баланс сил, но и на природу и функционирование самих акторов. Либералы намного больше внимания уделяли «*изменению систем*», но часто применяли линейный и прогрессивный подход к изменениям, рассматривая революционное действие исторических факторов (первопричин) изменений, но не непосредственные причины изменений. Конструктивистов интересовал сам процесс изменений, а не поиск их причин. Когда они пытались объяснить причины изменений, возникали трудности с отделением ideational (факторов «убеждений») от материальных факторов. Необходимо появление более сложного подхода к изучению изменений, включающего в себя и рассмотрение действия долгих исторических процессов (первопричин), создающих необходимые для начала изменений условия, и непосредственных причин, дающих начало процессу изменений.

Изменения – беспорядочный и неопределенный процесс, не обязательно прогрессивный или линейный. Быть может, его лучше концептуализировать как эволюционный, а не революционный или циклический процесс [God gave physics... 2000]. Эволюционная биология объединяет теорию естественного отбора с изучением случайных событий, таких как мутации и изменения окружающей среды. Эволюция биологических видов происходит по предсказуемой логике, несмотря на то что результат во многом определяется действием случайных событий. Если бы история обратилась вспять, а потом повторилась по новой, результат оказался бы совершенно иным [Gould, 1989]. Сходным образом эволюционный подход к изучению изменений в международной политике признает и роль долгосрочных процессов (таких как следствие анархии или растущее значение экономической взаимосвязанности государств), и ключевую роль случайных и непредсказуемых явлений, провоцирующих изменения. Как показывают рассмотренные в данной работе примеры, действия государств, мотивированные

соображениями, связанными со статусом, также должны быть включены как непосредственные причины изменений.

Мы вступаем в период истории, когда крупные исторические процессы, подталкивающие к трансформационным изменениям, усиливаются, а случайные события, способные стать катализатором изменений, происходят все быстрее. В этих условиях улучшение нашего понимания статуса имеет невероятное значение для определения контуров и возможностей будущих изменений. Стремление обрести статус может подвигнуть государства выбрать внешнеполитический курс, благоприятствующий кооперации и завершающий конфликты, как это сделал Советский Союз в конце холодной войны. Или оно может привести к выбору внешнеполитического курса, провоцирующего конфликты и повышающего нестабильность, как произошло с Россией сегодня. Лучшее понимание проблемы статуса не позволит нам решить все проблемы в понимании процесса изменений, но это хороший первый шаг.

Список литературы

- Безруков А., Сушенцов А. Контурсы тревожного будущего // Россия в глобальной политике. – 2015. – 24 August. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/kontury-trevozhnogo-buduschego-17635> (Дата посещения: 25.05.2019.)
- Караганов С. Венский концерт XXI века // Российская газета. – 2015. – 3 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html> (Дата посещения: 23.05.2019.)
- Лукьянов Ф. Безрассудный Запад // РИА Новости. – 2011. – 21 июля.
- Bennett A. The Guns That Didn't Smoke: Ideas and the Soviet Non-Use of Force in 1989 // Journal of Cold War Studies. – 2005. – Vol. 7, N 2. – P. 81–109.
- Bogaturov A. «Coercion to Partnership» and the Flaws of an Unbalanced World // Russia in Global Affairs. – 2011. – 29 December. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Coercion-to-Partnership-and-the-Flaws-of-an-Unbalanced-World-15423> (accessed: 25.05.2019.)
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. Power, Globalization, and the End of the Cold War: Reevaluating a Landmark Case for Ideas // International Security. – 2000. – Vol. 25, N 3. – P. 5–53.
- Burrows M. Global Trends 2030: Alternative Worlds. – Washington, D.C.: US National Intelligence Council, 2012. – 166 p.
- Buzan B. Brilliant but now wrong: a sociological and historical sociological assessment of Gilpin's «War and Change in World Politics» // Power, Order, and Change in World Politics / Ed. by G.J. Ikenberry. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 233–262.

- Carr E.H.* The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations. – L.: MacMillan, 1946. – 247 p.
- Checkel J.* Ideas, institutions, and the Gorbachev foreign policy revolution // *World Politics*. – 1993. – Vol. 45, N 02. – P. 271–300.
- Checkel J.T.* The constructive turn in international relations theory // *World politics*. – 1998. – Vol. 50, N 02. – P. 324–348.
- Clunan A.* The Social Construction of Russia's Resurgence. – Baltimore: John Hopkins University Press, 2009. – 317 p.
- Dafoe A., Renshon J., Huth P.* Reputation and status as motives for war // *Annual Review of Political Science*. – 2014. – N 17. – P. 371–393.
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics // *Annual review of political science*. – 2001. – Vol. 4, N 1. – P. 391–416.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992, 464 p.
- Gaddis J.L.* International relations theory and the end of the Cold War // *International Security*. – 1992. – Vol. 17, N 3. – P. 5–58.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. – New York: Cambridge University Press, 1981. – 288 p.
- God gave physics the easy problems: adapting social science to an unpredictable world / S. Bernstein, R.N. Lebow, J.G. Stein, S. Weber // *European Journal of International Relations*. – 2000. – Vol. 6, N 1. – P. 43–76.
- Gould S.J.* Wonderful life: the Burgess Shale and the nature of history. – New York: WW Norton, 1989. – 352 p.
- Grieco J.M.* Liberal international theory and imagining the end of the Cold War // *The British Journal of Politics & International Relations*. – L., 2009. – Vol. 11, N 2. – P. 192–204.
- Haas R.N.* The age of nonpolarity: What will follow US dominance // *Foreign Affairs*. – 2008. – Vol. 87, N 3. – P. 44–56.
- Herman R.G.* Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by Peter J. Katzenstein. – New York: Columbia University Press, 1996. – P. 271–316.
- Herz M.* Brazil: Major Power in the Making? Major Powers and the Quest for Status in International Politics. – New York: Palgrave Macmillan US, 2011. – 242 p.
- Holsti K.* The Problem of Change in International Relations Theory // Holsti K. A Pioneer in International Relations Theory. – New York: Springer International Publishing, 2016. – P. 37–55.
- Ikenberry G.J.* The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order // *Foreign Affairs*. – 2014. – Vol. 93, N 80. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics> (accessed: 25.05.2019.)
- Karaganov S.* Global Challenges and Russia's Foreign Policy // *Strategic Analysis*. – 2016. – Vol. 40, N 6. – P. 461–473.
- Kokoshin A.* Soviet Strategic Thought, 1917–1991. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998. – 225 p.

- Kortunov A.* The Splendours and Miseries of Geopolitics // Russia in Global Affairs. – 2016. – 16 January. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/book/The-Splendours-and-Miseries-of-Geopolitics-17258> (accessed: 25.05.2019.)
- Krickovic A.* When ties do not bind: the failure of institutional binding in NATO Russia relations // Contemporary Security Policy. – 2016. – Vol. 37, N 2. – P. 175–199.
- Kubáľková V., Cruickshank A.A.* Thinking New About Soviet «New Thinking». – Berkeley: University of California Press, 1989. – 143 p.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Shortcut to greatness: The new thinking and the revolution in Soviet foreign policy // International Organization. – 2003. – Vol. 57, N 01. – P. 77–109.
- Lebow R.N.* A cultural theory of international relations. – L.: Cambridge University Press, 2008. – 776 p.
- Lo B.* Russia and the New World Disorder. – Washington, DC: Brookings, 2015. – 336 p.
- Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives / Ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K.A. Grant, R.G. Baird. – New York: Palgrave MacMillan, 2011. – 242 p.
- Makarychev A., Morozov V.* Is «Non-Western Theory» Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review. – 2013. – Vol. 15, N 3. – P. 328–350.
- Mearshheimer J.J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 25.05.2019.)
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.
- Neumann I.B.* Status Is Cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians Seek Great-Power Status // Status in World Politics / Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. – L.: Cambridge University Press, 2014. – P. 85–114.
- Nikonov V.* Back to the Concert // Russia in Global Affairs. – 2002. – 16 November. – Mode of access: https://eng.globalaffairs.ru/number/n_12 (accessed: 25.05.2019.)
- Paul T.V., Shankar M.* Status accommodation through institutional means: India's rise and the global order // Status in World Politics. – 2014. – P. 165–191.
- Pu X., Schweller R.L.* Status signaling, multiple audiences, and China's blue-water naval ambition // Status in world Politics. – Oxford: Cambridge University Press, 2014. – P. 141–162.
- Renshon J.* Status Deficits and War // International Organization. – 2016. – Vol. 70, N 3. – P. 513–550.
- Rosenau J.N.* Security in a turbulent world // Current History. – 1995. – N 94 (592). – P. 193–200.
- Sarotte M.E.* 1989: the struggle to create post-Cold War Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2014. – 344 p.
- Status in World Politics / Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. – L.: Cambridge University Press, 2014. – P. 85–114.
- Stoner K., McFaul M.* Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin // The Washington Quarterly. – 2015. – Vol. 38, N 2. – P. 167–187.

- Suslov D.* For a Good Long While // *Russia in Global Affairs*. – 2014. – 18 December. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/For-a-Good-Long-While-17211> (accessed: 25.05.2019.)
- Tsygankov A.* Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. – Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2016. – 336 p.
- Tsygankov A.P.* Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy // *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31, N 4. – P. 279–303.
- Wendt A.* Social theory of international politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
- Wohlforth W.* Gilpinian realism and international relations // *International Relations*. – 2011. – Vol. 25, N 4. – P. 499–511.
- Wohlforth W.* Honor as interest in Russian decisions for war, 1600–1995 // *Honor Among Nations: Intangible Interests and Foreign Policy* / Ed. by E. Abrams. – Washington, DC: Ethics and Public Policy Center, 1998. – P. 21–45.
- Wohlforth W.* The stability of a unipolar world // *International Security*. – 1999. – Vol. 24, N 1. – P. 5–41.

A. Krickovic*

How Can Russia Contribute to our Understanding of Change in World Politics?¹

Abstract. Twice over the last 25 years, the USSR and Russia's actions have been a major catalyst for change in international politics. Gorbachev and his fellow New Thinkers adopted unprecedented concessions that dismantled the Soviet Empire and brought an end to the Cold War. Contemporary Russian leaders are undertaking a risky challenge to US global leadership that signals an end to post-Cold War US dominance and the beginning of an era of unprecedented global disorder. Existing paradigms have had a difficult time accounting for Soviet/Russian behavior and integrating it into their larger theories about change in international politics. This is partly because they have ignored the important role that status considerations have played in Soviet and Russian decision making. But it also reflects larger shortcomings in the way that these paradigms approach the issue of change. What is needed is an evolutionary theory of change that is able to integrate driving historical (root) causes of change with proximate and contingent ones. In both of these cases, larger historical forces have pushed the international system towards change, limiting the choices available to Russian leaders.

* **Krickovic Andrej**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: akrickovic@hse.ru

Advanced version of the article Krickovic A., Weber Y. What Can Russia Teach Us about Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics. *International Studies Review*. 2018, Vol. 20, Iss. 2, P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>. Translated by K.A. Toloknev (HSE, e-mail: cometa50@yandex.ru)

Yet it has been status considerations that have determined the actual policy choices Soviet and Russian leaders have made. While larger historical forces have been the root cause behind change, status aspirations and status dissatisfaction have been the proximate causes catalyzing change and moving it forward.

Keywords: status; international relationship; «New thinking»; cold war; changes in the international system.

For citation: Krickovic A. How Can Russia Contribute to our Understanding of Change in World Politics? *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 175–199. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.07>

References

- Bennett A. The Guns That Didn't Smoke: Ideas and the Soviet Non-Use of Force in 1989. *Journal of Cold War Studies*. 2005, Vol. 7, N 2, P. 81–109.
- Bernstein S. et al. God gave physics the easy problems: adapting social science to an unpredictable world. *European Journal of International Relations*. 2000, Vol. 6, N 1, P. 43–76.
- Bezrukov A., Sushentsov A. The outlines of a troubling future. *Russia in the Global World*. 2015. 24 August. (In Russ.)
- Bogaturov A. «Coercion to Partnership» and the Flaws of an Unbalanced World. *Russia in Global Affairs*. 2011, 29 December. Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Coercion-to-Partnership-and-the-Flaws-of-an-Unbalanced-World-15423> (accessed: 25.05.2019.)
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. Power, Globalization, and the End of the Cold War: Reevaluating a Landmark Case for Ideas. *International Security*. 2000, Vol. 25, N 3, P. 5–53.
- Burrows M. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington D.C.: US National Intelligence Council, 2012, 166 p.
- Buzan B. Brilliant but now wrong: a sociological and historical sociological assessment of Gilpin's «War and Change in World Politics». In: *Power, Order, and Change in World Politics*. Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, P. 233–262.
- Carr E.H. *The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations*. L.: MacMillan, 1946, 247 p.
- Checkel J. Ideas, institutions, and the Gorbachev foreign policy revolution. *World Politics*. 1993, Vol. 45, N 02, P. 271–300.
- Checkel J.T. The constructive turn in international relations theory. *World politics*. 1998, Vol. 50, N 02, P. 324–348.
- Clunan A. *The Social Construction of Russia's Resurgence*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2009, 317 p.
- Dafoe A., Renshon J., Huth P. Reputation and status as motives for war. *Annual Review of Political Science*. 2014, N 17, P. 371–393.
- Finnemore M., Sikkink K. Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics. *Annual review of political science*. 2001, Vol. 4, N 1, P. 391–416.

- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992, 464 p.
- Gaddis J.L. International relations theory and the end of the Cold War. *International Security*. 1992, Vol. 17, N 3, P. 5–58.
- Gilpin R. *War and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press, 1981, 288 p.
- Gould S.J. *Wonderful life: the Burgess Shale and the nature of history*. New York: WW Norton, 1989, 352 p.
- Grieco J.M. Liberal international theory and imagining the end of the Cold War. *The British Journal of Politics & International Relations*. 2009, Vol. 11, N 2, P. 192–204.
- Haas R.N. The age of nonpolarity: What will follow US dominance. *Foreign Affairs*. 2008, Vol. 87, N 3, P. 44–56.
- Herman R.G. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War. In: *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996, P. 271–316.
- Herz M. *Brazil: Major Power in the Making? Major Powers and the Quest for Status in International Politics*. New York: Palgrave Macmillan US, 2011, 242 p.
- Holsti K. The Problem of Change in International Relations Theory. In: Holsti K. *A Pioneer in International Relations Theory*. New York: Springer International Publishing, 2016, P. 37–55.
- Ikenberry G.J. The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, N 80, Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics> (accessed: 25.05.2019.)
- Karaganov S. Global Challenges and Russia's Foreign Policy. *Strategic Analysis*. 2016, Vol. 40, N 6, P. 461–473.
- Karaganov S. Venskii Koncert XXI Veka. A Vienna Concert for the 21 st Century. *Russian newspaper*. 2015, 3 June, Mode of access: <https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html> (accessed: 23.05.2019.) (In Russ.)
- Kokoshin A. *Soviet Strategic Thought, 1917–91*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998, 225 p.
- Kortunov A. The Splendours and Miseries of Geopolitics. *Russia in Global Affairs*. 2016, 16 January. Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/book/The-Splendours-and-Miseries-of-Geopolitics-17258> (accessed: 25.05.2019.)
- Krickovic A. When ties do not bind: the failure of institutional binding in NATO Russia relations. *Contemporary Security Policy*. 2016, Vol. 37, N 2, P. 175–199.
- Kubáľková V., Cruickshank A.A. *Thinking New About Soviet «New Thinking»*. University of California Press: Berkeley, 1989, 143 p.
- Larson D.W., Shevchenko A. Shortcut to greatness: The new thinking and the revolution in Soviet foreign policy. *International Organization*. 2003, Vol. 57, N 01, P. 77–109.
- Lebow R.N. A cultural theory of international relations. L.: Cambridge University Press, 2008, 776 p.
- Lo B. Russia and the New World Disorder. Washington DC: Brookings, 2015, 336 p.
- Lukyanov F. The Reckless West. *RIA Novosti*. 2011, 21 July. (In Russ.)
- Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. Ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K.A. Grant, R.G. Baird. New York: Palgrave MacMillan, 2011, 242 p.

- Makarychev A., Morozov V. Is «Non-Western Theory» Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR. *International Studies Review*. 2013, Vol. 15, N 3, P. 328–350.
- Mearsheimer J.J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 25.05.2019.)
- Morgenthau H.J. *Politics Among Nations*. New York: Alfred A. Knopf, 1948, 489 p.
- Neumann I.B. Status Is Cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians Seek Great-Power Status. In: *Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. L.: Cambridge University Press, 2014, P. 85–114.
- Nikonov V. Back to the Concert. *Russia in Global Affairs*. 2002, 16 November, Mode of access: https://eng.globalaffairs.ru/number/n_12 (accessed: 25.05.2019.)
- Paul T.V., Shankar M. Status accommodation through institutional means: India's rise and the global order. *Status in World Politics*. 2014, P. 165–191.
- Pu X., Schweller R.L. Status signaling, multiple audiences, and China's blue-water naval ambition. *Status in world Politics*. Oxford: Cambridge University Press, 2014, P. 141–162.
- Renshon J. Status Deficits and War. *International Organization*. 2016, Vol. 70, N 3, P. 513–550.
- Rosenau J.N. Security in a turbulent world. *Current History*. 1995, N 94 (592), P. 193–200.
- Sarotte M.E. 1989: the struggle to create post-Cold War Europe. Princeton University Press, 2014, 344 p.
- Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. L.: Cambridge University Press, 2014, P. 85–114.
- Stoner K., Mcfaul M. Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin. *The Washington Quarterly*, 2015, Vol. 38, N 2, P. 167–187.
- Suslov D. For a Good Long While. *Russia in Global Affairs*. 2014, 18 December, Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/For-a-Good-Long-While-17211> (accessed: 25.05.2019.)
- Tsygankov A. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2016, 336 p.
- Tsygankov A.P. Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy. *Post-Soviet Affairs*. 2015, Vol. 31, N 4, P. 279–303.
- Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 429 p.
- Wohlforth W. Gilpinian realism and international relations. *International Relations*. 2011, Vol. 25, N 4, P. 499–511.
- Wohlforth W. Honor as interest in Russian decisions for war, 1600–1995. In: *Honor Among Nations: Intangible Interests and Foreign Policy*. Ed. by E. Abrams. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center, 1998, P. 21–45.
- Wohlforth W. The stability of a unipolar world. *International Security*. 1999, Vol. 24, N 1, P. 5–41.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.Б. СОРБАЛЭ*

ВЛАСТЬ И АВТОРИТЕТ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: «ЦАРИ ГОРЫ» И «БОЛЬШИЕ КОАЛИЦИИ»

Аннотация. Как распределяются власть и авторитет в Европейском союзе? Какую роль играет государственная состоятельность в рамках отношений между уровнями власти в ЕС? Автор статьи стремится ответить на эти вопросы, обращаясь к двум ключевым подходам к анализу Европейского союза как многоуровневой системы управления: структурно-акторному подходу и подходу консоциативной демократии. В то время как сторонники структурно-акторного подхода воспринимают ЕС как иерархичную систему, где один из уровней власти всегда оказывается в положении доминирования и может диктовать свои правила игры, теоретиков европейского консоциативизма больше интересуют вопросы, связанные с процессом принятия решений в условиях «больших коалиций», горизонтальной и вертикальной подотчетности и демократического дефицита.

Ключевые слова: власть; авторитет; структурно-акторный подход; консоциативная демократия; государственная состоятельность.

Для цитирования: Сорбалэ А.Б. Власть и авторитет в Европейском союзе: «Цари горы» и «большие коалиции» // Политическая наука. — 2019. — № 3. — С. 200–221. — DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.11>

* **Сорбалэ Алексей Борисович**, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: asorbale@hse.ru

Введение

В классических теориях международных отношений государства рассматриваются как единственные акторы, участвующие в распределении власти в рамках международной политической системы. Негосударственным образованиям, прежде всего международным организациям, в данных теориях отведена относительно несущественная роль. Реалисты говорят о международных организациях как об акторах, которые «существуют в международной системе отношений, но не могут оказать существенного влияния на то, что происходит в мире» [Morgenthau, 1950]. В свою очередь, для неореалистов международные организации играют инструментальную роль арен для взаимодействия главных акторов международных отношений – национальных государств [Jervis, 1978; Waltz, 1986]. Представители либеральной и неолиберальной теорий придерживаются тех же взглядов на роль международных организаций, что и их идеологические противники: для последователей Иммануила Канта [Kant, 1970], Роберта Кохейна [Keohane, 2005] и Джозефа Ная [Nye, 1971] международные организации являются удобными площадками для взаимовыгодного сотрудничества между государствами, и при этом не имеют существенной институциональной и нормативной силы.

По мнению структуралистов [Haas, 1998; Keohane, Moravcsik, Slaughter, 2000; Checkel, 2001; Tallberg, 2002], картина эмпирической реальности, которую предлагает Европейский союз, отличается от рассматриваемой классиками международных отношений. В представлении структуралистов национальный и наднациональный уровень в рамках ЕС как бы меняются местами, поскольку в нормативном отношении право Европейского союза стоит выше права национальных государств, и страны – члены Европейского союза обязаны следовать правилам игры, определяемым Брюсселем, и передавать на наднациональный уровень часть полномочий, которые традиционно считались их вотчиной как «унитарных рациональных акторов» [Waltz, 1986, p. 331]. И все же в структурном подходе можно обнаружить один из важнейших постулатов спора между неореалистами и неолибералами – положение о господстве и подчинении, или патрон-клиентских отношениях. Так, Алек Стоун Свит и Вэйн Сандхолц отмечают, что с точки зрения полномочий и авторитета уровень ЕС находится

«выше» уровня входящих в него государств [Sandholtz, Stone Sweet, 1997, p. 300].

Альтернативный взгляд на природу распределения власти и авторитета в рамках Европейского союза представляют такие авторы, как Петр Хилле и Кристоф Книлл [Hille, Knill, 2006], Димитер Тошков [Toshkov, 2007] и Флориан Траунер [Trauner, 2009]. Для них «царями горы», т.е. игроками, обладающими наибольшими властными полномочиями в рамках Европейского союза, выступают не нормативные регуляторы ЕС, но представители государств-членов в национальных и наднациональных органах власти. По мнению Рональда Митчелла [Mitchell, 1994] и Джеймса Фирона [Fearon, 1998], национальные игроки способны самостоятельно формировать политические курсы и «проталкивать» наиболее выгодную интерпретацию политической повестки. Подход, ставящий во главу угла национальных политических акторов, в противовес структурному подходу зачастую называют *акторным*.

Структурно-акторный подход, апеллирующий к старому спору между неореалистами и неолибералами, зачастую подвергается критике за редукционизм и иерархизацию отношений между странами – членами ЕС и наднациональными институтами. По мнению Вальтера Карлснаеса [Carlsnaes, 1992, p. 247], вопросы, связанные с распределением власти, многоуровневым авторитетом и подотчетностью, не сводятся к выяснению отношений о «главенстве» того или иного уровня принятия решений в структуре Европейского союза. Мэтью Габель [Gabel, 1998], Руди Андевег [Andeweg, 2000], Маттиас Богаардс [Bogaards, 2002], Петер Краус [Kraus, 2006] и многие другие авторы демонстрируют, что архитектура принятия решений в ЕС наиболее близка к так называемой общественной, или консоциативной (*consociational*) демократии. Томас Банчоф и Митчелл Смит [Legitimacy and the European Union... 2005] отмечают, что ЕС всегда стремился к максимально широкой и глубокой интеграции, которая должна завершиться созданием «Европейской федерации». Федерация как тип административно-территориального устройства, даже со спецификой европейской «неофедерации» [Volpi, 2011], не предполагает доминирования одного из уровней власти, но направлена на выработку правил игры, которые бы устраивали всех потенциальных вето-игроков.

В дискуссии о распределении власти и авторитета в рамках Европейского союза как представители структурно-акторного подхода, так и сторонники теории европейской консоциативной демократии зачастую обращаются к концепту государственной состоятельности (*state capacity*). Оба подхода рассматривают государственную состоятельность как способность государства использовать имеющиеся ресурсы и эффективно аллоцировать их для осуществления определенного политического курса [Between power and plenty... 1978; Bringing the state back in, 1985; Tsebelis, 1995; Linos, 2007]. Тем не менее в двух рассматриваемых исследовательских подходах можно обнаружить существенное различие в интерпретации государственной состоятельности в привязке к проблеме властных отношений и авторитета. Для структурно-акторного подхода государственная состоятельность – это прежде всего репрезентация структурных характеристик государств – членов ЕС или результат стратегических решений национальных и наднациональных политических акторов [Paraskevopoulos, 1998; Haas, 1998; Keohane, Moravcsik, Slaughter, 2000; Checkel, 2001; Tallberg, 2002]. В свою очередь, приверженцы подхода европейской консоциативной демократии рассматривают государственную состоятельность как способность «большой коалиции» (*grand coalition*), включающей всех значимых политических акторов, принимать и имплементировать политические решения, определяющие логику функционирования всего Европейского союза, в условиях правил игры консоциативной системы [Consociational Democracy, 1974; Horowitz, 1985; Reilly, 2012].

Первая часть статьи посвящена операционализации концепта *государственная состоятельность* в контексте исследования власти и авторитета в Европейском союзе. Во второй части работы мы рассматриваем два основных подхода к анализу властных отношений в рамках ЕС: структурно-акторный подход и подход консоциативизма, – и делаем упор на слабых местах этих двух подходов. Последняя часть исследования посвящена выводам и возвращает нас к вопросу о взаимосвязи государственной состоятельности и проблем авторитета и властных отношений внутри Европейского союза.

Государственная состоятельность и Европейский союз: два подхода к операционализации

Прежде чем переходить к рассмотрению теоретических подходов к проблеме власти и авторитета в ЕС, необходимо понять, что именно подразумевают исследователи-европеисты под государственной состоятельностью.

В научной литературе принято выделять два варианта операционализации концепта *государственная состоятельность*. В первом случае речь идет о государственной состоятельности как способности государства использовать имеющиеся ресурсы для имплементации политических решений и иной государственной деятельности [Sustainable Democracy, 1995; Haas, 1998; Simmons, 1998]. Во втором варианте операционализации государственная состоятельность предполагает не только использование государством имеющихся ресурсов, но и достижение соглашения, выгодного всем ведущим игрокам на национальной политической арене, которое позволяет рационально и эффективно расходовать ресурсы для осуществления определенного политического курса [Between power and plenty... 1978; Bringing the state back in, 1985; Tsebelis, 1995; Linos, 2007]. В рамках этого подхода особую роль играют национальные вето-акторы и институциональная структура в целом.

Помимо этого, существуют исследования, которые стремятся комбинировать ресурсно-ориентированный и акторо-ориентированный подходы к пониманию государственной состоятельности [Стукал, Хавенсон 2012; Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2012].

Исследования, посвященные государственной состоятельности в контексте распределения властных полномочий и авторитета в Европейском союзе, также могут быть разделены на те, которые подчеркивают важность объема и разнообразия имеющихся у государства ресурсов, и те, где аналитический фокус смещен в пользу аллокации ресурсов силами национальных и наднациональных акторов. Первый тип исследований связывает государственную состоятельность со способностью наднациональных нормативных регуляторов заставить страны-члены соблюдать право ЕС или со способностью стран-членов провести свой вариант определенного политического курса [Haas, 1998; Fearon, 1998; Checkel, 2001; Tallberg, 2002]. Другие авторы настаивают на том, что государствен-

ная состоятельность в рамках Европейского союза гарантирует стабильность работы консоциативных институтов европейской демократии, прежде всего «больших коалиций» и институтов, обеспечивающих горизонтальную и вертикальную подотчетность [Golub, 1996; Jordan, 2000; Burgess, 2000; Cooper, 2006].

Две представленные выше концепции государственной состоятельности во многом определяют логику построения теоретических моделей, которые анализируют процессы распределения авторитета и власти в Европейском союзе. Как мы увидим ниже, исследователи-европеисты по-разному понимают и интерпретируют роль национальных и наднациональных акторов и институтов в управленческой архитектуре европейской политики.

Власть и авторитет в Европейском союзе: иерархия против консоциативизма

Теории, которые стремятся дать характеристику властным отношениям в рамках Европейского союза, можно условно разделить на те, которые определяют отношения между национальным и наднациональным уровнями принятия решений как иерархические, и те, которые описывают управленческую архитектуру ЕС в терминах теории консоциативной демократии.

Структурно-акторный подход: кто «царь горы»?

Исследователи, берущие за основу структурно-акторный подход, рассматривают отношения между национальными государствами – членами ЕС и институтами Европейского союза как иерархические: в выстраиваемых ими моделях преимущество «нормативного диктата» всегда на стороне одной из сторон, в то время как вторая сторона вынуждена уступать требованиям условного принципа.

Обратимся к теориям, которые ставят на вершину иерархических отношений в Европейском союзе наднациональные нормативные регуляторы. Петер Хаас [Haas, 1998], Йонас Талльберг [Tallberg, 2002], Роберт Кохейн и соавторы [Keohane, Moravcsik, Slaughter, 2000] пишут, что пространство для маневра и «торгов»

(*bargaining*) для стран-членов ограничено правилами игры, установленными институтами ЕС, в связи с чем страны, выходящие за пределы «поля торгов» [Keohane, Moravcsik, Slaughter, 2000], подвергаются наказанию со стороны наднациональных регулирующих структур. В свою очередь, Ева Хайдбредер [Heidbreder, 2011] и Джеффри Чекел [Checkel, 2001] считают, что страны – члены ЕС подчиняются требованиям институтов ЕС, потому что они «должны» подчиняться закону, а не потому что это им выгодно. В исследованиях данных авторов директивы ЕС выступают не в роли «кнута» или «пряника», а в роли нормативного идеала, которому государство должно подчиняться вследствие установившейся традиции.

Альтернативный подход к исследованию проблем власти и авторитета в ЕС переворачивает иерархическую модель, построенную Хаасом, Талльбергом и Кохейном, и выдвигает на первый план страны – члены ЕС и их стратегии поведения. Джеймс Фирон [Fearon, 1998] утверждает, что государства, входящие в состав ЕС, участвуют в «торгах» для того, чтобы подкорректировать общеевропейскую повестку в свою пользу. Многие европейцы, берущие за основу положение Фирона о «торгах», понимают государственную состоятельность в рамках Европейского союза как способность национальных политических акторов найти точку равновесия, которая бы максимизировала выигрыши от принятия общеевропейских правил игры на наднациональном уровне, и использовать имеющиеся ресурсы для приближения результата «торгов» к этой выигрышной точке [Mitchell, 1994; Mendrinou, 1996; Paraskevopoulos, 1998].

Из краткого обзора исследований структурно-акторного блока становится понятно, что данные работы сводят отношения между условным «центром» ЕС и странами-членами до базовой модели иерархии «принципал – агент». Государственная состоятельность в контексте, предлагаемом апологетами структурно-акторного подхода, превращается из условия стабилизации многосоставной политической системы в инструмент «продавливания» решения в обход всех остальных вето-акторов. Редукционистский взгляд к проблемам власти и управления, взятый на вооружение авторами структурно-акторного подхода, справедливо подвергается критике со стороны множества исследователей [Bogaards, Crepaz, 2002; Kaiser, 2002; Jolly, 2005; Costa, Foret, 2005]. В следующем блоке мы пред-

ставим альтернативный подход к исследованию властных отношений и авторитета в рамках Европейского союза, который отвергает упрощенные схемы структурно-акторного подхода и фокусируется на проблемах функционирования ЕС как консоциативной системы принятия решений.

**Консоциативная модель:
«большие коалиции» и большие разломы**

Эмпирическая реальность процесса принятия решений в Европейском союзе демонстрирует, что архитектура институтов ЕС не сводится к противостоянию элитных групп национального и наднационального уровня и «борьбе компетенций» [Billiet, 2006; Adler-Nissen, 2014]. Чтобы обосновать нерелевантность построений структурно-акторного подхода, достаточно вспомнить два кейса. Первый кейс – это попытка принятия так называемой Европейской конституции (*Constitution for Europe*), провалившаяся из-за протестного голосования во Франции и Нидерландах в 2005 г. [Jérôme, Vaillant, 2005; Toonen, Steunenberg, 2006; Hug, Schulz, 2007]. Второй кейс – это инициатива заключения соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (*Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP*) между Европейским союзом и США, которая была заблокирована на уровне Бельгийской Валлонии [Gheyle, De Ville, 2019]. Эти два случая демонстрируют, что модель принятия политических решений в Европейском союзе не ставит более низкие уровни власти перед фактом необходимости принятия и имплементации соответствующего решения, но включает акторов данных «низовых» уровней в дискуссию и тем самым повышает риски наложения вето на предлагаемую инициативу. Иными словами, формирование актуальных политических курсов в Европейском союзе в большей степени схоже с аналогичными процессами в многосоставных федерациях, чем в системах имперского типа, где последнее слово всегда остается за центральным нормативным регулятором. Именно эту мысль пытаются донести такие авторы, как Мэтью Габель [Gabel, 1998], Руди Андеверг [Andeweg, 2000], Маттиас Богаардс [Bogaards, 2002], Петер Краус [Kraus, 2006], Геральд Шнайдер и соавторы [Schneider, Finke, Baltz, 2007].

Критики структурно-акторного подхода в своих размышлениях отталкиваются от модели общественной, или консоциативной демократии, которая была предложена Арендом Лейпхартом [Lijphart, 1969]. Лейпхарт выделяет четыре условия общественной демократии: 1) «большую коалицию» (*grand coalition*), включающую в себя, в противовес минимальной правящей коалиции (*minimal-size coalition*), представителей всех заинтересованных социальных групп, 2) право взаимного вето, которое может использоваться любой из групп, входящей в «большую коалицию», 3) принцип пропорциональности в сферах политического представительства и управления и 4) принцип сегментальной автономии (*segmental autonomy*), обеспечивающий независимость законодательных составных частей общественной демократии от интервенции со стороны законодателей более высокого уровня [Lijphart, 1969, p. 110–132].

Процесс принятия решений и распределения властных полномочий в консоциативной демократии неразрывно связан с проблемой государственной состоятельности. Чтобы понять суть этой взаимосвязи, необходимо сделать шаг назад и обратиться к *предварительным условиям* этой модели распределения власти. Базовый фактор, обеспечивающий большую часть успеха реализации проекта общественной демократии, – отсутствие конфликта [Noel, 2005; Simonsen, 2005; Horowitz, 2008; Taylor, 2009]. Вторым важным условием, которое обеспечивает эффективность и общественную значимость работы консоциативных институтов, является наличие в обществе «глубоких разломов» (*deep divides*) [Selway, Templeman, 2012; Deliberating across... 2014]. Эти разломы, или линии разделения могут проходить по различным границам: религиозным, этническим, культурным, урбанизационным и даже идеологическим [Butenschøn, 1985; Smootha, Hanf, 1992; Haddad, 2009; Garry, 2014]. Наконец, власть в государстве, где происходит попытка институционально укоренить правила игры общественной демократии, должна быть «разделена, а не монополизирована, должна делегироваться, а не быть централизованной» [Bogaards, 2006, p. 119]. Иными словами, должны соблюдаться основные принципы автономности и сфер ответственности субъектов многокомпонентной политической системы, о которых писал Лейпхарт.

Вышеописанные условия и принципы являются лишь моделью и своеобразным *know how* для политических элит, которые

под давлением общества и внутренней и внешней конъюнктуры находятся в поиске источников стабилизации глубоко разделенных обществ (*deeply divided societies*), но не рецептом успеха этих государств. По словам Маттиаса Богаардса, институты общественной демократии, позволяющие стране избежать конфликта, могут нести в себе угрозу политического тупика и глобального политического кризиса в случае, если участникам политического процесса не удастся договориться о решении, которое станет идеальной точкой равновесия для всех заинтересованных сторон [Bogaards, 2006, p. 119]. Работы Клауса Армингеона [Armingeon, 2002] и Андре-Поля Фроньера [Frognier, 1988] подтверждают этот тезис. Их работы демонстрируют тот факт, что государства с укореившейся системой общественных институтов сталкиваются с большими трудностями при реализации политических решений, чем страны, чья система управления и распределения властных полномочий не имеет признаков консоциативной.

Критерии, которые первоначально брались за основу для анализа институциональной архитектуры глубоко разделенных обществ, довольно быстро были приняты на вооружение европейцами. Сначала Герхард Лембрух [Consociational Democracy... 1974], Дональд Горовиц [Horowitz, 1985] и Бен Рейли [Reilly, 2012], а за ними и многие другие авторы стали утверждать, что по своей институциональной структуре и объему полномочий (включая право взаимного вето), который распределяется между странами-членами и наднациональными регулирующими институтами, ЕС близок к консоциативной модели. Майкл Бургесс подчеркивает, что процесс принятия решений в Европейском союзе опирается на механизмы сотрудничества, действующие как межправительственный, так и наднациональный уровень. При этом такие институты, как Европейский суд и Европейская комиссия, занимают очень сильную институциональную позицию по отношению к странам – членам Союза, и решения этих институтов имеют приоритет над национальным законодательством [Burgess, 2000, p. 29].

В центре исследований, посвященных вопросам распределения власти в рамках ЕС, в большинстве случаев находится принцип *субсидиарности*. Принцип субсидиарности, впервые официально закрепленный в Договоре о Европейском союзе (*Treaty on European Union, TEU*), прямо говорит, что если какой-либо вопрос может быть решен на определенном уровне принятия решений, то

он не должен передаваться на более высокий уровень власти [TEU]. Разделение компетенций между уровнями власти в Европейском союзе получило широкое отражение в работах авторов-европеистов. Эндрю Джордан, анализируя принятие экологических стандартов странами – членами ЕС, упирает на то, что стандарты не просто «спускаются» Брюсселем и принимаются странами – членами ЕС, но обсуждаются между национальным и наднациональным уровнями власти, которые руководствуются имеющимися у них компетенциями для отстаивания своей позиции. Результатом этого обсуждения становится формирование «единой» европейской политики, удовлетворяющей интересы всех акторов, которые принимали участие в обсуждении [Jordan, 2000].

Выше мы отмечали, что главный раскол между теориями структурно-акторного подхода базировался на вопросе о том, под каким углом смотреть на отношения между уровнями власти в ЕС. Теоретики структурно-акторного подхода стремились определить своеобразного «царя горы»: для ряда исследователей в качестве единого и неоспоримого авторитета выступали нормативные регулирующие институты Европейского союза, а другие авторы подчеркивали способность стран – членов ЕС самостоятельно диктовать свои условия Брюсселю. Вопросы, волнующие сторонников идеи европейской общественной демократии, не связаны с иерархическими отношениями между уровнями принятия решений, но апеллируют к базовой критике концепции консociативизма в целом.

Большинство критиков общественной демократии сходятся во мнении, что консociативизм по своей сути является элитистской формой принятия решений. Филипп Родер и Дональд Ротшильд отмечают, что консociативная демократия ограничивает массовое участие граждан в политике и сводит принятие решений до соглашений между отдельными элитными группами [Sustainable peace... 2005, p. 6]. Пол Диксон поддерживает эту идею, отмечая, что общественный тип демократии страдает от «недостатка качества демократии (*democratic quality*)», что выражается в конструировании институциональных препятствий для граждан, стремящихся участвовать в политике напрямую, а не через представителей, выражающих их интересы [Dixon, 2012, p. 109]. В работах, посвященных архитектуре общественной демократии в

Европейском союзе, проблема недостатка качества демократии получила название *демократического дефицита*.

Критики консоциативной системы принятия решений в Европейском союзе задаются вопросом о том, позиция каких институтов наиболее сильная – институтов, которые напрямую выбираются гражданами Европейского союза (Европейский парламент), или институтов, которые формируются под эгидой его стран-членов (Совет министров и Европейская комиссия). Петер Краус обозначает этот вопрос как дихотомический: что такое Европейский союз – *союз стран* или *союз народов*? [Kraus, 2006, p. 209]. В то время как с формальной точки зрения и Европейский парламент, и Европейская комиссия являются институтами, формально независимыми от влияния стран – членов Европейского союза и должны «выражать интересы всего Союза» [Kohler-Koch, 1994, p. 168], большое количество исследований демонстрируют, что депутаты Европарламента и еврокомиссары крайне подвержены влиянию национальной повестки [Attina, 1990; Moravcsik, 1991; Peters, 1994; Kohler-Koch, 1997; Richardson, 2000]. За последние два десятилетия в среде исследователей, критикующих консоциативную архитектуру управления в Европейском союзе, укоренилось мнение, что в ЕС «не осталось места для избирателей» [Treib, 2014, p. 1544], поскольку процесс принятия политических решений происходит «исключительно благодаря соглашениям между влиятельными еврогруппами» [Treib, 2014, p. 1546]. С этой точки зрения критика консоциативной модели распределения власти в Европейском союзе схожа с критикой иерархической модели, которую описывают апологеты структурно-акторного подхода: обе модели практически не оставляют места для избирателей и их предпочтений, которые обеспечивают политическую повестку для инкубентов на национальном и наднациональном уровнях и формируют структуру вертикальной подотчетности [Kraus, 2006, p. 211].

Дискуссия о демократическом дефиците вновь возвращает нас к проблеме принятия решений в многосоставных и глубоко разделенных обществах. Примеры голосования за Конституцию ЕС и провал проекта соглашения о зоне свободной торговли с США демонстрируют, что институционализированное право взаимного вето может привести к откладыванию или даже отмене принятия решения, что влияет на всю политическую структуру

Европейского союза. В этих условиях, как отмечает Пол Магнетте, национальные и наднациональные акторы стремятся снизить политическую неопределенность и минимизировать возможность блокировки решений, имеющих «важную роль для функционирования Союза как политической системы» [Magnette, 2003, p. 151]. Практики лоббизма и договоренностей между акторами европейского политического процесса, транслирующие интересы национальных акторов на наднациональный уровень принятия решений, далеки от демократических и снижают эффективность подотчетности избранных представителей своему электорату, но, как отмечает Герхард Лембрух, вполне вписываются в логику функционирования консоциативных демократий, которые «редуцируют демократические принципы в пользу корпоративистской эффективности» [Lehmbruch, 1993].

Заключение

Мы описали два подхода к анализу проблем распределения и реализации властных полномочий и авторитета в Европейском союзе: структурно-акторный и консоциативный. Структурно-акторный подход ищет в структуре ЕС условного «царя горы» и берет за основу установки о линейных принципал-агентских отношениях между странами – членами Европейского союза и наднациональными нормативными регуляторами. В теориях структурно-акторного подхода на вершине иерархии оказываются либо европейские бюрократы и чиновники, устанавливающие правила игры для стран – членов ЕС, либо национальные акторы и элитные группировки, которые стремятся скорректировать общеевропейский политический курс в свою пользу. Рассмотрение проблемы власти и авторитета в привязке к концепту государственной состоятельности демонстрирует тот факт, что для сторонников структурно-акторного подхода наиболее важен вопрос о том, *кто* стоит во главе системы распределения ресурсов и определения политического курса в рамках управленческой структуры Европейского союза.

Второй подход к изучению проблемы властных отношений в Европейском союзе выходит за пределы обозначенной дихотомии «принципал – агент» и рассматривает связи между национальным

и наднациональным уровнями власти через призму теории консоциативной демократии. Для теоретиков консоциативного подхода наибольший интерес представляет вопрос о том, *как* будут аллоцироваться ресурсы и *кто* станет бенефициаром конкретного политического решения по итогам обсуждения в рамках европейских «больших коалиций». В отличие от работ структурно-акторного подхода, которые редуцируют отношения между странами – членами ЕС и наднациональным уровнем до двухуровневой иерархии, исследования сторонников идеи консоциативной демократии фокусируются на более специфических вопросах – проблемах горизонтальной и вертикальной подотчетности, демократического дефицита и многоуровневого авторитета.

Список литературы

- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 8–30.
- Стукал Д.К., Хавенсон Т.Е. Моделирование государственной состоятельности постсоциалистических стран // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – СПб., 2012. – № 1. – С. 233–260.
- Adler-Nissen R. Opting out of the European Union: diplomacy, sovereignty and European integration. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. – 266 p.
- Andeweg R.B. Consociational democracy // Annual Review of Political Science. – Palo Alto, 2000. – N 1. – P. 509–536.
- Armingeon K. Interest intermediation: The cases of consociational democracy and corporatism. Comparative Democratic Politics. A Guide to Contemporary Theory and Research. – L.: Sage, 2002. – 165 p.
- Attina F. The voting behaviour of the European Parliament members and the problem of the Europarties // European Journal of Political Research. – L., 1990. – N 5. – P. 557–579.
- Between power and plenty: Foreign economic policies of advanced industrial states / Ed. by P.J. Katzenstein. – Wisconsin: Univ. of Wisconsin press, 1978. – 344 p.
- Billiet S. From GATT to the WTO: The internal struggle for external competences in the EU // JCMS: Journal of Common Market Studies. – L., 2006. – N 5. – P. 899–919.
- Bogaards M. Democracy and Power-Sharing in Multinational States: Thematic Introduction // International Journal on Multicultural Societies. – 2006. – Vol. 8, N 2. – P. 119–126.
- Bogaards M., Crepaz M.M.L. Consociational interpretations of the European Union // European Union Politics. – Lisbon, 2002. – N 3. – P. 357–381.
- Bringing the state back in / P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – 404 p.

- Burgess M.* Federalism and the European Union: the building of Europe, 1950–2000. – L., 2002. – 290 p.
- Butenschoen N.A.* Conflict management in plural societies: The consociational democracy formula // *Scandinavian Political Studies*. – L., 1985. – N 1/2. – P. 85–103.
- Carlsnaes W.* The agency-structure problem in foreign policy analysis // *International studies quarterly*. – Oxford, 1992. – N 3. – P. 245–270.
- Checkel J.T.* Why comply? Social learning and European identity change // *International organization*. – Cambridge, 2001. – N 3. – P. 553–588.
- Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies* / Ed. by K. McRae. – Montreal, Quebec: McGill-Queen's univ. press, 1974. – 312 p.
- Cooper I.* The watchdogs of subsidiarity: National parliaments and the logic of arguing in the EU // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. – L., 2006. – N 2. – P. 281–304.
- Costa O., Foret F.* The European Consociational Model: An Exportable Institutional Design? // *European Foreign Affairs Review*. – Amsterdam, 2005. – N 4. – P. 501–516.
- Deliberating across deep divides* / R.C. Luskin, I. O'Flynn, J.S. Fishkin, D. Russell // *Political Studies*. – Boston, 2014. – N 1. – P. 116–135.
- Dixon P.* The politics of conflict: A constructivist critique of consociational and civil society theories // *Nations and Nationalism*. – L., 2012. – N 1. – P. 98–121.
- Fearon J.D.* Bargaining, enforcement, and international cooperation // *International organization*. – Cambridge, 1998. – N 2. – P. 269–305.
- Frogner A.P.* The mixed nature of Belgian cabinets between majority rule and consociationalism // *European Journal of Political Research*. – L., 1988. – N 2. – P. 207–228.
- Gabel M.J.* The endurance of supranational governance: A consociational interpretation of the European Union // *Comparative Politics*. – N.Y.; Chicago, Ill., 1998. – P. 463–475.
- Garry J.* Potentially Voting across the Divide in Deeply Divided Places: Ethnic Catch□All Voting in Consociational Northern Ireland // *Political Studies*. – Boston, 2014. – P. 2–19.
- Gheyle N., De Ville F.* Outside Lobbying and the Politicization of the Transatlantic Trade and Investment Partnership // *Lobbying in the European Union*. – Cham, 2019. – P. 339–354.
- Golub J.* Sovereignty and subsidiarity in EU environmental policy // *Political Studies*. – Boston, 1996. – N 4. – P. 686–703.
- Haas P.M.* Compliance with EU directives: insights from international relations and comparative politics // *Journal of European Public Policy*. – Oxford, 1998. – N 1. – P. 17–37.
- Haddad S.* Lebanon: from consociationalism to conciliation // *Nationalism and Ethnic Politics*. – Oxford, 2009. – N 3/4. – P. 398–416.
- Heidbreder E.G.* Structuring the European administrative space: Policy instruments of multi-level administration // *Journal of European Public Policy*. – Oxford, 2011. – N 5. – P. 709–727.
- Hille P., Knill C.* 'It's the Bureaucracy, Stupid' The Implementation of the Acquis Communautaire in EU Candidate Countries, 1999–2003 // *European Union Politics*. – L., 2006. – N 4. – P. 531–552.

- Horowitz D.L.* Conciliatory institutions and constitutional processes in post-conflict states // *William and Mary Law Review*. – Williamsburg, VA, 2008. – N 49. – P. 1213–1248.
- Horowitz D.L.* *Ethnic Groups in Conflict*. – Berkeley: University of California Press, 1985. – 711 p.
- Hug S., Schulz T.* Referendums in the EU's constitution building process // *The Review of International Organizations*. – L., 2007. – N 2. – P. 177–218.
- Jérôme B., Vaillant N.G.* The French rejection of the European constitution: An empirical analysis // *European Journal of Political Economy*. – Amsterdam, 2005. – N 4. – P. 1085–1092.
- Jervis R.* Cooperation under the security dilemma // *World politics*. – Baltimore, Md., 1978. – N 2. – P. 167–214.
- Jolly M.* A demos for the European Union? // *Politics*. – L., 2005. – N 1. – P. 12–18.
- Jordan A., Jeppesen T.* EU environmental policy: adapting to the principle of subsidiarity? // *European Environment*. – Hoboken, NJ, 2000. – N 2. – P. 64–74.
- Kaiser A.* Alternation, inclusion and the European Union // *European Union Politics*. – L., 2002. – N 4. – P. 445–458.
- Kant I.* *Perpetual peace: A philosophical sketch*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. – 59 p.
- Keohane R.O.* After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2005. – 320 p.
- Keohane R.O., Moravcsik A., Slaughter A.M.* Legalized dispute resolution: Interstate and transnational // *International organization*. – Cambridge, 2000. – N 3. – P. 457–488.
- Kohler-Koch B.* Changing patterns of interest intermediation in the European Union // *Government and Opposition*. – Cambridge, 1994. – N 2. – P. 166–180.
- Kohler-Koch B.* Organized Interests in the EC and the European Parliament // *European Integration online Papers (EIoP)*. – Wien, 1997. – N 9. – P. 1–15.
- Kraus P.* Legitimacy, democracy and diversity in the European Union // *International Journal on Multicultural Societies*. – Paris, 2006. – N 2. – P. 203–244.
- Legitimacy and the European Union: The contested polity / T. Banchoff, M. Smith (eds.). – L.: Routledge, 2005. – 240 p.
- Lehmbruch G.* Consociational democracy and corporatism in Switzerland // *Publius: The journal of federalism*. – 1993. – Vol. 23, N 2. – P. 43–60
- Lijphart A.* Consociational democracy // *World politics*. – Baltimore, Md., 1969. – N 2. – P. 207–225.
- Linos K.* How can international organizations shape national welfare states? Evidence from compliance with European Union directives // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, CA, 2007. – N 5. – P. 547–570.
- Magnette P.* European governance and civic participation: beyond elitist citizenship? // *Political studies*. – Boston, 2003. – N 1. – P. 144–160.
- Mendrinou M.* Non-compliance and the European commission's role in integration // *Journal of European Public Policy*. – Oxford, 1996. – N 1. – P. 1–22.
- Mitchell R.B.* Regime design matters: intentional oil pollution and treaty compliance // *International organization*. – Cambridge, 1994. – N 3. – P. 425–458.

- Moravcsik A.* Negotiating the Single European Act: national interests and conventional statecraft in the European Community // International organization. – Cambridge, 1991. – N 1. – P. 19–56.
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace. – N.Y.: Knopf, 1950. – 618 p.
- Noel S.J.R.* From power sharing to democracy: Post-conflict institutions in ethnically divided societies. – Montreal, Quebec: McGill-Queen's univ. press, 2005. – 312 p.
- Nye J.S.* Peace in parts: Integration and conflict in regional organization. – Boston: Little, Brown, 1971. – 136 p.
- Paraskevopoulos C.J.* Social capital, institutional learning and European regional policy: Evidence from Greece // Regional & Federal Studies. – L., 1998. – N 3. – P. 31–64.
- Peters B.G.* Agenda-setting in the European Community // Journal of European Public Policy. – Oxford, 1994. – N 1. – P. 9–26.
- Pollack M.A.* Principal-Agent Analysis and International Delegation: Red Herrings, Theoretical Clarifications and Empirical Disputes // SSRN Electronic Journal. – 2007. – P. 1–25.
- Reilly B.* Institutional designs for diverse democracies: Consociationalism, centripetalism and communalism compared // European Political Science. – L., 2012. – N 2. – P. 259–270.
- Richardson K.* Big business and the European agenda. – Sussex: Sussex European Institute, 2000. – 30 p. – (SEI working paper; N 35).
- Sandholtz W., Stone Sweet A.* European Integration and Supranational Governance 1 st Edition. – Oxford: Oxford University Press. – 400 p.
- Schneider G., Finke D., Baltz K.* With a little help from the state: interest intermediation in the domestic pre-negotiations of EU legislation // Journal of European Public Policy. – Oxford, 2007. – N 3. – P. 444–459.
- Selway J., Templeman K.* The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // Comparative Political Studies. – Thousand Oaks, CA, 2012. – N 12. – P. 1542–1571.
- Simmons B.A.* Compliance with international agreements // Annual review of political science. – N.Y., 1998. – N 1. – P. 75–93.
- Simonsen S.G.* Addressing ethnic divisions in post-conflict institution-building: Lessons from recent cases // Security Dialogue. – L., 2005. – N 3. – P. 297–318.
- Smooha S., Hanf T.* Conflict-regulation in deeply divided societies // International Journal of Comparative Sociology. – L., 1992. – N 33 (1/2). – P. 26–47.
- Sustainable Democracy* / Ed. by A. Przeworski. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 155 p.
- Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / P.G. Roeder, D.S. Rothchild (eds.). – Ithaca, NY: Cornell univ. press, 2005. – 406 p.
- Sweet A.S., Sandholtz W.* European integration and supranational governance // Journal of European public policy. – Oxford, 1997. – N 3. – P. 297–317.
- Tallberg J.* Paths to compliance: Enforcement, management, and the European Union // International organization. – Cambridge, 2002. – N 3. – P. 609–643.
- Taylor R.* Consociational theory. – L., 2009. – 416 p.

- Toonen T.A.J., Steunenberg B., Voermans W. Saying No to a European Constitution: Dutch Revolt, Enigma or Pragmatism? // *Zeitschrift für Staats-und Europawissenschaften*. – München, 2006. – N 4. – P. 594–619.
- Toshkov D. Transposition of EU social policy in the new member states // *Journal of European Social Policy*. – L., 2007. – N 4. – P. 335–348.
- Trauner F. Post-accession compliance with EU law in Bulgaria and Romania: a comparative perspective // *Post-accession compliance in the EU's new member states, European Integration online Papers (EIoP)* / F. Schimmelfennig, F. Trauner (eds.). – 2009. – Special Issue 2, Vol. 13, Art. 21. – P. 1–18. – Mode of access: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2009-021a.htm> (accessed: 22.05.2019.)
- Treib O. The voter says no, but nobody listens: causes and consequences of the Euro-sceptic vote in the 2014 European elections // *Journal of European Public Policy*. – Oxford, 2014. – N 10. – P. 1541–1554.
- Tsebelis G. Decision making in political systems: Veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism and multipartyism // *British journal of political science*. – L., 1995. – N 3. – P. 289–325.
- Volpi V. Why Europe will not run the 21 st century: reflections on the need for a new European federation. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – 275 p.
- Waltz K.N. Neorealism and its Critics. – N.Y.: Columbia univ. press, 1986. – 378 p.

A.B. Sorbale*

**Power and authority in the European Union:
«Kings of the hill» and «grand coalitions»**

Abstract. How is power and authority distributed in the European Union? What role does state capacity play in the framework of relations between the levels of authority in the EU? In this article, we seek to answer these questions by addressing two key approaches to the analysis of the European Union as a multi-level system of governance: the structural-actor approach and the approach of consociational democracy. While supporters of the structural-actor approach perceive the EU as a hierarchical system, where one of the levels of power is always in a position of dominance and can dictate its rules of the game, the theoreticians of European consociationalism are more interested in the issues related to the decision-making process under the conditions of «grand coalitions», horizontal and vertical accountability and democratic deficit.

Keywords: power; authority; structural-actor approach; consociational democracy; state capacity.

For citation: Sorbale A.B. Power and authority in the European Union: «Kings of the hill» and «grand coalitions». *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 200–221. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.11>

* **Sorbale Alexey**, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: asorbale@hse.ru

References

- Adler-Nissen R. *Opting out of the European Union: diplomacy, sovereignty and European integration*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2014, 266 p.
- Andrews R.B. *Consociational democracy*. *Annual Review of Political Science*. Palo Alto, 2000, N 1, P. 509–536.
- Armington K. *Interest intermediation: The cases of consociational democracy and corporatism*. *Comparative Democratic Politics. A Guide to Contemporary Theory and Research*. L.: Sage, 2002, 165 p.
- Attina F. The voting behaviour of the European Parliament members and the problem of the Europarties. *European Journal of Political Research*. 1990, N 5, P. 557–579.
- Between power and plenty: Foreign economic policies of advanced industrial states*. Ed. by P.J. Katzenstein. Univ. of Wisconsin press, 1978, 344 p.
- Billiet S. From GATT to the WTO: The internal struggle for external competences in the EU. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2006, N 5, P. 899–919.
- Bogaards M. Democracy and Power-Sharing in Multinational States: Thematic Introduction. *International Journal on Multicultural Societies*. 2006, Vol. 8, N 2, P. 119–126.
- Bogaards M., Crepaz M.M. L. Consociational interpretations of the European Union. *European Union Politics*. 2002, N 3, P. 357–381.
- Bringing the state back in*. Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge univ. press, 1985, 404 p.
- Burgess M. *Federalism and the European Union: the building of Europe, 1950–2000*. L.: Routledge, 2002, 290 p.
- Butenschön N.A. Conflict management in plural societies: The consociational democracy formula. *Scandinavian Political Studies*. 1985, N 1–2, P. 85–103.
- Carlsnaes W. The agency-structure problem in foreign policy analysis. *International studies quarterly*. 1992, N 3, P. 245–270.
- Checkel J.T. Why comply? Social learning and European identity change. *International organization*. 2001, N 3, P. 553–588.
- Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies*. Ed. by K. McRae. Montreal, Quebec: McGill-Queen's univ. press, 1974, 312 p.
- Cooper I. The watchdogs of subsidiarity: National parliaments and the logic of arguing in the EU. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2006, N 2, P. 281–304.
- Costa O., Foret F. The European Consociational Model: An Exportable Institutional Design? *European Foreign Affairs Review*. 2005, N 4, P. 501–516.
- Dixon P. The politics of conflict: A constructivist critique of consociational and civil society theories. *Nations and Nationalism*. 2012, N 1, P. 98–121.
- Fearon J.D. Bargaining, enforcement, and international cooperation. *International organization*. 1998, N 2, P. 269–305.
- Frogner A.P. The mixed nature of Belgian cabinets between majority rule and consociationalism. *European Journal of Political Research*. 1988, N 2, P. 207–228.
- Gabel M.J. The endurance of supranational governance: A consociational interpretation of the European Union. *Comparative Politics*. 1998, P. 463–475.
- Garry J. Potentially Voting across the Divide in Deeply Divided Places: Ethnic Catch-All Voting in Consociational Northern Ireland. *Political Studies*. 2014, P. 2–19.

- Gheyle N., De Ville F. Outside Lobbying and the Politicization of the Transatlantic Trade and Investment Partnership. *Lobbying in the European Union*. 2019, P. 339–354.
- Golub J. Sovereignty and subsidiarity in EU environmental policy. *Political Studies*. 1996, N 4, P. 686–703.
- Haas P.M. Compliance with EU directives: insights from international relations and comparative politics. *Journal of European Public Policy*. 1998, N 1, P. 17–37.
- Haddad S. Lebanon: from consociationalism to conciliation. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2009, N 3–4, P. 398–416.
- Heidbreder E.G. Structuring the European administrative space: Policy instruments of multi-level administration. *Journal of European Public Policy*. 2011, N 5, P. 709–727.
- Hille P., Knill C. 'It's the Bureaucracy, Stupid' The Implementation of the Acquis Communautaire in EU Candidate Countries, 1999–2003. *European Union Politics*. 2006, N 4, P. 531–552.
- Horowitz D.L. Conciliatory institutions and constitutional processes in post-conflict states. *William and Mary Law Review*. 2008, N 49, P. 1213–1248.
- Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985, 711 p.
- Hug S., Schulz T. Referendums in the EU's constitution building process. *The Review of International Organizations*. 2007, N 2, P. 177–218.
- Jérôme B., Vaillant N.G. The French rejection of the European constitution: An empirical analysis. *European Journal of Political Economy*. 2005, N 4, P. 1085–1092.
- Jervis R. Cooperation under the security dilemma. *World politics*. Baltimore, Md., 1978, N 2, P. 167–214.
- Jolly M. A demos for the European Union? *Politics*. 2005, N 1, P. 12–18.
- Jordan A., Jeppesen T. EU environmental policy: adapting to the principle of subsidiarity? *European Environment*. 2000, N 2, P. 64–74.
- Kaiser A. Alternation, inclusion and the European Union. *European Union Politics*. 2002, N 4, P. 445–458.
- Kant I. *Perpetual peace: A philosophical sketch*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1970, 59 p.
- Keohane R.O. *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2005, 320 p.
- Keohane R.O., Moravcsik A., Slaughter A.M. Legalized dispute resolution: Interstate and transnational. *International organization*. 2000, N 3, P. 457–488.
- Kohler-Koch B. Changing patterns of interest intermediation in the European Union. *Government and Opposition*. 1994, N 2, P. 166–180.
- Kohler-Koch B. Organized Interests in the EC and the European Parliament. *European Integration online Papers (EIoP)*. 1997, N 9, P. 1–15.
- Kraus P. Legitimacy, democracy and diversity in the European Union. *International Journal on Multicultural Societies*. 2006, N 2, P. 203–244.
- Legitimacy and the European Union: The contested polity* / T. Banchoff, M. Smith (eds.). Routledge, 2005, 240 p.
- Lehmbruch G. Consociational democracy and corporatism in Switzerland. *Publius: The journal of federalism*. 1993, Vol. 23, N 2, P. 43–60.
- Lijphart A. Consociational democracy. *World politics*. 1969, N 2, P. 207–225.

- Linos K. How can international organizations shape national welfare states? Evidence from compliance with European Union directives. *Comparative Political Studies*. 2007, N 5, P. 547–570.
- Luskin R.C. et al. Deliberating across deep divides. *Political Studies*. Boston, 2014, N 1, P. 116–135.
- Magnette P. European governance and civic participation: beyond elitist citizenship? *Political studies*. 2003, N 1, P. 144–160.
- Melville A. Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. State consistency, democracy and democratization (on the example post-communist countries). *Polis. Political Studies*. 2012, N 2, P. 8–30. (In Russ.)
- Mendrinou M. Non-compliance and the European commission's role in integration. *Journal of European Public Policy*. 1996, N 1, P. 1–22.
- Mitchell R.B. Regime design matters: intentional oil pollution and treaty compliance. *International organization*. 1994, N 3, P. 425–458.
- Moravcsik A. Negotiating the Single European Act: national interests and conventional statecraft in the European Community. *International organization*. 1991, N 1, P. 19–56.
- Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Knopf, 1950, 618 p.
- Noel S.J.R. *From power sharing to democracy: Post-conflict institutions in ethnically divided societies*. Montreal, Quebec: McGill-Queen's univ. press, 2005, 312 p.
- Nye J.S. *Peace in parts: Integration and conflict in regional organization*. Boston: Little, Brown, 1971.
- Paraskevopoulos C.J. Social capital, institutional learning and European regional policy: Evidence from Greece. *Regional & Federal Studies*. 1998, N 3, P. 31–64.
- Peters B.G. Agenda-setting in the European Community. *Journal of European Public Policy*. 1994, N 1, P. 9–26.
- Pollack M.A. Principal-Agent Analysis and International Delegation: Red Herrings, Theoretical Clarifications and Empirical Disputes. *SSRN Electronic Journal*. 2007, P. 1–25.
- Reilly B. Institutional designs for diverse democracies: Consociationalism, centripetalism and communalism compared. *European Political Science*. 2012, N 2, P. 259–270.
- Richardson K. *Big business and the European agenda*. Sussex: Sussex European Institute, 2000, 30 p. (SEI working paper No. 35)
- Sandholtz W., Stone Sweet A. *European Integration and Supranational Governance 1 st Edition*. Oxford: Oxford University Press, 400 p.
- Schneider G., Finke D., Baltz K. With a little help from the state: interest intermediation in the domestic pre-negotiations of EU legislation. *Journal of European Public Policy*. 2007, N 3, P. 444–459.
- Selway J., Templeman K. The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies. *Comparative Political Studies*. 2012, N 12, P. 1542–1571.
- Simmons B.A. Compliance with international agreements. *Annual review of political science*. 1998, N 1, P. 75–93.
- Simonsen S.G. Addressing ethnic divisions in post-conflict institution-building: Lessons from recent cases. *Security Dialogue*. 2005, N 3, P. 297–318.

- Smootha S., Hanf T. Conflict-regulation in deeply divided societies. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992, N 33 (1–2), P. 26–47
- Stukal D.K., Havenson T.E. Modeling State Capacity in Post-Socialist Countries. *Political Expertise: POLITEX*. 2012, N 1, P. 233–260. (In Russ.)
- Sustainable Democracy*. Ed. by A. Przeworski. Cambridge: Cambridge univ. press, 1995, 155 p.
- Sustainable peace: Power and democracy after civil wars*. Ed. by P.G. Roeder, D.S. Rothchild. Ithaca, NY: Cornell univ. press, 2005, 406 p.
- Sweet A.S., Sandholtz W. European integration and supranational governance. *Journal of European public policy*. 1997, N 3, P. 297–317.
- Tallberg J. Paths to compliance: Enforcement, management, and the European Union. *International organization*. 2002, N 3, P. 609–643.
- Taylor R. *Consociational theory*. Routledge, 2009, 416 p.
- Toonen T.A.J., Steunenberg B., Voermans W. Saying No to a European Constitution: Dutch Revolt, Enigma or Pragmatism? *Zeitschrift für Staats-und Europawissenschaften*. 2006, N 4, P. 594–619.
- Toshkov D. Transposition of EU social policy in the new member states. *Journal of European Social Policy*. 2007, N 4, P. 335–348.
- Trauner F. Post-accession compliance with EU law in Bulgaria and Romania: a comparative perspective. In: *Post-accession compliance in the EU's new member states, European Integration online Papers (EIoP)*. Ed. by F. Schimmelfennig, F. Trauner. 2009, Special Issue 2, Vol. 13, Art. 21, P. 1–18, Mode of access: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2009-021a.htm> (accessed: 22.05.2019.)
- Treib O. The voter says no, but nobody listens: causes and consequences of the Euro-sceptic vote in the 2014 European elections. *Journal of European Public Policy*. 2014, N 10, P. 1541–1554.
- Tsebelis G. Decision making in political systems: Veto players in presidentialism, parliamentarism, multicameralism and multipartyism. *British journal of political science*. 1995, N 3, P. 289–325.
- Volpi V. *Why Europe will not run the 21 st century: reflections on the need for a new European federation*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011, 275 p.
- Waltz K.N. *Neorealism and its Critics*. N.Y.: Columbia univ. press, 1986, 378 p.

С.А. МЯСНИКОВ*

ЛЕГИТИМАЦИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ: АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме концептуализации легитимности. Будучи одним из фундаментальных понятий политического анализа, легитимность служит для описания отношений власти, политического порядка, режима и отдельных институтов. В статье обосновывается релевантность изучения практик легитимации решений, действий, политики (policy), доказываемая необходимость разграничения «легитимации» (legitimation) и «обоснования» (justification) политики, предлагается их концептуализация.

Ключевые слова: легитимность; легитимация политики; обоснование политики; политический процесс; публичная коммуникация; политический цикл; анализ политики.

Для цитирования: Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 222–235. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

Легитимность и легитимация – фундаментальные понятия политической науки, однако практика их использования не отличается единообразием. Это проявляется даже на уровне терминологии. Например, в английском языке *легитимность* обозначается общепринятым словом *legitimacy*, а вот для *легитимации* есть разные транскрипции: в британском варианте – *legitimation*, в американском – *legitimization*: при этом некоторые авторы используют в англоязычных текстах немецкий вариант *legitimation*.

* Мясников Станислав Александрович, соискатель аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: smyasnikov@hse.ru

Легитимация существует в системе отношений «власть – общество», «общество – власть» и может реализовываться посредством использования различных механизмов, в зависимости от объекта легитимации. Литература в большей степени предлагает исследования, в том числе эмпирические, касающиеся анализа *легитимации* порядка, режима, власти, что приводит к неполной концептуализации понятия. Мы полагаем, что также необходимо изучать *легитимацию* решения, действия, политического курса.

Во-первых, анализ легитимации политики выявляет особенности коммуникативных механизмов легитимации и позволяет сказать, почему политика может приниматься одной аудиторией, но не приниматься другой. *Во-вторых*, подобный подход может быть частью policy analysis. Для изучения легитимации релевантны следующие стадии политического цикла: формулирование политики (policy formulation), принятие политики (policy adoption) и применение политики (policy implementation). П. Керни [Cairney, 2016] предложил рассматривать легитимацию (legitimation) как самостоятельную стадию. Однако формулирование политики и принятие политики заключаются в выработке и выборе политического решения среди альтернативных [Sidney, 2007], следовательно, на этом этапе уже предлагается *обоснование* того или иного решения, используемое в последующей *легитимации*. Стадия применения политики подразумевает непосредственное осуществление политического курса, которое может включать легитимацию посредством обоснования выбранной политики для широкой аудитории. *В-третьих*, легитимность политики может быть одним из факторов легитимности существующего порядка.

Целью данной статьи является концептуализация понятия *легитимация политики*, выявление разницы между *легитимацией* (legitimation) и *обоснованием* (justification) политики. Мы сосредоточимся на трех аспектах проблемы концептуализации легитимации. Прежде всего, попытаемся доказать, что легитимация политики, действий, решений не менее важна, чем легитимация власти, режима, социального порядка. Помимо этого, покажем, каким образом выбор механизмов *легитимации* зависит от легитимируемого объекта. Наконец, выявим концептуальные разграничения между понятиями *легитимация политики* (policy legitimation) и *обоснование политики* (policy justification).

«Легитимность» и «легитимация»

Как обсуждалось выше, принято различать понятия *легитимность* и *легитимация*. Первое означает поддержку, одобрение, принятие политического порядка, лидера, режима, власти, политического курса, действия или решения [Dahl, 1956; Easton, 1965; von Haldenwang, 2017]. Второе подразумевает процесс обретения легитимности [Del Sordi, Dalmasso, 2018; Johnson, Dowd, Ridgeway, 2006; Holmes, 2010; von Soest, Grauvogel, 2017].

Легитимность в качестве аналитической единицы ввел М. Вебер [Weber, 1958]. С тех пор появилось огромное количество исследований, но именно на его труды чаще всего ссылаются исследователи, изучающие *легитимность*. Тем не менее единого подхода к концептуализации *легитимности* не существует.

Подходы к определению легитимности различаются. Понятие может рассматриваться через категоризацию типов, объектов, источников. Наиболее фундаментальная проблема, и в этом мы соглашаемся с рядом авторов, заключается в концептуальном разграничении *легитимности* и политической *поддержки* [von Haldenwang, 2017; Chapman, 2009; Hurd, 1999; Social justice... 2007]. Как и поддержка, легитимность обретается в обществе; и то и другое подразумевает не индивидуальное одобрение, а сумму индивидуальных одобрений, т.е. наличие коллективного согласия, консенсуса [Дюверже, 2011]. Однако поддержка политики может иметь различные основания; например, основываться на страхе или на ожидаемой выгоде [von Haldenwang, 2017]. Это обстоятельство находит отражение в литературе. Так, Д. Истон предлагал различать диффузную и специальную поддержку, которые рассматривал как предпосылки для определенных типов *легитимности* [Easton, 1965]. Такое понимание не позволяет отделить *легитимность* от политической поддержки, хоть и предполагает наличие второй в качестве основы для первой. Если поддержка опирается на разные виды рациональности (rationalities) [Easton, 1965], а такими могут быть, среди прочих, и страх, и выгода, и харизма [Weber, 1958], то легитимность, основанная на этой поддержке, не является собственно легитимностью.

На наш взгляд, для разграничения *легитимности* и политической поддержки полезно вспомнить определение Р. Даля, который писал о легитимности как о «*вере в правильность решения или*

процесса принятия решений» [Dahl, 1956, p. 46]. Ключевым моментом здесь является «вера», ибо она строится на доверии, принятии аргументов в пользу того или иного решения. Вера не может возникнуть в силу страха или выгоды, поскольку представляет собой более сложный психологический феномен и исходит из соотношения ожиданий (*attitudes*) индивида с тем, что он наблюдает, соответственно, принимая наблюдаемое в качестве правильного или неправильного. Если положение вещей поддерживается, одобряется, с ним согласно общество, если в его правильность *верят*, значит, оно *легитимно*. Оно – лучшее среди альтернатив [Easton, 1965]. Следовательно, политическая поддержка, среди прочего, может основываться на таких вещах, как страх или выгода, а легитимность строится исключительно на коллективной вере в правильность объекта, который нуждается в легитимности.

Легитимность является качеством, обретаемым в процессе *легитимации*. В свою очередь, *легитимация* происходит в системе отношений «власть – общество» и «общество – власть». Такие отношения существуют в формате цикла, в котором К. Гальденванг выделяет *требование легитимности* (*legitimacy claim*) и *требование легитимации* (*legitimation demand*). Власть способна определенным образом реагировать на *требование легитимации* со стороны народа, а народ отвечает на *требование легитимности* со стороны власти. Однако максимальный положительный эффект власть имеет в случае, когда способна формировать поведение индивидов [von Haldenwang, 2017].

По мнению Т. Парсонса, легитимность не возникает сама по себе, и «никакой нормативный порядок никогда не может являться самолегитимирующимся в том значении, что одаренный или заприщенный способ жизни автоматически рассматривается как правильный или независимый безо всяких объяснений» [Парсонс, 1993, с. 102]. Процесс обретения легитимности не автономен, он не может происходить без намеренного участия власти. В этом смысле легитимация осуществляется «сверху», но в системе отношений «власть – общество» и «общество – власть», поскольку данные отношения взаимны и цикличны, существуют в конкретных условиях. Однако процесс *легитимации* как совершение действий, направленных на обретение веры в правильность объекта легитимации, может привести к обретению *легитимности*, а мо-

жет не привести, поскольку веры в «правильность» того, что легитимируется, может и не возникнуть.

Объекты легитимации

Термин *легитимация* чаще всего используется применительно к порядку, лидеру, режиму, власти, что, в частности, подтверждает анализ Р. Смоука. По его заключению, «в литературе по международной политике и политическому анализу существует малое количество работ, которые фокусируются на легитимности политики. Мы больше знакомы с легитимностью как необходимостью для государства или режимов» [Smoke, 1994, p. 98]. Этот вывод подтверждается и нашим анализом. Поиск по ключевым словам «легитимность», «легитимация» в базах научных публикаций Google Scholar, EBSCO, JSTOR дает красноречивый список заголовков: «Взаимосвязь легитимации политической власти в России...», «Механизм политического текста в легитимации власти», «Легализация и легитимация политической власти», «Легитимация государственной власти как неотъемлемый компонент ее эффективности», «Легитимация власти в условиях политической модернизации...». Зарубежные исследователи также часто используют *легитимность* и *легитимацию* в связке с режимом: «Внешняя политика как источник легитимации для «Соревновательных авторитарных режимов», «Сравнительное исследование стратегий легитимации в гибридных режимах».

Однако предложенная Р. Далем интерпретация легитимности как веры в *правильность решения и процесса принятия решений* позволяет утверждать, что объектом *легитимации* может быть не только *порядок, режим, власть*, но и *решение, действие, политический курс*.

О возможности анализа легитимации решений и действий свидетельствуют и социологические исследования на микроуровне, в рамках *organizational studies*. Они концентрируются на организациях, коммерческих структурах, решениях их руководства, политике компаний [Johnson, 2006; Ruef, Scott, 1998; Turcan, Marinova, Bakhtiar Rana, 2012]. Легитимация таких структур осуществляется по-разному, например, через обладающие публичностью (видимостью) корпоративную социальную ответственность и бла-

готворительную деятельность. Неотъемлемым элементом такой легитимации является *публичная коммуникация*.

Политика также легитимируется в публичном пространстве *посредством коммуникации*. В частности, в условиях *медиатизации* легитимация институций, процедур и политического курса подразумевает наличие публичного способа аргументации, а легитимные порядки в наши дни базируются не только на рациональных бюрократических процедурах, но и на рефлексивном обосновании [Abulof, Kornprobst, 2017].

Механизмы *легитимации* зависят от объекта, тем не менее они могут быть универсальными для нескольких объектов. В случаях, когда *легитимируется* порядок, режим, власть, процесс может осуществляться посредством создания института, процедур, правил, цензурирования, построения идеологии [Del Sordi, Dalmasso, 2018; Johnson, Dowd, Ridgeway, 2006; Holmes, 2010; von Soest, Grauvogel, 2017; Lorch, Bunk, 2017; Dukalskis, Gerschewski, 2017]. Создание таких институтов и процедур становится ответом власти на *требование легитимации* со стороны народа, в то время как народ отвечает на *требование легитимности*, одобряя институционализацию, веря в правильность процедур.

По-видимому, данные легитимирующие механизмы также влияют на легитимацию действий и решений. Решение может восприниматься как легитимное, если оно принято легитимным институтом посредством легитимных процедур принятия решений. Существует и обратная связь, когда по тому или иному политическому действию и решению институт может обрести у людей *доверие* или *недоверие*. Политические действия и решения, осуществляемые в определенном контексте, способны вызвать вопрос о *правильности порядка, в рамках которого осуществляется такой политический курс и принимается такое решение*. В этом смысле политическое действие, решение, курс *публично обосновываются*, что также является *частью механизма легитимации*. В публичном обосновании нуждаются не только политика, решение, но и процесс создания институтов, правил, процедур, поскольку это своего рода последовательность политических действий. Решение о создании таких институтов, правил и процедур также является политическим.

Таким образом, процесс легитимации может осуществляться не только в отношении порядка, но и в отношении отдельных по-

литических действий, решений, политических курсов. Когда легитимируется *политическое решение, действие, публичная политика «требование легитимации»* заключается в том, что народ ожидает оправдания, обоснования, т.е. объяснения, почему именно такое решение, действие или публичную политику принимает и осуществляет власть. В этом случае легитимация осуществляется посредством *коммуникативных средств*, а *обоснование* становится инструментом *требования легитимности*.

«Легитимация» и «обоснование» политического курса

Часто понятия *легитимация* и *обоснование* смешиваются, однако их следует разделять. Важное различие *легитимации политики* (policy legitimation) и *обоснования политики* (policy justification) заключается в том, что обоснование политики – это один из инструментов легитимации, осуществляемый посредством публичной коммуникации.

Поскольку *легитимация политики* предполагает наличие коммуникативного процесса в общественной сфере [Abulof, Kornprobst, 2017], то ее изучение сводится к анализу того, «что говорят (содержание легитимации), как говорят (техника легитимации), контекст, в котором это сказано» [Goddard, Krebs, 2015, p. 8]. На наш взгляд, более корректно в данном случае употреблять термин *обоснование*, поскольку даже лексически правильнее сказать: содержание обоснования, техника обоснования; обоснование, а не легитимация придает значение политическому действию. Более четким становится понимание того, что подвергается изучению.

Обоснование (justification) подразумевает адресность, поэтому к триаде «что говорят, как говорят, в каком контексте» мы считаем верным добавить «кому говорят». То есть оно обращено к кому-то конкретному – группе людей, индивиду [White, 2011]. Обоснование должно строиться на сравнении чего-то с чем-то, тем самым будет принято лучшее: «Обосновать что-то – значит показать, почему это лучше в сравнении с альтернативой, принимая во внимание связанные факторы... Обосновывать политический принцип, акт публичной политики или политическую программу – значит показать, что делает этот принцип, акт или программу предпочтительнее альтернативы...» [Ibid., p. 385].

При изучении *обоснования* также необходимо анализировать публичную коммуникацию, социальный контекст, продуктивность оправданий [Abulof, Kornprobst, 2017]. Во внимание принимаются политический и социальный контекст, сложность и дифференцированность аудитории, что включает в себя культурные, этические или религиозные особенности. Важным моментом является языковая составляющая, поскольку публичная коммуникация в условиях, например, многосоставных обществ осложняется различием языковой структуры и коммуникативных паттернов.

Публичное обоснование осуществляется множеством акторов: государственные акторы, СМИ, лидеры мнений. Наиболее важны акторы (*ex officio*), поскольку они формируют политический курс, а их позиция уже впоследствии тиражируется СМИ.

Обоснование включает в себя аргументацию, объяснение, интерпретацию, сравнение, убеждение, формирование мнения посредством коммуникации и публичной риторики. *Обоснование служит средством для обретения легитимности, т.е. инструментом, при помощи которого осуществляется легитимация.*

Предложенный способ разграничения «легитимации политики» и «обоснования политики» можно суммировать в виде таблицы (см. табл.).

Таблица

Концептуализация терминов «Легитимация политики (policy legitimation)» и «Обоснование политики (policy justification)»

Термин	Тип	Употребляется в отношении	Инструменты	Результат процесса
1	2	3	4	5
Легитимация	Требование легитимации (legitimation demand)	Порядка, режима, политической системы, лидера, института, процесса, политического действия, организации, структуры, политического курса, политики, решения	Требования, выдвигаемые в отношении власти с целью побудить власть оправдать, обосновать, изменить политический порядок, действие, решение	Вера, одобрение, принятие, согласие, поддержка, недоверие, неодобрение, непринятие, несогласие, неподдержка
	Требование легитимности (legitimacy claim)		Действия власти: обоснование, институционализация, игнорирование требований народа	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Обоснование	Инструмент «требование легитимности» (legitimacy claim)	Для аргументации правильности, необходимости: режима, политической системы, лидера, института, процесса, политического действия, организации, структуры, политического курса, политики, решения	Аргументация, объяснение, интерпретация, сравнение, убеждение, формирование мнения, коммуникация, использование риторических средств	Вера, мобилизация, поддержка, одобрение, принятие, согласие, недоверие, неодобрение, неприятие, несогласие, неподдержка

* * *

Как мы попытались показать, понятия *легитимность* и *легитимация* могут использоваться не только применительно к порядку, режиму, власти, но и к решениям, действиям, политическому курсу.

С учетом аргументов, приведенных в данной статье, *легитимность* можно понимать не просто как «обобщенное восприятие или предположение, что действия субъекта желательны, правильны или уместны в рамках какой-либо социальной структуры системы норм, убеждений и определений» [Suchman, 1995, p. 574], а как коллективное согласие и *веру* в то, что существующий порядок, положение вещей, решения и / или действия субъекта наиболее правильны, чем любые альтернативные в рамках определенной социальной структуры, в существующем контексте и системе ценностей.

Мы также предлагаем определение легитимации: *легитимация* – это процесс обретения и удержания легитимности, т.е. согласия и веры в правильность политического режима, лидера, института, порядка, решения, действия, политического курса.

Обоснование политики отлично от легитимации политики. *Обоснование политики* – это одно из средств легитимации политики, направленное на формирование положительного отношения к политическому курсу посредством использования публичных коммуникативных и риторических средств в определенном контексте через формулирование необходимости, наибольшей приемлемости

среди других альтернатив данной конкретной политики (политического курса) для локальных и нелокальных обществ.

Обоснование политики является коммуникативным способом легитимации политики и, в свою очередь, может использовать такие инструменты, как аргументация, сравнение, интерпретация. Преследует целью убеждение, формирование мнения посредством коммуникации; т.е. по поводу того или иного решения, процесса, политического курса или института происходят так называемые рекламные кампании, направленные на предоставление аргументов в пользу того, почему то или иное решение, политический курс, процесс должны приниматься обществом и обретать веру в свою правильность. Так как обоснование включает в себя аргументацию, объяснение, сравнение, убеждение посредством публичной коммуникации, оно может мобилизовать общество. Тем не менее в процессе обоснования политическое решение, действие, политика может обрести легитимность, но может и не обрести.

Концептуальная сложность *легитимации* и *обоснования* заключается в близости двух терминов. Мы полагаем, что их разграничение заключается в том, что *легитимация может включать в себя обоснование как механизм*, когда второе не может включать в себя первое. Многие авторы часто придают им равное значение, однако, на наш взгляд, такое объединение затрудняет изучение, поскольку усложняется понимание того, что на самом деле исследуется.

Список литературы

- Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. – М., 2011. – № 5. – С. 206–217.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – № 2. – С. 94–122.
- Abulof U., Kornprobst M. Introduction: The politics of public justification // Contemporary Politics. – N.Y., 2017. – Vol. 23, N 1. – P. 1–18.
- Alker H.R. The powers and pathologies of networks: Insights from the political cybernetics of Karl W. Deutsch and Norbert Wiener // European Journal of International Relations. – L., 2011. – Vol. 17, N 2. – P. 354–378.
- Cairney P. The Politics of Evidence Based Policy Making. – Stirling: Palgrave Macmillan, 2016. – 137 p.

- Chapman T.L.* Audience beliefs and international organization legitimacy // *International Organization*. – Cambridge, 2009. – Vol. 63, N 4. – P. 733–764.
- Dahl R. A.* Preface to *Democratic Theory*. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956. – 155 p.
- Del Sordi A., Dalmasso E.* The Relation between External and Internal Authoritarian Legitimation: The Religious Foreign Policy of Morocco and Kazakhstan // *Taiwan Journal of Democracy*. – Taiwan, 2018. – Vol. 14, N 1. – P. 95–116.
- Dukalskis A., Gerschewski J.* What autocracies say (and what citizens hear): proposing four mechanisms of autocratic legitimation // *Contemporary Politics*. – N.Y., 2017. – Vol. 23, N 3. – P. 251–268.
- Easton D.A.* *Systems Analysis of Political Life*. – N.Y.: John Wiley and Sons, 1965. – 507 p.
- Goddard S.E., Krebs R.R.* Rhetoric, legitimation, and grand strategy // *Security Studies*. – L., 2015. – Vol. 24, N 1. – P. 5–36.
- Hanberger A.* Public policy and legitimacy: A historical policy analysis of the interplay of public policy and legitimacy // *Policy Sciences*. – Amsterdam, 2003. – Vol. 36, N 3/4. – P. 257–278.
- Holmes L.* Legitimation and legitimacy in Russia revisited // *Russian Politics from Lenin to Putin* / S. Fortescue (ed.). – L.: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 101–126.
- Hurd I.* Legitimacy and authority in international politics // *International organization*. – Cambridge, 1999. – Vol. 53, N 2. – P. 379–408.
- Johnson C., Dowd T.J., Ridgeway C.L.* Legitimacy as a social process // *Annual Review Sociology*. – Palo Alto, California, 2006. – Vol 32. – P. 53–78.
- Lipset S.M.* *Political man. The social basis of politics*. – N.Y.: Doubleday, 1959. – 586 p.
- Lorch J., Bunk B.* Using civil society as an authoritarian legitimation strategy: Algeria and Mozambique in comparative perspective // *Democratization*. – L., 2017. – Vol. 24, N 6. – P. 987–1005.
- Ruef M., Scott W.R.* A multidimensional model of organizational legitimacy: Hospital survival in changing institutional environments // *Administrative science quarterly*. – Cornell, 1998. – Vol. 43, N 4. – P. 877–904.
- Sidney M.S.* Policy Formulation, Design and Tools // *Handbook of Public Policy: Theory, Politics, and Methods* / F. Fischer, G.J. Miller, M.S. Sidney (eds.). – Boca Raton: CRC Press, 2007. – P. 79–88.
- Smoke R.* On the importance of policy legitimacy // *Political Psychology*. – Columbus, NC, 1994. – Vol. 15, N 1. – P. 97–110.
- Social justice, legitimacy and the welfare state* / S. Mau, B. Veghte (eds.). – Burlington, VT.: Ashgate Publishing, Ltd., 2007. – 233 p.
- Suchman M.C.* Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // *Academy of management review*. – N.Y., 1995. – Vol. 20, N 3. – P. 571–610.
- Turcan R.V., Marinova S., Bakhtiar Rana M.* Empirical studies on legitimation strategies: A case for international business research extension // *Institutional Theory in International Business and Management* / L. Tihanyi, T. Devinney, T. Pedersen (eds.). – Bingley, 2012. – P. 425–470.

- von Haldenwang C. The relevance of legitimation – a new framework for analysis // Contemporary Politics. – N.Y., 2017. – Vol. 23, N 3. – P. 269–286.
- von Soest C., Grauvogel J. Identity, procedures and performance: How authoritarian regimes legitimize their rule // Contemporary Politics. – N.Y., 2017. – Vol. 23, N 3. – P. 287–305.
- Weber M. The three types of legitimate rule // Berkeley Publications in Society and Institutions. – California, 1958. – Vol. 4, N 1. – P. 1–11.
- White J., Ypi L. On partisan political justification // American political science review. – Baltimore, MD, 2011. – Vol. 105, N 2. – P. 381–396.

S.A. Myasnikov*

**Legitimation and justification of policy:
Analysis of conceptual distinctions**

Abstract. The article considers the problem of conceptualization of legitimacy. While being one of the fundamental concepts of political analysis, «legitimacy» describes the relationships of power, political order, regime, individual institutions, etc. The article argues for the relevance of studying the practice of decisions, actions, policy legitimation, proves the need to distinguish between «legitimation» and «justification» of policies, proposes their conceptualization.

Keywords: legitimacy; policy legitimation; policy justification; political process; public communication; policy cycle; policy analysis.

For citation: Myasnikov S.A. Legitimation and justification of policy: analysis of conceptual distinctions. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 222–235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

References

- Abulof U., Kornprobst M. Introduction: The politics of public justification. *Contemporary Politics*. 2017, Vol. 23, N 1, P. 1–18.
- Alker H.R. The powers and pathologies of networks: Insights from the political cybernetics of Karl W. Deutsch and Norbert Wiener. *European Journal of International Relations*. 2011, Vol. 17, N 2, P. 354–378.
- Cairney P. *The Politics of Evidence Based Policy Making*. Stirling: Palgrave Macmillan, 2016, 137 p.
- Chapman T.L. Audience beliefs and international organization legitimacy. *International Organization*. 2009, Vol. 63, N 4, P. 733–764.

* **Stanislav A. Myasnikov**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: smyasnikov@hse.ru

- Dahl R. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956, 155 p.
- Del Sordi A., Dalmasso E. The Relation between External and Internal Authoritarian Legitimation: The Religious Foreign Policy of Morocco and Kazakhstan. *Taiwan Journal of Democracy*. Taiwan, 2018, Vol. 14, N 1, P. 95–116.
- Dukalskis A., Gerschewski J. What autocracies say (and what citizens hear): Proposing four mechanisms of autocratic legitimation. *Contemporary Politics*. 2017, Vol. 23, N 3, P. 251–268.
- Duverger M. Political institutions and constitutional law. *Sociology of Power*. 2011, N 5, P. 206–217. (In Russ.)
- Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. N.Y.: John Wiley and Sons, 1965, 507 p.
- Goddard S.E., Krebs R.R. Rhetoric, legitimation, and grand strategy. *Security Studies*. 2015, Vol. 24, N 1, P. 5–36.
- Hanberger A. Public policy and legitimacy: A historical policy analysis of the interplay of public policy and legitimacy. *Policy Sciences*. 2003, Vol. 36, N 3–4, P. 257–278.
- Holmes L. Legitimation and legitimacy in Russia revisited. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by S. Fortescue. L.: Palgrave Macmillan, 2010, P. 101–126.
- Hurd I. Legitimacy and authority in international politics. *International organization*. Cambridge, 1999, Vol. 53, N 2, P. 379–408.
- Johnson C., Dowd T.J., Ridgeway C.L. Legitimacy as a social process. *Annual Review Sociology*. 2006, Vol. 32, P. 53–78.
- Lipset S.M. *Political man. The social basis of politics*. N.Y.: Doubleday, 1959, 86 p.
- Lorch J., Bunk B. Using civil society as an authoritarian legitimation strategy: Algeria and Mozambique in comparative perspective. *Democratization*. 2017, Vol. 24, N 6, P. 987–1005.
- Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. *THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 1993, N 2, P. 94–122. (In Russ.)
- Ruef M., Scott W.R. A multidimensional model of organizational legitimacy: Hospital survival in changing institutional environments. *Administrative science quarterly*. 1998, Vol. 43, N 4, P. 877–904.
- Sidney M.S. Policy Formulation, Design and Tools. In: *Handbook of Public Policy: Theory, Politics, and Methods*. Ed. by F. Fischer, G.J. Miller, M.S. Sidney. Boca Raton: CRC Press, 2007, 668 p.
- Smoke R. On the importance of policy legitimacy. *Political Psychology*. 1994, Vol. 15, N 1, P. 97–110.
- Social justice, legitimacy and the welfare state*. Ed. by S. Mau, B. Veghte. Burlington, VT.: Ashgate Publishing, Ltd., 2007, 233 p.
- Suchman M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches. *Academy of management review*. 1995, Vol. 20, N 3, P. 571–610.
- Turcan R.V., Marinova S., Bakhtiar Rana M. Empirical studies on legitimation strategies: A case for international business research extension. In: *Institutional Theory in International Business and Management*. Ed. by L. Tihanyi, T. Devinney, T. Pedersen. Bingley, 2012, P. 425–470.

- von Haldenwang C. The relevance of legitimation – a new framework for analysis. *Contemporary Politics*. 2017, Vol. 23, N 3, P. 269–286.
- von Soest C., Grauvogel J. Identity, procedures and performance: How authoritarian regimes legitimize their rule. *Contemporary Politics*. 2017, Vol. 23, N 3, P. 287–305.
- Weber M. The three types of legitimate rule. *Berkeley Publications in Society and Institutions*. 1958, Vol. 4, N 1, P. 1–11.
- White J., Ypi L. On partisan political justification. *American political science review*. 2011, Vol. 105, N 2, P. 381–396.

Д.С. ШЕВСКИЙ*

**ПРИЧИНЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 2013–2014 гг.
МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Аннотация. Используя новейшие достижения макросоциологии, автор рассматривает внутренние причины, которые привели к кризису украинского государства в 2014 г. Кризис обусловлен такими факторами, как ослабление государства в экономическом аспекте (фискальный кризис) и конфликт элит. Недовольство части элиты в Украине было вызвано политикой, проводимой В. Януковичем, которая привела к значительному уменьшению материального состояния богатейших представителей бизнеса. Имеется множество фактов, подтверждающих, что президент действовал вопреки интересам большей части элит, что и вызвало сужение базы его поддержки. Еще одним важным компонентом, приведшим к «революции достоинства», стала массовая мобилизация недовольного населения. Главная причина, вызвавшая массовое недовольство, – обнищание населения. Это подтверждается как статистикой, так и опросами. В конце статьи кратко рассматриваются причины большой роли олигархата в украинской политике.

Ключевые слова: макросоциология; структурно-демографическая теория; государственная дезинтеграция; революция достоинства; Евромайдан.

Для цитирования: Шевский Д.С. Причины украинского кризиса 2013–2014 гг. Макросоциологическая интерпретация // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 236–263. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.13>

Анализ украинских событий конца 2013 – начала 2014 г. получил широкое распространение как в отечественной, так и в зарубежной научной среде. Значимость того, что произошло в

* Шевский Дмитрий Сергеевич, аспирант департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: Shevskiyd@mail.ru

Украине, не вызывает сомнений, так как данные события способствовали значительному усилению геополитического соперничества между Россией и странами Запада. Однако некоторые аспекты темы остаются слабо освещенными. Так, практически отсутствуют попытки проследить закономерности внутренней политической динамики, сделавшие возможной политическую дестабилизацию в стране. Зачастую украинские события рассматриваются вне рамок теоретических построений (в числе исключений см.: [Hale, 2015; Мацієвський, 2016]), что приводит к переоценке одних факторов и недооценке других. Сама теория помогает не только упорядочить многообразие эмпирического материала, но и более обоснованно утверждать, что выявленные факторы более значимы, чем все прочие.

Социальные науки породили не так много комплексных теорий, объясняющих универсальные причины и механизмы, приводящие к социально-политическим кризисам. Некоторые из них (например, теория рационального выбора или военно-налоговая) при проверке на конкретном фактическом материале оказываются неспособными объяснить расхождения в политической динамике в схожих условиях (см, напр.: [Lachmann, 2009]), другие же (state failure) имеют спорные основания (см, напр.: [Dingli, 2013; Eriksen, 2011]). Потому при выборе наиболее релевантных теоретических моделей необходимо опираться на те, которые были протестированы на большом фактическом материале и имеют хорошо фундаментированные теоретические основания.

Теории, созданные в рамках только политической науки, больше сосредоточены на проблемах устойчивости режимов, схожих с украинским (так называемых гибридных), нежели на универсальных закономерностях. Одной из областей знания, ставящих своей целью формулирование именно общих закономерностей политической динамики, является макросоциология. Макросоциология – «междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [Розов, 2009, с. 151]¹. Одной из

¹ Более подробно об истории и задачах этой науки см.: [Ллахман, 2015; Smith, 1991 и др.].

наиболее теоретически выверенных теорий государственного кризиса, созданных в рамках современной макросоциологии и рассмотренных на большом количестве случаев, является структурно-демографическая теория (см., напр.: [Goldstone, 1991; Goldstone, 2017; Turchin, 2013; Turchin, Nefedov, 2009; Неведов, 2007, 2008; Турчин, 2010]). Она изначально была создана для анализа динамики аграрных государств, но стала активно применяться и для современных случаев (см., напр.: [Коротаев, Зинькина, 2011 а; Коротаев, Зинькина, 2011 b; Turchin, 2010]). В этой теории три переменных – элиты, государство и народ. Под элитами понимается малая часть населения, которая концентрирует в своих руках принудительные (исполнительные), экономические, административные и идеологические формы власти [Mann, 1987; Turchin, 2017, p. 161], а государство представляет собой автономную область, не сводящуюся ни к чьим конкретным интересам [Skocpol, 1979]. В основании теории лежит модель взаимосвязи роста населения и увеличения числа элиты, и как они влияют на государственные структуры. Однако в современных реалиях интересна вторая важная составляющая теории – взаимодействие между растущим числом представителей элит и государством, с одной стороны, и населением – с другой.

Одним из ключевых понятий структурно-демографической теории (в дальнейшем СДТ) является понятие государственной дезинтеграции (state breakdown), означающее «любое событие, которое включает кризис центральной власти, мятеж элит, массовые восстания и широкое распространение насилия или гражданскую войну» [Goldstone, 1991, p. 12]. Более формализованно это можно представить так [Collins, 2011, p. 578]: 1) фискальный кризис, 2) конфликт (deadlock) элит, 3) массовые восстания.

Почему именно эти три фактора? Фискальный (финансовый) кризис выражает слабость государства как в административном, так и в экономическом аспекте. Беднеющее государство вызывает недовольство среди части элит из-за уменьшающихся ресурсов, что приводит к конфликту. Для того чтобы увеличить свои шансы на победу, соперничающая часть элит мобилизует население для борьбы с другими представителями элит и государством.

Как показывают исследования, этих факторов оказывается достаточно, чтобы наступила государственная дезинтеграция, т.е. полномасштабный социально-политический кризис. Это означает,

что внешние влияния либо вторичны, либо опосредованы (например, вызывают фискальный кризис), а потому в рамках СДТ как отдельный фактор не рассматриваются.

Далее выясним, наблюдались ли эти три фактора в Украине в конце 2013 – начале 2014 г. Это позволит ответить на вопрос, пережила ли Украина государственную дезинтеграцию.

Фискальный кризис

Тестирование гипотезы о том, что Украина пережила государственную дезинтеграцию, стоит начать с измерения фискального (финансового) благополучия государства.

В СДТ фискальное благополучие государства (State Fiscal Distress, SFD) определяется формулой:

$$\text{SFD} = \frac{Y}{G} D,$$

где Y – общий долг государства, G – ВВП, а D – степень недоверия граждан [Turchin, 2013, p. 247]. Эта формула означает, что сила государства определяется не только экономическими показателями, но и восприятием его населением, так как непопулярное государство будет ограничено в своих действиях. Пока опустим проблему доверия населения власти и обратимся к анализу украинского бюджета. Как показывает официальная статистика, государственный (а не валовой) долг Украины рос постоянно, но не сильно увеличивался по отношению к ВВП: с 34,7% в 2009 г. до 40,1% в 2013 г.¹ Число, конечно, не маленькое, но в сравнении с другими странами не столь критичное. Уровень государственного долга является только ярким индикатором финансового благополучия государства (и при этом не всегда однозначным), но не его причиной. Истоки фискального кризиса стоит искать в первую очередь в сфере эффективности бюджетного менеджмента.

Существуют разные подходы к анализу эффективности государственного бюджета (см., напр.: [Радионон, 2012; Радионон, 2013]),

¹ Минфин. Ставки, индексы, тарифы // Финансовый портал Минфин. 2018. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

и все они так или иначе свидетельствуют о провале финансовой политики как в регионах, так и в целом по стране. Как известно, Украина испытывала постоянный дефицит бюджета¹, и при этом аудит, проводимый Счетной палатой, ежегодно обнаруживал неэффективное расходование средств. Несмотря на исключение в 2011 г. одной из интереснейших частей аудита, которая наиболее полно свидетельствовала об уровне коррупции, мы можем посмотреть на процент остальных неэффективных расходов от суммы дефицита (рис. 1).

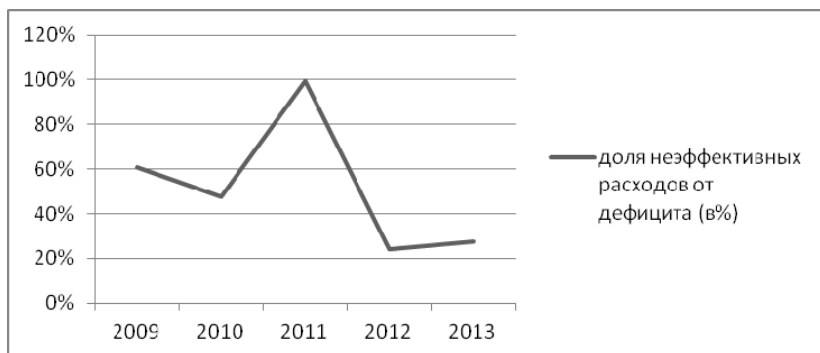

Рис. 1.

Расчит. по: Звіт Рахункової палати України за 2009–2013 рік

Данные показывают, что в 2012–2013 гг. четверть дефицита могла быть покрыта за счет неэффективно расходованных средств, а в 2011 г. размер дефицита и нерациональных трат вообще совпадают. Таким образом, даже беглый анализ показывает, что бюджет Украины был далек от того, чтобы называться эффективным, не говоря уже о нарушениях на региональном уровне [Радионов, 2012].

Теперь обратимся к проблеме доверия населения власти, но прежде стоит отметить важность этого показателя не только в аспекте фискального благополучия и, соответственно, силы государства, но для выживания государства в целом. Последняя точка, определяющая будущее системы, – это делегитимация власти, которая приводит к смене самоописания системы. Легитимность –

¹ Минфин. Ставки, индексы, тарифы // Финансовый портал Минфин. 2018. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

одно из ключевых понятий в политической науке, которое имеет множество подходов к определению (см., напр.: [Dogan, 2002; Weigand, 2015, p. 9–11]), однако можно вывести общий знаменатель и определить легитимность как убежденность населения в справедливости и оправданности действий политиков и существующих институтов. Здесь стоит еще подчеркнуть и проблему эффективности существующего режима, критерии которой будут варьироваться от того, что будет положено в основу определения государства [Goldstone, 2008, p. 285]. Концепт эффективности необходим ввиду того, что уровень недоверия режиму (как среди элиты, так и среди простого населения) и последующая его делигитимация могут зависеть от эффективности реализации государством своих функций. Но недоверие конкретным представителям власти не означает недоверие самому режиму, потому мы рассмотрим оба показателя.

О проблеме доверия власти и легитимности режима в 2012–2013 гг. свидетельствуют опросы¹. Во-первых, стоит отметить количество респондентов, назвавших В. Януковича главным разочарованием среди политиков 2013 г., – 35% (против 15,7% в прошлом году), а ухудшение отношения населения к власти в целом в 2013 г. отметили 68,4% респондентов (в 2012 г. – 22,4%). Наиболее яркую картину происходившей делегитимации власти дают данные, характеризующие уровень доверия к государственным институтам. Так, совсем или в основном не доверяли институту президента 61,5% опрошенных (интересно отметить, что В. Януковичу не доверяли 61,4%, что свидетельствует об отождествлении института и личности). Верховной раде (полностью или в основном) не доверяли 74,7%, а правительству – 65,8%. Вкупе с ощущением обеднения (о чем см. ниже), а также с культивируемой идеей всепроникающей коррупции и учитывая известную степень неэффективности финансового менеджмента, можно говорить о фискальном кризисе и делегитимации режима и, соответственно, о слабости государства в конце 2013 г. Но ради справедливости сто-

¹ Політичні підсумки і прогнози – загальнонаціональне опитування // Фонд демократических инициатив. 2012. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/2012-politichni-pidsumki-i-prognozi-zagalnonatsionalne-opituvannya> (Дата посещения: 10.02.2019.); Громадська думка: підсумки 2013 року // Фонд демократических инициатив. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.02.2019.)

ит отметить, что делегитимация не носила столь критический характер, своего пика она достигла лишь в феврале 2014 г., а потому о полной делегитимации можно говорить только по отношению к указанному периоду.

Макросоциология, нацеленная на выявление закономерностей исторической динамики, с убедительностью доказала, что делегитимация в условиях фискального кризиса не может свершиться в рамках монолитности элит по следующим причинам: 1) среди части элиты должны быть выразители дискурса «политической культуры оппозиции», 2) при слаженном действии элит восстания будут обречены на неудачу (более подробно см.: [Foran, 1997; Lachmann, 1997]). Так как факт конфликта элит в украинском обществе не вызывает сомнений, то следующим шагом тестирования гипотезы об украинской государственной дезинтеграции становится поиск причин недовольства элит действиями государства.

Конфликт элит

Рассмотрение причин конфликта элит стоит начать с характеристики особенностей структуры украинского общества, а именно с характеристики экономической элиты.

Высокой степени олигархизации украинской политики посвящено множество работ (см., напр.: [Aslund, 2014; Matuszak, 2014; Pleines, 2016; Kuzio, 2015; Kuzio, 2016] и др.), но наиболее важным аспектом политической системы является ее клановость. Исследователи выявляют различные группы интересов, одни говорят о трех группах [Matuszak, 2014, р. 13], другие о четырех [Зоткин, 2012, с. 291; Sakwa, 2015, р. 63], но основная линия соперничества проходила между двумя кланами – так называемыми днепропетровским и донецким [Marples, 2015, р. 13]. Специфика этого соперничества заключалась в том, что приход одной группы знаменовал собой отстранение от властных постов представителей другой. Если остановиться кратко на основных представителях каждой группы, то в днепропетровскую входили Л.Д. Кучма, П.И. Лазаренко, И.В. Коломойский, В.М. Пинчук, Ю.В. Тимошенко и др., а в донецкую – Н.Я. Азаров, В.Ф. Янукович, Р.Л. Ахметов и др.

Массовые кадровые изменения на высшем и региональном уровнях происходили в 2005 г. (усиление днепропетровского клана)

и в 2010 г. (приход к власти представителя донецкого клана). Такая система с некоторыми сбоями, но работала, пока В. Янукович не решил, как полагают некоторые эксперты, ослабить влияние олигархов. Практически, по единодушному мнению аналитиков, президент Украины (или его сын) пытался создать новый клан, получивший название «семья» [Pleines, 2016, p. 118; Wilson, 2014, p. 53; и др.]. Несмотря на значительную долю спекуляций и невозможность проверки данных, исследователи согласны в том, что политика «семьи» шла вразрез с интересами если не всех, то многих олигархов (см., например: [Matuszak, 2014, p. 41; Kudelia, 2014, p. 22]). Какие убедительные доказательства-примеры можно привести? Если обратиться к статистике, то окажется, что при Януковиче возрос уровень криминализации бизнеса. Так, в 2010 г. было заявлено о 75 случаях рейдерского захвата компаний, а в следующем году – уже почти 1000 [Matuszak, 2014, p. 58]. Конечно, трудно однозначно утверждать, что это результат формирования нового, президентского, клана [Rojansky, 2014, p. 423], однако цифры настолько значительны, что игнорировать их нельзя.

Могло ли получиться так, что «семья Януковича» здесь ни при чем, а все это «преференции» донецкому клану за поддержку на выборах? Есть основания полагать, что вряд ли. Так, государственные предприятия («Центрэнерго» и «Донбассэнерго») ранее закупали уголь преимущественно у госкомпании («Уголь Украины») и у частной «ДТЭК-Трејдинг», владелец которой – Р. Ахметов. С усилением власти В. Януковича государство стало закупать уголь у компаний, так или иначе связанных с его сыном, обойдя Р. Ахметова. Важно отметить, что если компания Р. Ахметова в 2013 г. предлагала государственному предприятию «Донуглереструктуризация» цену за запрашиваемый объем угля (153,5 т) в 92 млн грн., то связанная с А. Януковичем компания выиграла тендер с ценой 221 млн грн. Этот факт не может не свидетельствовать о том, что государство шло против интересов богатейшего жителя страны и главного спонсора правящей партии¹. Среди 15 глав министерств, назна-

¹ Александр Янукович подбрасывает угля // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1346029-aleksandr-yanukovich-podbrasyvaet-uglya> (Дата посещения: 10.02.2019.); Как госкомпания купить уголь втрое дороже рынка и избежать ответственности // Forbes. – 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1351200-kak-goskompanii-kupit-ugol-vtroe-dorozhe-rynka-i-izbezhat-otvetstvennosti> (Дата посещения: 10.02.2019.)

ченных В. Януковичем в конце 2012 г., связанных с «семьей» было семь, и только четыре были связаны с Р. Ахметовым¹.

Помимо этого, с избранием нового президента усилилось преследование представителей оппозиционного клана. В этом контексте часто вспоминают арест Ю. Тимошенко, но ведь были еще и арест бывшего главы МВД Ю.В. Луценко, заместителя министра юстиции Е.В. Корнейчука, председателя таможенной службы А.В. Макаренко и др.

В СДТ потенциал элитной мобилизации (Elite Mobilization Potential, EMP) описывается формулой:

$$EMP = \epsilon^{-1} \frac{E}{sN},$$

где ϵ^{-1} означает относительный обратный доход элиты (относительно ВВП на душу населения), E – количество элиты, а sN – число государственных служащих от общего населения [Turchin, 2013, p. 247]. Важнейшим фактором, определяющим потенциал мобилизации среди элиты в этой формуле, является ее доход.

Несмотря на то что есть методики, позволяющие оценить как доходы элит, так и их количество, проблема украинского случая не только в том, что некоторые данные недоступны, но и в том, что коренные изменения происходили в период президентства В. Януковича (т.е. всего три года), а это означает, что макротенденции найти сложно.

Наиболее презентабельными в данном контексте становятся данные, иллюстрирующие положение политико-экономических элит.

Для анализа воспользуемся таблицей, представленной политологом Хайко Пляйнесом. Она состоит из имен 29 олигархов, т.е. богатых людей, оказывающих влияние на политику ([Pleines, 2016], о методике подсчета см.: [Pleines, 2016]). Если оставить только тех, кто был и до прихода к власти В. Януковича (таких оказалось 14), то выяснится, что их совокупное состояние (по данным Forbes) уменьшилось с 30 млрд 290 млн долларов в 2011 г. до 29 млрд 738 млн в 2013 г. Более того, из тех девяти олигархов, состояние которых уменьшилось, шесть очевидно были так или ина-

¹Сферы влияния в новом Кабинете министров // Forbes. 2012. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/nation/1344643-sfery-vliyaniya-v-novom-kabinete-ministrov> (Дата посещения: 10.02.2019.)

че связаны с официальной властью. В то же самое время состояние сына президента Александра Януковича выросло с 99 млн долл. в 2012 г. до 187 млн долл. к апрелю следующего года, а в ноябре 2013 г. уже составляло 510 млн, т.е. увеличилось за полгода почти на 173%¹.

Таким образом, очевидно, что причины для конфликта элит против государства имели под собой достаточно сильные основания. Формирование нового «клана» – приближенных к президенту людей, перенаправление денежных потоков в сторону «семьи» [Wilson, 2014, p. 54–58], достаточно жесткие действия в отношении представителей оппозиции и уменьшение богатства среди традиционной политико-экономической элиты не могли не вызывать сильного недовольства положением дел. По факту сужалась база бенефициаров правящего режима [Aslund, 2015, p. 90; Kudelia, 2014, p. 22; Wilson, 2014, p. 53].

Но конфликт элит не означает автоматической мобилизации населения на протесты. Чтобы население вышло на улицы с требованиями, нужно его недовольство. СДТ говорит об обнищании населения как об одном из ключевых факторов, вызывающих массовое недовольство властью (см., напр.: [Turchin, 2009]). Наблюдалось ли оно в Украине перед кризисом 2014 г.?

Массовое недовольство населения

В СМИ активно постулировалась идея, что важнейшими факторами недовольства простого населения, приведшими к мобилизации, были олигархизация страны и фактическое ухудшение жизни. При ближайшем рассмотрении эти два тезиса не выглядят столь убедительно. Например, известный британский политолог Ричард Саква, не приводя никаких доказательств, пишет, что сто человек в Украине владели около 80–85% всего богатства страны [Sakwa, 2015, p. 61]. Логично предположить, что имеется в виду суммарное состояние сотни богатейших людей Украины в процентном отношении к ВВП, но соответствуют ли оценки Саквы

¹ Капитал Януковича-младшего вырос втрое 2013. Forbes. – 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/news/1360500-kapital-yanukovicha-mladshego-vyros-vtroye> (Дата посещения: 10.02.2019.)

официальным данным? Согласно списку Forbes за 2013 г.¹, суммарное состояние сотни богатейших украинцев составляло примерно 55,245 млрд долл., а ВВП на тот же год – примерно 183,31 млрд долл.², что составляет 30%. Цифра, конечно, не маленькая, однако это не 80–85%.

Еще одним показателем социального расслоения может служить индекс Джини, рассчитывающий степень распределения доходов (или, в некоторых случаях, потребительских расходов) между отдельными лицами или домохозяйствами в рамках экономики: чем он ниже, тем меньшее неравенство в стране. Оказывается, что индекс Джини для Украины достаточно низкий – 24,6 на 2013 г. (для сравнения: в России на тот же год – 40,9, США – 41)³.

Схожие результаты дает и предварительный анализ официальной статистики относительно благосостояния населения [Коротаев, 2014; Цирель, 2015]. Так, наблюдался рост ВВП, зарплат и доходов, на нулевом уровне была инфляция, более того, «явные доказательства роста социальной несправедливости во время правления В. Януковича трудно найти» [Цирель, 2015, с. 58]. Таким образом, некоторые исследователи отказывают фактору экономического неблагополучия в статусе причины украинской революции 2014 г. [Hale, 2015, p. 234].

Но настолько ли благополучно жила Украина перед кризисом? Как оказалось, даже исходя из официальной статистики, можно найти свидетельства обратного: так, есть основания полагать, что инфляция была, причем достигала 6–14% [Цирель, 2015, с. 63]. Если рассмотреть в сравнении соотношения роста общих доходов, расходов на товары и услуги, а также рост налогов в процентном отношении к прошедшему году (рис. 2), то окажется, что рост цен товаров и услуг и уровень взимаемых налогов шли быстрее, чем росли доходы. Более наглядно увидеть реальную картину можно, если посмотреть на сумму в процентах, оставшуюся после приобретения товаров и услуг, а также после уплаты налогов (рис. 3).

¹ 100 богатейших – 2013 // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.)

² World Bank. 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.02.2019.)

³ World bank. 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=UA-RU-US> (Дата посещения: 10.02.2019.)

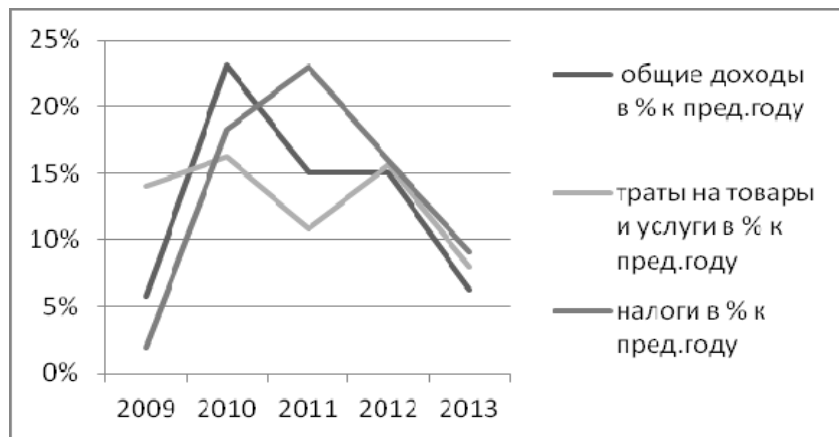

Рис. 2.

Источник: Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

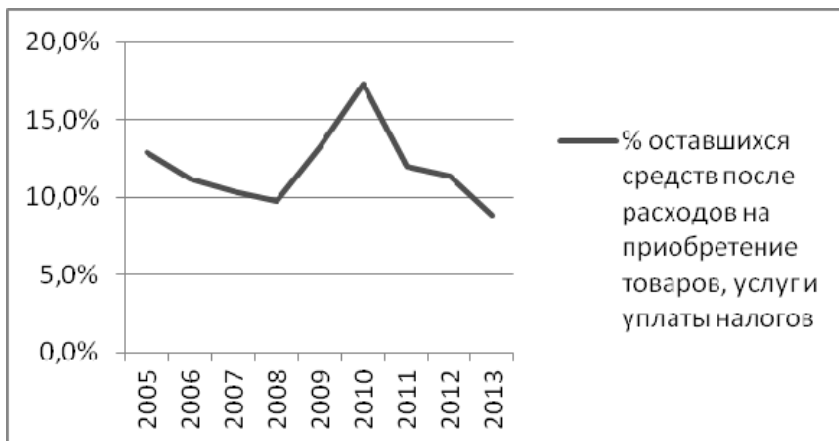

Рис. 3.

Источник: Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

Но даже не это столь важно, как ожидания населения, которые, как демонстрируют данные опросов, становятся хуже у небогатых слоев населения (табл. 1).

Таблица 1

**Ожидания населением изменения
собственного благосостояния**

<i>Самооценка респондентами материального положения семьи</i>	<i>Ожидаемая субъективная мобильность на ближайшие полгода</i>		
	<i>Существенных изменений не произойдет</i>	<i>Благосостояние вырастет</i>	<i>Благосостояние снизится</i>
Выше среднего	57	39	4
Среднее	54	11	35
Ниже среднего	46	5	49
Низкое	28	5	67

Данные опроса за 2011 г. Источник: [Цирель, 2015, с. 78].

Опросы также свидетельствуют не только о заниженных ожиданиях, но и о том, что в конце 2013 г. более половины населения считало, что семейный материальный достаток снизился¹. Такие субъективные оценки отлично согласуются с данными официальной статистики, приведенными ранее.

Указанные выше данные позволяют утверждать, что в Украине накануне 2014 г. наблюдалась относительная депривация, т.е. ожидания населения расходились с реальностью [Davies, 1962]. Т.Р. Гарр [Гарр, 2005, с. 108] предложил формулу, чтобы приблизительно оценить уровень депривации и вызываемого этим недовольства (гнева) населения:

$$\frac{V_e - V_c}{V_e},$$

где V_e означает желаемую позицию, а V_c – достижимую (реальную).

За желаемую позицию, оценивая материальное положение, можно принять достаточный ежемесячный доход, а за реальную,

¹ Громадська думка: підсумки 2013 року // Фонд демократических инициатив. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku> (Дата посещения: 10.02.2019.)

соответственно, фактический [Моніторинг, 2015]. Результат представлен на рис. 4.

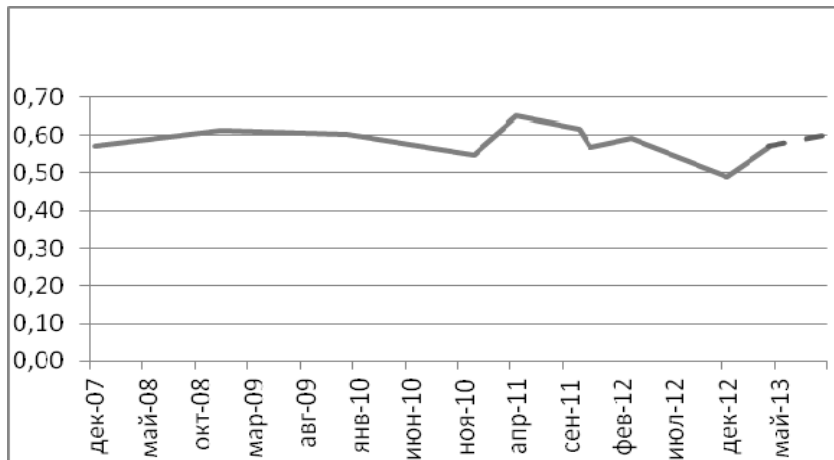

Рис. 4.

**Уровень экономической депривации
украинского населения 2007–2013 гг.¹**

Официальные данные показывают, что уровень депривации перед избранием В. Януковича был достаточно высок, и когда он подскочил в 2011 г., то это было не столь заметно, как в 2013 г., после устойчивого снижения уровня расхождения между реальностью и желаемым.

Все эти данные позволяют говорить о том, что, несмотря на внешнее благополучие украинской экономики, подспудно наблюдались как понижательные тенденции, так и пессимистические настроения вкупе с фактическим уменьшением количества свободных средств у простого населения.

Также при более детальном рассмотрении оказывается, что и не все столь благополучно с уровнем олигархизации в стране. На-

¹ Пунктиром отмечен рассчитанный доход, так как за сентябрь 2013 г. приведены данные только по расходам, а не по доходу. Так как в среднем в 2013 г. сумма доходов превышала расходы на 8,9%, то именно через это число и был восстановлен размер дохода.

пример, состояние десяти богатейших украинцев в 2013 г. составляло 17% всего ВВП страны¹. Это означает, что, имея такие колоссальные ресурсы, олигархи могли создавать монополии, влиять на экономику в целом и, соответственно, на политику (более подробно это будет рассмотрено ниже).

В целом пока получается такая картина предпосылок «революции достоинства», приведших к государственной дезинтеграции:

- государственный долг (более трети от всего ВВП),
- низкая эффективность государственных расходов,
- ухудшение материального состояния значительной части экономических элит,
- сужение базы бенефициаров режима,
- низкий уровень доверия к режиму и к государственным институтам в целом,
- рост ощущений экономической неудовлетворенности среднего населения.

Соответственно, как и прогнозирует СДТ, государственная дезинтеграция была неизбежна, однако теория не дает ответа на вопрос, по каким конкретным линиям произойдет назревающий конфликт и какой именно дискурс станет мобилизующим для населения.

Раскол в украинском обществе

Линия раскола прошла по вопросу о том, с кем должна быть интеграция – с Россией или Западом, но предпосылки массовой мобилизации оформились гораздо раньше.

Как свидетельствовали результаты выборов 2010 и 2012 гг., страна явно была расколота на две части, которые условно можно разделить на «западную», настроенную против официальной власти, и «восточную», поддерживавшую В. Януковича и «Партию регионов» [Marples, 2015, p. 13; Petro, 2015, p. 21; Исаев, Коротаев, 2015]. Западные регионы больше тяготели к тесному взаимодейст-

¹ 100 богатейших – 2013 // Forbes. 2013 – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/business/1351729-100-bogatejshih-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.); World Bank. – 2018. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA> (Дата посещения: 10.02.2019.)

вию с ЕС и США и говорили преимущественно на украинском, в то время как восточные регионы во многих аспектах были близки к России и их основным языком общения был русский. Региональный раскол выражался не только в языковой и культурной сфере, но и в экономической. Так, на востоке Украины доминировал крупный бизнес, а на западе – средний и мелкий [Kuzio, 2015, р. 87–88]. Это связано с тем, что восток страны был преимущественно индустриальным, а запад ориентировался в первую очередь на сельское хозяйство, что, естественно, нашло выражение и в доходах населения. Для сравнения: в пяти западных областях (Львовской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Волинской и Черновицкой) средний доход населения составил в 2013 г. 38 298 грн., медиана – 29 102 грн., в то время как в пяти восточных областях (Харьковской, Луганской, Донецкой, Днепропетровской и Запорожской) – 103 300 грн., по медиане – 91 333 грн¹.

Такой раскол проявлялся и раньше («оранжевая революция»), но в конце 2013 г. он явил себя с новой силой. Как известно, на конец ноября 2013 г. было запланировано подписание договора об ассоциации с Европейским союзом, но 21 ноября украинское правительство объявило о решении отложить это мероприятие. Изначально против такого решения выступила преимущественно молодежь («студенческий лагерь»), что отлично объясняется одним из постулатов СДТ. Теория утверждает, что основной силой революционного движения является молодежь («youth bulge»), более того, науке уже давно известно, что, во-первых, население столицы всегда настроено оппозиционно по отношению к существующей власти и, во-вторых, одним из главных движителей протеста выступает именно студенчество [Хантингтон, 2004]. После того как протесты практически угасли к 29 ноября, в связи с тем, что именно на это время было запланировано подписание договора, и когда на площади практически никого не оставалось, власть решила разогнать оставшихся участников силовым способом. На следующий день на центральную площадь вышли, по разным оценкам, от сотни до нескольких сотен тысяч людей. И уже здесь отчетливо проявился упомянутый географический раскол

¹ Статистическая информация // Государственная служба статистики Украины. 2018. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua> (Дата посещения: 10.02.2019.)

Украины. На начало декабря 2013 г. выходцы из Западной Украины на майдане составляли 51,8% против 17,3% с востока страны (остальные – Центральная Украина)¹. В силу упомянутых культурных традиций именно Западная Украина, тяготеющая к Западной Европе, стала главным противником решения В. Януковича приостановить интеграцию с Европейским союзом, а после стала выдвигать и более радикальные требования, включающие и отставку действующего президента.

Возникает закономерный вопрос: если с предпочтениями западных регионов страны практически все ясно, то почему остальная часть Украины, включая заметную долю и востока, также выступила против В. Януковича? Точного ответа на данный вопрос дать нельзя, однако можно предположить, что благодаря пропаганде будущего реального или мнимого благополучия, которое реализуется в стране после начала тесного сотрудничества с Западной Европой, люди активно начали в это верить. Но после активного культивирования идеи о будущем счастье для страны внешне руководство объявило, что этот процесс откладывается на неопределенное время. Трансляция идей о благодати евроинтеграции осуществлялась через подконтрольные олигархам средства массовой информации. Трудно сказать, чего именно хотели олигархи от Европы, но одно из возможных объяснений – это получение надежных прав собственности.

В итоге получается достаточно логичная в своей последовательности картина – олигархи были активно связаны с режимом, а после того как он перестал считаться с их интересами, они мобилизовали уже созревшее недовольное население на борьбу с ним.

Как мы видим, применение структурно-демографической теории в целом дает вполне убедительную картину о причинах кризиса в Украине в конце 2013 – начале 2014 г. и позволяет обосновать тезис, что страна в этот период пережила государственную дезинтеграцию. Но за рамками данного исследования остался еще один, пожалуй, ключевой вопрос: как в принципе получилось так, что олигархи играли столь значительную роль в государстве и, не-

¹ Від Майдану – табору до Майдану – січі: що змінилося? – 2014. – Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=226> (Дата посещения: 10.02.2019.)

смотря на относительно устойчивые институты власти, оказались, по факту, сильнее государства, что даже смогли его разрушить?

Отношения государства и частного бизнеса

Сложившиеся в Украине практики взаимодействия экономических элит и государства, как мы уже писали ранее, были ориентированы в первую очередь на обслуживание интересов олигархов, по крайней мере до 2011 г. С одной стороны, довольно типичная ситуация для современных политических систем, но с другой – многие существующие подходы к этой проблеме движутся в бинарном ключе – либо сильное государство, либо «захват государства» («state capture»). При этом сильное государство (что бы это ни значило) полагается потенциальным условием для гарантии прав собственности и всеобщего процветания (см., напр.: [Тилли, 2007]), однако такие потенции не везде реализуются. Другие же подходы, выполненные, например, в рамках теории неоинституционализма (Асемоглу, Робинсон, Норт и др.), будь то теории государств открытого или закрытого доступа, с инклюзивными или эксклюзивными институтами, также не имеют успеха в объяснении причин различной политической динамики в рамках одного типа государств. Так, например, используя упомянутые теории неоинституционализма, Украина и Россия оказываются на одном полюсе (в различной степени), однако совершенно очевидно, что политическая динамика этих стран кардинально различается. С одной стороны, мы имеем достаточно неустойчивое и слабое государство, с другой – относительно сильное государство и высокую степень стабильности. Ответ на вопрос, что имеет Россия такого, чего не имеет Украина, лежит в плоскости взаимоотношений государства и экономических элит. Есть теории патримониализма в различных его вариациях (о развитии и критике этого концепта см., напр.: [Erdman, Engel, 2007; Fisun, 2012; Ilyin, 2015]). Обобщенно, не вдаваясь в дискуссии, мы можем определить патримониализм как политическую систему, в которой доминируют клиентелизм и патронализм при рационально-бюрократическом фасаде. Но и здесь мы наблюдаем схожую картину, как при использовании ранее упомянутых теорий – режимы Украины и России подчинены одной и той же логике и одним и тем же механиз-

мам функционирования. Однако даже если и в рамках неопатри-
монального правления вводятся различия, позволяющие объяс-
нить разницу между политической динамикой Украины и России,
то их истоки видятся только в политической плоскости (см. одну
из последних крупных работ в этой области: [Hale, 2015]). Теория,
которая объяснит различную политическую динамику внешне
схожих стран, может быть построена только на синтезе различных
подходов и с преодолением классической дихотомии, существую-
щей в упомянутых теориях. Прежде всего, мы предлагаем тракто-
вать государство, как это и принято в макросоциологии, в рамках
центрированной на государстве теории (state-centered theory)
[Skocpol, 1979, p. 24–32; Collins, 1999, p. 19–37] как организацию,
интересы которой не сводятся к интересам господствующих групп,
в первую очередь экономических. Различная динамика Украины и
России в XXI в., при значительной схожести во многих частных
аспектах, обусловлена тем, что значительные экономические ре-
сурсы концентрируются либо в руках государства, либо в руках
экономических элит. Приведем яркий и характерный пример: со-
гласно данным Forbes¹, на долю выручки десяти крупнейших част-
ных предприятий Украины в 2012 г. приходилось 27% (26,78%) от
ВВП страны за тот же год, а на сотню – уже 72% (71,79%).
В России же в 2017 г.² на выручку 100 крупнейших частных пред-
приятий приходилось 33% (32,57%) от ВВП страны, зато на вы-
ручку 10 государственных предприятий³ – 22%. О чем говорят эти
цифры? О том, что капитал украинской экономической элиты был
сильно концентрированным, имея такие материальные ресурсы,
они могли оказывать значительное влияние на политику государ-
ства. Здесь уместно указать на способ взаимодействия как внутри
самых государственных структур, так и экономических элит с го-
сударством. Как подчеркивалось нами ранее, отношения носили
патрон-клиентский характер. Учитывая опыт СССР и некоторых

¹ 200 крупнейших компаний – 2013 // Forbes. 2013. – Режим доступа: <http://forbes.net.ua/magazine/forbes/1359184-200-krupnejshih-kompanij-2013> (Дата посещения: 10.02.2019.)

² 200 крупнейших частных компаний России // Forbes. 2018. – Режим досту-
па: <http://www.forbes.ru/rating/367067-200-krupneyshih-rossijskih-chastnyh-kompaniy-2018-reyting-forbes> (Дата посещения: 10.02.2019.)

³ The World's Largest Public Companies // Forbes. 2018. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/global2000/list/> (Дата посещения: 10.02.2019.)

постсоветских стран, мы можем сформулировать следующие категории анализа в рамках патримониальных отношений.

– Сильное государство – политически стабильное и со значительной степенью сплоченности административных элит.

– Слабое государство – политически неустойчивое с разобщенными административными элитами.

– Сильные экономические элиты – значительная концентрация ресурсов в руках узкой группы людей.

– Слабые экономические элиты – отсутствует значительная концентрация ресурсов среди узкой прослойки населения.

В итоге мы можем составить такую таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Варианты взаимодействия элит и государства

	<i>Сильное государство</i>	<i>Слабое государство</i>
Сильные элиты	Пат	«Захват государства»
Слабые элиты	Доминирование бюрократии	Неустойчивое развитие

Патовая ситуация, как правило, складывается редко, и возможны два варианта – взаимные уступки и в итоге развитие демократии, либо победа одной из сторон.

«Захват государства» – то, что А. Фисун называет олигархическим неопатримониализмом, т.е. влияние узких групп с рентоориентированным поведением [Fisun, 2012, p. 94].

Доминирование бюрократии – засилье представителей силовых структур, государство вмешивается в частный бизнес (особенно крупный).

Неустойчивое развитие – слабые экономические и государственные структуры, что приводит к конфликтам и криминализации ввиду недостаточной силы государства принуждать. Данная ситуация близка к тому, что Чарльз Тилли назвал «демократическим государством с низким потенциалом» [Тилли, 2007, с. 37].

В Украине, как мы видим, сложилась ситуация второго типа, там экономические элиты активно влияли на политику. Однако В. Янукович попытался освободиться от их влияния, но вместо попытки усиления государственных структур (как это произошло в России), он попытался создать свой клан. Примеры «неожиданного» резкого увеличения состояния приближенных к президенту (и не только сына, но и, например, молодого С. Курченко)

подтверждают такую трактовку. Однако «семье» не удалось переподчинить себе средства массовой информации, которые находились в руках соперников или оппонентов, которые и стали главным механизмом для массовой мобилизации. Сейчас трудно сказать, произошло бы нечто подобное, не будь идеи подписания Соглашения, однако все сказанное ранее позволяет с большой долей вероятности утверждать, что это был лишь повод, а не реальная причина.

Заключение

Украина на протяжении правления В. Януковича переживала устойчивый фискальный кризис, выражавшийся в постоянном дефиците бюджета, неэффективности расходов и росте долга на фоне сокращения золотовалютных резервов. Это сопровождалось ростом недовольства и обнищанием населения, которого, на первый взгляд, в стране не было, так как официальная статистика всячески пыталась это скрыть. Достаточно агрессивная политика президента, нацеленная, по всей видимости, на ослабление традиционных групп влияния, вызвала в итоге и их недовольство. Благодаря концентрации экономических и информационных ресурсов в руках олигархов, против которых действовал В. Янукович, они смогли мобилизовать население на борьбу с режимом. Государство в том состоянии, в котором оно было при Януковиче, ничего не могло противопоставить олигархам, так как было значительно слабее их, в первую очередь в экономическом измерении. Таким образом, конфликт элит, вызванный уменьшением получаемых ими ресурсов из-за действий формирующейся новой элиты, привел к массовой мобилизации населения для борьбы с режимом. Население активно поддержало эту борьбу, так как для этого уже сложились условия (обнищание и формирование нового дискурса). Конечным результатом всего этого процесса стало не только бегство В. Януковича, но и делегитимация режима в целом. В итоге в феврале и марте 2014 г. Украина сильно изменилась по сравнению с предшествующим периодом: значительно изменилось самоописание политической системы, произошла территориальная дезинтеграция, а также падение экономики. Все вышеприведенные факты позволяют с большой долей уверенности

сказать, что Украина пережила полномасштабную государственную дезинтеграцию (state breakdown) в 2014 г.

За рамками исследования остался один важный аспект проблематики – внешние влияния как со стороны России, так и со стороны ЕС и США. Как было сказано во введении, этот фактор был опущен по причине того, что он носит второстепенный характер, так как рассмотренных в статье причин вполне достаточно для комплексного объяснения кризиса, однако внешние влияния придали некоторую специфику политической динамике Украины, а потому требуют отдельного исследования.

Список литературы

- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- Зоткин А.А. Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 286–306.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В. Украинская мозаика. Опыт количественного анализа украинской избирательной статистики // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 2015. – № 8. – С. 91–110.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Окончание // Азия и Африка сегодня. – М., 2011 б. – № 7. – С. 15–21.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. – М., 2011 а. – № 6. – С. 10–16.
- Коротаев А.В. О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. – М., 2014. – № 1. – С. 56–74.
- Лахман Р. Что такое историческая социология? – М.: Дело, 2015. – 240 с.
- Мацієвський Ю.В. У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991–2014). – Чернівці: Книги – XXI, 2016. – 552 с.
- Моніторинг соціально-економічних очікувань населення за підсумками 2014 р. – Києва: ДУ Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2015. – 20 с. – Дата посещения: <http://ief.org.ua/wp-content/uploads/2015/02/Monitoring-soc-ec-ochikuvan-naselennya-2014.pdf> (Режим доступа: 22.05.2019.)
- Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007. – 141 с.
- Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. – М.: Издательский дом Территория будущего, 2008. – 753 с.

- Радионов Ю.Д. Оценка эффективности государственных расходов // Экономика Украины. – Киев, 2013. – № 12. – С. 76–87.
- Радионов Ю.Д. Основные виды и суть бюджетных нарушений // Экономика Украины. – Киев, 2012. – № 8. – С. 55–63.
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: Становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. – М., 2009. – № 2. – С. 151–161.
- Тилли Ч. Демократия. – М.: ИНОП, 2007. – 263 с.
- Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. – М.: ЛКИ, 2010. – 368 с.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Цирель С. К истокам украинских революционных событий 2013–2014 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. – М.: Учитель, 2015. – С. 57–84.
- Aslund A. Oligarchs, Corruption, and European Integration // Journal of Democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 3. – P. 64–73.
- Aslund A. Ukraine: What Wrong and How to Fix It. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015. – 318 p.
- Collins R. Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. – Stanford: Stanford Univ. press, 1999. – 312 p.
- Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // International Politics. – L., 2011. – N 48(4/5). – P. 575–590.
- Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. – Menasha, Wis., 1962. – N 27. – P. 5–19.
- Dingli S. Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen // Politics. – Wiley, 2013. – N 33(2). – P. 91–100.
- Dogan M. Conceptions of Legitimacy // Encyclopedia of Government and Politics. – Taylor & Francis e-Library, 2002. – Vol. 1. – P. 116–128.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // Commonwealth & Comparative Politics. – 2007. – Vol. 45, N 1. – P. 95–119.
- Eriksen S.S. «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation // Review of International Studies. – Cambridge, 2011. – N 1. – P. 229–247.
- Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – Washington, DC, 2012. – N 20. – P. 87–96.
- Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches / Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. – P. 197–220.
- Goldstone J. Pathways to State Failure // Conflict Management and Peace Science. – California, 2008. – N 25. – P. 285–296.
- Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – Berkeley, CA: University of California Press, 1991. – 608 p.

- Goldstone J.A. Demographic Structural Theory: 25 Years On // *Cliodynamics*. – California, 2017. – N 82. – P. 85–112.
- Hale H. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – 538 p.
- Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. – Münster, 2015. – Vol. 18, N 1. – P. 26–51.
- Kudelia S. The House That Yanukovych Built // *Journal of Democracy*. – Baltimore, MD, 2014. – N 3. – P. 19–34.
- Kuzio T. Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism. – Santa Barbara: Praeger, 2015. – 611 p.
- Kuzio T. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution // *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. – Stanford: Stanford univ. press, 2016. – P. 181–203.
- Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches* / Ed. by J. Foran. – L.: Routledge, 1997. – P. 71–98.
- Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe // *American Journal of Sociology*. – Chicago, 2009. – Vol. 115, N 1. – P. 39–73.
- Mann M. The Sources of Social Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – Vol. 1: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760. – 560 p.
- Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. – Bristol, UK, 2015. – P. 9–18.
- Matuszak S. The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics. – Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. – 113 p.
- Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine // *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. – Bristol, UK, 2015. – P. 19–35.
- Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – Washington, DC, 2016. – N 24. – P. 105–127.
- Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000–2016 as of 17 August 2016. – Режим доступа: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (Дата посещения: 10.02.2019.)
- Rojansky M.A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – Washington, DC, 2014. – N 3. – P. 411–444.
- Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. – L.: Tauris, 2015. – 347 p.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1979. – 407 p.
- Smith D. The Rise of Historical Sociology. – Philadelphia: Temple univ. press, 1991. – 231 p.
- Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // *Nature*. – L., 2010. – N 463. – P. 26–32.

- Turchin P.* Modeling Social Pressures Toward Political Instability // *Clodynamics*. – California, 2013. – N 4(2). – P. 241–280.
- Turchin P.* Wealth Democracy and Ukraine II. – Mode of access: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (accessed: 10.02.2019.)
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A.* Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting // *Clodynamics*. – California, 2017. – N 82. – P. 159–181.
- Turchin P., Nefedov S.* *Secular Cycles*. – Oxford; Princeton: Princeton univ. press, 2009. – 360 p.
- Weigand F.* Investigating the Role of Legitimacy in the Political Order of Conflict-torn Spaces // Working Paper SiT/WP/04/15. – 2015. – Mode of access: <http://www.securityintransition.org/wp-content/uploads/2015/04/Legitimacy-in-the-Political-Order-of-Conflict-torn-Spaces.pdf> (accessed: 22.05.2019.)
- Wilson A.* *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. – Totton, Hampshire: Yale univ. press, 2014. – 248 p.

D.S. Shevsky*

**The causes of the Ukrainian crisis 2013–2014.
Macrosociological interpretation**

Abstract. The article is devoted to the case study of Ukraine 2014 as an example of state breakdown. To reveal some regularities in this process macrosociological theories were employed in the research. The crisis happened under the condition of weak state (in economic dimension) and intra-elite conflict. The conflict within the elite was caused by discontent due to Yanukovych politics which led to the depletion of wealth among the traditional elites and first of all among business groups. One else necessary condition for a state breakdown is mass mobilization. A preliminary analysis of the population welfare based on the official statistics does not demonstrate sources for mass dissatisfaction: incomes of the population were grown and that the inflation rate was at zero level. On closer examination of these dates, it turned out that there were lots of evidences that Ukraine had seen in 2010–2013 the population immiseration. The last condition for successful mass mobilization is mobilizing discourse. The discourse was directed against the postponed signing of the agreement on a European association which was carried forward by the disgruntled oligarchs and broadcasted through mass-media. The last part considers why Ukrainian oligarchs could exert influence on politics.

Keywords: macrosociology; structural-demographic approach; state collapse; laws of history; revolution of Dignity; Euromaidan.

For citation: Shevsky D.S. The causes of the Ukrainian crisis 2013–2014. Macrosociological interpretation. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 236–263. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.13>

* **Dmitry S. Shevsky**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: Shevskiyd@mail.ru

References

- Aslund A. Oligarchs, Corruption, and European Integration. *Journal of Democracy*. Baltimore, MD, 2014, Vol. 25, N 3, P. 64–73.
- Aslund A. *Ukraine: What Wrong and How to Fix It*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015, 318 p.
- Collins R. Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory. *International Politics*. 2011, N 48 (4/5), P. 575–90.
- Collins R. *Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford univ. press, 1999, 312 p.
- Davies J. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. 1962, N 27, P. 5–19.
- Dingli S. Is the failed state thesis analytically useful? The case of Yemen. *Politics*. 2013, N 33 (2), P. 91–100.
- Dogan M. *Conceptions of Legitimacy. Encyclopedia of Government and Politics, Volume I*. Taylor & Francis e-Library, 2002, P. 116–128.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Commonwealth & Comparative Politics*, 2007, Vol. 45, N 1, P. 95–119.
- Eriksen S.S.. «State Failure» in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation. *Review of International Studies*. Cambridge, 2011, N 1, P. 229–247.
- Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012, N 20, P. 87–96
- Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions. In: *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. Ed. by J. Foran. L.: Routledge, 1997, P. 197–220.
- Garr T.R. *Why do people rebel*. St. Petersburg: Piter, 2005, 461 p. (In Russ.)
- Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991, 608 p.
- Goldstone J.A. Demographic Structural Theory: 25 Years On. *Cliodynamics*. 2017, N 82, P. 85–112.
- Goldstone J. Pathways to State Failure. *Conflict Management and Peace Science*. 2008, N 25, P. 285–296.
- Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2015, 538 p.
- Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition, 2004, 480 p. (In Russ.)
- Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. LIT Verlag Münster, 2015, Vol. 18, N 1, P. 26–51.
- Isaev L.M., Korotaev A.V. Ukrainian mosaic Experience in quantitative analysis of Ukrainian electoral statistics. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2015, N 3, P. 91–110. (In Russ.)

- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. Egyptian Revolution, 2011. Structural and demographic analysis. Ending. *Asia and Africa today*. 2011 b, N 7, P. 15–21. (In Russ.)
- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. Egyptian Revolution, 2011. Structural and demographic analysis. Ending. Part 1. *Asia and Africa today*. 2011 a, N 6, P. 10–16. (In Russ.)
- Korotayev A.V. Possible psycho-economic factors of the 2014 Ukrainian revolution. *Historical Psychology & Sociology*. 2014, N 1, P. 56–74. (In Russ.)
- Kudelia S. The House That Yanukovych Built. *Journal of Democracy*. MD, 2014, N 3, P. 19–34.
- Kuzio T. *Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Stanford: Stanford univ. press, 2016, P. 181–203.
- Kuzio T. *Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism*. Santa Barbara: Praeger, 2015, 611 p.
- Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. In: *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches*. Ed. by J. Foran, L.: Routledge, 1997, P. 71–98.
- Lachmann R. Greed and Contingency: State Fiscal Crises and Imperial Failure in Early Modern Europe. *American Journal of Sociology*. 2009, Vol. 115, N 1, P. 39–73.
- Lahman R. *What is historical sociology?* Moscow: Delo, 2015, 240 p. (In Russ.)
- Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1987, 560 p.
- Marples D. Ethnic and Social Composition of Ukraine's Regions and Voting Patterns. In: *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. UK Bristol, 2015, P. 9–18.
- Matuszak S. *The oligarchic democracy. The influence of business groups on Ukrainian politics*. Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014, 113 p.
- Matytsevsky Yu.V. *Trap Hybrid: Zigzag Transformation of the Political Regime in Ukraine (1991–2014)*. Chernivtsi: Books – XXI, 2016, 552 p. (In Ukrainian).
- Monitoring of socioeconomic expectations of the population based on the results of 2014*. Kiev: DU Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2015. (In Ukrainian).
- Nefedov S.A. *Factor analysis of the historical process. History of the East*. Moscow: Publishing House Territory of the Future, 2008, 753 p. (In Russ.)
- Nefedov S.A. *The concept of demographic cycles*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UGMU, 2007, 141 p. (In Russ.)
- Petro N. Understanding the Other Ukraine: Identity and Allegiance in Russophone Ukraine. In: *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. UK Bristol, 2015, P. 19–35
- Pleines H. 2016 Dataset on Ukrainian oligarchs 2000–2016 as of 17 August 2016. Mode of access: <http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/table-oligarchs-overview.xls> (accessed: 10.02.2019.)
- Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2016, N 24, P. 105–127.
- Radionov Yu.D. Evaluation of the effectiveness of public spending. *Economy of Ukraine*. 2013, N 12, P. 76–87. (In Ukrainian)

- Radionov Yu.D. The main types and essence of budgetary violations. *Economy of Ukraine*. 2012, N 8, P. 55–63. (In Ukrainian)
- Rojansky M.A. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2014, N 3, P. 411–444.
- Rozov N. Stages of Historical Macro Sociology. *Social sciences and contemporary world*. 2009, N 2, P. 151–161. (In Russ.)
- Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. L.: Tauris, 2015, 347 p.
- Skocpol T. *States and Social Revolutions*. N.Y.: Cambridge univ. press, 1979, 407 p.
- Smith D. *The Rise of Historical Sociology*. Philadelphia: Temple univ. press, 1991, 231 p.
- Tilly Ch. *Democracy*. Moscow: INOP, 2007, 263 p. (In Russ.)
- Tsirel S. To the origins of the Ukrainian revolutionary events of 2013–14. In: *System monitoring of global and regional risks. Ukrainian fault*. Moscow: Teacher, 2015, P. 57–84. (In Russ.)
- Turchin P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability. *Cliodynamics*. California, 2013, N 4 (2), P. 241–280.
- Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade. *Nature*. 2010, N 463, P. 26–32.
- Turchin P. *Wealth Democracy and Ukraine II*. Mode of access: <https://evolution-institute.org/blog/wealth-and-democracy-in-ukraine-ii/> (accessed: 10.02.2019.)
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A. Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting. *Cliodynamics*. 2017, N 82, P. 159–181.
- Turchin P., Nefedov S. *Secular Cycles*. Oxford; Princeton: Princeton univ. press, 2009, 360 p.
- Turchin P.V. *Historical Dynamics: Towards a theoretical history*. Moscow: LKI, 2010, 368 p. (In Russ.)
- Weigand F. Investigating the Role of Legitimacy in the Political Order of Conflict-torn Spaces. *Working Paper SiT/WP/04/15*. 2015. Mode of access: <http://www.securityintransition.org/wp-content/uploads/2015/04/Legitimacy-in-the-Political-Order-of-Conflict-torn-Spaces.pdf> (accessed: 22.05.2019.)
- Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire: Yale univ. press, 2014, 248 p.
- Zotkin A.A. State power and political elites of Ukraine in the context of relations between the center and regions. In: *Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar Sociological problems of power institutions in the Russian transformation*. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, P. 286–306. (In Russ.)

И.Е. ГАВРИЛЕНКОВА *

**ГОСУДАРСТВА В СЕТЯХ: СЕТЕВОЙ ПОДХОД
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(Обзор)**

Аннотация. В данной работе приводится обзор статей, посвященных исследованиям международных отношений с применением методов сетевого анализа и опубликованных в зарубежных журналах в последние десять лет. Также рассматриваются сетевые исследования международных отношений в российской литературе. Приведенные в обзоре статьи тематически можно разделить на две группы: 1) исследования отношений государств и негосударственных акторов в системе международных организаций и военных конфликтов, 2) анализ сетей межгосударственных отношений с точки зрения торговых связей. Методы сетевого анализа позволяют проанализировать структуру международных отношений и их динамику, оценить власть и влияние государств в сети. Во многих исследованиях сетевой анализ играет роль вспомогательного метода, с помощью которого проверяются гипотезы о факторах формирования связей между государствами или о влиянии связей на различные политические и экономические процессы.

Ключевые слова: международные отношения; сетевой анализ; государство; влияние; международные организации; конфликты; торговля; методология.

Для цитирования: Гавриленкова И.Е. Государства в сетях: Сетевой подход в международных исследованиях. (Обзор) // Политическая наука. 2019. – № 3. – С. 264–278. – Режим доступа: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.14>

* Гавриленкова Ирина Евгеньевна, студентка магистерской программы «Прикладная политология» факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: gavrilenkova.ie@gmail.com

В настоящее время сетевой анализ является одним из наиболее перспективных и развивающихся методов в социальных науках, в частности в политической науке и в исследовании международных отношений. Сетевой анализ предоставляет широкие возможности для изучения отношений между государствами и негосударственными акторами, позволяя визуализировать и оценить структуру связей. В политической науке применение сетевого анализа обусловлено также тем, что инструментарий данного подхода дает возможность исследовать отношения акторов с точки зрения власти и влияния.

В мировой политической науке выделяются два основных направления в исследовании международных отношений с применением сетевого анализа. С одной стороны, большое число работ посвящено экономическому аспекту международных отношений и, соответственно, торговым связям между странами, так как это одна из основных форм международного сотрудничества. С другой стороны, существенное внимание уделяется политическим формам взаимодействия – конфликтам, международным альянсам и организациям. В дальнейшем будет приведен обзор ряда зарубежных исследований международных отношений с применением сетевого подхода за последнее десятилетие.

Необходимо подчеркнуть, что в российской литературе не так много исследований посвящено сетевому анализу международных отношений. Стоит отметить работу П.А. Жданова, рассматривающего «Группу двадцати» в терминах сетевого подхода, исследуя торговые связи между странами – членами «группы» [Жданов, 2013]. Также можно упомянуть работу Д.А. Дегтерева, в которой описаны возможности применения методов сетевого анализа в исследовании международных отношений [Дегтерев, 2015].

Методы сетевого анализа активно применяются в работах Ф.Т. Алескерова, который разработал новые индексы влияния в сети – индексы ближних (SRIC) [Aleskerov, Andrievskaya, Permjakova, 2014] и дальних (LRIC) взаимодействий [Aleskerov, Meshcheryakova, Shvydun, 2016]. Главная задача данных индексов заключается в оценке влияния друг на друга вершин, не имеющих прямых связей, т.е. через посредников, что дает возможность обратить внимание на цепные реакции в сети. Индексы позволяют принимать во внимание индивидуальные характеристики вершин сети (например, их силу или размер); также при их расчете не учитываются незначимые свя-

зи между вершинами. Кроме того, с помощью данных мер можно проанализировать влияние групп вершин на отдельные вершины. Возможности применения индексов в политической науке были продемонстрированы на примере сетей международных конфликтов [Сетевой подход в изучении... 2016]. В данной работе выявлены государства, наиболее вовлеченные в военные конфликты, при этом было учтено опосредованное влияние государств в сети, не являющихся первичными сторонами конфликта. Также следует отметить работу, посвященную сетевому анализу международной миграции [Анализ влияния стран в сети... 2016]. Были выделены популярные страны иммиграции и эмиграции, а также определено воздействие миграционных потоков на население принимающих стран и косвенное влияние стран на процесс миграции.

Одной из наиболее распространенных форм взаимодействия в международных отношениях, которую можно анализировать с помощью сетевого подхода, являются международные альянсы и коалиции. Пример исследования, в котором используются элементы сетевого анализа для изучения международных коалиций, – работа Б. Фордхэма и П. Поаста [Fordham, Poast, 2016]. В ней авторы указывают на то, что большинство исследований альянсов сфокусированы на анализе двусторонних отношений между странами, и предлагают применить многосторонний подход, так как любой альянс, как правило, состоит из трех или более членов. Изучение альянсов через призму многосторонних отношений также позволяет автору применить модель минимально выигрышных коалиций Уильяма Райкера. В ее основу заложен «принцип размера», применимый и к формированию международных военно-политических альянсов. Идея заключается в том, что определенный размер коалиции обеспечивает возможность достижения ее целей, в то время как большее число членов делает участие в коалиции менее выгодным для каждого. По результатам анализа многосторонних связей между государствами – членами альянсов авторы делают вывод, что многосторонний подход к формированию альянсов и «принцип размера» объясняют отсутствие слишком больших коалиций в мировой политике. Вероятность формирования альянса максимальна в том случае, если совокупная военная мощность потенциального альянса больше, чем у любой другой великой державы, но при этом недостаточно велика для того, чтобы стать доминирующей силой в системе.

Помимо альянсов, еще одной формой соглашения между государствами является пакт о ненападении, в котором также могут участвовать более чем два государства, вследствие чего оправданно использование многостороннего подхода. Однако причины и ситуации, в которых пакты о ненападении заключаются между несколькими участниками, неочевидны. Методы сетевого анализа позволяют дать возможное объяснение данному явлению. В частности, кроме анализа многосторонних связей между государствами используются и такие сетевые метрики, как плотность [Lupu, Roast, 2016]. Под плотностью понимается отношение числа имеющихся связей в сети к максимально возможному количеству связей. По утверждению авторов, государства заключают пакты о ненападении, если они раньше находились в ситуации противостояния и при этом существует вероятность его возобновления. Главным объясняющим фактором в упомянутом исследовании является показатель «плотности прекращенных противостояний» в сети, участниками которой являются государства, заключившие многосторонний договор. Соответственно, используемый показатель плотности выражает соотношение между количеством завершенных в группе государств противостояний и общим числом возможных связей в группе. Таким образом, чем выше плотность недавно завершенных противостояний сети, тем более вероятно заключение пакта о ненападении в группе из двух и более государств.

Выше были приведены примеры работ, где изучаются связи между отдельными государствами в масштабе, ограниченном какими-либо соглашениями. Однако нельзя не обратить внимание на исследования, посвященные сетевому анализу международных отношений на макроуровне. В частности, в одной из подобных работ проведен анализ эволюции сети альянсов и военных конфликтов вместе с эволюцией политических режимов в странах – участниках международных отношений с 1920 по 2000 г. [Warren, 2016]. Так, на протяжении XX в. можно было наблюдать тенденцию к увеличению общего числа связей между странами, росту количества демократических государств, увеличению числа международных альянсов вместе с уменьшением относительного числа военных конфликтов. Очевидно, что альянсы включают в себя государства с одинаковым типом политического режима – в большинстве случаев речь идет о демократиях, однако причина может заключаться как в том, что демократии выбирают друг друга в ка-

честве союзников, так и в том, что альянсы способствуют демократизации в странах-участниках. Главный вывод, который можно сделать из проведенного анализа, заключается в том, что государства с одинаковым типом режима склонны к сотрудничеству, демократические государства менее склонны к вступлению в военные конфликты друг с другом, а в государствах, включенных в сети альянсов с демократическими союзниками, повышается вероятность развития демократических институтов.

Другой исследовательский вопрос, позволяющий применять методы сетевого анализа к международным альянсам, связан с влиянием различных факторов на сами альянсы. Приведем пример исследования, в котором изучается влияние политических шоков на сеть альянсов различных государств [Maoz, Jousse, 2016]. Во время Второй мировой войны плотность сети альянсов сильно увеличилась, но после окончания конфликта в той же степени снизилась и пришла в равновесие. Авторы показывают, как структурные характеристики подобных шоков (размер, распространение, значимость) влияют на реорганизацию сети. Для этого они сопоставили до- и послешоковую структуры сетей и сравнили результаты агента-ориентированного моделирования с данными реальной международной сети. Это позволило сделать следующие выводы. Позитивные шоки способствуют сближению государств, а также связности и устойчивости сети. Негативные шоки, наоборот, снижают связность и устойчивость. Под позитивным шоком понимается ситуация, в которой у двух государств появился общий враг, хотя ранее они не имели общих врагов (например, нападение Германии на СССР сблизило СССР и Великобританию). Негативным шоком является ситуация, в которой государства, ранее имевшие общих врагов, больше их не имеют (Великобритания и СССР после Второй мировой войны). Отдельные государства или пары государств чувствительны не только к тем шокам, затрагивающим их непосредственно, но и к тем, что имеют отношение к их соседям по сети. Кроме того, этот эффект негативно влияет на связность и устойчивость сети. В случае если государства теряют потенциальных союзников, они стараются укрепить существующие отношения с союзниками, что делает сетевую структуру более устойчивой.

Пожалуй, второй наиболее обширной темой в сетевом анализе международных отношений является исследование военных

конфликтов. Инструментарий сетевого анализа позволяет выявить наиболее склонные к участию в конфликтах страны, а также проследить динамику изменения структуры сети конфликтов. Например, согласно мерам центральностей, в период с 1816 по 1996 г. главными акторами в международной сети конфликтов были Франция и Великобритания – как будучи вовлеченными в военные действия непосредственно, так и имея потенциальное влияние на конфликты с участием других государств [Levina, Hillmann, 2013].

В значительной доле исследований затрагивается проблема влияния миротворческих организаций и других акторов на урегулирование конфликтов. Так, в одной из работ предполагается, что миротворческие организации оказывают влияние на то, как одно государство ведет себя в отношении других, если миротворцы в данном государстве имеют связи с миротворцами в других странах [Wilson, Davis, Murdie, 2016]. Миротворческие организации, имеющие более высокие показатели центральности, будут более эффективно влиять на то государство, в котором они базируются, делая его более миролюбивым путем улучшения коммуникации между воюющими сторонами и распространения антивоенных идей.

На возникновение международных конфликтов могут также влиять и такие факторы, как членство в межправительственных организациях [Lupu, Greenhill, 2017]. Принадлежность государства ко множеству межправительственных организаций не только связывает его с другими странами, но и образует более крупные сетевые структуры – кластеры. Данные кластеры включают в себя группы стран, для которых характерны общие паттерны членства в межправительственных организациях. Предполагается, что взаимодействия государств в рамках одного кластера будут глубже. Более того, членство в таких кластерах способствует образованию не прямых каналов как влияния межправительственных организаций на государства, так и влияния государств друг на друга. Это касается, в частности, информационных потоков. Основной вывод заключается в том, что принадлежность государств к общему кластеру значительно снижает вероятность конфликта между ними.

Многие другие подобные исследования сосредоточены на двусторонних отношениях между странами, состоящими в одних и тех же межправительственных организациях. Однако членство в организациях и отношения между странами можно также проанализировать с помощью аффилиативных сетей [Kinne, 2013].

В аффилиативных сетях существуют два типа вершин (акторов), в данном случае речь идет о государствах и международных организациях; соответственно, если государство является членом какой-либо организации, то между ними образуется связь. Имея данные о таких связях, можно построить стандартную сеть, где в роли вершин выступают только государства, а связи между ними определены их членством в одних и тех же организациях; чем больше у стран общих организаций, тем сильнее между ними связь. Соответственно, чем сильнее связь между государствами, тем меньше вероятность возникновения военного конфликта между ними.

Одним из прямых способов урегулирования конфликтов являются миротворческие операции ООН. Использование методов сетевого анализа позволяет определить не только то, какие страны принимают участие в операциях, но и объяснить, почему те или иные страны отправляют особо крупные отряды в конкретные точки [Ward, Dorussen, 2016]. Вклад участников операции можно оценить с помощью сети схожести стран во внешнеполитических взглядах. Высокая степень центральности государства в такой сети отражает большое число союзников со схожими предпочтениями по поводу внешней политики. Именно такие страны склонны наиболее активно участвовать в миротворческих операциях.

Постороннее вмешательство в конфликт также рассматривается с точки зрения теории сбалансированных графов [Corbetta, Grant, 2012]. Анализируются триады, где есть два государства – участники конфликта – и третья сторона, вмешивающаяся в их конфликт. Теория позволяет исследовать не только вероятность вмешательства третьей стороны, но и его характер. Так, если граф несбалансированный, то третья сторона, скорее всего, будет играть роль посредника; если же граф сбалансирован, то может осуществить партизанское вмешательство. Под несбалансированностью графа подразумевается ситуация, в которой третья сторона имеет дружественные отношения с обоими участниками конфликта. Сбалансированный граф означает, что третья сторона поддерживает одного участника и одновременно находится в негативных отношениях с другим.

К изучению конфликтов можно подойти и с другой стороны. Нередко в государствах возникают внутренние этнические конфликты, которые впоследствии распространяются на другие страны. Сетевой анализ предоставляет возможность выявить механизмы рас-

пространения этнического насилия [Weidmann, 2015]. С одной стороны, распространение может происходить за счет физического передвижения людей и ресурсов через границу, вследствие чего этнические конфликты часто возникают в соседних странах. С другой стороны, насилие может распространяться благодаря современным каналам коммуникации. Так, с помощью данных о телефонных звонках была построена сеть международных каналов коммуникации, в результате анализа которой был сделан вывод, что в процессе распространения этнического насилия обмен информацией важен так же, как и географический фактор.

В исследованиях международных отношений сетевой анализ применяется и для анализа власти, статуса и влияния. Вместе с тем меры власти и статуса могут оказаться полезными и применительно к исследованиям конфликтов. В качестве примера можно привести исследование, в котором предлагается концепт «структурной сетевой власти» (SNP), основанный на положении государства в сети международных отношений [Kim, Lee, Feiock, 2011]. При построении сети государств используются данные о дипломатических отношениях, студенческом обмене, международных телекоммуникациях, передаче оружия, экспорте товаров и услуг, а также международной помощи. Индекс SNP рассчитывается на основе степени центральности, подразумевая, что государство, имеющее более высокую степень центральности, будет занимать более влиятельную и заметную позицию в международной структуре. Кроме того, такое государство будет меньше зависеть от других и будет иметь более широкий доступ к ресурсам сети. На основании данного индекса можно проранжировать государства от сильных к слабым и протестировать ряд гипотез, вытекающих, с одной стороны, из теории баланса сил, а с другой – из теории гегемонистской стабильности. Согласно последней, если в отношениях между странами присутствует одно сильное государство (гегемон), то возникновение вооруженного конфликта с участием гегемона наименее вероятно. Именно эта гипотеза подтвердилась в вышеуказанной работе.

Другой пример определения положения государства методом сетевого анализа связан с достижением статуса в мировой политике маленькими государствами, в частности Катаром [Baxter, Jordan, Rubin, 2018]. Маленькие государства, как и великие державы, могут играть важную роль в конфликтах, дипломатических

отношениях, формировании альянсов и международных организаций. Предполагается, что такие государства могут повышать свой статус в международных отношениях путем участия в мероприятиях по урегулированию конфликтов. Проанализировав присутствие Катара в сетях двух типов – международных альянсов и дипломатических отношений, можно прийти к выводу, что если государство активно играет роль медиатора в различных конфликтах, то, соответственно, увеличивается степень его центральности в сети. В качестве индикатора статуса государства в международных отношениях предлагается использовать меру сетевой центральности, однако нельзя точно утверждать, что есть прямая зависимость между статусом и участием в урегулировании конфликтов, так как другие факторы (например, материальные ресурсы) также могут играть роль в повышении статуса.

Как уже было замечено ранее, неотъемлемой стороной сетевых исследований международных отношений является анализ мировой торговли. Торговля, будучи одной из наиболее активных сфер международного взаимодействия, позволяет не только выстроить плотную сеть связей между государствами, но и включить в нее значительное число акторов, различающихся по уровню своего политического влияния. Существует множество работ, где торговые потоки представлены в виде связей между государствами. В частности, можно отметить спектр исследований, посвященных анализу потоков торговли оружием [Kinne, 2016; Network Interdependencies... 2018].

Нельзя отрицать, что экономические отношения между странами влияют на политические и наоборот. Например, международная торговля может влиять на степень соблюдения прав человека в стране: в случае проблем в данной сфере страна может лишиться непосредственных торговых партнеров, но в то же время права человека могут продолжаться не соблюдаться благодаря косвенной торговле [Chyzh, 2016]. С другой стороны, торговые отношения могут выступать в роли фактора, предотвращающего военные конфликты. Традиционно ученые говорят о позитивном влиянии прямых торговых связей между двумя странами на возникновение конфликта между ними же; косвенные торговые связи часто игнорируются, хотя они также могут играть роль в предотвращении конфликтов [Lupi, Traag, 2012]. Очевидно, что чем теснее экономические отношения между странами, тем меньше веро-

ятность возникновения вооруженного конфликта между ними, так как конфликт обрывает существующие торговые связи и лишает участников выгоды. Однако экономическая взаимозависимость – более комплексное явление, вызывающее необходимость учитывать и не прямые связи между акторами, так как косвенные торговые связи создают дополнительные альтернативные издержки от потенциального конфликта. Это связано с тем, что война между двумя странами может навредить их торговле с другими странами. Представим ситуацию, в которой государство А имеет торговые связи с государствами В и С. С одной стороны, государство А не заинтересовано в том, чтобы между В и С произошел конфликт, так как это косвенно наложит издержки на него самого. Следовательно, у А будет стимул для того, чтобы предотвратить или вмешаться в конфликт. С другой стороны, В и С будут стараться поддерживать отношения друг с другом для того, чтобы не испортить свои отношения с А. Таким образом, две конфликтующие стороны ставят под угрозу связи не только друг с другом, но и с другими странами. Этот эффект особенно заметен в так называемых торговых сообществах. Под торговым сообществом в данном контексте подразумевается группа государств, торгующих друг с другом намного активнее, чем с государствами вне сообщества. В подобных группах с высокой степенью взаимозависимости обрыв связей между двумя ее членами не может не отразиться на связях остальных участников.

Вместе с тем торговлю можно рассмотреть в качестве зависимой переменной, на которую способны влиять различные политические факторы. В частности, государства могут определять свою внешнеэкономическую политику, ставя ее в один ряд с вопросами национальной безопасности, в соответствии с членством в альянсах. Представители бизнеса также принимают во внимание политические отношения при оценке рисков. Однако влияние членства в политических альянсах на торговлю также является вопросом, в котором следует учитывать не только прямые, но и косвенные связи [Найм, 2016]. В данном случае между государствами возникает не прямая связь, если у них есть общий союзник. Например, государство А состоит в альянсе с В и с С, при этом В и С не состоят в альянсе друг с другом. Однако ожидается, что наличие общего партнера будет стимулировать торговлю между В и С.

Чем больше общих партнеров у двух стран, тем активнее они будут торговать между собой.

Экономическая взаимозависимость государств наиболее ярко выражена в таких ключевых сферах торговли, как энергетика. Так, экспорт нефти может влиять на начало гражданской войны в государстве и на вероятность военной интервенции со стороны другого государства [Woo, 2017]. Если в стране – крупном экспортере нефти возникает опасность вооруженного конфликта, то страны-импортеры могут осуществить «довоеенное вмешательство» и оказать поддержку правительству для того, чтобы гражданская война не препятствовала торговле. Эту гипотезу можно подтвердить, измерив влияние стран – экспортеров нефти в сети торговых связей.

Сетевой анализ является одним из наиболее эффективных инструментов для исследования международных отношений. В данном обзоре рассмотрены научные публикации в области международных отношений, в которых так или иначе используются методы сетевого анализа. Проблемная область данных работ включает в себя основные вопросы мировой политики, связанные с формированием международных связей, включая военно-политические альянсы, конфликты и торговлю. Основные вопросы исследований – какие факторы могут влиять на формирование данных связей и как уже сформированные связи влияют на различные аспекты политики и экономики, включая торговую активность, интенсивность конфликтов, выбор военно-политических союзников, а также внутривнутриполитические процессы в странах – участницах отношений.

Список литературы

- Анализ влияния стран в сети международной миграции / Ф.Т. Алескерев, Н.Г. Мещерякова, А.Н. Резяпова, С.В. Швыдун // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 137–158.
- Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – СПб., 2015. – № 4. – С. 119–138.
- Жданов П.А. «Группа двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода // Вестник международных организаций. – М., 2013. – Т. 8, № 3. – С. 61–72.

- Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов / Ф.Т. Алескеров, М.С. Курапова, Н.Г. Мещерякова, М.Г. Миронюк, С.В. Швыдун // Политическая наука. – М., 2016. – № 4. – С. 111–137.
- Aleskerov F., Meshcheryakova N., Shvydun S.* Centrality Measures in Networks based on Nodes Attributes, Long-Range Interactions and Group Influence. – Moscow, 2016. – 44 p. – (Working papers by NRU Higher School of Economics; N WP7/2016/04).
- Aleskerov F.T., Andrievskaya I.K., Permjakova E.E.* Key borrowers detected by the intensities of their short-range interactions. – Moscow, 2014. – 18 p. – (Working papers by NRU Higher School of Economics. Series FE «Financial Economics»; N WP BRP 33/FE/2014).
- Baxter P., Jordan J., Rubin L.* How small states acquire status: A social network analysis // International Area Studies Review. – Oslo, 2018. – Vol. 21, N 3. – P. 191–213.
- Chyzh O.* Dangerous liaisons: An endogenous model of international trade and human rights // Journal of Peace Research. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 409–423.
- Corbetta R., Grant K.A.* Intervention in Conflicts from a Network Perspective // Conflict Management and Peace Science. – University Park, PA, 2012. – Vol. 29, N 3. – P. 314–340.
- Fordham B., Poast P.* All Alliances Are Multilateral: Rethinking Alliance Formation // Journal of Conflict Resolution. – College Park, MD, 2016. – Vol. 60, N 5. – P. 840–865.
- Haim D.A.* Alliance networks and trade: The effect of indirect political alliances on bilateral trade flows // Journal of Peace Research. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 472–490.
- Kim H.M., Lee D., Feiock R.C.* Network Power and Militarized Conflicts // Armed Forces & Society. – San Marcos, TX, 2011. – Vol. 38, N 2. – P. 291–317.
- Kinne B.J.* Agreeing to arm: Bilateral weapons agreements and the global arms trade // Journal of Peace Research. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 359–377.
- Kinne B.J.* IGO membership, network convergence, and credible signaling in militarized disputes // Journal of Peace Research. – Oslo, 2013. – Vol. 50, N 6. – P. 659–676.
- Levina O., Hillmann R.* Wars of the World: Evaluating the Global Conflict Structure During the Years 1816–2001 Using Social Network Analysis // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – Amsterdam, 2013. – N 100. – P. 68–79.
- Lupu Y., Greenhill B.* The networked peace: Intergovernmental organizations and international conflict // Journal of Peace Research. – Oslo, 2017. – Vol. 54, N 6. – P. 833–848.
- Lupu Y., Poast P.* Team of former rivals: A multilateral theory of non-aggression pacts // Journal of Peace Research. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 344–358.
- Lupu Y., Traag V.A.* Trading Communities, the Networked Structure of International Relations, and the Kantian Peace // Journal of Conflict Resolution. – College Park, MD, 2012. – Vol. 57, N 6. – P. 1011–1042.
- Maoz Z., Joyce K.A.* The effects of shocks on international networks: Changes in the attributes of states and the structure of international alliance networks // Journal of Peace Research. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 292–309.

- Network Interdependencies and the Evolution of the International Arms Trade / P.W. Thurner, C.S. Schmid, S.J. Cranmer, G. Kauermann // *Journal of Conflict Resolution*. – College Park, MD, 2018. – P. 1–29. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177%2F0022002718801965>
- Ward H., Dorussen H. Standing alongside your friends: Network centrality and providing troops to UN peacekeeping operations // *Journal of Peace Research*. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 392–408.
- Warren T.C. Modeling the coevolution of international and domestic institutions: Alliances, democracy, and the complex path to peace // *Journal of Peace Research*. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 424–441.
- Weidmann N.B. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict // *Journal of Peace Research*. – Oslo, 2015. – Vol. 52, N 3. – P. 285–296.
- Wilson M., Davis D.R., Murdie A. The view from the bottom: Networks of conflict resolution organizations and international peace // *Journal of Peace Research*. – Oslo, 2016. – Vol. 53, N 3. – P. 442–458.
- Woo J. Oil export, external prewar support for the government, and civil conflict onset // *Journal of Peace Research*. – Oslo, 2017. – Vol. 54, N 4. – P. 513–526.

I.E. Gavrilenkova*
States in Networks:
Network Approach in International Studies
(Review)

Abstract. In this work we review articles devoted to the network analysis of international relations, which were published in foreign journals during last 10 years. We also consider the Russian input to the network studies of international relations. The articles we review can be divided into two topical groups: on the one hand, there are studies of interstate relations in the system of international organizations and military conflicts; on the other hand, the network of interstate relations can be analyzed in the context of trade links. Network analysis gives an opportunity to analyze the structure of international relations, its dynamics, as well as to evaluate power and influence of states in the network. Network analysis is also used as a secondary method to test hypotheses about factors of interstate links formation or about links' influence on various political and economic processes.

Keywords: international relations; network analysis; state; power; international organizations; conflicts; trade; methodology.

For citation: Gavrilenkova I.E. States in Networks: Network Approach in International Studies (Review). *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 264–278. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.14>

* **Gavrilenkova Irina**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: gavrilenkova.ie@gmail.com

References

- Aleskerov F.T. et al. A network approach to analysis of international conflicts. *Political Science (RU)*. 2016, N 4, P. 111–137. (In Russ.)
- Aleskerov F.T. et al. An analysis of countries' influence through international migration network. *Political Science (RU)*. 2016, N 4, P. 137–158. (In Russ.)
- Degterev D.A. Network analysis of international relations. *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2015, N 4, P. 119–138. (In Russ.)
- Zhdanov P.A. «Group 20» in terms and categories of the network approach. *International Organizations Research Journal*. 2013, Vol. 8, N 3, P. 61–72. (In Russ.)
- Aleskerov F.T., Andrievskaya I.K., Permjakova E.E. Key borrowers detected by the intensities of their short-range interactions. *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series FE «Financial Economics»*. 2014, N WP BRP 33/FE/2014, 18 p.
- Aleskerov F., Meshcheryakova N., Shvydun S. Centrality Measures in Networks based on Nodes Attributes, Long-Range Interactions and Group Influence. *Working papers by NRU Higher School of Economics*. 2016, N WP7/2016/04, 44 p.
- Baxter P., Jordan J., Rubin L. How small states acquire status: A social network analysis. *International Area Studies Review*. 2018, Vol. 21, N 3, P. 191–213.
- Chyzh O. Dangerous liaisons: An endogenous model of international trade and human rights. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 409–423.
- Corbetta R., Grant K.A. Intervention in Conflicts from a Network Perspective. *Conflict Management and Peace Science*. 2012, Vol. 29, N 3, P. 314–340.
- Fordham B., Poast P. All Alliances Are Multilateral: Rethinking Alliance Formation. *Journal of Conflict Resolution*. 2016, Vol. 60, N 5, P. 840–865.
- Haim D.A. Alliance networks and trade: The effect of indirect political alliances on bilateral trade flows. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 472–490.
- Kim H.M., Lee D., Feiock R.C. Network Power and Militarized Conflicts. *Armed Forces & Society*. 2011, Vol. 38, N 2, P. 291–317.
- Kinne B.J. IGO membership, network convergence, and credible signaling in militarized disputes. *Journal of Peace Research*. 2013, Vol. 50, N 6, P. 659–676.
- Kinne B.J. Agreeing to arm: Bilateral weapons agreements and the global arms trade. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 359–377.
- Levina O., Hillmann R. Wars of the World: Evaluating the Global Conflict Structure During the Years 1816–2001 Using Social Network Analysis. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013, N 100, P. 68–79.
- Lupu Y., Greenhill B. The networked peace: Intergovernmental organizations and international conflict. *Journal of Peace Research*. 2017, Vol. 54, N 6, P. 833–848.
- Lupu Y., Poast P. Team of former rivals: A multilateral theory of non-aggression pacts. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 344–358.
- Lupu Y., Traag V.A. Trading Communities, the Networked Structure of International Relations, and the Kantian Peace. *Journal of Conflict Resolution*. 2012, Vol. 57, N 6, P. 1011–1042.

- Maoz Z., Joyce K.A. The effects of shocks on international networks: Changes in the attributes of states and the structure of international alliance networks. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 292–309.
- Turner P.W. et al. Network Interdependencies and the Evolution of the International Arms Trade. *Journal of Conflict Resolution*. 2018, 29 p. <https://doi.org/10.1177%2F0022002718801965>
- Ward H., Dorussen H. Standing alongside your friends: Network centrality and providing troops to UN peacekeeping operations. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 392–408.
- Warren T.C. Modeling the coevolution of international and domestic institutions: Alliances, democracy, and the complex path to peace. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 424–441.
- Weidmann N.B. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict. *Journal of Peace Research*. 2015, Vol. 52, N 3, P. 285–296.
- Wilson M., Davis D.R., Murdie A. The view from the bottom: Networks of conflict resolution organizations and international peace. *Journal of Peace Research*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 442–458.
- Woo J. Oil export, external prewar support for the government, and civil conflict onset. *Journal of Peace Research*. 2017, Vol. 54, N 4, P. 513–526.

ИНТЕРВЬЮ

СЕТЕВОЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ГОСУДАРСТВ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: Интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.)

Для цитирования: Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике: Интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.) // Политическая наука. — 2019. — № 3. — С. 279–284. — DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.08>

М.В. Ильин. *В «Атласе I»¹ была предпринята попытка систематического количественного анализа международной системы государств. Однако непосредственно связи между страна-*

¹ Инновационный проект «Политический атлас современности» под руководством проф. А.Ю. Мельвиля был начат весной 2005 г. в МГИМО МИД России совместно с Институтом общественного проектирования и журналом «Эксперт». Основная цель проекта была в том, чтобы осуществить комплексный сравнительный анализ всех существовавших на то время 192 стран мира, разработать их многомерную классификацию и осуществить анализ динамики структур мировой политики. Это была беспрецедентная научно-исследовательская задача. Проект носил междисциплинарный характер – в нем, наряду с методами политической компаративистики, использовались различные методы многомерного статистического анализа (регрессионный, дискриминантный, кластерный, метод главных компонент и др.) на временных рядах данных. Полученные результаты были опубликованы в: [Политический атлас современности... 2007]. Переработанное и расширенное издание было опубликовано на английском языке [Political Atlas... 2010].

ми не учитывались, их наличие только косвенно угадывалось. Новый «Атлас 2.0»¹ вполне отчетливо ориентирован на выявление именно связей между государствами (вершинами сети). Как это предполагается сделать? Какой математический подход подошел бы для решения данной задачи?

Ф.Т. Алескеров. Мы предполагаем учесть связи между странами. Для этого мы используем модели сетевого анализа, в которых страны являются вершинами сети, а дуги между вершинами несут информацию о взаимодействии стран, например, взаимодействие может принимать вид конфликтов между странами или представлять объемы экспортно-импортных операций. Существует много возможностей описать сетевые взаимодействия между странами, и мы ими всеми пользуемся. Математический аппарат для анализа этого взаимодействия – сетевой анализ и анализ центральности в сетях. Это достаточно развитая часть сетевого анализа. Есть блестящая книга по классическим методам [Newman, 2010].

Но и здесь мы сделали свой вклад, развили математический аппарат, а именно смогли учесть параметры вершин, групповое влияние вершин на отдельные вершины и длину путей, определяющих ближе и дальше взаимодействия между вершинами. Ряд наших работ можно посмотреть в нашей серии препринтов Высшей школы экономики².

Этими новыми моделями мы полностью пользовались в этой задаче оценки влияния государств.

М.В. Ильин. *Каким образом и до какой степени можно выявить характеристики связей между юнитами на основе изучения отдельно взятых, «изолированных» объектов? Как можно выявить внутренние характеристики государств на основе изучения связей между ними? Каким образом и до какой степени можно получить адекватное представление о системе, делая акцент*

¹ Речь идет о масштабном исследовательском проекте, который начиная с 2017 г., осуществляет группа исследователей НИУ ВШЭ при поддержке Российского научного фонда. Важным новым методологическим компонентом в этом исследовании является сетевой анализ.

DOI: 10.31249/poln/2019.03.08

² Серия WP7 «Математические методы анализа решений в экономике, бизнесе и политике» // Препринты НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/org/hse/wp/wp7> (Дата посещения: 24.05.2019.)

лишь на связях между ее элементами (государствами) и абстрагируясь от свойств самих элементов?

Ф.Т. Алескеров. Характеристики связи между государствами определяются на основании взаимодействия этих государств. Как я уже говорил, это могут быть экспортно-импортные операции. Очень важная часть нашего исследования как раз состоит в том, чтобы учесть параметры вершин сети, т.е. параметры государств. Иначе говоря, мы не абстрагируемся от параметров государств, а наоборот, учитываем их в наших расчетах. Например, в анализе миграции мы учитываем население стран, в которые приезжают мигранты. Это необходимо, так как небольшое число мигрантов в стране с небольшим населением сразу будет чувствоваться, а на то же число мигрантов в большой стране даже не обратят внимания.

М.В. Ильин. *Сами по себе связи могут существенно различаться. У них много свойств: например, политические и экономические, связанные с теми или иными обстоятельствами, особенностями государств, традиций их сотрудничества и т.п. Как можно учесть эти особенности и обстоятельства? Как операционализировать связи? Какие показатели и данные использовать?*

Ф.Т. Алескеров. Да, связи, безусловно, различаются. Есть политические, экономические, технические, научные и прочие связи. Учитывать эти многочисленные связи можно с помощью агрегирования соответствующих упорядочений стран, полученных с помощью анализа центральности в соответствующих сетях. Именно эта часть нашего исследования представляется совершенно новой по сравнению с «Атласом-1».

М.В. Ильин. *До какой степени мощь, влияние и статус государств являются их внутренними характеристиками, а до какой определяются связями и общей конфигурацией международных систем? Отражается ли соотношение внутренних и международных параметров мощи, влияния и статуса государств в эмпирических данных и поддается ли инструментальной оценке?*

Ф.Т. Алескеров. По моему мнению, мощь, влияние, статус государств не являются внутренними характеристиками, а скорее определяются связями и конфигурациями международных систем. Например, небольшая страна за счет хорошего образования может быть очень привлекательной для многих других стран, и это создает как раз то, что называется мягкой силой. Именно такие пара-

метры мы пытаемся учесть в наших расчетах и оценить при построении модели влияния государств в международных системах

М.В. Ильин. *Важны ли качественные свойства сетей, отражающих взаимодействия государств? Можно ли говорить о топологии межгосударственных систем? Существуют ли математические подходы, позволяющие учитывать одновременно сетевые свойства отдельных элементов (центральности и т.д.) и качественные характеристики системы в целом, блоков государств?*

Ф.Т. Алескеров. Мы не рассматривали качественные свойства сетей, отражающие взаимодействия государств, соответственно, мы не рассматривали топологию государственных систем. Но следует отметить, что предложенные нами модели анализа центральности в сетях позволяют учесть одновременно сетевые свойства элементов и качественные характеристики государств, например в виде вхождения государств в отдельные блоки.

М.В. Ильин. *Учитываются ли связи между государствами в целом для мировой системы или по неким кластерам, например, связанным с членством в международных организациях, или же попарно, в диадах? Если используются разные способы, то как они согласуются и сочетаются?*

Ф.Т. Алескеров. Связи между государствами учитываются как в целом, так и на уровне отдельных блоков, скажем, в различных видах международных организаций. Связано это с тем, что наши модели сетевого анализа могут учитывать именно влияние групп государств на отдельные государства. Кроме того, можно часто видеть, что, например, экспортно-импортные операции осуществляются в гораздо больших объемах между государствами, как-то связанными между собой. Точно так же мы можем оценить степень участия государств в различных конфликтах. И не только прямого участия, но и участия в виде поддержки одной из конфликтующих сторон. При анализе центральности в сетях мы учитываем влияние государств именно в сетевом контексте. Чтобы получить агрегированную оценку, надо привлечь еще то, что я называю линейной оценкой, т.е. несетевой оценкой влияния. Такими оценками, например, могут быть оценки в терминах количества разных видов вооружений. Учет сетевых и несетевых (линейных) оценок составляет задачу агрегирования, которые мы очень успешно можем решать, поскольку наш коллектив является самым мощным в мире именно в области агрегирования.

М.В. Ильин. *Какие параметры мощи, влияния и статуса государств могут быть операционализированы, отражены в эмпирических данных и исчислены? Какие данные прямо отражают политическую мощь, влияние и статус государств, а какие – косвенно?*

Ф.Т. Алескеров. Влияние и статус государств определяется очень большим числом характеристик. Я не готов здесь обсуждать конкретные параметры системы, по которым мы оцениваем, скажем, политическую мощь, военную мощь и т.д. Все это будет отражено в наших исследованиях. Более того, частично уже есть публикации, в которых отдельные параметры влияния государств описаны и измерены [Анализ влияния стран... 2016; Сетевой подход... 2016].

Список литературы

- Анализ влияния стран в сети международной миграции / Ф.Т. Алескеров, Н.Г. Мещерякова, А.Н. Резяпова, С.В. Швыдун // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 137–158.
- Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов / Ф.Т. Алескеров, М.С. Курапова, Н.Г. Мещерякова, М.Г. Миронюк, С.В. Швыдун // Политическая наука. – М., 2016. – № 4. – С. 111–137
- Newman M.E.J. Networks: An Introduction. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2010. – 772 p.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States / A. Melville, Y. Polunin, M. Ilyin et al. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – 256 p.

NETWORK ANALYSIS APPROACH TO RESEARCH OF STATES AND THEIR INTERRELATIONS IN GLOBAL POLITICS:

**The interview of professor of HSE Mikhail Ilyin with professor
Fuad T. Aleskerov (Moscow, April 15, 2019)**

For citation: Network analysis approach to research of states and their interrelations in global politics: The interview of professor of HSE Mikhail Ilyin with professor

Fuad T. Aleskerov (Moscow, April 15, 2019). *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 279–284. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.08>

References

- Aleskerov F.T. et al. A network approach to analysis of international conflicts. *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 111–136. (In Russ.)
- Aleskerov F.T. et al. An analysis of countries' influence through international migration network. *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 137–158. (In Russ.)
- Melville A., Polunin Y., Ilyin M. et al. *Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Malden: Wiley-Blackwell, 2010, 256 p.
- Newman M.E.J. *Networks: An Introduction*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010, 772 p.
- Political Atlas of the Modern World: Experience of multidimensional statistical analysis of political systems of modern states*. Ed by A. Yu. Melville [et al.]. Moscow: MGIMO-University publishing agency, 2007, 272 p. (In Russ.)

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

К.В. ФОКИН*

СЕРАЯ ЗОНА, ИЛИ ИЗМЕРЯЯ НЕИЗМЕРИМОЕ?

Рецензия на кн.:

Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics / Peter J. Katzenstein, L.A. Seybert (eds.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2018. – 380 p.

Для цитирования: Фокин К.В. Серая зона, или Измеряя неизмеримое? (Рецензия) // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 285–302. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.09>

Теория предполагает, что при наличии всей полноты данных можно безошибочно предсказать будущее. По выражению Стивена Пинкера, с точки зрения физики Первая мировая война – «не более, чем очень, очень большое количество кварков на очень, очень сложных траекториях движения» [Пинкер, 2018, с. 94], но для ее понимания мы все же используем иной уровень анализа. С переходом от естественных «точных наук» к наукам об обществе возрастает неопределенность. Рецензируемый сборник формально относится к литературе по международным отношениям, однако я убежден, что и по приводимым эмпирическим примерам, и по замыслу авторов его масштаб значительно больше, и обсуждаемые идеи предлагают ракурс для общественных наук в целом.

* **Фокин Кирилл Валерьевич**, аспирант Школы политических наук Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: kainer-1@yandex.ru

Вводимый термин «Protean Power» сложно перевести на русский язык; «power» сама по себе имеет несколько аналогов в спектре от «власти» до «силы» [см.: Ледяев, Ледяева, 2016], причем разный вариант перевода будет автоматически отсылать к разному направлению дискуссий в политической теории и философии.

Авторы дают следующее определение: «... [это] эффект импровизационных и инновативных ответов на неопределенность, возникающий от креативности и гибкости акторов в ответе на неопределенность» (р. 4). Следовательно, прямой перевод «власть» здесь оказывается неточным: «власть» в концепции авторов скорее синонимична «контролю», «Control Power», однако и вариант «сила» оказывается неидеальным, так как ключевая характеристика «мира Протея» – неопределенность, неспособность зафиксировать параметры «силы», и речь идет про *восходящее* движение, про *потенциалы*, *анархическое состояние*. Это допускает метафору «природной стихии», и близкое здесь слово – «мощь»: как сила природы, «протеева мощь» появляется сама по себе, возникает «внизу», неподконтрольная и непредсказуемая, не имеющая центра, единой идеологии или парадигмы, и дальше вступает в противоборство с традиционной «контролирующей властью» и даже может ее опрокинуть.

Конструктивизм и постмодернизм ставят вопрос, почему «материалистическому» подходу, т.е. буквальной оценке того, что поддается измерению и наблюдению, не удастся предсказать значительные события мировой политики: окончание холодной войны и распад СССР, всемирную террористическую угрозу, финансовый кризис и так далее [Малинова, 2010, с. 90–92]. Для максимального упрощения подобные «непредсказуемые» или трудно прогнозируемые события можно назвать «черными лебедями» [Taleb, 2010] (очень спорная с научной точки зрения идея, и я ссылаюсь на нее только потому, что так делают авторы (р. 223)). В этом смысле «протеева мощь» наследует отчасти и «антихрупкости» [Taleb, 2012], и «мягкой силе» [Nye, 1990]. Но если «антихрупкость» это скорее про практику, а «мягкая сила» – про культуру и институты, то «протеева мощь» пытается объединить все «неизмеримые» и «ускользающие» переменные. Сама постановка проблемы и приводимые эмпирические исследования действительно обнаруживают глубокую и обширную «серую зону», в которой склонные к измерительным процедурам дисциплины внутри наук об обществе чув-

ствуют себя неуверенно. Однако на то есть причина – изучение неизучаемого и вычисление вероятностей невероятного – само по себе звучит алогично. Констатируя наличие непредсказуемых событий и признавая значение «протеевой мощи», власти и влияния идей, интеллекта, творчества и нематериальных факторов в целом, мы пока не располагаем достаточно эффективным и точным инструментарием для их анализа. Поэтому «изучение» подобных явлений сводится к описанию постфактум, которое тяжело или практически невозможно генерализовать. Амбиция сборника заключается в том, чтобы, во-первых, отделить «протееву мощь» от ее противоположности – «власти контроля», а во-вторых, дать классификацию некоторых их сочетаний.

Тот факт, что в заключение сборника предлагается таблица для возможных сочетаний / типов отношения между «контролем» и «протеем» (р. 275), не должен вводить в заблуждение: основная идея как раз в том, что «протеева мощь» противоположна контролю, так же как изменчивый протей противоположен жесткому и властному Левиафану (р. xi-xii). Концепцию определяют две ключевые дихотомии: 1) протей / контроль (= левиафан) и 2) неопределенность / риск. Наглядную иллюстрацию этих дихотомий можно дать на классическом для «реалистического» подхода и международной политики материале ядерных стратегий: на первом этапе планирования ядерной войны в США, от Трумэна и во время президентства Эйзенхауэра, доминировала точка зрения, что приоритетом должен быть «обезглавливающий удар», т.е. уничтожение политического и военного руководства противника: предполагалось, что в случае гибели руководства либо сам приказ на ответное применение ядерного оружия так и не будет отдан, либо гибель руководства приведет к параличу командования и хаосу среди нижестоящих чинов и сломит их «моральный дух». Но консультант от RAND Дэниел Элсберг, готовивший в 1961 г. пересмотр плана для Пентагона и президента Кеннеди, настаивал на исключении Москвы из списка первоначальных целей [Элсберг, 2018, с. 170]. Во-первых, он утверждал, что вопреки распространенному мнению решение о применении ядерного оружия в случае чрезвычайной ситуации очень легко и быстро делегируется по цепочке командования вниз; во-вторых, он задавал вопрос: «как долго японская армия продолжала бы сражаться после августа 1945 г., если бы <...> атомная бомба была сброшена на Токио <...> убила

бы императора и <...> не дала ему объявить о капитуляции?» [Эллсберг, 2018, с. 494].

«Обезглавливающий удар» – типичный пример того, как конфликт из состояния борьбы между «силами контроля» может перейти в плоскость «Протея». Пока существует командование, условный Вашингтон и условная Москва, всегда остается возможность рациональной оценки ущерба, торга и перемирия даже после начала боевых действий и нанесения первых ядерных ударов, потому что центр может отдать приказ и остановить армию от продолжения конфликта, и армия повинует. Но в случае если одна из сторон (или обе) потеряет систему управления и контроля, решение о нанесении ядерного удара, продолжении или прекращении боевых действий будет делегироваться все ниже и ниже, вплоть до уровня пилота бомбардировщика, несущего термоядерную бомбу под крылом. Переговоры вести будет не с кем: вместо условной Москвы против Вашингтона войну будут вести десятки, сотни, тысячи автономных единиц, каждая из которых может действовать по-разному в зависимости от внешних (информационных) и внутренних (психологических) условий. Парадигма войны в таком случае сместится от убеждения / устрашения левиафана-оппонента к гибкому и локальному противостоянию с множеством нескоординированных и ограниченных только собственным воображением «протеевых акторов». Кто-то из них, возможно, сдастся, кто-то – лишившись связи с командованием, – исполнит «план минимум», кто-то – «план максимум», кто-то вступит в конфликт с собственными подчиненными, а кто-то проявит креативность и составит собственную стратегию войны, партизанскую и террористическую, и точно предсказать это поведение в каждом конкретном случае невозможно. После состояния *риска*, где угрозы могут быть пересчитаны, наступит состояние *неопределенности*: в первом варианте у нас есть *известные неизвестные* переменные (мы не знаем, какое решение принято в Москве, но знаем, кто его принимает), во втором – *неизвестные неизвестные* (кто принимает решение, где он, как поступит, чего он хочет и т.д.) (р. 41). Случившийся через год Карибский кризис подтвердил правоту опасений Эллсберга в том, что делегирование права на применение ядерного оружия в критической ситуации размывает систему контроля и может привести к мгновенной эскалации вне ведома / желания центра [Эллсберг, 2018, с. 272–301].

В сборнике подробно обсуждаются концептуальные основы «протеевой мощи» и предлагается набор эмпирических исследований, которые авторы приводят в качестве примеров и уточнения различных аспектов их концепции. В заключение авторы вписывают свою концепцию (в ее текущем варианте) в более широкую политическую теорию и, к сожалению, на этом останавливаются. Легитимизовав таким образом термин и верно указав на наличие проблемных зон, неясных и неизмеримых явлений, сборник тем не менее не дает нам главного – инструмента; выражаясь метафорически, «ключа» от этих серых зон и «запретных дверей».

Часть 1: Теория

Первая часть сборника посвящена теоретическому фреймированию термина и концепта «протеева мощь». Обе ее главы, первая о концептуальном анализе и вторая об отношении к теории международных отношений, написаны авторами-составителями. Они цитируют директора Национальной разведки США, который в 2016 г. заявил, что «непредсказуемая нестабильность» – это «новая нормальность» (р. 3), и сразу задают вопрос, *новая ли* это нормальность? Вспоминая и Макиавелли, и Фукидида, они обращаются к проблеме *силы* как *власти* и к дискуссии об измерениях власти. Власть как доминирование, «власть над» они обозначают *силой контроля*, а власть как возможность, восприятие, потенциал, который может и не быть реализован (определение Льюкса (р. 8)), – как «*мощь Протея*». К одной и той же ситуации могут быть применены обе силы: например, в шахматах существуют правила, и компьютер играет в них, рассчитывая ходы и возможные риски, в то время как люди-гроссмейстеры скорее полагаются на импровизацию и интуицию (р. 24). Это означает, что в случае фактической невозможности точных предсказаний наилучшая стратегия – признать, что предсказание невозможно, и жить в непредсказуемом мире. Поэтому смысл «протеевой мощи» – не конструировать будущее, а сделать так, чтобы достичь желаемых целей в любом варианте будущего. Ссылки на Фридриха Хайека, Элинор Остром и Адама Смита (р. 21–25) демонстрируют связь и преемственность от правого крыла экономической теории (даже повестки), согласно которой не только рынок, но и во многом само общество эффек-

тивнее конструируются снизу «невидимой рукой», нежели «контролем» (чаще всего – государственным) сверху и доктринально. Далее этот угол зрения получает развитие в главах о «протеевой мощи» на финансовом рынке (р. 166–187) и о рынке высоких технологий (124–144).

В международных отношениях власть – не собственность, а отношение; авторы в принципе ставят под сомнение возможность определить «власть» или «силу» государства материальными индикаторами, как то: ресурсная база или военная мощь, так как *сила всегда зависит от контекста* [Katzenstein; Seybert, p. 27]. В теории ядерного сдерживания Томаса Шеллинга отрицаются *инциденты*, которые могут привести к началу войны; к началу войны приводят *решения*, значит, *восприятие* – все «торговые модели войны» на самом деле оборачиваются взаимным блефом и попытками интерпретации. Эти попытки зачастую проваливаются по той причине, что мировосприятие у каждого свое (*ibid.*); логика сдерживания, например, предполагает «машину судного дня» только в том случае, если о ней известно сопернику, потому как иначе смысла в ее существовании нет. Таким образом, США исходили из предположения, что если им неизвестно о ее существовании у СССР, следовательно, ее нет – и тем не менее система «Периметр» (или «Мертвая рука») находилась в СССР на боевом дежурстве, но была засекречена (р. 44).

Вместо обычных моделей принятия решений, фокусирующихся на средствах и целях, авторы предлагают «модель перевода» (*translation model*): воспринимая какую-то информацию, акторы «переводят» ее на «свой язык», пропускают через собственный жизненный опыт и наделяют значением, которое может быть релевантно только для них самих (р. 32). Такое «человеческое измерение» позволяет не только объяснить, почему разные негосударственные акторы дают различные ответы на одни и те же условия среды, но и почему государства (где решения принимают также люди, с их собственными убеждениями, идентичностями, воображением, эмоциями и психологическим состоянием) ошибаются в коммуникации между собой, проваливаясь в «спирали войны» и «дилеммы безопасности» (р. 30).

Если учесть этот фактор, который можно назвать *воображением* (р. 47) (а воображение – неисчерпаемый ресурс), то мировая политика становится *открытой системой*. Неспособность при-

знать этот факт в политэкономии и попытка дедуктивно «наделить» акторов интересами, которые они «должны были бы» преследовать в теории рациональных ожиданий, привела к невозможности предсказать финансовый кризис 2008 г. (р. 47–50). Анализ с точки зрения парадигмы «контроля» всегда носит обратный характер и может объяснить «неожиданное событие» и высветить его предпосылки и причины, но лишь в тот момент, когда оно уже произошло. Парадигма «протеевой мощи» в этом отношении честнее – она отказывается от объяснительной возможности и оставляет пространство для «неопределяемого и непредсказуемого». При этом соотношение не бинарно и не жестко зависимо, *динамика* не противоречит власти, и «контроль» сам по себе не слабее / сильнее «протеевой мощи», все зависит от контекста. И сильные, и слабые акторы способны на обе парадигмы действия, и обе парадигмы работают и на макро-, и на микроуровнях.

Часть 2:

Протеева мощь: пользуясь неопределенностью

Третья и четвертая главы книги приводят в качестве примеров использования концепции «протеевой мощи» изучение «революции в правах» в широком смысле (р. 59–78) и борьбы за права ЛГБТ – в узком (р. 79–99). Децентрализованное общественное движение, требующее легитимности (т.е. оперирующее в плоскости восприятия), борющееся упорно и долго (вплоть до сотни лет), но всегда побеждающее внезапно (р. 59) – самоочевидный пример «протеева» движения и «сдвига». Здесь исследователи описывают один из вариантов интеракции «протее» и «контроля»: «протей» смещает «контроль» и устанавливает собственный порядок (р. 78). Изначально борьба за права идет в «протеевой» плоскости, однако после триумфа наступает черед институционализации достижений и отвоеванных прав (р. 83). С того момента, как движение за права ЛГБТ начали поддерживать, в том числе и законодательно, правительства Западной Европы, мир «протеевой мощи» перешел в мир «контроля».

Далее, однако, последовал новый парадокс: в ответ на директивные призывы Европейского союза законодательно оформить права ЛГБТ в России и Украине в России появились дискри-

минационные законы (что является ответом «контроля» на «контроль»), а в Украине, где правительство уже было готово пойти навстречу, протесты начались внутри самого общества. В Чехии, Эстонии, Словакии и Словении уровень неодобрения ЛГБТ после вступления в Европейский союз и попыток законодательного оформления их прав оказался *выше*, чем до вступления, когда эти вопросы вообще не поднимались в публичной политике (р. 85). Это ответ «протеевой мощи» на механизм «контроля». Более того, права ЛГБТ перестали быть отдельной темой, а прикрепились к общему пакету «западных ценностей» и «вестернизации», что позволило легко эксплуатировать эту тему националистам и правым движениям. Когда США пытались критиковать Россию за принятие дискриминационных законов, местные американские активисты обвинили собственное американское правительство в лицемерии (р. 95–96). Таким образом, став частью механизма «контроля», движение за права ЛГБТ перешло от стратегии гибкого реагирования к стратегии прямого давления, что усилило противодействие и противоречия и подставило его под удар с новой стороны. Успешная в «протеевом» мире сила легко проигрывает, пытаясь бороться методами «контроля».

Иной вариант интеракций предлагается в главе о «динамике принуждения и уклонения на границе США и Мексики» (р. 100–123). Объясняя, почему попытки жесткого пограничного контроля безуспешны (р. 101), авторы описывают границу, выражаясь метафорически, как обособленную экосистему, арену взаимодействия «контролирующих» пограничников, мафиозных структур, контрабандистов и самих мигрантов. Но рассматривают они их не как объекты (жертвы), а как самостоятельных акторов с собственными (различными) стратегиями и тактиками. Ужесточение режима заставляет «слабых» акторов (мигрантов и контрабандистов) выдумывать новые стратегии и тактики, но не отказываться от своих намерений: таким образом, оно приводит к увеличению человеческих страданий и изменению экосистемы, но не способно остановить попытки мигрантов пересечь границу.

Другим «царством» «протеевой мощи» оказывается сектор высоких технологий, одновременно и научный «фронт», и процесс выхода технологий на рынок (и появление новых рынков), и финансирующий это венчурный бизнес (р. 124–145). И в науке, и в венчурном бизнесе результат зависит не только от риска (верна ли

гипотеза? окажется ли продукт востребованным?), но и от неопределенности: когда и где будет совершено новое научное открытие, появится новый рынок – «голубой океан»¹, – неизвестно, это открытый вопрос, и переменные здесь – воображение и идеи. Может показаться контринтуитивным, но объем финансирования научного коллектива не гарантирует «открытие», ровно как и крупные корпорации – «левиафаны», имеющие свободные средства и даже прицельно инвестирующие в высокие технологии, все равно проигрывают стартапам («старые корпорации» олицетворяют собой силы «контроля», и поэтому молодые компании вынуждены искать прибыль через «протеевы», новые стратегии). В частности, через концепцию «протеевой мощи» авторы объясняют, почему попытки зарегулировать сферы новых технологий (биотехнологии и ИТ), скорее всего, будут неудачными: научный поиск инклюзивен к неопределенности, и в ответ на новые контролирующие меры будут появляться новые стратегии обхода (2018, р. 127) (как и в случае с границей Мексики и США). Криптовалюты, однако, трактуются также контринтуитивно – как средство трансляции «контроля» через «протее», т.е. попытка обойти потенциальную нестабильность мировой финансовой системы за счет создания ее «горизонтальной» и «гарантированной» (окончательным числом биткоинов) альтернативы (р. 131–141).

Часть 3:

Смешанные миры – гибкость встречается с возможностью

В третьей части сборника изучаются смешанные формы «контроля» и «протеевой мощи» на примере рынка углеводородов (р. 147–165), финансовой системы (р. 166–187), международного терроризма (р. 188–208) и мировых киноиндустрий (р. 209–226).

И рынок углеводородов, и финансовые рынки мира подвержены влиянию политической конъюнктуры и сами могут быть использованы как инструменты сил «контроля». При этом рынок углеводородов измеряется в терминах риска (набор вариантов развития событий ограничен: цены идут либо вверх, либо вниз; транзит либо осуществляется, либо нет), но в силу геополитичес-

¹ См.: Ким, Моборн, 2017.

кой значимости и большого количества игроков разного масштаба и формы (кто добывает, кто доставляет и через кого) является менее определенным и более «протеевым»; напротив, финансовые рынки волатильны, велика вероятность появления новых средств, игроков и инструментов (система открытая и ориентированная на рост), но при этом контролировать их легче. Таким образом, на шкалах протей / контроль и риск / неопределенность эти два сектора занимают зеркальные позиции (р. 55).

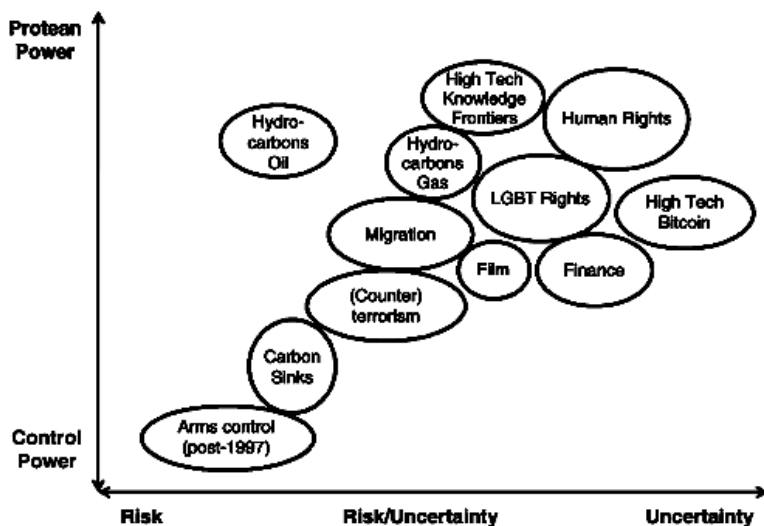

Figure 2.2 Examples of Control and Protean Power in a Risky and Uncertain World

Рисунок

Киноиндустрия находится ближе к финансовому рынку: создание фильмов зиждется на идеях и воображении («Протей»), однако для превращения их в бизнес требуются высокие мощности («контроль»). Инвестиции в кино носят высокорисковый характер, индустрия нестабильна, и успех практически невозможно предсказать (р. 211). Безусловные «хиты» появляются редко, и на каждый «хит» приходится значительное количество «провальных» картин; позволить себе подобную динамику могут только крупные компании, эксплуатирующие рынки по всему миру: главный пример по-

казывает американская индустрия кино, условный Голливуд. Это «контроль», но играющий на «протеевом» поле, инвестирующий в том числе и в авторское кино, «фабрика» по поиску новых талантов, новых звезд и новых творческих возможностей. В условиях всемирного доминирования Голливуда локальным киноиндустриям становится невозможно конкурировать с ним на пространстве универсальных / глобальных сюжетов, поэтому они выбирают для себя стратегию нишевых, региональных и национальных сюжетов, образов релевантных исключительно для локальной аудитории, которые она не может найти во «всеядных» картинах Голливуда (р. 209).

Глава, посвященная терроризму, полемизирует с «традиционной» трактовкой терроризма как «стратегии принуждения, которую используют вооруженные негосударственные акторы в условиях асимметрии возможностей» (р. 188); это определение в логике «контроля», в то время как современный международный терроризм как раз пользуется тем, что не является орудием определенных акторов, а используется децентрализованными группировками, «джихадом без лидера» (р. 201). Апеллируя к религиозным смыслам, которые сами по себе разрушительны в отношении стратегического целеполагания (для «мученика» и победа, и поражение в «земном мире» означают одно – победу в «загробном»), международный терроризм черпает силу из неопределенности и паранойи, которые оборачиваются против «врагов»-государств: например, стратегия по захвату заложников и требованию выкупа (и отказ, и согласие являются плохими реакциями) (р. 193) и дискриминационные меры (применяемые в отношении некоторой группы населения страны, априори подозреваемой в симпатиях к террористам, они становятся «самосбывающимся пророчеством» и *действительно* подталкивают эту группу симпатизировать террористам, усиливая гражданский конфликт) (р. 207). Однако сила оборачивается слабостью в тот момент, когда международный терроризм вроде бы достигает цели, получая территории и институциональную структуру, как это произошло с «Исламским государством»¹. С «материальным измерением силы» пришла уязвимость для «материального ответа контроля»: бомбардировок и ракетных атак, вооруженной наземной операции и (sic!) ответных

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

«протеевых стратегий», когда «подозрительность» и «паранойю» стали использовать против самих террористов, вербуя в их структурах шпионов и информаторов (р. 207)¹. Однако прямолинейный разгром террористической силы в виде (псевдо)государственного образования приведет к тому, что террористы вернутся в «протеев мир», и цикл может повториться (р. 208). Продолжая логику статьи, можно предположить, что оптимальным планом противодействия «Исламскому государству» может стать не ставка на его физическое уничтожение, но остановка его экспансии, максимальное ограничение и превращение в территориальный анклав, и даже создание коридора доступа для радикалов со всего мира: оно станет «аттрактором» для террористов, и они будут думать не о том, как собрать бомбу «у себя в гараже» и взорвать в своем городе, а как попасть в этот анклав – и далее погибнуть в бою с профессиональными военными.

Часть 4:

Протеева мощь между риском и неопределенностью

Последняя часть состоит из обсуждения применения «протеевых» стратегий внутри двух кейсов, традиционно наиболее близких измерению риска / контроля: это контроль над вооружениями (р. 229–245) и экополитика в отношении естественных поглотителей углерода (р. 246–264). Оба кейса демонстрируют относительную слабость негосударственных организаций в измерении «контроля» и указывают на необходимость искать обходные пути «встраивания» их стратегий в рамки, которые изначально поддерживаются государствами / государственными структурами. В случае с урегулированием проблемы дефорестации негосударственные экологические организации сперва потерпели поражение в попытке встроить свои предложения в межгосударственный Киотский протокол (р. 250–254), но были вынуждены изменить свою стратегию и сфокусироваться не на государствах, а на частных ин-

¹ Эдвард Люттвак пишет, что единственной реальной гарантией того, что офицер, которого вы пытаетесь завербовать, не доложит начальству о предложении, может служить только подозрение, что вышестоящий офицер уже вами завербован [Люттвак, 2012 а, р. 75].

ститутах, и создать «добровольный рынок», внутри него выработать рецепт наиболее эффективных мер и только после этого вернуться к практике переговоров с государствами, что вылилось в принятие рамочных соглашений на площадке ООН (REDD+).

Исследование политики контроля над вооружениями предлагает другой вариант условной «победы» сил «контроля» над «протеевыми акторами». Ситуация холодной войны отличалась высоким риском (глобальной войны), но низкой неопределенностью (главная угроза исходила от конфликта СССР и США); в современном мире риск снизился, но значительно возросла неопределенность (увеличилось количество акторов, стран, обладающих оружием массового уничтожения, и, как следствие, потенциальных конфликтов) (р. 230–233). Переговоры по контролю над вооружениями во время холодной войны представляли собой по большей части выработку соглашений между двумя сверхдержавами. В современном мире, после «радикальной нестабильности» 1990-х и «неясности» 2000-х, в контроле над вооружениями появилось место и малым государствам, и негосударственным организациям. Однако крупные государства, считающие, что ограничение как конвенциональных, так и новых видов вооружения¹ противоречит их интересам, хотя уже и не способны просто исключить подобные предложения из повестки дня, успешно используют силу «контроля» для того, чтобы выхолостить договоры или лишить их принципиального смысла своим неприсоединением (р. 234).

Заключение:

Сложные формы власти и политическая теория

В закрывающей сборник главе (р. 267–301) авторы-составители дают обзор вышеприведенных кейсов и обобщают концептуальные рамки проведенных эмпирических исследований, останавливаясь на различных комбинациях сочетания контроля / протее (р. 275, 279), видах неопределенности, социальном и ин-

¹ В качестве примеров приводятся роботы-убийцы и киберпространство [Protean Power... 2018, р. 230–233], но также важным представляется упомянуть биотехнологии военного образца.

ституциональном контексте и возможности взаимного обращения «левиафана» в «протея» и обратно. После авторы обращаются к истории политической теории и философии. Они концептуализируют ее как сложную и разветвленную систему взглядов на сущность силы / власти и описывают элементы концепта «протеевой мощи» у некоторых крупнейших философов и мыслителей Античности (Фукидид, Аристотель), Просвещения (Макиавелли, Гоббс), Нового времени (Клаузевиц) и XX в. (Фуко, Делёз, Гваттари, Агамбен, Арентт). Краткое и отчасти лирическое отступление в современную политическую жизнь США и их позиционирование в глобальном мире завершает книгу.

Обстоятельная теоретизация понятия «протеева мощь» выглядит убедительно, однако ответ на ключевой вопрос, который ставят сами авторы, «для чего нужен еще один неологизм, обозначающий силу / власть?» (р. 282), – оставляет неоднозначное впечатление. Утверждается, что концепция «протеевой мощи» – это не еще один аргумент в дискуссиях о природе власти (и ее измерениях / «лицах»), а зонтичная концепция, указывающая на «актуальность невидимого потенциала» и, следуя логике кейсов, инструмент для практического анализа.

Проблема заключается в том, что как объяснительная модель концепция «протеевой мощи» работает только ретроспективно: да, она предоставляет определенную методологию для анализа событий, которые труднообъяснимы в материальном измерении / теории рационального выбора и поведения, но и конструктивистская, и постмодернистская парадигмы в науках об обществе уже продвинулись в этом направлении, и мысли о политике как «открытой системе» и факторе воображения не звучат оригинально. Что более существенно с точки зрения критики, так это тот факт, что так как сама концепция относится к «силам», оперирующим в мире «неизмеримого» и «непредсказуемого», остается неясным, как измерить эффективность и применимость ее как инструмента анализа. Концепт «протеевой мощи» потенциально может быть приложен к *любой* ситуации конфликта политических сил, и в зависимости от точки зрения исследователя там могут быть найдены различные соотношения контроля / протее. Спор же о том, кто в случае конфликта между двумя гипотетическими исследователями оказывается прав, будет носить чисто умозрительный и теоретический характер, где аргументами могут служить ссылки на теоретизацию

Питера Катценштайна и Люсии Сиберт, потому как иных средств оценки пока не существует.

Концепция «протеевой мощи» действительно обладает значительным объяснительным потенциалом и, возможно, внесет вклад в политическую теорию. Парадокс Эллсберга (или «эффект неоднозначности») показывает, что люди эвристически стараются избегать неопределенности и предпочитают ей «закрытый» риск [Ellsberg, 1961], и даже исследователям тяжело избежать искажений и признать, что мы существуем в непредсказуемом мире «радикальной неопределенности» и не можем предсказать будущее, и даже оперировать в большинстве своем приходится открытыми, а не закрытыми системами вероятностей. Вклад теории «протеевой мощи» в «освобождение» от этого искажения может оказаться значительным: для некоторых событий, вероятно, не стоит искать глубоких материально-экономических закономерностей и законов, они происходят «сами собой», движимые стечением обстоятельств и человеческой фантазией.

Но при этом существует опасность, что «протеева мощь» окажется зонтичным понятием не только для этих «случайностей», но и для всех событий, когда общественные науки сдаются перед действительностью. Ложный вывод, который можно сделать из неверного прочтения сборника, – что любое неожиданное событие можно обозначить как результат действия «протеевых сил». А это значит капитулировать перед ним и отказаться от поиска дальнейших «измеримых», «вероятных» и «предсказуемых» объяснений.

Для того чтобы этого не допустить, в дальнейшем развитии теории «протеевой мощи» (как и всей дихотомии контроль / Протей) следует отступить на шаг назад и осмыслить, каким образом можно «измерить неизмеримое», пусть ретроспективно и объяснительно, но все же отделить «контроль» от «протей» некоторыми объективными категориями, а не возвратом к определениям, предложенным Катценштайном и Сиберт. На данном этапе, к сожалению, именно эта лакуна превращает теоретическую концепцию в слепую объяснительную модель, напоминающую и вышеупомянутую «антихрупкость» Талеба, и теоретизацию «парадоксов стратегии» по Эдварду Люттваку [Люттvak, 2012 b], – представляющих определенный интеллектуальный интерес, но потенциально способных «объяснить все и сразу», нестрогих и потому ненаучных. Несколько раз встречающиеся в сборнике ссылки на квантовую

механику (р. 10) и даже концепцию мультивселенной (р. 295), хотя и служат тексту украшением, к сожалению, только усугубляют впечатление терминологической неточности и способствуют неверному пониманию его основных идей¹.

Вторым направлением, которое можно обозначить для будущих исследователей «протеевой мощи», может стать конвергенция этой концепции с концепциями горизонтальных структур, сетей и сообществ. Очевидный пример – взаимодействие сил контроля / протeya в медиапространстве, в социальных сетях и в информационной среде в целом. Это не только прямолинейные дихотомии попыток зарегулировать Интернет / попыток пользователей избежать цензуры и скрыться в «глубокой Сети», но и более сложные взаимодействия между агрегаторами больших данных, прогностическими алгоритмами, особенностями распространения информации, новостей и «мемов», их влиянием на политические / общественные процессы, цифровая экономика и так далее. Однако данная тема, равно как и дальнейшая разработка концепции «протеевой мощи», еще в будущем – на данный момент перед нами захватывающий, многообещающий, но во многом еще сырой первый чертеж для будущей теории.

Список литературы

- Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2019. – 608 с.
- Ким Ч., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 336 с.
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «Лингвистические аргументы» // PolitBook. – Чебоксары, 2016. – № 2. – С. 26–39. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-vlasti-i-lingvisticheskie-argumenty> (Дата посещения: 15.05.2019.)
- Люттвак Э. Государственный переворот: Практическое пособие. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Университет Дмитрия Пожарского, 2012 а. – 320 с.
- Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Университет Дмитрия Пожарского. 2012 б.–392 с.

¹ Которые, разумеется, ни в коем случае не сводятся к тому, что объективной реальности не существует, реальности сосуществуют в глазах наблюдателя, а каждый раз совершая выбор, мы выбираем между «равноправными реальностями».

- Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. – М., 2010. – № 3. – С. 90–99.
- Элльсберг Д. Машина Судного дня. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 542 с.
- Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the Savage axioms // Quarterly Journal of Economics. – Oxford, 1961. – Vol. 75, N 4. – P. 643–669.
- Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – N.Y., 1990. – N 80. – P. 153–171.
- Taleb N. Antifragile: Things That Gain From Disorder. – N.Y.: Random House, 2012. – 519 p.
- Taleb N. The Black Swan. – N.Y.: Random House, 2010. – 480 p.

C.V. Fokin *

The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable?

Book review: *Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics.*

Ed. by P.J. Katzenstein, A. Seybert. N.Y.: Cambridge univ. press, 2018, 380 p.

For citation: Fokin C.V. The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable? (Review). *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 285–302. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.09>

References

- Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the Savage axioms. *Quarterly Journal of Economics*. 1961, Vol. 75, N 4, P. 643–669.
- Ellsberg D. *The Doomsday Machine: Confessions of a Nuclear War Planner*. Moscow: Alpina Publisher, 2018, 542 p. (In Russ.)
- Kim W. Ch., Mauborgne R. *Blue Ocean Shift: Beyond Competing*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017, 336 p. (In Russ.)
- Ledyayev V., Ledyayeva O. Conceptual analysis of power and «linguistic arguments». *PolitBook*. 2016, N 2, P. 26–39. (In Russ.) Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-vlasti-i-lingvisticheskie-argumenty> (accessed: 15.05.2019.)
- Luttwak E.N. *Strategy: The Logic of War and Peace*. – Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Dmitry Pozharsky univ., 2012 b. 392 p. (In Russ.)
- Luttwak E.N. *The coup d'etat. A Practical handbook*. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Dmitry Pozharsky univ., 2012, 320 p. (In Russ.)

* **Fokin Cyril**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: kainer-1@yandex.ru

- Malinova O. Yu. Ideas as independent variables in official research: in search of an adequate methodology. *Polis. Political Studies*. 2010, N 3, P. 90–99. (In Russ.)
- Nye J. Soft Power. *Foreign Policy*. 1990, N 80, P. 153–171.
- Pinker S. *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. Moscow: Alpina non-fiction, 2019, 608 p. (In Russ.)
- Taleb N. *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. N.Y.: Random House, 2012, 519 p.
- Taleb N. *The Black Swan*. N.Y.: Random House, 2010, 480 p.

Т.А. ХАЛИЛОВ*

**КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**Рецензия на кн.: Кислицын С.А., Сиражудинова С.В.
Гражданское общество на постсоветском пространстве.
Концепты, специфика, тренды. – М.: Ленанд, 2018. – 336 с.**

Для цитирования: Халилов Т.А. Концептологическое измерение гражданского общества на постсоветском пространстве (Рецензия) // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 303–307. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.10>

В современной мировой политической науке одно из самых важных мест принадлежит дискуссиям вокруг вопросов о моделях и перспективах гражданского общества, о степени его институционального развития, об уровнях и характере практик его взаимодействия с государством, о трансформации коммуникационных платформ гражданской жизни и публичной политики и т.д., которые являют собой не только набор теоретических исканий и разработок исследователей, но и анализ тех или иных эмпирических воплощений.

Аналитические дебаты вокруг гражданского общества часто выступают в качестве своеобразного поиска глобальной идеи формирования идеального общественно-политического устройства. Ес-

* **Халилов Тимур Александрович**, кандидат политических наук, заместитель главного редактора – научный редактор научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» (Краснодар, Россия), e-mail: tkhalilov86@gmail.com

© Халилов Т.А., 2019

DOI: 10.31249/poln/2019.03.10

тественно, что какого-то общепризнанного результата при таком подходе ждать не приходится, но в широком массиве научной литературы появляются более-менее удачные труды, которые вызывают интерес и могут расцениваться в качестве неких опорных точек для дальнейшего научного поиска. На наш взгляд, к числу таких работ относится рецензируемая книга С.А. Кислицына и С.В. Сиражудиновой [Кислицын, Сиражудинова, 2018].

Оба автора убеждены в том, что базовый концепт гражданского общества следует рассматривать как ценностное цивилизационное ядро современной западной макросистемы (с. 16). Исходя из этого тезиса С.В. Сиражудинова, автор первых глав монографии, стремится проследить трансформацию концепции гражданского общества, которая на протяжении истории менялась, приспособливаясь к каждой эпохе, к потребностям и запросам каждого этапа (ступеньки) развития общества (этатистские взгляды, марксизм, либерализм, глобализационный экспансионизм, коммуникационизм).

Анализ гражданского общества как явления, приспособленного к определенным идеологическим или прагматическим задачам, позволил авторам определить ресурсность, перспективы и пути его формирования в разных контекстах, у разных народов. Авторы отмечают, что либеральная модель гражданского общества не является единственной в своем роде, что эта концепция в исторической ретроспективе имела разные варианты, представляла собой разные модели, фиксирующие идеологические и политические особенности конкретных темпоральных сред (с. 17).

Авторы монографии исходят из того, что процесс формирования гражданского общества в постсоветских государствах затруднен советским коммунистическим прошлым, традиционализмом, обычаями, конфессиональным и национальным факторами, рядом таких параметров, как неукорененность прав и свобод человека и гражданина, порядок ограниченного доступа, сословность общественных систем и раздаточная экономика, проявления экстремизма, радикализма и терроризма и межэтнические проблемы (с. 52). В терминологии американско-британского исторического макросоциолога М. Манна, в постсоветском случае мы имеем дело с так называемым эффектом клетки (*caging*), когда бюрократическое государство захватывает социальных акторов и навязывает ту или иную повестку взаимодействия [Манн, 2014, с. 85].

С.А. Кислицын и С.В. Сиражудинова фиксируют в современной России конфликтный потенциал гражданского общества, который реализуется в форме деструктивных факторов, например межрегиональных криминальных субкультур и окол властных коррупционных бизнес-структур (с. 102–103). Авторы книги полагают, что рост влияния некриминальных меньшинств – этнических, сексуальных, профессиональных и социальных (особенно бюрократии и олигархии), романтизация преступного образа жизни (феномены подростковых АУЕ-группировок) и эстетизация насилия (распространение сетевого снафф-контента) – доказывают наличие элементов «антигражданского» общества в современных российских реалиях. Это особенно характерно для провинциальных территорий, где институциональный порядок фрагментирован, система координат публичного пространства фиксирует слабость и ресурсную ущербность институтов социального взаимодействия и недостаточно укоренены в социальную повседневность практики публичного диалога [Чирун, 2019, с. 51]. В связи с этим преступный мир может рассматриваться как искаженное, кривое гражданское общество.

Специальный раздел монографии посвящен экологическим общественным организациям, которые формируют повестку за счет презентации своих протестных и / или популистских кампаний (с. 166). Это обеспечивает им определенный уровень институционального доверия и политического влияния. В книге С.А. Кислицына и С.В. Сиражудиновой подчеркивается, что органы государственной власти федерального и регионального уровней стремятся использовать во взаимодействии с экологическими НПО весь арсенал политических технологий: от дискредитации лидеров экологического протеста в медиа до привлечения их в состав общественных (консультативных) структур (с. 175). Соответственно, режимы взаимодействия властных институтов и экологических НПО носят ситуативный характер и используют весь спектр политико-управленческих ресурсов.

Отдельно в книге рассматривается творческая элита, которая, в определенной степени являясь субъектом гражданского общества как производитель уникального креативного продукта, имманентно отчуждена от политического процесса (с. 212). По мнению американского политолога М. Урбана, понятие «гражданское общество» связано с моральными и нормативными представ-

лениями [Урбан, 2006, с. 134]. Данный ракурс позволяет предположить, что влияние творческого истеблишмента основывается на распространении через культурные институты нетривиальных идей, образов и оценок, которые продуцируются, формируя в той или иной степени общественные настроения той части социума, которая воспринимает их в качестве неких моральных ориентиров.

В общих выводах рецензируемой монографии подчеркивается, что концепт гражданского общества и его отдельные составляющие могут использоваться в политической практике, в том числе как инструмент геополитического влияния, мягкой борьбы, продвижения демократии и глобализации (с. 325). В то же время в современном мире существует множество моделей гражданского общества со своей спецификой. При этом гражданское общество, будучи пространством неполитических взаимодействий различных коалиций поддержки, сетевых структур и индивидов, в особых условиях может приобретать функции политического субъекта (с. 327).

Рецензируемый труд затрагивает множество аспектов, причем в разной степени. Это вызывает некоторые вопросы, например, почему достаточно много внимания уделено экологическим НПО, и даже обосновывается понятие «экологическая политизированная субэлита». Такое внимание к данному сюжету явно выбивается из общего контекста работы. Это замечание касается и главы, посвященной творческой элите. По нашему мнению, в книге совершенно не отражена ставшая в последнее время актуальной проблема «квазигендерных» отношений и формирования сверхспецифических групп, которые претендуют на статус институтов гражданского общества и т.д. Также в монографии не развивается тезис о том, что гражданское общество – это в первую очередь пространство взаимных прав и обязательств между обществом и государством. В то же время более пристальное внимание этому аспекту позволило бы авторам глубже взглянуть на специфику исследуемого явления в посткоммунистических странах, в частности в России. Вместе с тем обозначенные вопросы носят характер рекомендаций и не умаляют достоинств монографии С.А. Кислицына и С.В. Сиражудиновой. В целом книга заслуживает внимания со стороны политологического сообщества, так как в ней содержится целый ряд интересных теоретико-методологических находок, фактурных сюжетов и оригинальных умозаключений.

Список литературы

- Кислицын С.А., Сиражудинова С.В. Гражданское общество на постсоветском пространстве. Концепты, специфика, тренды. – М.: Ленанд, 2018. – 336 с.
- Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 208 с.
- Урбан М. Социальные идентичности. Конструирование или самоорганизация // Прогнозис: журнал о будущем. – М., 2006. – № 1 (5). – С. 133–142.
- Чирун С.Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 2019. – № 1. – С. 49–65. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>

Т.А. Khalilov*

Civil society on the post-soviet space: The conceptological dimension
Book review: Kislitsyn S.A., Sirazhudinova S.V. *Civil Society on the Post-Soviet Space. Concepts, Specificity, Trends*. Moscow: Lenand, 2018, 336 p. (In Russ.)

For citation: Khalilov T.A. Civil society on the post-soviet space: The conceptological dimension (Review). *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 303–307. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.10>

References

- Chirun S.N. AUE youth organization as an integrated phenomenon of the Russian postmodernity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019, N 1, P. 49–65. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>
- Kislitsyn S.A., Sirazhudinova S.V. *Civil Society on the Post-Soviet Space. Concepts, Specificity, Trends*. Moscow: Lenand, 2018, 336 p. (In Russ.)
- Mann M. Power in the 21 st Century: Conversations with John A. Hall. Moscow: Moscow: HSE Publ, 2014, 208 p. (In Russ.)
- Urban M. Social Identities. Construction or Self-Organization. *Prognosis: Journal about the Future*. 2006, N 1 (5), P. 133–142. (In Russ.)

* **Khalilov Timur**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea» (Krasnodar, Russia), e-mail: tkhalilov86@gmail.com

ОБСУЖДЕНИЯ

СТРАНЫ БРИКС: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, УЯЗВИМОСТЬ, СТАТУС ГЛОБАЛЬНЫХ ИГРОКОВ (ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДИСКУССИИ ГРУППЫ СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА ИНИОН РАН) /

**Л.М. Григорьев, Д.В. Ефременко, И.А. Помигуев,
В.А. Павлюшина, Э.Р. Салахетдинов, А.М. Понамарева,
Л.А. Поповец, М. Ф. Стародубцева***

1 августа 2019 г. состоялось заседание Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН, посвященное перспективам российского председательства в группе БРИКС в 2020 г. Вниманию читателей

* **Григорьев Леонид Маркович**, кандидат экономических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: lgrigor1@yandex.ru; **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва), e-mail: efdv2015@mail.ru; **Помигуев Илья Александрович**, канд. полит. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва), e-mail: pomilya@mail.ru; **Павлюшина Виктория Александровна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Аналитический центр при Правительстве РФ (Москва), e-mail: pa_victoria@mail.ru; **Салахетдинов Эльдар Рустамович**, Институт Африки РАН (Москва), e-mail: vsms2007@yandex.ru; **Понамарева Анастасия Михайловна**, канд. соц. наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), e-mail: amp1982@mail.ru; **Поповец Любовь Андреевна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: liubovpopovets@gmail.com; **Стародубцева Марина Федоровна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: mfstarodubtseva@edu.hse.ru

DOI: 10.31249/poln/2019.03.15

предлагается та часть дискуссии, в которой были затронуты проблемы государственной состоятельности, уязвимости и международного статуса стран БРИКС.

Ефременко Д.В. Уважаемые коллеги, я хотел бы оттолкнуться от того тезиса, который сформулировал Леонид Маркович [Григорьев]: различий между странами БРИКС значительно больше, чем черт сходства. Тем не менее они стремятся к выработке совместной политико-экономической повестки, причем претендуют на роль игроков, в большей или меньшей степени нацеленных на изменения глобальных правил игры и располагающих для этого немалым ресурсным потенциалом. Я согласен с этим. Но здесь есть несколько аспектов, на которых нам имеет смысл остановиться подробнее.

Прежде всего, как при всем различии моделей социально-экономического развития, истории и культурных традиций стран БРИКС найти инструменты их сопоставления по широкому спектру показателей? Страны БРИКС надо сравнивать как друг с другом, так и с внешними игроками. В российской политической науке есть очень хороший задел. Я, прежде всего, имею в виду масштабный исследовательский проект, который реализуется в Высшей школе экономики под руководством А.Ю. Мельвиля, так называемый «Атлас 2.0». Его участники проводят сравнительный анализ мощи и политического влияния государств мира с использованием широкого инструментария количественных и качественных методов. Там есть и кластеризация, и паттерн-анализ, и различные варианты интерпретации статистических данных. Важно, что в новом проекте используются модели сетевого анализа, которые позволяют определить особенности взаимодействия стран между собой, а не просто проводится количественный анализ международной системы, как в первом варианте «Атласа».

Среди зарубежных проектов многомерного статистического анализа можно назвать Индекс человеческого развития ПРООН, проект «Полития» («Polity») Т. Гурра, проекты Хельсинкского университета под руководством Т. Ванханена, совместный проект консалтинговой компании «A.T. Kearney» и журнала «Foreign Policy» «Индекс глобализации», Индекс трансформации Бертельсмана, Индекс мировой конкурентоспособности (Всемирный экономический форум) и др. Не затрагивая проблемы методологии создания такого рода индексов, следует отметить эвристическую значимость экспликации в этих исследованиях разнообразных условий и способов ответа го-

сударственных акторов на внутренние и внешние вызовы, которые оборачиваются разными институциональными результатами. Хотел бы подчеркнуть, что проект под руководством А.Ю. Мельвиля во многих отношениях идет дальше, чем подобные исследования за рубежом. Он, безусловно, дает очень много и для понимания активности стран БРИКС с точки зрения их международного статуса.

На мой взгляд, первоначальный успех политического месседжа этого объединения (тогда еще в составе Бразилии, России, Индии и Китая) был связан с неудовлетворенностью этих стран своим статусом в рамках либерального (американоцентричного) мирового порядка. Не удовлетворены они были в разной степени, причем Россия уже стремилась к изменению либерального миропорядка как такового. Другие полагали, что необходимо улучшить свои позиции внутри этого миропорядка, не добиваясь непременно его демонтажа. Общим знаменателем для всех стало возрождение принципа суверенитета, и это стало привлекать и других международных акторов, недовольных глобализацией и ее политическими последствиями. Сейчас ситуация изменилась. С одной стороны, Китай как будто готов присоединиться к России в отношении преобразования либерального мирового порядка. Китай его просто «перерос», он теперь слишком большой, чтобы чувствовать себя комфортно в роли ведомого. В то же время конфронтационная линия администрации Трампа не оставляет Пекину особого выбора. Правда, не факт, что новый миропорядок, главной движущей силой перехода к которому будет Китай, окажется более благоприятным для России. С другой стороны, Бразилия, Индия и ЮАР по-прежнему заинтересованы в повышении статуса внутри существующего международного порядка. В силу этого трудно ожидать, что в ближайшее время страны БРИКС смогут прийти к каким-то совместным прорывным решениям.

Но есть другой аспект, так сказать, обратная сторона международного статуса и глобального влияния государств. Я имею в виду проблематику государственной уязвимости (*vulnerability*). Этот сюжет сейчас начинает привлекать все большее внимание отечественных исследователей, и для всех, кто трезво оценивает политико-экономическую динамику в современной России, понятно, почему это так. Мы с Анастасией Понамаревой внесли свой вклад в обсуждение темы уязвимости и стрессоустойчивости российского государства по итогам предновогоднего ситуационного

анализа¹. Очень важные соображения по этой теме высказывают Ф.А. Лукьянов, А.И. Миллер, А.О. Безруков, Д.В. Тренин, А.П. Цыганков, ряд других наших коллег.

Если коротко, то управление уязвимостью является необходимым условием обеспечения внутривнутриполитической стабильности и сохранения достойной позиции страны в системе международных отношений. Но в какой степени стремление к укреплению статуса международного игрока совместимо с управлением уязвимостью? Очевидно, возникают серьезные проблемы, если эти задачи противоречат друг другу. А в истории России и Советского Союза можно найти немало примеров, когда власть в погоне за международным статусом приносила в жертву задачи внутреннего развития и тем самым значительно повышала внутреннюю уязвимость.

На мой взгляд, если мы хотим адекватно оценивать перспективы стран БРИКС с точки зрения их уязвимости и выявить степень стрессоустойчивости их политико-экономических систем, то надо учитывать следующие моменты. Во-первых, категория «уязвимость» нуждается в реконтекстуализации применительно к международным отношениям, взаимосвязи внутренней и внешней политики, представлениям о национальных интересах. Рассматривая уязвимость как недостаточную способность системы (в частности, политической) противостоять внешнему воздействию, направленному на ее ослабление или уничтожение, мы должны фокусировать внимание на реляционном характере этого феномена.

Во-вторых, характер взаимоотношений международных акторов актуализирует различные измерения уязвимости в широком диапазоне, начиная от природно-климатических условий экономической деятельности на территории данного государства и заканчивая степенью сплоченности политической нации (при ее наличии) вокруг значимых для нее исторических символов, культурного наследия и образов желаемого будущего.

В-третьих, взаимоотношения международных акторов могут рассматриваться как динамичный баланс преимуществ и уязвимостей. В этом контексте большое значение приобретает также тем-

¹Ефременко Д.В., Понамарева А.М. Опасный год: О стрессоустойчивости современной России // Россия в глобальной политике. – 2019. – 14 января. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Opasnyi-god-o-stressoustoichivosti-sovremennoi-Rossii-19901> (Дата посещения: 21.08.2019.)

поральное измерение уязвимости, когда действия различных участников международных интеракций приводят к появлению «окон уязвимости» или, напротив, к их закрытию. Скажем, разворачивающаяся борьба за глобальное экономико-политическое лидерство между Китаем и США интересна, в частности, тем, что администрация Трампа и руководство КПК действуют в разных темпоральных горизонтах.

Помигуев И.А. Отдельно отмечу, что противостояние США и Китая или США и России не приводит, например, к противоборству таких международных групп, как G7 и БРИКС. Страны «пятерки» продолжают выстраивать свои отношения с Соединенными Штатами, Бразилия и ЮАР точно не ставят своей целью изменение миропорядка, Китай с Индией тоже очень аккуратно относятся к таким мыслям. Поэтому интересно звучат идеи российских властей представить БРИКС как некую коалицию государств, формирующую «справедливое многополярное мироустройство»,¹ при этом роль России в такой коалиции на первый взгляд определить достаточно сложно, к тому же ожидания российских властей могут не совпадать с реальностью.

Если мы говорим про G7, то среди участников группы больше сходств, чем различий, а лидер ярко выражен и в политическом, и военном, и экономическом плане. Возвращаясь к тезису, что различий между странами БРИКС больше, чем сходств, возникает снова вопрос определения характеристик, способных оценить то самое влияние на мироустройство, о котором так часто задумываются российские власти.

Григорьев Л.М. К вопросу об индексах и индикаторах развития экономических и политических институтов. По большому счету, в странах БРИКС схожи лишь такие характеристики, как завершение индустриализации, ранняя постиндустриализация, ловушка среднего уровня развития, огромное социальное неравенство. В то же время несовпадение уровней развития экономики, социальных институтов и политических структур является для БРИКС достаточно рискованным. Многие западные аналитики

¹ БРИКС – к новым горизонтам стратегического партнёрства // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55487> (Дата посещения: 22.08.2019.)

делают упор именно на факторах дивергенции, предрекая БРИКС утрату политического влияния. В чем-то это действительно происходит, сейчас планка ожиданий значительно ниже, чем когда БРИК еще только создавался (без участия ЮАР). Но нам в любом случае необходимо понять, каким образом это «объединение непохожих» способно внести значительный вклад в трансформацию мирового порядка. Я думаю, тут более важны не совместные политические декларации лидеров БРИКС, а социально-экономические и социокультурные процессы в каждой из этих стран, которые уже в среднесрочной перспективе могут оказать решающее влияние на мировую экономику и достижение целей глобального устойчивого развития. Кстати, цели устойчивого развития ООН – ЦУРы – вот вам еще один многомерный индекс.

Давайте остановимся на одной из ЦУРов – на борьбе с неравенством и проблемах межстранового сравнения соответствующих показателей. Вообще говоря, несмотря на ставшие классическими труды макроэкономистов и институционалистов, по-прежнему непросто ответить на вопрос, как экономический рост влияет на неравенство между странами. Здесь необходимо стремиться к получению более ясного представления о динамических процессах. Рассматривая экономический рост в странах БРИКС, следует стремиться к рассмотрению всей совокупности гетерогенных факторов на основе единого подхода. Существующая статистика позволяет оценить уровень ВВП на душу населения по ППС в 174 странах мира начиная с 1992 г. На этой основе вполне возможно провести межстрановое сравнение, распределяя страны БРИКС по семи кластерам, различающимся по уровню развития в 1992 г., и анализируя их последующую динамику. Неравенство здесь оказывается важнейшим фактором.

В странах БРИКС задача снижения социального неравенства поставлена на политическом уровне. Так, глава российского правительства Д.А. Медведев три года назад указывал, что оно «не вызывало особой тревоги в условиях устойчивого и динамичного роста», но теперь «становится источником экономической и политической нестабильности». Правительство ЮАР главными факторами, тормозящими развитие в настоящее время, называет безработицу, неравенство, бедность, а также отсутствие необходимой инфраструктуры, в том числе для более быстрого развития промышленности. На 18-м съезде КПК премьер Госсовета КНР Ли Кэцян назвал со-

действие социальной справедливости одним из приоритетных направлений развития страны. После 2008 г. в Китае значительно снизился уровень бедности, но выросло неравенство (в том числе за счет роста доходов городского населения относительно доходов сельского). А в целом значительный рост благосостояния в КНР сопровождался неравенством, высоким для социалистической страны, но относительно низким по сравнению со многими развивающимися странами. В настоящее время вопрос о перспективах неравенства, снижение которого могло бы поддержать переориентацию роста на внутренний рынок, стал в Китае предметом анализа и обсуждения. В процессе рыночного подъема (между 1980 и 2015 гг.) произошел огромный скачок в развитии, был достигнут новый уровень жизни, но сформировался и новый тип социального неравенства с отрывом доходов 10-го дециля от остального населения, что документировало исследование МВФ. Как вы понимаете, все это имеет серьезные политические последствия, в том числе в плане уязвимости государств, о которой говорил Дмитрий Валерьевич [Ефременко].

Павлюшина В.А. По неравенству получается следующая картина. Группа стран БРИКС объединяет экономики с существенными различиями в уровне развития и моделях экономического роста. Китай, сравнимый по численности населения с Индией, производит почти в 2,5 раза больше ВВП по ППС (23,2 трлн межд. долл. и 9,5 трлн соответственно в 2017 г.). Разброс показателя ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах 2017 г. внутри БРИКС составляет 3,9 раза.

Значения этого показателя для Китая, Бразилии и ЮАР близки: 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. межд. долл. / человека соответственно. Россия почти в два раза опережает эти страны (27,8 тыс. межд. долл. / человека), а Индия в два раза отстает от них (7,2 тыс.). При этом максимальное социальное неравенство отмечается в ЮАР. Доля наиболее богатого 10-го дециля в доходах в 2017 г. была равна 50,5% в ЮАР, 40,4 – в Бразилии, 31,4 – в Китае, 29,8 – в Индии и 29,7% – в России.

Григорьев Л.М. Есть еще один очень важный показатель – динамика убийств и самоубийств. Эти социальные девиации – разные по своей природе, но они характеризуют значимые процессы в различных обществах. Интересную, во многом новаторскую работу по этой тематике выполнила Любовь Поповец, у нас скоро выйдет по этой теме статья.

Поповец Л.А. Если вкратце, то идея в том, что включение в социологический анализ состояния и развития стран мира таких показателей, как относительная величина (на 100 тыс. жителей) убийств и самоубийств, даст возможность оценить уровень «устойчивости» общества, а также силу социальных связей, т.е. как близость отношений между индивидами, так и развитость общественных институтов. По крайней мере, это позволит сделать подобную оценку более обоснованной и полной. Очень важно также выявить корреляцию показателей с такой комплексной характеристикой, как «счастье». Это составной показатель, включающий в себя большой набор индексов, которые охватывают многие социальные, политические и психологические факторы удовлетворения жизнью.

Григорьев Л.М. То есть это некий норматив, объясняющий, почему жители стран с устойчивыми социальными институтами, в теории, должны быть счастливы.

Поповец Л.А. Да, конечно. И вот что коротко можно сказать относительно стран БРИКС. На уровне теоретических представлений уровень счастья должен отрицательно коррелировать с уровнем убийств. Однако для наиболее богатых стран наблюдается не очень значимая, но положительная корреляция этих двух показателей. В странах – членах группы уровень счастья довольно низким – в 2017 г. выше, чем в среднем по миру, – был только в Бразилии и России, в последней – совсем незначительно. Но и уровень самоубийств в БРИКС невысокий, снова за исключением России.

Для понимания показателя счастья в данных странах имеет смысл поделить опросный показатель счастья на расчетный индекс за 2010–2014 гг. – в период до кризисов в Бразилии, ЮАР и России. Страны разные, они серьезно отличаются по типу и развитию институтов, по уровню государственной состоятельности, но при усреднении перепады оказываются очень значительными в пользу Бразилии, которая после 2014 г. претерпела тяжелейший кризис, в том числе коррупционный. Получается, что при социальной нестабильности жители страны все равно более счастливы, чем, например, в КНР, в которой при высоких темпах роста экономики было зафиксировано снижение уровня счастья.

Связь показателей социальных расстройств – убийств и самоубийств – с опросными и расчетными показателями «счастья» в странах БРИКС не может носить простой характер. В рамках социально-психологической ситуации в странах БРИКС контраст

«счастья», расчетного и опросного, и потерь населения от убийств и самоубийств сохраняется.

Помигуев И.А. Несмотря на сказанное выше, острым остается вопрос определения внутренних и внешних характеристик, оказывающих влияние на рассматриваемые государства. Если точнее, то каким образом внутренние характеристики социально-экономического или политического развития связаны между собой у стран БРИКС (особенно те, что сильно отличаются), и какое влияние они оказывают на соседние страны?

Григорьев Л.М. От развития стран БРИКС, улучшения их социальных институтов зависит ситуация, в том числе, в соседних странах, на которые они оказывают влияние как региональные лидеры в процессе взаимодействия. Так что сокращение показателей убийств и самоубийств в России, Бразилии и ЮАР – это не только индикатор их внутреннего состояния, не только часть перехода к устойчивому развитию, но и пример для остальных стран в области безопасной и комфортной жизни граждан. При этом есть основания надеяться, что увеличение дохода в странах группировки и снижение уровня убийств не вызовет увеличения интенсивности самоубийств, как это происходит в развитых странах.

Помигуев И.А. Получается, что эти показатели тоже имеет смысл включать в анализ степени государственной состоятельности?

Григорьев Л.М. Полагаю, что да, в определенной степени. Но для понимания данных процессов в условиях развития нужны более глубокие исследования и, вероятно, те или иные меры установления социального порядка. Я думаю, что такие исследования могли бы стать частью процесса изучения перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, роли культурных кодов (и теории «колеи») в жизни современного общества.

Ефременко Д.В. Отличная постановка задачи для нового масштабного проекта.

Григорьев Л.М. Согласен. И важность такого исследования у нас становится еще большей в связи с председательством России в БРИКС в следующем году.

Стародубцева М.Ф. Несколько слов о нынешнем председателе БРИКС – Бразилии. Мы уже обсуждали, что приход к власти Ж. Болсонару – это вызов для объединения БРИКС. Но это в первую очередь вызов для самой Бразилии. И реакция значительной части избирателей на провалы политики прежних политических

элит, в том числе левых лидеров – Лулы и Дилмы Русеф, хотя в их социально-экономической политике были и бесспорные достижения. Бразилия попала в ловушку среднего уровня развития. Леонид Маркович [Григорьев] и Виктория [Павлюшина] писали об этом ранее. Нерешенными остаются задачи модернизации технологий управления, изменения направлений инвестирования вместе с перестройкой системы финансирования. Критическое значение имеет развитие физической инфраструктуры и инфраструктуры для поддержания и ускорения формирования человеческого капитала. Но самые серьезные проблемы – это сохранение огромного социального и регионального неравенства, низкий уровень производительности труда в промышленности, недостаточные внутренние сбережения и инвестиции, низкая квалификация рабочей силы, плохое образование. Для решения их требуется более высокое качество институтов, обеспечение равенства перед законом, снижение коррупции...

Понамарева А.М. Но и для России необходим тот же самый набор изменений.

Стародубцева М.Ф. Несомненно. Притом что страны БРИКС разные, между Россией и Бразилией проявлений сходства тоже немало. Чего мы сейчас пока не знаем в отношении Бразилии – это того, поможет ли политический крен в сторону правого популизма решить эти проблемы, возможно, станет только хуже.

Понамарева А.М. Еще несколько слов об институтах и качестве управления, но уже применительно к России. Посмотрите, наша вертикаль власти выглядит жесткой и (по крайней мере, внешне) консолидированной. Но это совершенно не значит, что система застыла в состоянии внутреннего равновесия, что все в ней отлажено и полностью контролируемо сверху. Напротив, мы явно наблюдаем возрастание энтропии и усиление процессов самоорганизации. Все чаще дают о себе знать системные пороки, обусловленные эффектом отрицательного отбора, связанного с тем, что в 1990-е годы в госслужбе был огромный провал, когда самые предприимчивые и активные уходили в бизнес, а бюрократическую стезю избирали отнюдь не самые одаренные... Эти «оставшиеся» росли, росли и выросли... Каждый из них держится за свое место, полагая, что заместитель «как минимум» не должен быть умнее его самого. Приоритет отдавался не профессионализму, а личной преданности. В результате средний уровень чиновничества

все чаще оказывается неадекватен стратегическим задачам, транслируемым сверху.

Ефременко Д.В. Ну, мы здесь не одиноки во Вселенной. Проблемы качества управленческих элит повсюду в БРИКС достаточно серьезны. В Южной Африке и вовсе особая история...

Салахетдинов Э.Р. Качество управленческих элит в ЮАР действительно деградировало в последние годы. В 1994 г. к власти пришли вчерашние партизаны, причем если руководство АНК состояло из людей образованных, то множество рядовых членов партии буквально имели несколько классов образования. Новое правительство начало осуществлять программу по коренизации государственных кадров. Она, в частности, предусматривала меры позитивной дискриминации при приеме на работу с целью усиления черного представительства в органах власти и бизнесе. В результате был сформирован новый управленческий аппарат, где множество людей не имели достаточной компетенции в сфере административного управления, были уязвимы перед коррупционными соблазнами и склонны к nepотизму.

Сегодня, спустя четверть века с момента ликвидации режима апартеида, вопрос межрасового неравенства в ЮАР по-прежнему стоит очень остро. На фоне продолжающейся экономической стагнации и снижения реальных доходов черных южноафриканцев леворадикальные и популистские призывы (национализация Центробанка страны, экспроприации земель белых фермеров и т.д.) становятся все более популярными. Этот «дамоклов меч» черного передела является одним из наиболее серьезных вызовов стабильности политической и экономической системы Южной Африки.

Внешняя политика ЮАР является отражением доминирующей в стране левополитической и афроцентристской парадигмы. Вступление ЮАР в БРИК в 2010 г. связывают с «антиимпериалистической» ориентацией экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы. Тогда отмечалось, что благодаря этому «кирпич превратился в кирпичи»¹. Несмотря на то что ЮАР является самой маленькой экономикой БРИКС, обладает наименьшей территорией и населением, она как наиболее развитая страна Африки представляет континент с самым быстрорастущим населением и активно развивающейся

¹ Игра слов в английском «bric(k)» – кирпич, «bric(k)s» – кирпичи.

экономикой. Таким образом, Южная Африка обеспечила в своем лице представительство африканского мира, тем самым укрепив международную репутацию и статус БРИКС.

Сегодня ЮАР страдает от замедления темпов роста экономики, зависимости от экспорта природных ископаемых, высокой коррупции, оттока капитала и плохого управления. Особо остро стоит проблема развития энергетического сектора и инфраструктуры. Дефицит электроэнергии за последние десять лет стоил бюджету страны десятки миллиардов рандов убытков. Для преодоления энергетического дефицита рассматривался проект строительства новой АЭС (ЮАР – единственная страна Африки, имеющая действующую АЭС). Фаворитом тендера долгое время считался Росатом, однако в результате разноректорного сопротивления проект был закрыт, встретив сильное сопротивление как внутри страны, так и на международном рынке ядерной энергетики.

В отношении ЮАР часто можно встретить алармистские прогнозы, однако у политической системы страны есть хороший запас прочности. ЮАР является развитым демократическим государством, возможно, наиболее демократическим среди стран БРИКС. Так, здесь нет ни одного проправительственного печатного издания, действует независимая судебная система, а митинги и забастовки являются неотъемлемой частью ежедневного политического ландшафта. За счет системы сдержек и противовесов, развитого гражданского общества, высокой степени свободы, подчас с элементами анархизма, политическая система ЮАР остается гибкой и стабильной, а граждане имеют легальные механизмы для отстаивания своих прав.

Помигуев И.А. Подводя небольшой итог обсуждения, отмечу, что страны БРИКС имеют больше различий, чем сходств. Несовпадение уровней развития экономики, социальных институтов и политических структур является для группы достаточно рискованным. Однако только глубокое исследование социально-экономической, социокультурной и политической динамики стран БРИКС поможет нам более точно определить трансформационный потенциал и перспективы воздействия БРИКС на существующий международный политико-экономический порядок.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5.–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (до 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews, abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in .xls or .xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in .ppt, .pptx, or .jpeg format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow

the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 7 / X – 2019 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,25 Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 92

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ NФС77–36084

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33